



В КРОВИ

<http://thedarkwood.ru/>

ЭДРИАН ФЕНИКС

Автор романа «Взмах крыльев»

«ХЭЗЕР И ДАНТЕ — ЭТО ТЕ ПЕРСОНАЖИ, КОТОРЫХ ТАК ЧАСТО ИЩУТ ЧИТАТЕЛИ, И ТАК РЕДКО НАХОДЯТ», — БАРБ ХЕНДИ СОАВТОР БЕСТСЕЛЕРА «МЯТЕЖНЫЙ ДУХ».

Захватывающее продолжение фэнтези-дебюта «Взмах крыльев», получившего признание критиков. Книга, написанная в лучших традициях бестселлеров Лорел К. Гамильтон и Патриции Бриггз. Роман, который доставит удовольствие, заставит сердце колотиться сильнее и гарантированно понравится фанатам темного фэнтези.

ДАНТЕ ЖИВЕТ.

Вампир. Рок звезда. Родной сын Падшего ангела Люсьена. Данте Батист в поисках правды о своем прошлом продолжает бороться с ночными кошмарами и приступами мигрени. Этот поиск так же притягателен, как его поцелуй, так же неуправляем, как его жажда, и так же неумолим, как его решимость защитить смертную женщину любой ценой.

ЗНАНИЕ УБИВАЕТ.

Специальный агент ФБР Хэзер Уоллес теперь знает, насколько безнравственны и коррумпированы люди из Бюро, которые ее окружают, но боится, что проигрывает битву. И когда Данте и его группа «Inferno» приезжают с туром в Сиэтл, Хэзер не может ничего с собой поделаться, ее снова тянет к красивому и опасному созданию ночи. Но Хэзер и Данте не знают, что в тени скрываются новые враги, ближе, чем они думают... и смертоноснее, чем они страшатся.

ЗАВЕСА СУДЬБЫ ПРИОТКРЫВАЕТСЯ.

Теневые системы правительства поручились, что уничтожат все признаки существования Плохого Семени — а Хэзер и Данте стоят в самом начале списка. Где-то в другом мире Падшие стекаются в Геенну, желая найти своего долгожданного спасителя, Истинную кровь, создание ночи, которого Люсьен ДеНуар готов защищать ценой своей жизни. А поверженный и отчаявшийся враг с неизведанной и опасной силой, как у самого Данте, хочет использовать его как пешку в жестоком плане мести. Но только одна из этих смертоносных сил хранит ключ к прошлому Данте — ключ, который, наконец, сможет раскрыть тайну его рождения и правду о его жизни... или окончательно его разрушить.

Информация о переводе:

Оригинальное название: In the Blood

Цикл: The Maker's Song/Песнь Создателя

В переводе участвовали: Amelia, Surly_Guard, Aislynn, Avomis, aliamichelson25

Редакторы: lone_wolf, Amelia

Пролог

Путешествующая по двум мирам

За пределами Лас-Вегаса, Невада

15 марта

Джон Бронли приоткрыл дверь и выглянул на парковку мотеля. Яркий солнечный свет отражался от автомобильных бамперов и покрышек, слепя глаза и заставляя щуриться. Каркнула ворона, восседающая на верхушке телефонного столба, выстоявшего в бурю. Никакого движения. По крайней мере, ничего, что бы заметил Джон.

Он бы предпочел никогда не класть тот проклятый диск с записями камер наблюдения в карман. Никогда тайком не выносить его вместе с мягким конвертом, который нашел на столе Мур в Центре. И, черт побери, никогда их не просматривать.

В тот момент как будто кто-то нашептывал ему в тысячемиллионный раз одно и то же: *«Продай это, и получишь кучу бабок. Их хватит, чтобы уйти на пенсию на пару десятков лет раньше, хватит, чтобы спокойно жить с Норой, хватит, чтобы отправить Кристи в свободную от оружия ¹¹ частную школу».*

Жадность была похожа на гребаного афериста, убеждающего его плюнуть на последствия — *ты разбогатеешь и будешь уже далеко отсюда, прежде чем кто-то хватится* — пока все не утонуло в дерьме.

Да, в большой старой куче дерьма, очередной дерьмокуче, и тогда жадности внезапно стало нечего сказать.

Кошмарные картинки, отснятые камерами наблюдения в медсанчасти, в который раз вспыхнули перед глазами. Крик женщины, бесконечно повторяясь, кружил в его голове, крик, который внезапно закончился бульканьем.

И всплеском.

Джон отчаянно хотел вернуться во времени, вернуться в Вашингтон, вернуться в ту ночь и перемотать события. Но так как не мог...

Он шагнул наружу, держа под мышкой новый почтовый пакет, на лбу тут же появилась испарина. Он поймал слабый запах «Old Spice», когда начал активно потеть. Грохот дизельного двигателя замедлившейся на шоссе у мотеля машины прокатился по напряженному горячему воздуху, словно стальная бочка по асфальту.

Он поспешил к офису мотеля, толкнул дверь и вошел внутрь.

Перегоняемый кондиционером воздух освежал. Он остановился у стойки, лысеющий мужчина, от которого воняло потом и никотином, развалился с противоположной стороны.

— Тебе помочь?

Джон положил пакет на стойку.

— У вас здесь есть почтовая служба?

— Ага.

— Отлично. — Он ткнул пальцем в пакет.

Мужчина со вздохом взял его, подошел к ящику с надписью «ПОЧТА», стоящему на ближайшем к двери краю стойки, и бросил внутрь.

Пробормотав: «Спасибо», Джон покинул офис и бросился обратно в свою комнату.

Запер дверь на цепочку и на ключ, затем свалился на кровать и уставился в потолок с пятнами от воды. Ему нужен был план дальнейших действий, но мысли отказывались двигаться вперед. Вместо этого они постоянно вели в прошлое, словно собака, идущая по следу.

Джон повидал много трупов за десять лет, что проработал в межведомственной команде по очистке, а очистка в Государственном Центре Психологических Исследований казалась рутинной. Тела снаружи в снегу: пара охранников — один с разрезанным горлом, другой со сломанной шеей. Еще два тела внутри; мертвый агент и серийный убийца. Сложно сказать, что убило агента, но с плохим парнем покончили пули.

Рутинная закончилась в медсанчасти.

Закончилась в исследовательской комнате, наполненной скрученными голубыми плетями с шипами.

Закончилась в луже жидкости, блестящей на кафельном полу.

Джон тяжело сглотнул. Он пытался заткнуть крик, сверлящий его мозги. Но смог только приглушить его. Продолжая думать, каково это, смотреть в бледное красивое лицо, пока ты распадаешься на части.

Мур кричала. Громко и долго, и пронзительно.

Темные мысли скользили сквозь беспокойный разум Джона: может быть, он должен был найти диск. Может, это была судьба, а не просто жадность. Его руку направляли.

Во время чистки его команда обнаружила, что молния, или нечто похожее, поразила основной трансформатор Центра. Этот всплеск выжиг почти все: компьютеры, камеры видеонаблюдения и прочее. Все, кроме камер в медсанчасти; вероятно, они были подключены к другой системе.

И тогда любопытство, или жадность, или чертова судьба поманила его пальцем...

После очистки члены его команды начали умирать один за другим. Непредвиденный сердечный приступ, какая жалость! Муж поймал жену с другим мужчиной и убил ее, а потом себя. Можете поверить? Самоубийство из-за долгов, просто *невероятно!*

Да. Так оно и было. Невероятно.

Джон пустился в бег. Через всю страну. Мчась от одного грязного мотеля к другому, он боялся смотреть в зеркало заднего вида или даже выглядывать из окна кафе, когда проглатывал еду. Боялся тех, кого может увидеть.

Он думал отдать диск в СМИ, но понял, что они решат, будто он ненормальный, у которого слишком много свободного времени и новейшая версия Final Cut Pro^[2]. Он отбросил мысль отослать диск обратно в Центр, потому что этого было бы недостаточно, да и слишком поздно. Но потом, прошлой ночью, на него снизошло озарение, он понял, кому нужно увидеть этот диск.

Доктору Роберту Уэллсу.

Даже после того как Уэллс ушел на пенсию из Центра и из ФБР и переехал в Орегон Джон поддерживал с ним связь. Его маленькая девочка, его медноволосая Кристи была жива и здорова благодаря генетической работе Уэллса, которую тот проделал, когда обреченный малыш с отклонениями был еще внутри матки Норы. Поэтому Джон остался безмерно обязан доктору. Он надеялся, что содержимое диска поможет Уэллсу подготовиться к грядущему будущему, найти способ выжить.

Кроме того, Плохое Семя было созданием Уэллса. И если кто-нибудь и мог знать, как остановить Данте Прейжона или С, каким бы ни было его долбаное имя, это был док.

Джон закрыл горящие глаза и помолился, чтобы его отъезд спас Нору и Кристи.

В дверь постучали.

Глаза Джона распахнулись, сердце заколотилось сильнее и быстрее. Тени закрыли потеки на потолке. Свет ушел из комнаты. Он заснул. Снова раздался стук, и голос, низкий и проникновенный, произнес его имя:

— Бронли? Это Кортини. Открой дверь. Нужно поговорить.

Сердце Джона гроыхало. Он вскочил с кровати и пропустил волосы сквозь пальцы, пытаясь думать. Кортини. Он представил ее: волосы до плеч темно-кофейного цвета, ореховые глаза, миниатюрное лицо, стройная фигура. Привлекательная. Ходили слухи, что она вампир. Или возлюбленная вампира.

Он узнал о существовании вампиров, когда вступил в команду чистильщиков. Удивительно, как быстро он привык к этой реальности, от которой когда-то скривился, как от сока грейпфрута.

Но, вампир или нет, проблема была не в этом. А в том, что Катерина Кортини подчищала концы. И он был длинным концом. Как там говорится? *Если ты видишь Бога, то ты уже на небесах; если видишь дьявола, то ты уже в аду; а если видишь Кортини, то ты труп.*

Дверная ручка снова задрезжалась.

— Бронли, нам действительно нужно поговорить.

— Минутку, — прохрипел он. — Мне нужно найти штаны.

Джон встал и пробрался в ванную комнату, тихо закрыв дверь. Встал на унитаз и с усилием открыл окно. Схватившись за гладкий кафельный подоконник, он подтянулся и вылез. И хотя сумерки брезжили на горизонте, жар разгоряченной от солнца парковки ударил ему в лицо. Он с трудом вдохнул воздух с запахом горячего бетона, песка и выхлопных газов. Затем спрыгнул на тротуар.

— Похоже, ты нашел свои штаны.

Джон развернулся. Кортини стояла на асфальте, выставив бедро, руки в перчатках висели по бокам. Его сердце снова начало колотиться в груди. В глазах потемнело, ноги подогнулись. Рука схватила его за бицепс, удерживая на месте.

— Дыши, — произнесла она. — Медленный глубокий вдох.

Не имея другого выбора, Джон сделал то, что сказала Кортини. Постепенно его зрение прояснилось, сердце замедлилось. Он выпрямился, но Кортини не отпустила его. Сжимающие пальцы были крепки, как сталь. Он заметил выпуклость от кобуры под ее светлым пиджаком.

— Ты знаешь, почему я здесь? — спросила она.

Джон подумал соврать. Подумал сделать невинный вид. Но, глядя в глаза Кортини, осознал, что это бессмысленно.

— Почему я это сделал, значения не имеет?

— Нет. Не очень.

Джон кивнул. Тяжело сглотнул.

Кортини скользнула рукой внутрь пиджака.

— Но я думаю, *имеет значение*, что большинство из твоей команды мертвы, потому что ты это взял.

Слова Кортини ударили по нему, словно хук справа в челюсть. Он закрыл глаза. Снова кивнул.

— Я сожалею.

— Обязательно скажи это им, когда снова увидишь.

Что-то в ее голосе заставило Джона открыть глаза; какая-то усталость, печаль и раздражение. Ее пальцы соскользнули с его руки. Она достала из-под пиджака пистолет с глушителем.

— Давай зайдем внутрь и поговорим, — сказала она.

Сообразив, что ему больше нечего терять, Джон ринулся прочь, его кеды шлепали по асфальту, когда он бежал через парковку. Он споткнулся, упал на утрамбованную грязь, песок и кустарники рядом с шоссе. Кровь стучала в его ушах. Дыхание скрежетало в горле.

Звук дизельного двигателя фуры, несущейся по шоссе, прогремел сквозь ночь. Фары залили дорогу светом, как два солнца, становясь ярче с каждым шагом. Никто не схватил его, чтобы остановить. Кортини не прокричала его имени. Он бросился на шоссе перед этими огромными светящимися фарами.

Звуки визга тормозов и шин были недостаточно громкими, чтобы стереть крик, все еще вертящийся в его памяти, последний всхлип Джоанны Мур.

Ждет ли его та же участь?

Запах горячей резины забился в ноздри. Глаза заволокло светом. Джон, пошатываясь, остановился, повернулся лицом к фуре и закрыл глаза.

Катерина наблюдала, как фура с клубящимся черным дымом, поднимающимся от шин, врзалась в Бронли. Его размозжило по сетке радиатора, как низколетающего июньского жука. Потом тело упало под грузовик, и шины размазали то, что от него осталось, по шоссе, когда фура, содрогнувшись, остановилась. Вонь горячей резины и выжженной крови разнеслась по воздуху.

Катерина засунула глок обратно в кобуру, затем повернулась и пошла сквозь траву и полынь к фасаду мотеля. Двери были открыты. Люди толпились на углу здания, уставившись на шоссе и на фуру, согнувшуюся пополам посреди дороги. Угрюмый мужчина говорил по телефону.

Используя электронный ключ, Катерина открыла дверь в комнату Бронли. Затем сняла дверную цепь с помощью тонкой стальной отмычки и проскользнула внутрь. Она закрыла плечом дверь и оглядела комнату. Открытый чемодан на комод, смятое покрывало, ноутбук на столе рядом с занавешенным окном.

В комнате стоял затхлый запах. Похожий на смесь Lysol ^[3] и старого табака. Похожий на потерянную надежду.

Фары грузовика освещают Бронли, когда тот поворачивается к нему лицом.

Катерина отогнала изображение. Кто же, черт побери, выбирает грязное самоубийство, бросившись под машину, вместо хорошо подготовленной пули в лоб?

Она подошла к ноутбуку и закрыла его. Потом переместилась к чемодану и порылась среди смятых футболок, джинсов и боксеров. Пустые почтовые открытки. Несколько фотографий. Она подняла одну из них. Маленькая пухлая девочка, лет одиннадцати, с улыбкой на лице, обрамленном коричневыми кудрями, сидела на качелях. Пальцы правой руки показывали V — знак мира.

Прости за папочку, сладкая.

Вернув фото в стопку, Катерина продолжила рыскать по чемодану. Никаких признаков диска. Но на глаза попался почтовый пакет с обратным адресом Государственного Центра Психологических Исследований. Она достала его, затем захлопнула на защелки чемодан.

В поле «Кому» было аккуратно написано черным фломастером: «ДАНТЕ ПРЕЙЖОН». Катерина осознала, что каллиграфический почерк — вымирающее искусство в двадцать первом веке — принадлежал доктору Джоанне Мур. Пропавшему заместителю начальника Отдела Спецопераций и Расследований и ведущему ученому в области поведенческой психологии.

Катерина нахмурилась. Был ли Прейжон частью Плохого Семени? Был ли одним из изучаемых субъектов?

Она знала о проекте немного, в этом не было нужды; не для ее работы. Тем не менее, она знала, что его суть — создавать и исследовать социопатов, исследование велось в течение десятилетий и неожиданно прекратилось несколько недель назад с большой неприятной шумихой и кучей трупов в двух городах — Новом Орлеане и Вашингтоне.

Но что исчезнувшая доктор Джоанна Мур собиралась отправить одному из своих объектов исследования? Заглянув в распечатанный конверт, Катерина увидела серебристый блестящий диск.

Интересно.

Катерина перерыла комнату в поиске того, что еще мог стащить Бронли, но ничего не нашла. Вернувшись к комоду, она подняла чемодан, сунула ноутбук под мышку и вышла из затхлой пустой комнаты. Затем быстрыми шагами пересекла парковку, пока сирены вопили, как банши, сквозь жаркую пустынную ночь. Голубой, белый и красный огни мерцали по толпе, скопившейся на углу шоссе.

Катерина закинула чемодан в багажник арендованного Charger. Скользнув за руль, она положила ноутбук и конверт на пассажирское сиденье. И выехала со стоянки мотеля, направляясь на восток к автостраде.

Фары грузовика освещают Бронли, когда тот поворачивается к нему лицом.

Что-то внутри Катерины кричало ему убраться с шоссе и с пути фуры — что-то неизвестное, и это ее тревожило.

Бронли не пытался выкрутиться, не пытался договориться, даже ради безопасности маленькой улыбающейся девочки на качелях. И хотя это означало, что он, скорее всего, уже выбросил или продал диск, это не объясняло его последних действий.

Когда Катерина вырулила Charger с темного шоссе на въезд на автомагистраль I-15 и нажала на газ, вопрос: «Почему?» продолжал крутиться в ее голове. «Почему?» — не было частью ее работы. Не включалось в ее словарный запас. И с этим никогда не возникало проблем.

До сих пор.

Она могла поклясться, что видела черты лица Бронли, когда тот отвернулся от фуры.

Руки Катерины сжались на руле. Она пыталась сфокусироваться на дороге и на белых полосах, что размывались по сторонам. «Почему?» гудело и жужжало в ее голове, как муха, попавшая в ловушку между окон. Она включила радио, и из колонок полилась кантри-музыка.

Гудение и жужжание утихло, когда она сконцентрировалась на словах песни.

Я слышу проходящего поезда свист/и в баре стакан за стаканом я пью/за тебя, Джо, мой тост так речист/из-за тебя моя жизнь на краю...

Мили неслись под колесами авто, и песня за песней проносилась сквозь мысли Катерины. Заметив голубой знак «ЗОНА ОТДЫХА», она вырулила машину на съезд с магистрали, чтобы припарковаться в дальнем конце стоянки у туалетов.

Она услышала, как мотор щелкнул и стукнул, остывая. Затем открыла окно, и в салон заструился горячий сухой воздух с запахом нагретого песка и дизельных выхлопов.

Слова ее матери звучали в голове: *«Ты бродишь по двум мирам, Катерина. Опасным мирам. Никогда не забывай это. Еще ребенком ты открыла правду, которую большинство смертных никогда не узнают, — они не одни. Так что слушай свои инстинкты, cara mia. Всегда».*

Катерина расстегнула ремень безопасности и взяла конверт с пассажирского сиденья. Она вытащила из него диск, затем раскрыла ноутбук. Нажала кнопку включения. И вставила диск в дисковод.

На экране появился список файлов, каждый обозначен одной буквой алфавита. Катерина прижала палец к нижней губе, изучая заголовки. Доктор Мур адресовала пакет Данте Прейжону. Что там сказал специальный агент Беннингтон в своем докладе в Вашингтоне?

Доктор Мур предупредила нас — меня и агента Гарт — что Э и С едут домой, ведомые Томасом Ронином. Но Ронин так и не появился. Только Э, С и третий — неопознанный субъект.

Э — Элрой Джордан.

Катерина кликнула на файл, обозначенный «С», и начала читать.

Глава 1

Город мертвых

*Новый Орлеан, кладбище Сент-Луис № 3
15 марта*

— Так где этот кусок таинственной хрени? — спросил Вон.

— Около надгробия, — ответил Данте, когда они взбирались по забору запертого кладбища, оба легко перемахнули через черную решетку из кованого железа и приземлились на тропинку ниже.

— Ага, но какого надгробия?

— Барон, я думаю, — ответил Данте, сняв капюшон.

Он выбрал мощеную центральную дорожку и пошел мимо сверкающих белых склепов. Сделал глубокий вдох; в воздухе витал аромат цветущей вишни. Но под сладким запахом он уловил дуновение разложения, гниющих костей и старого, старого горя.

— Кладбища Нового Орлеана жуткие, как ад, — прокомментировал Вон.

— Не могу представить, как они выглядят в дневном свете.

— Ты никогда не приходил сюда, когда был еще смертным?

— Черт, нет, — фыркнул Вон, — жуткие, как я уже и сказал. Особенно для такого нежного цветка, как я. — Он сделал паузу, коснувшись пальцем уха. — Подожди... экстренные новости. Поправка, кажется, я не нежный цветок, — и пожал плечами. — Кто знает? Мама, должно быть, лгала.

Данте засмеялся.

— Да-а-а, с тобой будет прикольно в туре.

— Чувак, со мной *везде* прикольно. И нам скоро нужно ехать в аэропорт.

— Ага, ага, я знаю.

Данте читал имена на надгробиях, мимо которых проходил: ДЮФОР, ГАЛЛЬЕР РУКЕТ, — и прислушивался к тихому ритму, который привлек его на кладбище Сент-Луис № 3. Но, увидев буквы «БА», он замер, сердцебиение участилось.

Он слышит звук собственного голоса, грубого и требовательного, слова, отдающиеся эхом в молчаливом своде собора.

Какая у нее фамилия? Женевьева?..

Данте сжал руки в кулаки, борясь с памятью, закрыл глаза, его дыхание участилось, и огонь вспыхнул в венах. Горящий рядом с сердцем. Он открыл глаза. Бледный лунный свет прошелся по толстым искривленным дубам, проливаясь на испанский мох.

— Батист, — прошептал он.

<Ты в порядке, братишка?> — мысленно спросил Вон.

Данте кивнул и посмотрел на могилу, чтобы закончить читать имя, высеченное на белом камне: БАСТИЛЬ. Он выдохнул, руки расслабились, и чувство, которое он не смог назвать, свернулось в нем, превратив пламя в тлеющие угольки.

У его матери вообще была могила?

Рука сжала его плечо, и он посмотрел в светящиеся зеленые глаза Вона. Бродяга сдвинул очки El Diablo на голову.

— Ты уверен, парень? Никакой боли? Потому что мне показалось, что я почувствовал...

Данте обхватил грубое лицо Вона. Коснулся его губ, ощутил вкус виски и дорожной пыли, затем пригладил большими пальцами края усов.

— Я в порядке, *mon ami*, — ответил он. И, сбросив руки, развернулся, освобождаясь от хватки бродяги. — Мне не нужна гребаная няня.

Выгнув бровь, Вон показал средний палец.

— Как насчет этого? Это тебе нужно? — Он показал палец на другой руке.

— Может, еще?

— Я возьму все, — сказал Данте, — *gêné toi pas*.

Опустив свои *El Diablo* на глаза, Вон вздохнул, покачав головой.

— Мальчик безнадежен, как ад.

— *Merci*.

Когда они шли по залитой лунным светом дорожке, тишина кружилась в городе мертвых, отделяя его от мира за забором из кованого железа, словно вода в глубоком темном рве. Воздух был так спокоен, что глухой звон цепей на кожаной куртке Данте и скрип кожаных чапсов^[4] Вона разносились в тишине.

Но под тишиной Данте уловил слабый ритм, который последние пару недель заполнял сознание, как только Сон охватывал его. Первобытный. Словно барабанный бой из сердца земли. Словно бессловесная песня, которая временами лилась в него от Люсьена, смешиваясь с припевом его ответной песни. Похожая, да, но не такая же. Этот ритм напомнил ему о другой песне, звучащей в мыслях в ту ночь в клубе «Преисподняя».

Ночь, когда Джея убили. Он умирал, пока Данте изо всех сил пытался добраться до него.

Я знал, что ты придешь.

Тогда же он нашел разбившегося и пронзенного обломком Люсьена на выложенном черно-белой плиткой полу Собора Святого Луи. Его крылья были изувечены, от песни ничего не осталось, кроме остывающих угольков. И тогда он узнал, что Люсьен, его ближайший друг, *ami intime*, был кем-то совершенно другим.

Ты так похож на нее.

Боль вонзилась в виски Данте. *Отпусти. Сфокусируйся на настоящем. Сфокусируйся на этом месте.*

Песня снова рассеялась в сознании, как дым. Приглушенный отчаянный ритм. Манящий. Он переместился мимо выбеленных и виды выдавших статуй, охраняющих могилы, будто оберегая потери. Деревья и мраморные памятники превратились в мерцающую тень, когда он набрал скорость.

Звук барабанного боя из глубин земли пульсировал в ритме с кровью, текущей по венам, увеличивая громкость, пока он не почувствовал, что он резонирует в груди. Затем звук исчез.

Данте замедлился и остановился. Он стоял напротив надгробия с надписью «БАРОН» А рядом с ним, держа в руке мертвый высушенный букет, сидел каменный ангел с изогнутыми вперед крыльями и широко раскрытым ртом.

Согласно уличным слухам, он появился на кладбище однажды ночью.

«Магия», — говорили некоторые. «*Гри-гри*^[5]», — думали другие. Знамение.

Так шептали смертные, ага.

А создания ночи молчали, их молчание было тревожным.

Порыв прохладного воздуха, всколыхнув его волосы, принес запах кожи, мороза и старого моторного масла, когда Вон остановился рядом.

— Значит, вот куда мы шли, — произнес бродяга. — Кусок таинственного колдовского дерьма.

— Это не только колдовское дерьмо, *llygad*, — пробормотал Данте, внимательно глядя на каменного ангела. Он почувствовал, как Вон отошел на пару шагов назад, взявшись за свои обязанности Ока.

Наблюдая. Охраняя. Сопоставляя.

Перед каменным ангелом горели свечи в стаканах. Запах ванили и воска кружился в воздухе. Пластиковые бусы Марди Гра свисали с кончиков крыла и были обвязаны вокруг горла. Кресты, начерченные на удачу синим, желтым и розовым мелом, украшали тропинку перед статуей, а у когтистых ног примостились смятые клочки бумаги.

— Выглядит как один из Падших, — сказал Данте. Что-то еще Люсьен не удосужился упомянуть. — И кто-то превратил его в чертов камень.

Данте опустил на колени, поднял один из кусочков бумаги и прочел. *«Лоя из камня, даруй мне защиту от зла. Защищай меня ночью»*. Затем вернул молитву на место рядом с каменной ступней.

Он стал изучать фигуру, припавшую к земле. Лунный свет мерцал и искрился, как лед, вдоль тусклых узоров, запечатленных на крыльях. Но крылья были не оперенные, нет. Как и у Люсьена, эти крылья должны были быть черными и столь же гладкими, как бархат, на ощупь, внутренняя сторона — окрашенной в фиолетовый цвет. Длинные до талии волосы обрамляли кричащее лицо. Фигура была обнажена, за исключением массивного обруча на шее и браслета на одном бицепсе. Но, определенно, это был мужчина.

Вон прислал изображение ошейника.

<Торквес^[6]. Кельтский. Древний>.

<Merci, llygad>.

Лунный свет падал на темное пятно на лбу статуи. Оно казалось треснутым, какой-то кровавый символ, возможно, заклинание *vévé*. Данте наклонился, скрипнув кожаной курткой, и коснулся пятна. Остаточная сила потрескивала на кончиках пальцев, как статическое электричество. Крошечное синее пламя заискрилось в воздухе между его рукой и статуей.

Магия Падших.

Поймав дуновение гранатового-темного-земляного аромата Люсьена из кровавого символа, Данте убрал руку и стал рассматривать ангела, задаваясь вопросами: что сделал Люсьен и почему. Обратить одного из своих в камень...

Затем он вспомнил слова Люсьена, сказанные той ночью: *«Закрой свой разум. Поставь щиты. Обещай мне, что не последуешь за мной»*.

Данте поставил бы что угодно на то, что сейчас смотрел на причину этой просьбы. Коснувшись пальцем ошейника — торквеса — обхватывающего горло ангела, он закрыл глаза и слушал. Песнь зашептала сквозь кончики пальцев. Дыхание перехватило, когда его собственная песнь, хаотичная и темная, ответила. Камень под пальцами задрожал, словно зазвонил.

Внезапно боль пронзила сознание. Белый свет мигнул за закрытыми веками. Предупреждение о надвигающейся мигрени. Данте открыл глаза и начал подниматься, затем запнулся, одно колено все еще оставалось на земле. Исчезающая песнь будто хваталась за него отчаянными пальцами.

Обещай мне...

Он взял в левую руку мертвый букет ангела. Высохшие на солнце стебли и скукоженные лепестки хрустели под пальцами. Отслаивались, как сожженное дерево. Как невысказанная правда.

Ты так похож на нее.

Ты знал все это время? И никогда ничего не говорил?

Гнев охватил Данте, и раскалённая добела музыка запульсировала. Он вылил энергию в зачахшие остатки букета. Песнь, темная, одержимая и дикая, бушующая в его разуме и сердце, обвилась вокруг мертвых стеблей. Синий огонь, разожженный в ладонях, мерцал напротив камня.

Сложенные в форме чаши пальцы теперь держали зеленые стебли, увенчанные плотно закрытыми бутонами. Боль пронзила голову Данте снова, ритм изменился, взорвавшись резкими и диссонансными нотами, и его песня рассыпалась в ночи.

Его пальцы соскользнули с ангела, и он поднялся на ноги. Боль скручивалась в сознании, цепляясь за мысли, словно колючая проволока. Он сжал челюсть, стараясь прогнать ее.

Отпусти.

Кладбище закружилось; залитые лунным светом надгробия под кипарисами завертелись белым. Кровь текла из носа, капая на тротуар у его ног.

Он услышал, как Вон зовет его по имени откуда-то сзади.

В голове шептали голоса. *Данте-ангел?*

Он услышал взмах крыльев наверху.

Данте закрыл глаза и коснулся пальцами висков. Пот выступил на коже. Знакомое прохладное прикосновение прижалось к сознанию, ища доступ. Люсьен. Он усилил щиты, отказывая.

Пальцы сжали плечо.

— Как, черт возьми, ты сделал это? — голос Вона, низкий и напряженный, звучал встревоженно.

Данте открыл глаза. Колючий букет с черными цветами качался в каменной хватке ангела, будто поймав легкий ветерок. Или двигаясь сам по себе, танцуя под песню, прикрепленную к сердцу каждого темного цветка.

— Черт. — Он сделал все неправильно. Боль пульсировала. — Это не то, что я хотел.

— Хотел или нет, — сказал Вон, — это дар не создания ночи, по крайней мере, я о таком не слышал. Скорее всего, он перешел по линии отца.

— Ага, я тоже так думаю.

Вон мягко повернул Данте.

— Как твоя голова? — спросил он.

Данте пожал плечами и вытер нос тыльной стороной ладони. Кровь размазалась по коже.

— Все хорошо.

Сняв солнцезащитные очки, бродяга приподнял бровь и посмотрел на него с подозрением.

— Угу, — сказал он и снова надел очки.

Данте взглянул на каменного ангела и полуночный танец цветов в его руке.

— Почему? — Он кивнул на записки с просьбами, валяющиеся у ног статуи. — Зачем смертные молятся? Что они надеются получить?

Вон погладил свои усы, размышляя.

— Трудно сказать, — ответил он. — Существует много разных причин.

Некоторые молятся за друзей или родственников, которые в беде, может быть, о защите или успехе, или чтобы исцелиться от чего-то.

Взгляд Данте вернулся к свечам. Он шагнул вперед, нащупал петлю гладких бусин, свисающих с кончика крыла.

— Ты тоже так делал? Когда был смертным? Молился, я имею в виду.

— Нет, не так, — ответил бродяга. — Знаешь, я никогда никому не молился. Просто говорил о том, что, как я надеялся, произойдет, например, желая благополучия в длинном путешествии или прощаясь с тем, кто умер.

— Кто слышит пожелания и прощания?

— Я забываю, что ты не знаешь об этом, — Вон покачал головой. — Кто слышит пожелания и прощания? Говорящий слышит, — ответил он тихо и задумчиво. — И ты надеешься, что сказанное от сердца имеет силу. Силу защитить, силу достигнуть ушей мертвых. То, о чем говоришь или чего сильно хочешь, остается в сердце, чувак. Обретает форму. Становится реальным.

— Становится реальным, — повторил Данте. — А прощания?

— Прощание может вылечить боль. Или, по крайней мере, начать лечение.

Это не обязательно должно быть «прощай».

В памяти Данте появился шепот Хэзер. Ее образ заполнил сознание: украшенные бисером из капель дождя рыжие волосы, черный плащ, васильково-синие глаза, пристально смотрящие на него. Она была федералом, да, но и женщиной с сердцем и внутренним стержнем. Он помнил, как сказал ей: *«Беги от меня».*

Что она и сделала, и теперь была в безопасности.

От него, возможно. Но была ли она в безопасности от Бюро? Она раскрыла отвратительный секрет в Вашингтоне. Попала в ловушку между правдой и чертовски тяжелой работой. Она была сама по себе в Сиэтле, без прикрытия.

Но ненадолго.

Тур по Западному побережью закончится двумя концертами в Сиэтле, затем две недели отдыха, прежде чем тур продолжится. Трей уже разыскал адрес Хэзер, выудил его из онлайн архива данных Департамента Транспортных Средств Сиэтла одним быстрым кликом.

Легче, чем писая ограбить туриста на Бурбон-стрит^[7].

Данте отпустил ожерелье Марди Гра, бусинки стукнулись о каменное крыло, и повернулся к Вону.

— У тебя есть бумага? Ручка?

Вон нахмурился.

— Черт, я не знаю.

Он похлопал по карманам куртки, из-за движения заскрипела кожа.

— Я надеюсь, ты не планируешь устроить мне диктант.

Он вытащил шариковую ручку из внутреннего кармана.

Данте взял ручку, держа ее между пальцами левой руки, пока бродяга не выудил смятую квитанцию из переднего кармана джинсов и не вручил ему.

Встав на колени на тротуар перед каменным ангелом, Данте разгладил смятый кусок бумаги об обтянутое в кожу бедро. Его пульс ускорился, когда он небрежно написал свою молитву на квитанции, задаваясь вопросом, могла ли эта сила защитить, достичь ушей

мертвых.

Данте свернул кусочек бумаги, затем приблизил к губам и поцеловал. Кровь из носа окрасила молитву темным цветом. Он положил ее у когтистых ног ангела среди остальных бумажек с молитвами и начерченных мелом желаний.

Данте встал, посмотрел на Вона. Спросил себя: что за эмоция была на его мрачном и немного грустном лице? Улыбка коснулась обрамленных усами губ бродяги, когда он забрал свою ручку и убрал ее.

— Ты готов, братишка? — спросил он низким голосом.

— Во сколько начинается посадка?

— Примерно через два часа.

Данте кивнул.

— Пошли.

Внезапный порыв воздуха с запахом ванильного воска бросил волосы Данте в глаза. Свечи сильно задрожали, некоторые потускнели до синего огонька, а затем погасли. Нахмурившись, Вон перевел взгляд наверх. Мышцы Данте напряглись. Боль запульсировала в висках. Он видел собственное напряжение, отраженное на лице бродяги.

Надеялся, что обойдемся без сцен. Но, возможно, я должен разобраться с этим.

— Дитя, подожди, — глубокий голос Люсьена отдался эхом в небе.

Убрал волосы назад двумя руками, Данте сделал глубокий вдох, развернулся и увидел, как Люсьен спускается в покрытой звездами ночи, мягко разрезая воздух черными крыльями.

Одетый только в дорогие черные слаксы, Люсьен ДеНуар коснулся босыми ногами каменных плит, выложенных вокруг могилы Барона. Он взмахнул крыльями еще раз, прежде чем сложить их за спиной, кончики изгибались над головой. Затем выпрямился во все свои шесть и восемь футов роста, черные волосы до талии струились по напряженным мускулистым плечам. Его привлекательное лицо было спокойным, внимательным. Золотой свет мерцал в глубинах глаз.

— Подождать, м? — Данте выставил бедро и скрестил руки на груди. —

Дай мне хоть одну гребаную причину.

— Ты не можешь ехать в тур.

— Это приказ, а не причина. И пошел ты.

— Тебе плохо. Твой контроль ускользает с каждым днем. Ты опасен.

Вспыхнул огонь, объединяя боль в голове Данте с болью в сердце.

— Пошел ты дважды, — сказал он низко и напряженно.

Лицо Люсьена осталось безразличным, но завитки темных волос приподнялись, как от легкого ветерка.

— Ты знаешь, что я говорю правду.

— Вау, — взгляд Данте сцепился со взглядом Люсьена, — выходит, это впервые для тебя?

Люсьен сжал челюсти, переведя внимание на Вона, и обратился к нему:

— Мне нужно поговорить один на один с моим сыном.

<Ты хочешь, чтобы я остался? Был судьей?> — послал Вон.

<Нет, я в порядке. Не переживай. Встретимся у байка>.

<Твой нос все еще кровоточит, братишка>.

— *Merde*, — пробормотал Данте, вытерев нос рукавом куртки.

Вон рассматривал его некоторое время, прежде чем кивнуть.

— Хорошо. До скорого.

Он пошел по дорожке мимо залитых лунным светом склепов к воротам кладбища.

— Ведите себя хорошо, вы оба, — крикнул он через плечо.

— Я не врал тебе, — сказал Люсьен напряженным голосом.

— *D'accord*, ты не врал мне. Но ты скрыл гребаную правду, а это равносильно вранью.

Теперь счастлив?

— Как я могу, когда поиск правды разрывает тебя на куски?

— Мои проблемы, не твои. Держись подальше от моих дел.

— Это невозможно. Ты мое дело.

— Пошел ты! Я не твое дело, и никогда не был! — Боль затуманила зрение Данте, пульсируя в висках. Горячая кровь потекла из носа. — Мы были друзьями, помнишь?

Люсьен посмотрел в сторону. Пальцы потянулись к кулону, который больше не висел на шее, — руна дружбы, партнерства, которую Данте подарил ему — затем сжались в кулак. Данте не был уверен, когда Люсьен потерял кулон или как, но эта потеря, так или иначе, выглядела кармической для него.

— Я совершил ошибку, о которой сожалею, — сказал Люсьен, посмотрев на Данте. Янтарный огонь горел в его глазах. — Но я отказываюсь продолжать извиняться.

— Я никогда не просил чертовых извинений. — Потирая виски, Данте закрыл глаза. Все выглядело неправильным. Расплывчатым. Искривленным. — Как и сейчас. Хватить давить! Оставь меня в покое, черт побери, чтобы я смог найти то, что ищу. Мне нужна правда, или прошлое всегда будет контролировать меня.

— Правда никогда не будет такой, как ты надеешься, Данте. И цена окажется выше, чем ты можешь себе представить. Намного выше, — сказал Люсьен глубоким и тихим, как вздох, голосом. — Я думал, что смогу обеспечить тебе безопасность молчанием. Я думал, что смогу спрятать тебя, помочь исцелиться от всего вреда.

Данте открыл глаза и опустил руки. Безопасность в молчании?

— Я думал, что смогу сдержать твою песнь или, по крайней мере, заглушить ее. — Люсьен преодолел расстояние между ними. Его темный земляной запах окутал Данте. — Но я ошибался.

Данте выпрямился, внезапно почувствовав себя некомфортно — чего никогда не происходило рядом с Люсьеном прежде.

— Спрятать меня? От кого? Ты говоришь о Плохом Семени?

— Я даже не знал о существовании Плохого Семени. Нет, я прятал тебя от других. Сильных и могущественных, которые используют тебя без сожаления.

— Другие... как он? — Данте кивнул на каменного ангела, сгорбившегося на тропинке.

Взгляд Люсьена метнулся к статуе, остановившись на мгновение на цветах, качающихся в руке, затем вернулся к Данте.

— Да, как Локи^[8]. Я заточил его в камень, чтобы защитить тебя.

— Да? — мягко спросил Данте. — От кого?

— От Падших.

Золотой взгляд Люсьена пронзил Данте, замораживая его сердце.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? Почему ты должен защищать меня от них?

— Ты не только Истинная кровь и Падший, дитя. Ты намного большее.

— И это?..

— Creawdwit^[9], — в голосе Люсьена слышалась нотка почтительности. Гордость светилась в глазах. — Ты Создатель. Единственный существующий.

Холод прошелся по всему позвоночнику Данте. Он посмотрел на качающийся букет в руке Локи.

— Поэтому я могу делать херню, типа этой?

— Да. Ты можешь создавать все, что угодно. Твоя песня несет ритм хаоса жизни. И также ты можешь разрушать.

Память Данте вернулась в прошлое. В Центр. Джоанна Мур кричала, когда его песня разрывала ее на части, разделяя на элементы.

Взгляд Данте вернулся к Люсьену, руки сжались в кулаки.

— И как долго ты знаешь об этом? Что я... Создатель?

— С первой встречи, — признался тихо Люсьен. — Твоя песня, твоя anhrefncathl привлекла меня. Так же, как привлек Локи. И, в конечном счете, привлечет остальных Падших. Если я не научу тебя...

— Забудь. Нет, — прервал Данте, горло сжалось, сердце колотилось в сумасшедшем ритме. — Вместо того чтобы притворяться моим другом, ты должен был сказать гребаную правду! Должен был предложить учить меня тогда. Сейчас немного поздно.

Боль не унималась, и внезапно стало казаться, будто он смотрит сквозь треснувшее стекло, так как изображение Люсьена стало разбитым и размножилось. Тревога вспыхнула на лице Люсьена, которое сейчас напоминало мозаику, сложенную из мелких осколков.

— Дитя?..

Что-то резко сместилось внутри Данте, что-то давно сломанное, пробиваясь в голову белым светом и расплавленной болью. Мир перевернулся, звезды расчертили ночь прозрачными полосами света, он чувствовал, что падает, все ниже, ниже и ниже, будто рассекая память, острую, гладкую и окаймленную шепотом.

Ты хочешь получить ее наказание, p'tit? D'accord, получай, если ты так жаждешь адских мук.

Теперь он спокойный. Снимите его.

Маленький гребаный псих.

Боль разорвала Данте на части, и его видение погасло, словно после взрыва лампы накаливания.

Шелест крыльев.

Он ощутил пьянящую кровь со вкусом терпкого граната. Почувствовал горячую плоть около своей щеки. Затем открыл глаза и посмотрел на мрачное лицо Люсьена. Он пытался вспомнить, где был, и почему сейчас возле Люсьена, крепко держащего его в своих руках. Крылья Люсьена выгнулись вперед, и темнота с фиолетовым оттенком окружила их, создавая теплое убежище, пахнущее темной землей, зелеными листьями и мускусом.

— Я падал... — произнес Данте, затем запнулся, сомневаясь. Или это не было сном?

— Ш-ш-ш, *mon fils*. Ты в безопасности. Отдыхай.

Золотые пятнышки танцевали в темных глазах Люсьена.

— Тебе нужен морфин, братишка? — спросил Вон, понизив голос.

Лед сковал основание позвоночника Данте. Было только две причины, почему Вон хотел воткнуть в него наркотик. Мигрень или...

Еще один гребаный приступ.

— Нет, *mon ami*.

Вкус крови Люсьена, задержавшийся на языке Данте, его губах, сказал ему, почему раскаленная боль не пронзила суставы и мышцы, почему он не лишился силы.

— Ты дал мне своей крови? Или я набросился на тебя?

Уголки рта Люсьена приподнялись в улыбке.

— Я дал.

— Мерсі, — пробормотал Данте.

Он почувствовал мягкие касания Люсьена к их закрытой связи, убеждавшие открыть ее. Встряхнув головой, он освободился от объятий. Перекатился на колени и так и остался стоять на них в пределах круга из крыльев Люсьена. Внезапно вопросы «Где?» и «Почему?» полились в его сознание, словно вода из сломанной дамбы.

Кладбище.

Я пытался обеспечить тебе безопасность молчанием.

Украшенный бусами каменный ангел.

Да, как Локи.

Creawdwr.

Руки, лежащие на бедрах, обтянутых кожей, сжались в кулаки, когда гнев снова вспыхнул. Он встретил и выдержал мерцающий взгляд Люсьена.

Он отправил Вону:

<Как долго я был без сознания? Мы пропустили самолет?>

<Всего несколько минут. Мы готовы — если ты все еще хочешь>.

<Я хочу>.

Крылья Люсьена махнули и сложились позади него. Он поднялся на ноги, одним плавным движением.

— Ты болен, Данте, и травмирован. Тебе нужно время излечиться.

Данте встал.

— Не говори, что мне нужно.

У Люсьена заходили желваки.

— Позволь прошлому уйти. Отмени тур и дай мне научить тебя тому, почему тебе нужно оставаться в безопасности.

— Нет. — Данте развернулся и направился вниз по дорожке, его ногти врезались в ладони.

— Падшие найдут тебя однажды ночью, — сказал тихо Люсьен. — И, если меня не будет рядом, чтобы предотвратить это, они подчинят тебя.

Данте остановился на дорожке. Глубоко внутри зажужжали осы.

— Если они найдут меня, они не подчинят меня, — сказал он низким и напряженным голосом. — Им придется меня убить.

— Не если, Данте. Когда.

— Peut-être que oui, peut-être que non. Один и тот же конец.

— Нет, если я могу помочь.

— Тебе слова не давали, — сказал Данте, ему было тяжело говорить. — Мы здесь закончили.

Он двинулся, мчась по дороге в ночи, пронсящейся мимо сине-белой лентой, запахи мха и выветрившегося мрамора наполнили легкие.

Несколько мгновений спустя он оседлал Harley Вона, положив руки на бедра бродяги. Холодный ветер обдувал лицо, Данте задавался вопросом, последовал ли за ними Люсьен?

Спрашивал себя, следовали ли другие Падшие?

Скажет когда-нибудь Люсьен правду?

Я прятал тебя от других. Могущественных других, которые используют тебя без сожаления.

Падшие найдут тебя. И подчинят тебя.

Нет, они этого не сделают. Не в этой жизни. Только если они не знают, как подчинить труп.

Так или иначе, он будет свободен — его жизнь принадлежит только ему.

Данте посмотрел вверх. Небо было пустым, кроме звезд, луны и тусклых облаков. Ничего крылатого. Ничего, что бы он мог увидеть. А сильный урчащий грохот Harley подавлял любой звук, который он мог услышать.

Похожий на взмах крыльев.

Глава 2

Темная изысканная песнь

Новый Орлеан, кладбище Сент-Луис № 3

15 марта

Люсьен ДеНуар застыл на дорожке, залитой лунным светом, яростные слова Данте — *Им придется меня убить* — сокрушили его спокойствие, будто кастетом. Он глубоко вдохнул, заставил себя расслабиться и разжал кулаки.

Возможно, придется колотить своего упертого сына, повалив на землю и усевшись сверху, пока разум не возьмет верх над гневом, — как и предложил Вон несколькими ночами ранее.

— *Не придется сидеть на нем дольше недели или двух, — сказал Вон с серьезным видом. — Может быть, трех. Он же твой сын, в конце концов.*

— *Я терпелив, а не упрям, — напомнил ему Люсьен.*

Вон рассмеялся.

Люсьен наклонился и начал искать среди смятых бумажек листок Данте с кровавым поцелуем. Он нашел его, достал из кучи и выпрямился. Угасающая магия крови Создателя коснулась кончиков пальцев. Развернув квитанцию из винного магазина, он прочитал надпись, нацарапанную левой рукой Данте:

Приглядывай за ней, ma mère. S'il te plaît, береги ее. Даже от меня.

Люсьен перечитывал молитву до тех пор, пока слова не расплылись. Затем сжал руку, и бумага смялась в его ладони. Он точно знал, о ком шла речь — специальный агент Хэзер Уоллес.

Его ребенок ранен, да. Испорчен, да. Но сердце Данте, казалось, было полно любви и смертной. Возможно, Хэзер Уоллес смогла бы привязать к себе Данте и уберечь его разум.

Безумие — судьба несвязанного Создателя.

До тех пор, пока Данте не уступит и не простит его, Люсьен не сможет научить своего сына контролировать дар. Не сможет помочь ему удержать равновесие, пока энергия Создателя разрушает его разум и сердце. Не сможет поделить своей силой, чтобы побороть безумие.

Он был не единственным, кого не простил Данте. Дитя отказался прощать даже себя, продолжая искать возмездия за то, что совершил еще ребенком, который боролся за жизнь, за то, чего даже не помнил. Наказание затянулось и беспокоило Люсьена.

Падший изучал дело рук Данте, букет, созданный его ребенком. Мягкие лепестки танцевали в руках Локи, как на ветру. Стебли с шипами обвили руки, шею и крылья каменной фигуры. От черных блестящих сердцевин цветов веяло запахом ладана, мирры и ночи.

Темная и изысканная песнь лилась от букета.

Сила Данте звучала в сердце Люсьена и стремилась в звездное небо — маяк для любого Падшего неподалеку. Холодок прошелся по спине Люсьена. Он выпрямился и прислушался к ночи. Прислушался к *wybrcathl*^[10]. Прислушался к взмаху крыльев. Он уловил только слабый пульс заключенного в камень сердца Локи.

Люсьен взглянул на согнувшегося и вопящего Локи. Время было на исходе. Скоро тот, кто его послал, заинтересуется его отсутствием.

После смерти Яхве^[11] более двух тысяч лет назад Падшие ждали восхождения нового Создателя. Но только Люсьен знал, что ожидание уже двадцать четыре года как закончилось, когда родился Создатель не такой, как другие, — вампир и Падший.

Только Люсьен это знал — пока.

И он собирался хранить свою тайну как можно дольше.

Люсьен осторожно высвободил букет Локи, сняв черные стебли со светлого камня. Мелодия расцветала в воздухе, резкая, дикая, хрустальная. Чернильные завитки соскользнули с руки Локи и обвились вокруг запястья и шеи Люсьена. Песнь стихла.

Красивая песнь. Песнь, которую он утопит в Миссисипи.

Положив записку с молитвой Данте в карман черных слаксов, Люсьен расправил крылья. Порыв воздуха погасил несколько все еще мерцающих свечей и разбросал по кладбищенской дорожке записки молящихся.

Когда крылья раскрылись и подняли его над землей, он вдруг услышал еще одно сердцебиение. Сильное и размеренное. Он знал этот ритм. Глядя чуть выше главной кладбищенской дороги, Люсьен всматривался во мрак.

Она вышла из тени кипариса. Ниспадающие полночные волосы, кремовая кожа и блестящие глаза. Красное платье облегалo ее изгибы, а за спиной были сложены черные крылья.

Рубины сверкали в изящном торквесе на шее и в золотых браслетах на тонких запястьях. Холодная улыбка играла на губах; губах цвета залитого лунным светом рубинового вина, таких же опьяняющих.

— Никакой песни приветствия, мой *судумаith*^[12]? — спросила Лилит^[13].

Не говоря ни слова, Люсьен повернулся и взмыл в небо. Черные цветы Данте звенели и пели, когда ветер гладил их лепестки. Люсьену не нужно было оглядываться, чтобы знать, что Лилит последовала за ним; он услышал громкий свист, когда она поднялась в воздух. Он всегда был быстрее ее в прошлом и надеялся, что ничего не изменилось. Падший быстро летел над широкими и черными в ночи изгибами Миссисипи, прохлада касалась его лица.

Внизу ярко горели городские огни, мерцающая светом прожекторов, кроме одной темной пустой секции прямо на востоке, которая раньше была Девятым Районом, а теперь стала разрушенной тенью, воняющей разложением. Заклинания *vénévé*, *gri-gri* и благословенные свечи охраняли его призрачные границы, защищая большую часть ничего не подозревающего населения Нового Орлеана от запертых там жестоких и злых духов — вечно тонущих, вечно ожидающих помощи, которая никогда не приходила. И никогда не придет.

Бисеринки пота выступили на лице Люсьена, когда он повернул на юг к реке. Лунный свет отражался от поверхности Миссисипи, а прожекторы кораблей скользили красными и желтыми огнями по медленно текущим водам реки.

Люсьен увидел проблеск черного и красного боковым зрением. Лилит догнала его и летела рядом. Крылья плавно несли ее по небу.

«Перестал быть быстрее ее», — с усмешкой подумал он.

Неземные нотки звучали в воздухе, чистые и ритмичные. И на мгновение, на один удар сердца, все эти столетия растворились, и он снова почувствовал себя летящим в темно-синих небесах Геенны. Его прекрасная *судумаith* летела рядом, издавая свою замысловатую песнь.

Рев самолета над головой разрушил эту иллюзию, и столетия вернулись.

Но Лилит пела, это было реальным; ее отчаянный wubrcathl заполнил воздух и сердце Люсьена.

То, что она пела, заморозило его кровь.

Геенна угасала, царство слишком долго оставалось без могущественного и оживляющего прикосновения Создателя. Барьер между мирами распадался, и скоро Падшие вернутся в мир смертных, чтобы править им вечно.

А затем войны за власть начнутся всерьез.

Глава 3

Истекая кровью

*Над Новым Орлеаном
15 марта*

Разгоняя крыльями воздух, Люсьен замедлился и спустился на берег Миссисипи, покрытый водорослями и грязной галькой. Черные цветы Данте пели в его руках, а слова Лилит отдавались эхом в голове.

Геенна угасает.

Сложив крылья за спиной, Люсьен опустился на одно колено и погрузил цветы в темную воду, почувствовав вонь мха, грязи и рыбы. Порыв ветра отбросил волосы с лица, и он боковым зрением увидел проблеск красного.

— Что ты делаешь? — крикнула Лилит и схватила его за руку.

Парируя ее нападение плечом, Люсьен сильнее сжал цветы и утопил их еще глубже в Миссисипи. Черные завитки обвилились вокруг кисти, предплечья и шеи; затягиваясь все туже и вьедаясь в плоть, букет боролся за жизнь. Маленькие пузырьки появились на поверхности воды. Люсьену показалось, что он услышал приглушенную булькающую подводную песнь. Его грудь сдавило. Но другого выбора не было. Чтобы уберечь Данте, он был готов сделать все необходимое.

— Остановись! — Лилит бросилась в реку, потом нагнулась, запустив руки под воду в поиске того, что он утопил. Ее пальцы скользнули по тыльной стороне его ладони. Она вонзила когти.

Чернильные усики букета соскользнули с шеи и рук Люсьена, безвольные и безжизненные. Он выпустил цветы и вынул руку из реки. Кровь выступала из проколов, даже когда раны исцелились.

Лилит еще немного пошарила в мутной воде, потом выпрямилась. Один черный цветок, мокрый и тихий, свисал из ее рук. Она выбралась из реки, ее платье, мокрое ниже бедер, прилипло к стройным ногам. Лилит захлопала крыльями, стряхивая с них воду.

Поднявшись на ноги, Люсьен смотрел на нее. Как все высшие Падшие, она была высокой, но, несмотря на свои шесть футов восемь дюймов, все равно оказалась почти на голову ниже его. Он помнил ощущение ее шелковистых волос, скользящих между пальцами, мягкость крыльев — даже спустя тысячи лет.

Воспоминания о Женевьеве, одетой только в белое полотенце, с мокрыми волосами, разбросанными по плечам, смеющейся, со сверкающими темными глазами, замелькали у Люсьена в сознании, и горе сжало его сердце.

Люсьен был рад, что Данте ушел и находится на пути в Лос-Анджелес. Он был достаточно далеко, чтобы временно оставаться в безопасности, но не вне досягаемости Падших, пока нет. Надежно оградив ум и сердце, Люсьен наблюдал, как Лилит приближается.

Печаль мелькала в золотых глазах Лилит, которая поглаживала когтем стебель утонувшего цветка. Она подняла голову, и огонь в ее глазах выжег все признаки печали, свидетелем которой он был чуть ранее.

— Как ты *мог*, Самаэль^[14]? — спросила она. — Прекрасный дар *Создателя*, а ты утопил его, как ненужного котенка. — Она бросила в него цветок. Тот упал в водоросли.

— Я не использовал это имя с тех пор, как покинул Геенну, — сказал он.

— Зови меня Люсьен.

— Собираешься уничтожить и этого *Создателя*?

— Возможно, я уже это сделал.

— Возможно.

Лилит преодолела короткую дистанцию между ними, ее грудь колыхалась под тонким шелком при каждом шаге. Она остановилась перед ним, подняв подбородок, понимающая улыбка растянула ее губы. Ее аромат пробудил прошлое, напомнив о страстном мягком теле и требовательных стогах. Он напрягся, вдыхая теплый запах кедра и смолы, кровь помчалась по венам.

— Возможно, — повторила она. — Но я так не думаю. Во всяком случае, пока. Если бы ты убил его, то не спешил бы уничтожить цветы.

Люсьен улыбнулся.

— Ты в этом уверена?

Наклонив голову, она изучала его. Речной бриз поднял завитки ее волос и сдул их на миловидное лицо, исчерчивая его полночно-черными тенями.

— Да, мой *судумаith*, я уверена, что ты не убил его... пока.

— Теперь я не твой *судумаith*, — тихо сказал Люсьен. — Я отказался от этого, когда покинул Геенну.

— А я нет, — ответила она, надменно подняв подбородок.

Люсьен рассмеялся:

— Спустя все это время? Лилит, пожалуйста.

Пламя в ее золотых глазах разгорелось еще сильнее, стало ярче и жарче, как будто она желала сжечь его дотла одним лишь взглядом.

— Ты знаешь, где *Создатель*? — спросила она. — Я знаю, что это молодой мужчина с могущественной *anhrefncathl*. И несвязанный.

Ужас сковал Люсьена своими холодными когтями. Даже Лилит понимала, что Данте был не связан, Создатель на краю неизбежного безумия. Принудив себя улыбнуться, он сказал:

— Его песнь также привела меня. Теперь я знаю о его местонахождении не больше, чем ты.

— Правда? — пробормотала Лилит. Она скользнула рукой по его голой груди к губам. — Тогда кто превратил Локи в камень и привязал его к Земле?

Машинально Люсьен поцеловал кончики ее пальцев. Его удивило то, как легко он вернулся к привычкам, которые считал умершими. Это его встревожило. Схватив ее руку, он отвел ее от лица.

— Это меньшее, чего он заслуживает, я уверен. У Локи есть враги, — сказал он. — Это ты послала его?

— Нет. Он проводил время с Утренней звездой^[15] и этим негодяем, Габриэлем^[16].

— А.

— Как долго ты знал о существовании *Создателя*? — спросила Лилит.

Люсьен покачал головой.

— Разве это имеет значение? Я не отдам его вам.

— Значит, ты его знаешь, — Лилит вздохнула. — Я так и думала.

— Хочешь присоединиться к Локи, дорогая?

Но Лилит не отступила, как думал Люсьен. Напротив, ее руки сжались в кулаки, а крылья затрепетали от волнения.

— Ты эгоистичен, — сказала она. — Эгоистичен и горд. Ты позволил Геенне угаснуть и оставил Падших бездомными и обездоленными, и ради чего? Потому что думаешь, что только ты знаешь, что лучше для *Создателя*!

— Я знаю, что никогда больше не позволю Падшим подчинить еще кого-либо своей воле!

— Яхве никогда не подчиняли! Как ты можешь такое говорить?

— Его использовали, им манипулировали, ему лгали! Ты его не слышала, ты не была с ним, ты не понимаешь... — внезапно стало трудно говорить,

Люсьен закрыл рот и отвернулся.

Позволь им взять меня.

— Ты думаешь, что был единственным, кто любил его? — мягко спросила Лилит. — Асторет^[17] тоже была его *calon-cyfaill*^[18]. И она умерла с ним. Я никогда не понимала, как ты пережил разрыв связи. — Ее пальцы сомкнулись на его плече, прикосновение было горячим и сильным. И влажным. Кровь? — Ты не оставил мне выбора, — прошептала она.

Люсьен вырвался из ее рук и развернулся. Бледный неземной свет полился из ладоней Лилит. Когда с ее губ стали слетать слова заклинания, он нырнул в реку.

Холодная вода Миссисипи смыла кровь с плеча Люсьена. Он ругал себя за такую неосторожность. Еще секунда промедления, и Лилит закончила бы заклинание крови и связала его, как он связал Локи.

Тогда она смогла бы вернуть его в Геенну в качестве пленника, чтобы представить перед судом за убийство Яхве. Или же начала бы с ним торговаться, предлагая свободу в обмен на *Создателя*?

Люсьен плавал под водой столько, сколько мог. Затем грудь заболела, он всплыл на поверхность и глубоко вдохнул сладкий холодный воздух. Протерев глаза от воды, поискал Лилит на берегу и в небе, но ничего не увидел, ни вспышки красного, ни светящихся золотых глаз, никакого движения. Она не ушла. Он отлично знал, что она никогда не сдастся, не так просто. Это было одно из качеств, которые он в ней когда-то любил.

Пока она не разорвала эту любовь, убедив измученного *Создателя* заключить себя в золотой ковчег, чтобы смертные, поклоняющиеся ему, пронесли его сквозь пустыню; люди истосковались по своей земле, по дому. Обезумевший Яхве вел их, как священный магический жезл.

Когда Яхве исчез, а Люсьен и Асторет искали своего *calon-cyfaill*, Лилит вошла на черный мраморный трон Геенны. И пошла на войну с Габриэлем и его золотыми крыльями, разрушив в один момент мир, который Люсьен так тщательно оберегал.

Взмахнув и хлопнув крыльями над речной гладью, разбрызгивая капельки воды, Люсьен поднялся над Миссисипи и взлетел в ночное небо.

Геенна угасает.

Говорила ли Лилит правду? Очень возможно. Ожидание рождения другого *Создателя* среди высших Падших никогда не было таким долгим — больше двух тысяч лет. Питалась ли Геенна от *Создателя*, как создания ночи питаются от смертных? Умрет ли один без другого?

Есть только один способ выяснить это.

Люсьен взвился в небеса. Воздух, разреженный и холодный, обжег его легкие. Лед покрыл его ресницы, мокрые волосы замерзли, а крылья посеребрил иней, но все это растаяло из-за жара его кожи. Мили расплывчато пробежали под ним, огни большого города исчезли. Когда он летел через темноту и беспокойный океан, запах морской воды проник в его ноздри.

Сердце тяжело забилося о ребра, когда он приблизился к вратам между Геенной и миром смертных, к границе, которую не пересекал веками.

Не осмеливался пересечь. Но он должен был узнать, сказала ли Лилит правду.

Звуки *wybrcathl* привлекли его внимание. Лилит предупреждала, чтобы он держался подальше от Геенны. Интересно, учитывая, что привлечение его к Трибуналу могло только укрепить ее власть.

Возможно, она надеялась сохранить новость о существовании *Создателя* в секрете, пока он не будет у нее в руках и под ее крылом.

Отказавшись отвечать ей, Люсьен продолжал лететь, темные сомнения назревали внутри него. Локи сказал, что Утренняя Звезда стал союзником Габриэля, и эти двое воздвигали кампанию против Лилит, пытаясь свергнуть ее с черно-звездного трона.

Если она привяжет к себе Создателя, и станет его *calon-cyfaill*, Утренняя звезда падет в Шеол^[19], удобно устроится на углях и посылет пеплом свои ослепительно белые волосы, потому что никто больше и крыла не поднимет под его командованием, по крайней мере, пока Лилит будет править, а *Создатель* будет на ее стороне.

А Габриэль? Высокородный, с янтарными волосами, напомним всем, что когда-то был Голосом Яхве в мире смертных. И скромно предложит свои услуги новому *Создателю*.

Извращенный Голос, Габриэль. И бессердечный. Горькая злость сжала сердце Люсьена. Он всегда сожалел, что приходится оставлять в живых напыщенных толстых ангелов.

И кто, интересно, будет выбран в качестве другой половины баланса, третьего в триаде и второго *calon-cyfaill*? Лучшим вопросом было бы: кого *позволит* выбрать Лилит?

Для его сына.

Люсьен летел в ночи, и его взмахи были сильны и точны. Он заметил вспышку цвета; пульсирующие волны фиолетового, бледно-голубого и золотого испещряли небо. Северное сияние, к которому никто не принадлежал.

Песнь Лилит кончилась.

Люсьен замедлился и завис в воздухе, хлопая крыльями. Там, где когда-то находились золотые врата, видимые только Падшим, теперь была только рана в ткани реальности, и все цвета и жизненная энергия Геенны кровоточили в небеса смертных.

Лилит говорила правду. Геенна угасала.

Она зависла рядом с ним, локоны превратились в длинные сверкающие сосульки, переливающиеся цвета отражались на ее лице.

— Почему бы тебе меня не послушать? — пробормотала она.

— Кто правит Геенной? — спросил Люсьен, опасаясь, что уже знает ответ.

— Габриэль.

Значит, Локи солгал. Само по себе не удивительно, но тому, что охладило Люсьену кровь, была причина. Локи предложил им вместе связать Создателя — Данте — и намекнул, что Люсьен снова будет управлять Геенной. Теперь он подозревал, что Локи надеялся свергнуть Габриэля, манипулируя амбициями Люсьена, амбициями, которые умерли вместе с Яхве. Но Локи есть Локи, он просто не знал, как говорить правду.

Люсьен стал союзником камня?

По ту сторону нового северного сияния песнь звучала в ночи, и трель откликалась десять, двадцать, тридцать раз. Черные и золотые крылья смешались танцующими изгибами света, когда Падшие стали выходить из разрыва между мирами.

— Я надеюсь, что твои когти все еще остры, мой глупый, упрямый *sudymaith*.

Внезапное спокойствие снизошло на Люсьена. Он ждал этого момента так долго, и теперь, когда тот настал, чувствовал облегчение. Он быстро закрыл свою связь с Данте и запечатал ее от любых порывов своего ребенка. Люсьен подумал было разорвать ее, но испугался того, что это может с ними сделать.

— Мои когти всегда остры, — ответил он, затем встретил первого ангела фронтальной атакой, полоснув когтями.

Лилит дралась на его стороне, как будто находилась на своем месте, как будто всех этих столетий вражды не было, ее крылья хлестали небо, а когти разбрызгивали темную кровь в ночи.

Как будто она верила, что спасение еще возможно.

Глава 4

В темноте

*На трассе I-5 между Портлендом и Салемом, Орегон
22 марта*

Шеннон Уоллес умерла под развесистыми ветвями дуба, ее кровь впиталась в сосново-хвойную землю, как дождь в жаркую летнюю погоду. Она умерла в темноте без борьбы. Она умерла пьяной. И она умерла, глядя в лицо убийце.

Насчет последнего Хэзер Уоллес была уверена.

Когда она шла по подлеску, ветки и мертвые листья хрустели под ее скетчерсами. Она остановилась перед покрытым лишайником дубом ровно на том месте, где двадцать лет назад было найдено тело ее матери.

Воспоминания закружились, словно фейерверк, в сознании Хэзер, вращающие изображения перетекали одно в другое.

Вспышка. Мама смеется. Улыбка освещает ее лицо, и воздух мерцает вокруг, как летний рассвет. Розовый фимиам тлеет в маленьком латунном держателе.

Вспышка. Мама тихая и сосредоточенная, пока наводит порядок дома, чистит каждую поверхность моющим средством и жесткими щетками. Час за часом. День за днем...

Вспышка. Раздирающий звук маминой вспышки гнева. Грохот и треск разбитой посуды, осыпавшихся керамических осколков. Сильная вонь сигарет и выпивки.

Вспышка. Мама сидит за кухонным столом, опираясь локтями на грязную столешницу, лицо спрятано в руках. Спутанные сальные волосы струятся по пальцам. Сигарета тлеет в пепельнице, полной затушенных окурков. Пустые оранжевые пузырьки из-под лекарств катаются по столу около пустой бутылки водки.

Вспышка. Мама смеется...

Хэзер моргнула, отгоняя изображения прочь, и сделала глубокий вдох теплого, нагретого солнцем воздуха, чтобы стереть въевшийся в память запах дыма и роз.

Шеннон было тридцать, когда она умерла, мама троих детей, жена судмедэксперта ФБР Джеймса Уильяма Уоллеса. На год Хэзер уже пережила ее.

Шеннон была женщиной, которую никто никогда не защищал, даже муж. Дело заморозили. Забыли. Правосудия не свершилось. Хэзер тоже не была безупречной — даже после того как она узнала правду о смерти матери, потребовалось шесть лет, чтобы начать действовать. И наблюдения за тем, как Данте заступался за свою мать, которую никогда даже не знал.

— Отомсти за свою мать, — шепчет Люсьен, когда глаза Данте открываются.

Хэзер надеялась, наконец, замолвить слово и за свою.

И возможно, только возможно, правда сможет излечить Энни.

Но прежде чем Хэзер сможет помочь сестре или защитить честь их убитой матери, ей нужно сохранить жизнь себе. И сделав это, она бы хотела предстать перед Бюро как агент, полностью сфокусированный на своей работе, который добровольно занимался нераскрытым делом в течение медицинского отпуска, только чтобы оставаться занятым; агент, который ведет себя так, словно ничего не изменилось за последние три недели.

Даже если все безвозвратно поменялось — включая ее.

Данте...

Она коснулась отметины на груди, куда попала пуля, почувствовала спокойное биение сердца под пальцами. Вспомнила отчаянье в голосе Данте, хриплые слова с каджунским акцентом: *Я не потеряю тебя.*

Хэзер закрыла глаза и мягко отодвинула память на задний план. *Не сейчас.*

Через мгновение она распахнула веки и всмотрелась во мрак под деревьями, вдохнула сильные запахи сосны, влажной почвы и мха. Деревья и кусты приглушали шум машин, мчащихся по I-5. Присев, она изучала землю, стараясь представить, что Шеннон видела и чувствовала в ту последнюю ночь своей жизни. Стараясь работать, словно это любое другое дело.

Даже двенадцать лет назад руководство быстро замяло дело. Шеннон покинула бар «Дрифтвуд-энд-Лаундж» на северо-востоке Портленда одна, около половины двенадцатого ночи первого октября. Опросили сотрудников и постоянных посетителей, заявления завсегдаев были отфильтрованы и сверены.

Шеннон Уоллес постоянно посещала местные кабаки, часто заводила случайные связи. И была не очень разборчива, по словам ее пьющих друзей.

Детективы полиции Портленда, работающие над делом, поверили, что Шеннон Уоллес стала жертвой серийного убийцы Молотка-Гвоздодера, который орудовал на I-5. МГ напал на проституток и завсегдаев баров, женщин, которых никто не будет искать. Не скоро, по крайней мере. Оперативная группа ФБР, которая охотилась за МГ, также считала Шеннон возможной жертвой их преступника.

Если это было правдой, тогда Шеннон уже отстояли.

Специальный агент Крейг Стёрнс, из тогдашнего портлендского отделения, убил МГ, плотника из Хилсборо по имени Кристофер Тодд Хиггинс, во время жестокой драки, которая завязалась, стоило ему предъявить ордер на обыск, вскоре после убийства Шеннон.

Стёрнс.

Хэзер пристально всматривалась в зеленую и золотую листву над головой. Стараясь не возвращаться воспоминаниями к Новому Орлеану. Не получилось.

Стёрнс поднимает глок и зовет Данте.

Данте, опершись руками о дверной косяк, поворачивается. Из дула глока вылетает пуля. Она попадает в его висок, голову откидывает в сторону. Он спотыкается и падает. Лежит, распластавшись на пороге, наполовину внутри дома, наполовину снаружи.

Стёрнс шагает к телу Данте с пистолетом в руке. Хэзер выпрыгивает из машины прежде, чем Коллинз жмет на тормоза. Она бежит, сжав 38-й кольт двумя руками.

— Брось пистолет! — кричит она. — Не заставляй меня делать это!

Стёрнс смотрит на нее с жалостью, затем поворачивается к Данте. Прицеливается.

Она стреляет.

— Черт, — прошептала Хэзер, опустив взгляд на землю. Прошло три недели, а воспоминание глубоко ранило. Она моргала, пока глаза не перестало жечь.

Судя по странице «Inferno» на MySpace, группа была в дороге, а значит,

Данте в порядке — на данный момент. А Стёрнс, ее наставник, человек, который был для нее больше отцом, чем Джеймс Уоллес, — мертв, похоронен с почестями на кладбище Лейк Вью в Сиэтле.

Она сделала глубокий вдох. *Не все сразу, Уоллес. Не все сразу.*

Тяжелый глухой звук раздался в светло-зеленой тишине. Хлопнула дверь машины.

— Уоллес? Ты в порядке?

Прозвучало так, как будто Лайонс устал ждать. Может, ему хотелось размять ноги. Может, он заскучал. В любом случае, она была вполне уверена, что ему приказали присматривать за ней, так что, возможно, в какой-то степени он тоже был заинтересован в поиске зацепок. Во-первых, ей не хотелось тащить сопровождающего на место убийства, да и для человека с положением, как у Лайонса, вызваться на такую работу — более чем немного необычно.

— Да, сэр, все в порядке.

Хэзер встала. Отряхнув грязь и листву с джинсов, она повернулась и, поднырнув под низкими тонкими ветвями, вышла из рощи как раз вовремя, чтобы увидеть, как портлендский РСА^[20] Алекс Лайонс засунул что-то в карман толстовки. Мобильный? Ей стало интересно. BlackBerry? Она прошла по траве к машине. В начале второй половины дня солнечный свет сверкал, подобно бриллиантам, на ее гладком сапфирово-синем Trans Am.

Лайонс, ссутулившись, курил около пассажирской двери. Ветерок развеивал его кудрявые светлые волосы. Он взглянул на Хэзер, щурясь от солнца. Вокруг его зеленых глаз виднелись морщинки, которые придавали ему строгий вид и мужественность Человека Мальборо^[21]. Высокий и худой, он носил потертые джинсы, серую толстовку от Plan B и черную обувь от Ripper. Она бы дала ему тридцать с небольшим, но подозревала, что в сердце он навсегда останется двадцатилетним.

— Нашла то, что искала? — спросил он, выпрямившись. Затем бросил сигарету на асфальт. Затоптал ее своими рипперсами.

— Да, сэр. Я ценю, что вы пошли со мной в ваш выходной.

Лайонс пожал плечами.

— Не проблема. Рад помочь.

— Что ж, это было не обязательно, — сказала она. — И спасибо за то, что взяли файл полиции Портленда на Хиггинса для сравнения с файлом Бюро на Молотка-Гвоздодера.

— Снова рад помочь. Особенно кому-то вроде вас.

— Кому-то вроде меня? Что вы имеете в виду, сэр? — Хэзер открыла пассажирскую дверь Trans Am и быстро скользнула на водительское сиденье из черной кожи. Она взяла ремень безопасности и пристегнулась.

Лайонс сел на пассажирское сиденье и закрыл дверь. Он застегнул ремень безопасности.

— Я имею в виду, помимо коллеги агента, тому, кто лично заинтересован в деле.

Запах его одеколона витал в воздухе. Таким одеколоном, Drakkar Noir, насколько помнила Хэзер, пользовался ее брат, но в данном случае аромат с нотками лимона, сандалового дерева и янтаря был приправлен запахом сигарет.

— Все эти «сэр» слишком официальные для выходного дня, — добавил он с улыбкой. — Как насчет того, чтобы ты звала меня Алекс, а я буду звать тебя Хэзер?

— Круто, какое совпадение, что это мое имя.

— Красивая, умная и с чувством юмора, — усмехнулся Алекс. — Убийственная комбинация.

— Вы только что сделали мой день лучше... Алекс.

— Так, каковы твои мысли о деле после пересмотра?

— Возможно, Хиггинс повинен в убийстве моей матери, — сказала Хэзер.

— Но я хотела бы знать наверняка.

— Я прекрасно понимаю.

Хэзер повернула ключ зажигания. Мотор Trans Am заурчал. Она надавила на газ и переключила на пятую передачу, плавно вливаясь в движение на трассе I-5.

— Могу я задать тебе вопрос? — спросил Лайонс.

— Конечно.

— Каково это было, взять Элроя Джордана? Я имею в виду, даже после провала судмедэксперта, которая объявила его мертвым в Пенсаколе, ты все-таки нашла его.

Хэзер сфокусировала взгляд на дороге, выводя Trans Am на скоростную полосу, чтобы объехать фуру, транспортирующую Budweiser^[22], но ее пальцы сжались на руле.

— Просто крупно повезло, — сказала она.

— Просто крупно повезло? — Лайонс рассмеялся. — Эй, не нужно ложной скромности. Прими свою славу. Я уверен, черт возьми, она заслужена. Ты выследила этого ублюдка и отправила туда, где ему самое место, в землю.

Бюро называло ее убийцей Джордана и героиней, хотя они знали правду, правду, о которой никто не говорил вслух, правду, которую и она, и власти хотели бы похоронить, но по очень разным причинам.

Она должна была продолжать дышать и защищать Данте.

Они коллективно прикрывали свои задницы.

А судмедэксперт в Пенсаколе, которую Лайонс так небрежно упомянул? Та, кому приказали фальсифицировать отчет о вскрытии? Совершила самоубийство. Порезала запястья в ванне. Оказалась на одном из своих же столов для вскрытия.

Очень удобное самоубийство.

Хэзер с дрожью поняла, насколько далеко могло зайти коллективное прикрытие задниц, но это не удивляло ее, не после Нового Орлеана. Но самым худшим оказалось собственное молчание, молчание, которое — не важно, насколько необходимое — заставляло ее чувствовать себя соучастницей.

— Да, хорошо. Но я хотела бы, чтобы вместо этого Джордан встретился лицом к лицу с родными своих жертв в суде, — наконец ответила она. — Кажется, он отделался слишком легко.

— Преступники часто так отделяются.

— Преступники, да, — согласилась она. — Но с каждым новым арестом я надеюсь, что это изменится.

— Аминь, сестра. — Лайонс помолчал, а затем сказал: — Я слышал, что ты тоже поймала пулю. Как себя чувствуешь? Ты отлично выглядишь для женщины, которая почти умерла три недели назад.

— Я отвечу на твой вопрос, — произнесла Хэзер легко и непринужденно, — если ответишь на мой.

— Давай его сюда.

— Я видела, как ты положил что-то в карман, когда вышла из леса. Ты записываешь этот разговор?

— Что-то в моем кармане? Я не уверен... — Лайонс вдруг рассмеялся. — Моя сестра. Я звонил своей сестре, спрашивал, нужно ли что-нибудь купить по пути домой.

Хэзер посмотрела на него. Их взгляды встретились, веселость мелькнула в его глазах. Интуиция говорила: «Он сказал правду». Часть напряжения ушла, и она ослабила хватку на

руле.

— Так это ФБР-овская подозрительность или природная паранойя?

Хэзер усмехнулась:

— ФБР-овская подозрительность, — призналась она. — Но теперь я не знаю, как от нее избавиться.

— Еще раз аминь, сестра. Так, теперь мой вопрос?

— Моя травма не была такой страшной, как ты мог слышать. — Резкое *бин-бин* телефона прервало ее.

— Это твой или мой? — спросил Лайонс, залезая в карман толстовки.

— Черт, это мой, — пробормотала Хэзер, шаря одной рукой за сиденьем в поисках сумочки.

Она поставила на мобильном специальный сигнал на звонки из Бюро.

Песня нео-грандж Лэя Стэнза «Мне не нужен свет» оповещала ее о не-относящихся-к-работе звонках.

Учитывая, что она не числилась сейчас на службе, то звонок с работы не предвещал ничего хорошего.

— Держи взгляд на дороге, а руки на руле, — сказал Лайонс, ерзая на сиденье. — Я возьму.

— Спасибо, — сказала Хэзер, сделав то, что он посоветовал. Секунду спустя Лайонс держал телефон напротив ее уха.

— Давай, — прошептал он.

— Уоллес, — сказала она в телефон.

Разговор был коротким и, определенно, неприятным. Когда он закончился, она потянулась и взяла мобильный у Лайонса, закрыла его и положила в карман пиджака.

— Проблемы? — спросил Лайонс.

— *Пришел запрос на обновление твоего медицинского статуса. Будь здесь в восемнадцать ноль-ноль. Подготовься к дополнительному допросу.*

— *Дополнительный допрос, сэр?*

— *Просто возможность. Восемнадцать ноль-ноль, Уоллес.*

— Нет, — солгала она, сверкнув быстрой улыбкой. — Путаница, скорее всего.

— Я слышал. Парни-Бюрократы из Канцелярии поют свою песенку: «Это должно быть заполнено в трех экземпляра».

Несмотря на тугий узел в животе, Хэзер рассмеялась:

— Именно.

У нее было пять часов, чтобы вернуться в Сиэтл, и хотя времени оставалось достаточно, даже после того, как она закинет Лайонса на парковку портлендского офиса, ей все равно придется отменить незапланированный визит к Энни в исправительный центр. Ей также придется поднапрячься, чтобы заскочить домой и сменить джинсы на более подходящие для офиса брюки и блузку.

А может быть, это не имело значения. *Подготовься к дополнительному допросу.*

Узел в животе стал еще туже. Может быть, они узнали что-то о ней и Данте. Если так, то причин избавиться от героини, которую они сами же создали, имелось достаточно. Возможно, они сделают из нее еще одну жертву трагедии, как судмедэксперта в Пенсаколе, самоубийство в ванне. Или подстроят автокатастрофу, или кражу со взломом, которая пошла не так.

Хэзер глубоко вздохнула, чувствуя аромат Drakkar Noir. *Контролируй себя, Уоллес.* Если власть имущие хотели бы увидеть ее мертвой, то они не стали бы ждать. Она уже лежала бы на столе патологоанатома.

Может быть, ее отец стоял за этим внезапным запросом на обновление медицинского статуса. Может быть, он узнал о ее расследовании замороженного дела.

— Могу я попросить об услуге? — поинтересовалась она.

— Проси.

— Мой отец — Джеймс Уоллес.

— Джеймс Уоллес? Бесстрашный лидер нашей лаборатории на Западном побережье?

— Он самый.

Лайонс присвистнул.

— Если он свяжется с тобой насчет того, чем я занимаюсь, насчет этого дела, то я была бы очень признательна, если бы ты и дальше держал его в неведении.

Хэзер посмотрела на Лайонса, и что-то промелькнуло в его глазах цвета океанской зелени, связь, понимание. Он кивнул:

— Будет сделано. Я буду держать твоего старика в неведении.

— Спасибо, — выдохнула она, успокоившись, что он не спросил почему.

— Я очень признательна.

— Не проблема.

Последние двадцать лет Джеймс Уильям Уоллес держал Хэзер в неведении. О том, как умерла ее мать, о том, как она жила, о болезни Энни. Ей пришлось докапываться до каждого кусочка правды, отсеивать ложь и преднамеренное отрицание. Она планировала вернуть любезность. Сполна.

Глава 5

Кормящая рука

Сиэтл, Вашингтон — местное отделение ФБР
22 марта

Хэзер знала, что ее жизнь завит от того, как она ответит на вопрос, заданный заместителем начальника отдела Моникой Ратгерс. Если ответит «да», то станет немного больше, чем марионеткой Бюро для отвода глаз — правда, живой марионеткой с хорошей зарплатой. Если же скажет «нет», они найдут способ выбить из нее ответы, и тогда, так или иначе, она умрет.

— Честно, я потрясена, — сказала Хэзер, изгибая губы в улыбке. — И это честь для меня. Но такое важное решение стоит хорошенько обдумать.

— Конечно, — произнесла Ратгерс с широкоэкранным монитора, висевшего на западной стене. Седеющие волосы вились у спокойного лица. — Как насчет понедельника? У тебя будет четыре дня, чтобы все обмозговать.

— В понедельник было бы замечательно, мэм, — ответила Хэзер. Она сидела в одном из двух мягких кресел перед дубовым столом, в офисе, который когда-то принадлежал Стёрнсу. Его энергия, устойчивая и твердая как гранит, все еще витала в воздухе. Временами ей казалось, что она краем глаза замечает мимолетное видение: Стёрнс стоит позади стола у исполосованного дождем окна и смотрит на улицу. Представив это, она уловила запах кофе и Tums^[23].

— Мы считаем, что ты более чем доказала свою отвагу и достойна занять эту должность, — сказал Альберто Родригез из-за стола Стёрнса.

— Спасибо, сэр, — ответила Хэзер. И посмотрела на временного РСА, сверкнув, как она надеялась, победной улыбкой. — Несомненно, это серьезное решение...

— Ты будешь великолепным РСА, — паршивая звуковая система сделала голос Ратгерс таким же тонким и плоским, как ее лицо. — Мне кажется, Крейг Стёрнс одобрил бы это назначение.

Хэзер в этом сомневалась, учитывая правду, которую Стёрнс узнал в Новом Орлеане.

— Ты помечена на уничтожение. Я тоже.

— Как высоко это уходит?

— Я думаю, что лучше всего действовать так, будто это идет на самые верха.

— Я признательна за ваше доверие, мэм, — пробормотала Хэзер, горло сжалось.

Ратгерс сложила руки на полированной поверхности стола, натянутая улыбка склеила ее губы. Она изучала Хэзер с вашингтонской стороны веб-камеры. Хэзер заставила себя расслабиться в кресле.

— Последний отчет твоего врача говорит, что ты пригодна к службе, — сказал Родригез.

Хэзер немного повернула кресло, чтобы видеть и его, и монитор.

Он постучал пальцем по папке, лежащей на столе, его угловатое гладковыбритое лицо было задумчивым.

— Хотя, откровенно говоря, он удивлен твоим восстановлением. Это не что иное, как

чудо.

— Мне повезло, вот и все, — сказала Хэзер. — Если бы пуля попала на сантиметр левее... — Она пожала плечами. — Я не сидела бы здесь. Не чудо, просто удача и своевременное медицинское вмешательство.

— У нас все еще есть несколько вопросов... — Он поднял взгляд, когда дверь открылась и снова закрылась. Затем кивнул в знак приветствия.

Когда Хэзер обернулась через плечо, чтобы посмотреть, кто пришел, то поймала запах лосьона после бритья Brut.

Я знала его.

Он выглядел старше, чем она помнила, — худее, в волосах пробились седина, еще больше морщин появилось на лице.

— Извините за опоздание, мэм, — сказал специальный Агент Джеймс Уильям Уоллес, кивая монитору. Он стоял в дверном проеме, через левую руку был перекинут забрызганный дождем желтовато-коричневый плащ. — Ужасные пробки.

— Не нужно извиняться, — ответила Ратгерс. — Ты ехал из Портленда, и тебя не предупредили заранее.

— Могу я спросить, мэм, почему приглашен мой отец? — Хэзер выпрямилась в кресле. — Мы никогда не работали вместе. Он не мог оценить...

— Он здесь в качестве твоего адвоката, — сказала Ратгерс, наклоняясь к столу. — Мы не хотим недопонимания. И тебе нужно знать, каков риск.

Ледяная дрожь прошла по спине Хэзер.

— Риск, мэм?

Джеймс Уоллес повесил плащ на спинку свободного кресла и сел рядом с Хэзер. Подмигнув и улыбнувшись, он развернулся в кресле лицом к монитору, к Ратгерс.

— Она готова вернуться в седло, — сказал ее отец.

— Мой отец не отвечает за меня. Просто чтобы прояснить, — сказала Хэзер.

— Расслабься, — пробормотал Джеймс Уоллес. — Я на твоей стороне.

Хэзер не стала смотреть на него.

— Мэм, вы упомянули о риске?

— Так точно. Есть еще несколько других нюансов, которые тебе надо обдумать, прежде чем принимать решение.

Родригез раскрыл папку, пролистал страницы.

— Специальный Агент Беннингтон на допросе в Вашингтоне говорил, что доктор Мур собиралась использовать тебя как «психологическую приманку», но не был уверен для кого — Джордана или Прейжона. — Он поднял взгляд на Хэзер. — Есть мысли, почему, для любого из них? Хэзер постаралась не сжимать руки на коленях, оставляя их расслабленными. Нахмурилась, потом покачала головой.

— Мне кажется, Беннингтон знал о мотивах доктора Мур больше, чем я.

— И ты утверждаешь, что когда доктор Мур выстрелила в тебя, — сказала Ратгерс, — она целилась в Джордана? Ты уверена, что она не намеревалась убить тебя вместе с Джорданом?

На мониторе появился мужчина с Bluetooth-гарнитурой в ухе — возможно, ассистент, попавший в поле зрения камеры. Он что-то прошептал Ратгерс и снова вышел из зоны видимости. Выражение лица заместителя начальника отдела стало мрачным.

— Я ни в чем не уверена, мэм. Из-за наркотиков и ранения было мало что понятно, —

сказала Хэзер ровным голосом. — И снова, что касается намерений доктора Мур, Беннингтон должен знать о них больше, чем я.

— Это мог быть огонь по своим, как Хэзер и сказала, — вставил Джеймс Уоллес. Ткань зашелестела, когда он скрестил ноги. — Как и произошло с Крейгом Стёрнсом, когда пуля из пистолета Хэзер попала в его плечо во время перестрелки.

Наконец, Хэзер посмотрела на своего отца. Несмотря на то, что в ее венах пылал огонь, пульс бешено колотился, лед сковал ее изнутри.

— Это все есть в моем отчете, — сказала она, сжав челюсти. Ее отец встретился с ней взглядом, успокаивая скорее себя. — И ничего не поделаешь с тем, что случилось в Центре.

— Просто обращаю внимание на то, как это просто, и как часто случается, — сказал он.

— Печально, но это так, — произнесла Ратгерс. — Но возвращаясь к вопросу...

Хэзер переместила взгляд на монитор. Узел в ее животе затянулся.

— Да, мэм?

— Если все-таки Мур намеренно выстрелила в тебя, то почему? Она надеялась спровоцировать Прейжона?

Пульс Хэзер участился.

— Я не понимаю, — проговорила она, во рту внезапно пересохло. — Спровоцировать Прейжона?

— Плохое Семя, — сказал Родригез. — Ничего не напоминает, Уоллес?

Хэзер посмотрела на него. Его глубоко посаженные глаза следили за ней.

Она покачала головой.

— Плохое Семя? Нет, а должно? И снова, если это то, над чем работала Мур, возможно лучше спросить Беннингтона, а не меня.

— К сожалению, у нас больше нет такой возможности, — пробормотала заместитель начальника. — Специальный агент Беннингтон мертв.

Хэзер держала себя очень тихо. Она уставилась на изображение Ратгерс.

— Мертв?

С мрачным лицом Ратгерс кивнула.

— Сердечный приступ, около двух недель назад.

Хэзер подсчитала, что Беннингтону было тридцать с небольшим, и он поддерживал себя в хорошей форме. Сердечный приступ нельзя было исключать. Но ее сковало чувство, что Беннингтону помогли умереть вовремя, так же, как и Анзалоне, судмедэксперту в Пенсаколе.

— Мне жаль это слышать, — едва смогла выговорить она, узел страха в ее животе сжался еще больше. — Я не могу ответить на ваш вопрос, мэм. Вы спрашиваете меня о том, чего я не знаю.

Ратгерс продолжительное время изучала ее, затем кивнула.

— Достаточно честно. Пока будешь обдумывать наше предложение, пожалуйста, помни, что отказ или отставка могут привести к тому, что определенная информация просочится в прессу.

— Мэм?

Уголкем глаза Хэзер поймала промелькнувшее движение и еще одно дуновение Врут, когда отец выпрямился в кресле.

— Психическое расстройство уже выявили у двух членов твоей семьи, у матери и сестры, я полагаю, — голос заместителя начальника был спокойным, непринужденным.

— Это ложь, мэм, — прервал ее Джеймс Уоллес. — Моя жена была алкоголичкой...

— Биполярное расстройство^[24], — сказала Хэзер. — У мамы было биполярное расстройство. У Энни тоже.

Взгляд Ратгерс стал суровым, твердым и холодным, когда она посмотрела на Джеймса Уоллеса.

— Я больше не потерплю, чтобы меня перебивал любой из вас. — Она вернула внимание к Хэзер.

— Я слушаю, мэм, — сказала Хэзер.

— Раскроется, что ты третий член семьи с расстройством, — сказала Ратгерс. — Мы будем огорчены, если у одного из наших лучших агентов возникнут такие проблемы со здоровьем. Кроме того, мы объявим, что не несем ответственности за любые бредовые комментарии, что ты можешь дать. И пообещаем обеспечить всей медицинской и психологической помощью, которая тебе понадобится, чтобы восстановить здоровье.

Кресло Джеймса Уоллеса скрипнуло, когда он наклонился вперед, облокотившись на колени и подперев руками подбородок.

— То есть, вы дискредитируете Хэзер и саботируете мою карьеру.

— Это сделает твоя дочь, — сказала Ратгерс. — Не мы. Все зависит от ее решения.

Хэзер сцепилась взглядом с заместителем начальника отдела.

— На этом все, мэм?

— Джентльмены? — пробормотала Ратгерс. — Есть что добавить? — Ее лицо было невозмутимым, но Хэзер заметила напряжение в языке тела, в натянутости плеч.

— Нет, мэм, — ответил Родригез.

Джеймс Уоллес покачал головой.

— Тогда мы закончили. До понедельника, Уоллес. Хорошо подумай. — Ратгерс нажала на кнопку на столе. Монитор погас.

Поднявшись на ноги, Хэзер посмотрела на Родригеза.

— Сэр, — пробормотала она, даже не взглянув на отца, и вышла из офиса.

Хэзер быстрыми шагами пересекала парковку. Ярость горела внутри. Снаружи перестал идти дождь, но воздух был холодным, влажным и пах резиной, старым маслом и выхлопными газами. Она разблокировала Trans Am смарт-ключом и потянулась к дверной ручке.

— Хэзер! — ее имя бумерангом отскочило от бетона.

Она развернулась лицом к отцу, сумка ударила ее по бедру.

— Какого черта ты хочешь?

— Мне кажется, что традиционное приветствие — это «здравствуй», — сказал Джеймс Уоллес нейтральным голосом. Он стоял на расстоянии ярда, засунув руки в карманы жёлто-коричневого плаща. Его очки отражали свет гудящих ламп. — Я пришел сюда, чтобы поручиться за тебя. Мы все еще одной крови, нравится тебе это или нет. И мое слово имеет вес.

— Мне никогда не был нужен твой вес.

— Я знаю, — сказал Джеймс Уоллес. Улыбка коснулась его губ. — Мне всегда это в тебе нравилось.

— Ты знаешь, что они просто используют тебя?

— Знаю... теперь. — Он вздохнул. — Я пытался защитить тебя.

— Ты никогда раньше этого не делал. Почему решил начать?

Джеймс Уоллес снял очки и потер переносицу.

— Ты уверена в этом? — Внезапно он стал выглядеть усталым и изможденным, небритым; беспокоящимся отцом. Он надел очки обратно, даже не взглянув на нее. — Я хочу, чтобы мы снова стали семьей, Хэзер. Все мы.

— Правда? Я не помню, чтобы ты навещал меня в больнице, или чтобы позвонил мне, — сказала она тихим голосом. Напряжение сковало мышцы ее плеч.

— Я не мог вынести мысли о том, чтобы увидеть тебя раненой и больной. Не тебя, Тыковка. Надеюсь, СМИ оставят тебя в покое.

Искреннее участие? Техника допроса? Хэзер не знала, и это беспокоило.

— Почему тебя заботит, оставят ли меня СМИ в покое или нет?

Он вытащил руки из карманов пальто и сложил их на груди.

— Жизненный опыт. Я помню, какое было сумасшествие, когда умерла твоя мать.

— Была убита.

— Я делал все возможное, чтобы защитить тебя в детстве. Я хочу, чтобы ты это поняла.

— Я понимаю то, что ты не предоставил Энни той помощи, в которой она нуждалась. — Она почувствовала, как ногти впиваются в ладони. Осознала, что попала с отцом в петлю: она — осуждая, он — защищаясь; те же аргументы, снова и снова.

— Как поможет твоей сестре то, что ты раскопаешь прошлое? Смотри в будущее и позволь мертвому остаться мертвым.

Хэзер уставилась на него. Как он так быстро все разузнал? Встроенные жучки? Шпионы? От Лайонса? Или его мимоходом проинформировал клерк?

На самом деле, не так уж и важно, как. Он знал.

— Нет, — сказала Хэзер.

— Просто нет? Это все?

— Это все.

— Подумай о своей сестре, о брате, — сказал отец. — Им не нужно знать все детали убийства матери.

— Я думаю о них, — ответила Хэзер. — И, если бы ты был с нами честен с самого начала, мы могли бы помочь Энни гораздо раньше. Я думаю, что правда пойдет на пользу всем нам. Мне нужно идти.

Подтянув ремень сумки повыше на плечо, Хэзер развернулась и открыла дверь машины. Рука отца сжалась на ее запястье. Она остановилась, посмотрела на него. Ясные глаза орехового цвета встретились с ее.

— Отпусти, — сказала она.

— Я хочу, чтобы ты знала, чего это стоит, я рад, что ты жива. Рад, что Прейжон сохранил твою жизнь. Если бы Стёрнс убил его... — Челюсть Джеймса Уоллеса напряглась.

— Стёрнс рисковал своей жизнью ради меня. Когда стрелял в Данте... — Хэзер притихла, сердце колотилось. Он пропустил этот комментарий мимоходом и так гладко. Подцепил ее на крючок, словно она только что выпустилась из Академии.

Рад, что Прейжон сохранил твою жизнь.

Как он узнал?

Она рассказала только одному человеку о том, что сделал Данте; телефонный разговор

шепотом с человеком, который не стал бы судить ее и не подумал бы, что она рехнулась. Со стаканом бренди в руке, скрипя горлом при каждом слове, она поделилась о Данте со своей сестрой.

— *Я не ушла. Я просто немного отступила. Чтобы во всем разобраться.*

— *Потом позвони ему, Хэзер. Дай ему знать, что ты беспокоишься о нем, что волнуешься.*

Хэзер высвободилась из хватки отца. Она скользнула на водительское сиденье и захлопнула дверь. Вдохнула слабый запах ванили освежителя воздуха *Starry Night*, висевшего у лобового стекла. Почувствовала себя такой же натянутой и твердой, как кулак. Она старалась дышать, несмотря на скрученный узел злости в груди.

Джеймс Уоллес сделал шаг назад, печальная улыбка изогнула его губы.

Человек Бюро. Отец. Муж. И бессердечный лживый ублюдок.

Прослушивался ли ее телефон или телефон Энни?

Она завела двигатель, привела *Trans Am* в движение, и спешно покинула парковочный гараж.

Ей нужно предупредить Данте.

Дверь захлопнулась за Катериной, и две пары глаз смотрели, как она пересекает комнату и встает перед заместителем начальника отдела. Ассистент Ратгерс, СА Брайан Шеридан, стоял рядом с креслом Ратгерс, как один из королевских охранников, которых в свое время описывала мать Катерины, в итальянском суде, его взгляд был отстраненным, а лицо спокойным, несмотря на пот, выступивший на лбу.

— Я не знала, что ты в Вашингтоне, Кортини, — сказала Ратгерс, нахмурившись. Затем дотронулась пальцем до аккуратной стопки папок на столе.

— Таков был план, — произнесла Катерина, усаживаясь в одно из кресел, расположенных перед столом. Кожа закрипела. Она посмотрела на Шеридана.

— Наша беседа должна быть приватной.

Взгляд Шеридана больше не был отстраненным, внимательные глаза орехового цвета были сфокусированы на ней. Чуть больше тридцати лет и, судя по тому, как хорошо сидел на нем элегантный костюм, в великолепной форме.

Никаких пончиков и латте для королевского охранника.

— Валяй, — сказала ему Ратгерс.

Все еще глядя на Катерину, Шеридан сказал:

— Да, мэм.

Он пересек офис быстрыми шагами. Дверь за ним тихо закрылась.

Катерина установила аудио глушитель на стол заместителя начальника отдела. Тонкий темный прибор был сконструирован так, чтобы походить на *iPod*, поэтому она не беспокоилась, что Ратгерс знает, что это на самом деле такое и зачем. Катерина включила устройство. Оно щебетало, трещало и выло, пока снижало чувствительность всех записывающих аудио устройств в комнате.

— Меня послали доставить сообщение, — сказала Катерина, выдерживая взгляд заместителя. — Решение принято.

Ратгерс застыла.

— Решение? Относительно чего?

— Фиаско Плохого Семени и плохая работа Бюро по уничтожению последствий, — разъяснила Катерина, хотя прекрасно знала, что Ратгерс поняла.

— Но мы все еще изучаем дело, — запротестовала Ратгерс, нагибаясь вперед в кресле. Затем положила руку на стопку папок, будто защищая их. — Мы уничтожили все доказательства.

Катерина покачала головой.

— Не все. Отснятый материал с охранных камер медсанчасти Центра все еще не найден. И некоторые двуногие доказательства однозначно не уничтожены.

Ратгерс закрыла рот. Ее руки переместились с папок на колени. Она длительное время внимательно смотрела на Катерину.

— Доктор Мур и доктор Уэллс — вот кто отвечал за Плохое Семя. Если кто-то и виновен в неприятностях, так это они.

— Мур все еще не найдена, а Уэллс ушел из проекта пять лет назад. Так что ответственность падает на тебя.

— Я правильно понимаю, что ты думаешь, будто я виновата в неудаче? Это не было простым проектом, управляемым Бюро. Ваши работники тоже сыграли свою роль.

— То, что я думаю, не имеет отношения к делу. Но имеют — мои инструкции.

— Понимаю. И что это за инструкции?

— Я подчищаю хвосты.

Ратгерс резко вдохнула.

— Все?

— Все, кроме одного.

— Данте Прейжон, — сказала Ратгерс плоским голосом. — А что насчет Уоллес? Мы предложили ей должность РСА в Сиэтле. Ты не имеешь в виду...

— Она больше не ваша забота, — отрезала Катерина. — Прекрати наблюдение за Уоллес. Отзови людей от Прейжона. И если Мур случайно появится, пожалуйста, дай мне немедленно знать.

У Катерины было ощущение, что Мур мертва, рассеяна в прах. Но пока это подозрение не подтвердится, она будет вести себя так, будто исчезнувшая ученая еще жива.

Поднявшись на ноги, Катерина добавила:

— И если хоть один сбежит, я буду считать, что их предупредили. И предупреждение шло от тебя. — Она удерживала карий взгляд на заместителе начальника отдела до тех пор, пока женщина не отвернулась, сжав челюсти. — Надеюсь, я ясно выразилась.

— Совершенно.

Катерина забрала со стола аудио глушитель, но не выключила его. А держала в руке.

— Это решение окончательное. Безапелляционное.

Ратгерс посмотрела на нее, и взгляд ее был темным и горьким, как жженный кофе.

— Иначе и быть не могло.

Катерина выключила глушитель и положила в карман. Быстро кивнув, она развернулась на пятках и прошла к двери теперь уже через тихую комнату.

— Такое ощущение, что я работаю здесь в темноте, — сказала Ратгерс.

Катерина открыла дверь.

— Такого не должно быть. Адаптироваться к темноте с нашей профессией несложно, — она шагнула в коридор, закрывая за собой дверь, — и это проблема.

Глава 6

Следы под ее окном

Сиэтл, штат Вашингтон

22 марта

Выбрав окно в задней части неосвещенного дома, Данте снял с него сетку и поставил ее около белой кирпичной стены. Затем открыл окно жестким быстрым рывком. Замок щелкнул с глухим деревянным треском. Данте остановился, прислушался, держа пальцы на оконной раме. Но ничего не услышал. Никаких лающих собак. Никаких быстро бьющихся сердец. Просто тишина.

Отодвинув в сторону кремовые шторы, Данте перекинул ногу через подоконник и забрался в темную комнату. Затем выпрямился. Снял капюшон и откинул волосы с лица.

Он вдохнул аромат Хэзер, аромат шалфея и мокрой от дождя сирени, свежий послегрозовой запах. Ее энергия, присутствие, теплое, сильное и излучающее уверенность, наполняла комнату.

Он поднял солнечные очки, его латексная рубашка скрипела при каждом движении. Затем прошел дальше в комнату. Плисовый диван, кресло, накрытое синим флисом, усыпанным звездами, рядом кофейный столик, на полированной поверхности которого разбросаны журналы и книги.

Данте шел по дому, впитывая детали повседневной жизни Хэзер. Он провел пальцами по спинке дивана, креслу, по мягким подушкам, гладкому винилу.

Кухня: пара тарелок в раковине, зеленая надпись «ГОТОВО» на посудомоечной машине, розовые и фиолетовые оттенки, сумеречные цвета. Смешанные ароматы розмарина, оливкового масла и лимона, витающие в воздухе.

Столовая: дорожка с рисунком зеленых листьев и фиолетового винограда, украшающая столик. Затхлый запах старой крови, доносящийся от пары сдвинутых картонных коробок на столе. На боку коробки надпись черным маркером: «УОЛЛЕС, ШЕННОН, ДЕЛ № 5123441». По всей поверхности стола из темного дерева разложены фотографии, как карты Таро, фотографии с места преступления.

Данте схватился за спинку ближайшего стула, кольца на его пальцах стукнулись о дерево, и наклонился вперед.

В грязи под застывшими ветвями лежала женщина, наполовину свернувшись в клубок, ее взгляд был устремлен в небо. Сердце Данте екнуло. Она была так похожа на Хэзер, такие же рыжие волосы и лицо в форме сердечка, прекрасная, даже после смерти.

Сестра? Она упоминала, что ее сестра была фронтменом «WMD»^[25] до того, как группа распалась; сестра, которая тоже страдала от мигрени.

Внезапно в его сознании появилась мысль. Пальцы сжали деревянную перекладину стула. Не сестра. Мать. Которую убили и выбросили. Как и его мать.

Голову пронзила боль. Голоса шептали.

Ты так похож на нее.

Данте-ангел?

Ш-ш-ш, принцесса. Тише, p'tite. Сии.

Закрыв глаза, Данте коснулся пальцами виска. И старался не слушать голоса. Бисеринки пота выступили у него на лбу. *Сконцентрируйся на Хэзер. Сконцентрируйся на этом моменте.* Голоса стихли, и все, что он слышал — четкий стук собственного сердца.

Данте открыл глаза. Затем изучил фотографии и страницы отчета, разбросанные по столу. Она просто пересматривала дело матери или хотела снова его открыть? Хэзер всегда искала правду во всем, что делала. Не имело значения, насколько сильно это могло ранить. И кого взбесить.

Это почти убило ее в Вашингтоне. Он был готов поспорить, что здесь не безопаснее.

Данте вспомнил, как она выглядела, когда он видел ее в последний раз в больнице: бледное лицо, темные глаза и печаль в их голубых глубинах. Она казалась уязвимой, хрупкой. Такой одинокой. Он не был уверен, что сможет уйти снова. Не знал, сможет ли по-настоящему сказать «прощай». Не знал, хочет ли исцелиться. Не знал, заслуживает ли исцеления. И не мог уйти, пока не убедится, что она в безопасности.

Отойдя от стула и фотографий с места преступления, Данте прошел по коридору к спальне. Вдыхая окруживший его теплый и хорошо знакомый аромат Хэзер.

Любознательное «мяу» привлекло внимание Данте. Рыжий кот, свернувшийся рядом с ножкой кровати, открыл свои золотые глаза и спокойно смотрел на него.

— Эй, — сказал Данте, держа руку перед носом у животного.

Кот понюхал его пальцы, затем потерся мордочкой о ладонь. Данте погладил маленькую пушистую головку двумя пальцами. Кот зевнул, его язык лениво свернулся.

— Я надеюсь, что ты тут не сторожевой кот, *мінор*, потому что ты спишь на работе.

Данте провел пальцами по аккуратно расстеленному покрывалу, и темное беспокойство овладело им, когда он вспомнил о Хэзер на своих коленях, о ее крепких объятиях, когда они занимались любовью. Вспомнил ощущение ее кожи — теплой, нежной и упругой, медовый вкус губ, крови. Вспомнил белое безмолвие, которое окружало их, как руки, укрывающие пламя от ветра.

Когда я с тобой, так тихо. Гул прекращается.

Я помогу тебе избавиться от него навсегда.

Но боль все еще горела внутри. Белый свет мерцал и пульсировал.

Нет. Сосредоточься. Оставайся здесь. Сейчас. Обеспечь ее безопасность.

Отойдя от кровати, Данте прошел по покрытому ковром полу к комоду у стены. Несколько фотографий в рамках стояли рядом друг с другом, на одной из них была Хэзер с девушкой с фиолетовым ирокезом и глазами, обведенными черной подводкой, как у фараона, и парнем со светло-русыми с красноватым оттенком волосами в джинсах и футболке. Парень и девушка были очень похожи на Хэзер, наверно, ее брат и сестра. На другом фото Хэзер обнимала рыжего кота, ее щека касалась шерсти, голубоглазый взгляд был счастливым, довольным.

Тот же кот теперь терся о ногу Данте, выгибая спину для того, чтобы его погладили. Улыбнувшись, он наклонился и погладил рыжую голову.

— Я понял, ты часть семьи, а не охрана, — пробормотал Данте. — Мне же лучше, да?

Когда кот, мурлыча, повернулся, Данте заметил только три лапы.

— Похоже, тебе тоже так лучше.

Данте выпрямился, поцеловал кончики своих пальцев и приложил их к фотографии Хэзер с котом. Он взялся за железную кольцеобразную ручку первого ящика комода, когда услышал слабые шажки в гостиной — или скорей снаружи — и последовавшую за ними

тишину.

Данте наклонил голову, задержал дыхание и прислушался.

Четкое биение сердца, четкое биение *человеческого* сердца. Слабое царапанье по дереву. Ключ? Нет, прозвучало не так. Окно.

Данте развернулся и вышел из комнаты. Когда он бежал по коридору к гостиной, беспокойная и острая боль ударила по левому виску. Он остановился, увидев спортивную сумку, брошенную в комнату через открытое окно. Та приземлилась на ковер с тяжелым стуком.

Потрепанная сумка с потертыми ремнями воняла старым дымом, марихуаной и сигаретами. Рука, держащая лом, схватилась за подоконник. Данте переместился. Он схватил руку и одним жестким рывком затащил эту сволочь в комнату. Громкий треск ткани прорезал тишину, когда толстовка и джинсы гадины зацепились за сломанный замок.

Он учуял ее, цыпочку-взломщицу, еще до того, как увидел: ваниль, гвоздика и лавандовое мыло, но под этим был острый запах чего-то химического, что портило аромат. Боль вонзилась в виски вместе с запахом, царапаясь, как шипы, в мыслях.

Схватив девчонку за плечи, Данте перевернул ее и бросил на пол. Она ударилась головой о ковер, закашлялась, и Данте почувствовал легкий запах спиртного — текилы. Он оседлал ее и сжал коленями ребра, крепко удерживая.

Что-то быстро просвистело в воздухе. Не поворачиваясь, Данте вытянул левую руку. Холодная сталь ударилась о ладонь. Лом. Он вырвал его у маленькой Мисс Вламываюсь-куда-хочу. Отшвырнул. Лом упал на ковер. Данте посмотрел в ее подведенные расширенные глаза.

И застыл, когда понял, что узнал ее.

Вскинув голову, она ударила лбом Данте по лицу. Кость хрустнула, боль была такой сильной, словно от одного-двух ударов кастетом. Кровь потекла из его сломанного носа.

— Черт!

— Получай! — заорала взломщица, извиваясь и пинаясь.

Не просто взломщица, а Энни Уоллес. Бывшая солистка исчезнувшей со сцены «WMD» Он узнал ее хмурое лицо по фотографиям на комодe Хэзер.

Данте схватил двумя руками Энни за толстовку, поднялся на ноги, увлекая ее за собой. Она выкинула кулак, но промахнулась на миллиметр. Он прижал девушку к стене, но когда увидел, как напряглись мышцы на ее шее, то откинул голову и первым нанес удар. Их лбы встретились с громким стуком.

Ее голова ударилась о стену, сминая штукатурку. Она посмотрела на него, моргая скорее от испуга, чем от боли.

Ее волосы с прядями электрически-голубого, фиолетового и черного цветов обрамляли лицо и спадали на плечи. Металлические кольца и шипы блестели в брови, ушах и пухлой нижней губе.

Он дотронулся до носа. Нажал. Поморщился. Кость хрустнула, когда он поставил ее на место, затем высморкал кровь.

— Ты собираешься угомониться, мать твою? Или мы будем продолжать всю ночь?

— Ублюдок, — выплюнула она, фокусируясь подведенными черными глазами на его лице. И перестала бороться. Втянула воздух, и ее зрачки еще больше расшились.

Данте вздохнул и отвел взгляд, мышцы напряглись. Он знал, что его красота цепляла на крючок всех — и смертных, и созданий ночи — и возбуждала. Горячий и сексуальный. Они

желали его, желали то, что видели, по крайней мере. Иногда это было в порядке вещей. Иногда — даже весело. Но только иногда.

— Эй.

Данте повернулся. И она поцеловала его. Теплые губы отдавали вкусом текилы и гвоздичных сигарет. Он отпрянул, почувствовал, как губы растягиваются в улыбке.

— Сначала в приветствие удар головой, а за ним сентиментальный поцелуй. В Сиэтле так принято?

— Кто ты такой, черт побери? Почему ты влез в дом моей сестры?

— *Toi t'a pas de la place pour parler.* Не только я, — сказал Данте, кивая на лом на ковре. — Как насчет того, что и ты влезла?

Она посмотрела на лом.

— Ну... Э-э... Ты влез первым.

— Я друг. Просто хотел убедиться, что с Хэзер все в порядке.

— Большинство людей сначала стучат в дверь, чтобы узнать, есть ли кто дома, — сказала она, поднимая подбородок. — А потом ждут, чтобы услышать ответ...

Данте посмотрел на лом на полу.

— Да? И откуда ты это знаешь?

— Слышала от кого-то вроде нормальных людей, — ответила она. И толкнула его в плечо. — Теперь можешь отпустить. Я обещаю больше не пускать тебе кровь.

Данте фыркнул.

— Ты и не пустила. Это сделал сломанный нос. — Он сделал шаг назад, отпуская ее.

Энни потерла лоб.

— У тебя твердый череп, парень. И, на мой взгляд, твой нос в порядке, а ты просто большой ребенок. Кстати, я Энни. — Она протянула руку.

— Я понял. Хэзер говорила о тебе. — Данте взял ее руку и пожал. — Я Данте.

Ее хватка была такой же крепкой, как у Хэзер, но тверже, словно она все еще бросала ему вызов, пыталась заставить поморщиться.

Энни отпустила ладонь Данте.

— И как ты познакомился с моей сестрой? — Она окинула его взглядом с головы до пят. — Ошейник со стальным кольцом, латекс, кожа — поверь мне, ты явно не из тех парней, которых приводят домой.

— Мы встретились в Новом Орлеане.

— Святые угодники! Не тот ли ты парень, о котором мне рассказывала Хэзер? — Энни ткнула пальцем в его грудь. — Парень, который, черт возьми, спас ей жизнь? Парень, который... черт, как же она назвала тебя?

— Как-нибудь мило, надеюсь. Но даже если как-то неприлично, я не расстроюсь.

— Она сказала, что ты не человек. — Энни рассмеялась, голос ее был низким и хриплым от выпивки и сигарет. — Бред, я знаю! Я забыла, как она тебя назвала...

— Создание ночи.

— Точно! Создание ночи. Вампир. Это ты?

— Ага, — ответил Данте, проводя рукой по волосам. — Когда ты говорила с Хэзер? Ты ее видела? Она в порядке?

Энни пожала плечами.

— Полагаю, в порядке. — Она стала шарить рукой по стене в поисках выключателя. — Значит, просто «ага»? Никакого отрицания? Никакого «очнись, не существует таких...»

Данте услышал щелчок, когда ее пальцы нашли выключатель. Свет затопил комнату, боль пронзила глаза. Он потянулся к солнечным очкам на голове, но потом понял, что потерял их во время «приветствия» от Энни. Зажмурившись, он поднял руку, чтобы прикрыть глаза.

— Господи, боже мой, — прошептала Энни. — В свете ты выглядишь еще лучше. Это редкость, знаешь ли, большинство парней, которых цепляешь в клубах, таки-и-ие милые в темноте, особенно готы, но, когда ты видишь их на следующее утро при дневном свете — фууу.

— Бывало такое, — пробормотал Данте. — Сочувствую.

— Как, черт побери, Хэзер заполучила такого красавчика, как ты? Даже в крови ты привлекательный.

Шепот Элроя раздался в мыслях Данте, слова, сказанные в задней части забрызганного кровью фургона, слова, которые туго защелкнулись, словно наручники, вокруг боли в его голове:

У тебя нос кровоточит. Это даже сексуально.

Данте потерял правое запястье, когда шепот Извращенца стих, призрак, покрытый холодной сталью, острыми ножами и болезненной похотью. Но боль не исчезла.

— Это глупый вопрос, — сказал он, фокусируясь на Энни. — Твоя сестра прекрасна как снаружи, так и внутри.

Энни засунула указательный палец себе в рот и сделала вид, что заткнулась.

Данте рассмеялся.

— Думаю, ты мне нравишься, p'tite.

Заметив свои солнечные очки на полу рядом с кофейным столиком, он подошел, поднял их и надел. Головная боль немного утасла.

— У тебя есть какие-нибудь предположения, где может быть Хэзер? — спросил он, разворачиваясь.

— Никаких. — Энни уменьшала дистанцию между ними, пока не оказалась на расстоянии вытянутой руки, выставила бедро. — Но держу пари, что знаю несколько трюков, которые она не знает, — сказала она, понизив голос. — Хэзер так разозлится, если я попрыгаю на тебе.

— Я здесь не для того, чтобы злить ее. И если ты здесь для этого, то боюсь, нам опять придется столкнуться лбами.

— Правда? Обещаешь? В первый раз это было та-а-ак весело. — Ее взгляд скользил по нему, а острый запах химии под слоем лавандово-гвоздичного аромата усилился, проникая, словно дым, в ноздри Данте.

Данте внезапно почувствовал головокружение, комната завертелась вокруг него. *Что-то в ее запахе... наркотики?* Белый свет мерцал на границе сознания. Какие-то ощущения прошли по нему, притягивая, и потащили, как волна, своими призрачными руками; затем водоворот полностью поглотил его. Втянул в свои глубины.

Игла прокалывает кожу на шее. Холод прожигает вены, словно сухой лед.

Образ закрепился в голове Данте, раздробленный и сбивающий с толку: Комната с забрызганными кровью белоснежными стенами. Шприц с бусинкой прозрачной жидкости на игле. Мужской голос. *Что кричит маленький психопат?*

Боль ударила по нему. Он споткнулся. Рука схватилась за его бицепс. В глазах мерцали черные пятна. Они постепенно исчезали. Данте посмотрел в голубые глаза Энни — увидел

любопытство. Голод сжигал его вены. Ему нужно поесть. Он слишком долго ждал. И контроль ускользал.

— Ты в порядке?

— Оуі. — Он вырвался из хватки. Отступил от нее, от соблазнительно бьющегося пульса.

— Можно мне посмотреть на твои клыки? У тебя же есть клыки, да? Я хочу увидеть.

Данте прошел в кухню и остановился у раковины. Открыл кран с холодной водой. Нагнувшись, он набрал в ладони холодную воду и брызнул в лицо. Смыл кровь. Но не шепот.

Я преобразовал твой разум.

Что он кричит?

Его требование очень громкое и очень четкое.

— Убейте меня, — прошептал Данте. Боль пронзила виски, и он схватился за край раковины. Комната завертелась. Он закрыл глаза. Пытался уцепиться за ускользающую память, пытался повторить слова, что только что произнес, но когда открыл рот, то уже не знал, что говорить.

Это прошло. Что бы это ни было.

— Черт.

Данте открыл глаза, ослабил хватку на раковине и выпрямился. Боль стучала в левом виске. Оторвав бумажное полотенце от рулона на барной стойке, он вытер лицо. Выключил воду. Во внезапной тишине он услышал резкий вдох из гостиной. И поспешил из кухни, чтобы увидеть Энни, стоящую у обеденного стола, ее внимание было сконцентрировано на фотографиях, разложенных на темном дереве.

— Это моя мама? — спросила Энни, голос ее был чуть слышнее хриплого шепота.

— Не знаю. Но думаю, что да.

— Она убила сама себя, потому что была пьяницей и проституткой, — сказала она скучающим тоном, но в голосе проскользнуло напряжение. Маниакальная энергия кружилась вокруг нее, как электричество по проводам. — Если-бы-она-не-была-уже-мертвая-бы-черт-побери-убила-ее-сама-она-долбаная-пьяница-я-ненавижу-ее-я-ненавижу-ее-я-всех-ненавижу...

Боль и ярость Энни ударили по Данте, словно кулак разозленного, пинающегося и орущего ребенка. Потом, со скоростью почти как у создания ночи, она развернулась и побежала через комнату к лому. Наклонилась, схватила его. Снова развернулась.

Ее глаза сверкали от возбуждения. Воздух пропитался ее мускусным запахом. Данте видел прежде такую боль. Испытывал ее. Нес ее в сжатых кулаках и внутри сердца.

Энни махнула ломом в воздухе, пальцы сжали сталь до белых костяшек. Беззвучный вой вырвался из ее груди и словно бритвой полоснул по позвоночнику Данте. Она бросилась вперед, будто ракета, лом со свистом сделал дугу в воздухе.

Глава 7

Без связи

Сиэтл, Вашингтон
22 марта

Хэзер заехала на парковку «Фред Мейер»^[26], перевела рычаг в нейтральное положение и дернула ручной тормоз. Грохот двигателя Trans Am стих до спокойного урчания.

Она открыла телефон, сделала глубокий вдох и набрала домашний номер Данте. Хэзер не стала записывать номера его дома и клуба в мобильный, а просто запомнила, потому что беспокоилась, что кто-то может украсть их вместе со всеми данными. Кто-то в костюме, солнечных очках и со стрижкой Бюро.

Телефон звонил и звонил. Металлический грохот магазинных тележек отдавался в ее голове. Тревога вонзалась в нее с каждым новым гудком. Наконец, она услышала щелчок.

— *Oui?* — женский голос с кадзунским акцентом. Симона.

Хэзер представила соблазнительную и красивую блондинку-вампира, ее вьющиеся локоны, спадающие ниже талии. Представила темные глаза и мимолетную улыбку.

— Симона, это Хэзер, — сказала она. — Хэзер Уоллес. Мне нужно поговорить с Данте. Я знаю, что он в туре, но есть ли у него — или у кого-нибудь, кто с ним — мобильник?

— Нет, *M'selle* Уоллес.

«Больше не Хэзер, а *M'selle* Уоллес», — заметила она.

— Даже на крайний случай?

— Он не хочет, чтобы его нашли.

— Мне нужно поговорить с ним. Это важно.

— *Je m'en fichu*. Ничем не могу помочь, — слова Симоны были холодными и резкими, все тепло ушло из голоса.

Мышцы Хэзер сжались. Она посмотрела сквозь лобовое стекло в залитую светом ночь.

— Его мигрени стали хуже? Лучше?

— Намного хуже. И он не позволяет Люсьену помочь. Если тебя это волнует.

— Конечно, волнует, — сказала Хэзер, сохраняя спокойствие. — Я тоже беспокоюсь за него. И надеюсь найти способ помочь.

— Я тебе уже говорила раньше, ты не можешь ему помочь. Только мы можем, — голос Симоны был достаточно холодным, чтобы окна покрылись инеем.

— Может быть, я и смертная, но все еще могу помочь, независимо от того, что ты думаешь.

— Посмотрим, — сказала Симона и повесила трубку.

Хэзер закрыла телефон, затем кинула его на пассажирское кресло. Потерла пальцами виски. Голова болела. Она не надеялась, что Симона передаст сообщение. Ей нужно действовать прямо. «Inferno» давали концерты в Сиэтле сегодня и завтра ночью в «Весперсе». Она даже купила билеты в интернете на оба шоу.

На случай, если встреча с Данте не причинит боль.

Хэзер опустила ручной тормоз и нажала педаль газа. Сквозь сиденье чувствовалась вибрация хриплого урчания машины. Она завела Trans Am и выехала с парковки, направляясь

на Капитолийский холм и в «Весперс».

Она включила радио. *«Уже сегодня! В Весперсе! Inferno!»* Резкая индустриальная музыка полилась из колонок, за которой следовала песня Данте почти шепотом, его голос был лихорадочным и полным ярости.

Забавно, она думала о нем, и первое, что услышала по радио, — его группа. Действительно забавно. Беда в том, что она не верила в совпадения.

Только три долгие недели назад она узнала, что мир намного темнее и разнообразнее, чем можно себе представить. Хэзер еще до конца не понимала, что все это значит, где ее место в этом новом мире, а где место Данте, и каковы их роли. Но, стоя между Бюро и Плохим Семенем, она боялась, что возможность узнать не представится.

Хэзер свернула с Бродвея на тесную парковку и остановилась под знаком *«Парковка только для посетителей Весперса! Все другие средства перемещения будут сожжены, чтобы обеспечить тепло бездомным. Спасибо за ваше великодушие»*.

Хэзер выскользнула из Trans Am и заперла ее. Надев сумочку на плечо, она пошла ко входу клуба. Табличка на пустом окне кассы гласила: *«ДВЕРИ ОТКРЫВАЮТСЯ В 9. ШО НАЧИНАЕТСЯ В 10»*.

Небольшая толпа людей скопилась несколькими группами вблизи от стилизованных под церковные двери «Весперса», они демонстративно курили и разговаривали. Рядом с арочными проемами около дверей притаились расписанные горгульи и злобные демоны. Переплетения плюща, покрашенного в алый и черный, поднимались от дверей к арке.

Легкое касание к темному мрачному фасаду. Здесь хотела играть Энни. Хэзер подняла взгляд, подойдя к входу. На вывеске значилось «INFERNO» и, маленькими буквами, «Dogspit». Она ничего не слышала о «Dogspit» и подумала, что они, скорее всего, местная группа.

Толпа, состоящая как из мужчин, так и из женщин, была смесью всевозможных готов/панков — начиная от кибер-готов и заканчивая олдскульными панками. Латекс с металлическими вставками, стилизованные смирительные рубашки, сети и красно-белые полосатые чулки до бедер, глаза, подведенные в стиле Клеопатры, черная кожа и скрипучий винил, черные джинсы с цепями; некоторые из них носили ирокезы, некоторые были обриты наголо. Пирсинги сверкали под уличными фонарями. Тату извивались, как плющ, по твердой плоти. Этнические. Стилизованные. В воздухе пахло гвоздикой, пачули и сандаловым деревом.

Ей было интересно, ждет ли среди толпы смертных кто-то из созданий ночи, но она не заметила ни надменной грациозности, ни холодной красоты, которые у нее ассоциировались с ними. Данте был другим даже среди них — его красота была горячей и захватывающей, а грация — естественной и непринужденной.

Кое-кто из толпы бегло оглядел Хэзер, но потом отвел взгляд, решив, что, судя по ее черной кожаной куртке, зауженным к низу джинсам и не-фриковским волосам, она, вероятно, не связана с группой.

«Можно подумать, эта хэллоуин-фетиш-разодетая толпа знает что-то большее, чем судить книгу по обложке», — подумала Хэзер, проходя мимо. Подойдя к двери, она потянула за ручку. Заперто. Обхватив пальцами огромный черный железный молоток, она несколько раз ударила по двери.

Через мгновение раздался щелчок, дверь открылась. Женщина с фиолетовой подводкой вокруг глаз и черными шипами на голове оглядела ее.

— Читай табличку. Двери не откроются до девяти.

— Мне нужно поговорить с Данте Пре... Батистом из «Inferno». Это важно.

Женщина закатила глаза.

— Да, угу. Вопрос жизни и смерти, правильно? Дождись встречи с фанатами после шоу. — Покачав головой, она начала закрывать дверь.

Просунув ногу в дверной проем, Хэзер полезла в сумочку и вытащила значок. Открыла его.

— Пожалуйста, — добавила она. — Если бы я просто смогла войти...

С лица Королевы дверей сползли все эмоции. Она высунула голову, чтобы посмотреть, заметил ли кто-нибудь значок Хэзер, затем втянула ту внутрь. Захлопнула и закрыла дверь.

Королева дверей изучала значок длительное время.

— Вау. ФБР. — Она посмотрела на Хэзер, обеспокоенность мелькала в глазах. — Ты говорила, Данте из «Inferno», так? У него проблемы? Нам придется отменить концерт?

— Нет, никаких проблем, — уверила ее Хэзер, засовывая значок обратно в сумку. — Но мне нужно поговорить с ним. Пожалуйста, скажите ему, что Хэзер Уоллес здесь.

Улыбка внезапно изогнула блестящие фиолетовые губы Королевы дверей.

— Окей. Жди здесь, — сказала она и поспешила по тусклому коридору, ее широкие черные парусиновые джинсы колыхались при каждом шаге.

Хэзер посмотрела на постер «Inferno», прикрепленный с внутренней стороны двери. Пылающий символ анархии на черном фоне, а рядом с символом: «BURN». Она пропустила волосы сквозь пальцы, в животе внезапно появились бабочки. Ей было интересно, придет ли он. И если придет, что тогда скажет.

Что скажет она.

Хэзер поймала дуновение воздуха с запахом старой кожи и мороза — свежий и чистый. Запах, который она узнала.

— Окей, малышка. Что я могу для тебя сделать? — низкий и немного растягивающий слова голос. Веселый.

Хэзер развернулась и встретила зеленоглазый взгляд Вона. Усы обрамляли его озорную ухмылку, обнажающую тонкие клыки. Темно-коричневые волосы были собраны сзади. Ростом в шесть футов один дюйм, широкоплечий, одетый в кожаные чапсы поверх выцветших джинсов, черную футболку и потертые байкерские сапоги. Он выглядел достаточно игривым, несмотря на грубую и опасную внешность. Бродяга протянул мозолистую ладонь.

— Рада тебя видеть, Вон, — сказала она, пожимая его руку.

— Взаимно, куколка. — Вон сжал ее ладонь, затем отпустил. — Но ты уверена в этом? Твои эмоции говорят иначе.

Слабый сверхъестественный свет блеснул на серебряной татуировке в виде полумесяца у его правого глаза. Хэзер покачала головой, чувствуя, как губы растягиваются в искренней улыбке.

— Прости, Вон. Я забыла, как чувствителен эмо-радар созданий ночи.

Вон рассмеялся.

— Эмо-радар? Черт, женщина, что за словечко?

Улыбка Хэзер угасла, когда она посмотрела мимо бродяги, надеясь, что Данте спешит по коридору.

— Где он? — наконец спросила она.

Вон нахмурился.

— Он не с тобой?

— Что? — Хэзер уставилась на бродягу.

— Он ушел несколько часов назад, — ответил Вон. — Сказал, что остановится у тебя.

Сказал, что хочет поговорить с тобой.

Облегчение нахлынуло на Хэзер.

— Я не была дома, — произнесла она. И почувствовала легкое смущение, потому что предполагала, будто Данте станет избегать ее, как в какой-то драме-о-старшекласниках. —

Ты думаешь, он еще там?

— Я узнаю, куколка.

Зрение Вона на мгновение расфокусировалось, и Хэзер смотрела, как он связывается с Данте, немного завидуя. Она испытала на себе прикосновение сознания Данте в Центре — связь, образованная кровью, временная и интимная.

Зеленые глаза Вона снова сосредоточились на ней.

— Он все еще там и не один.

— Не один? — Ужас вцепился в нее. — Кто с ним?

— Твоя сестра, — ответил Вон.

Глава 8

В тени

*Портленд, Орегон
22 марта*

Его дочь защищала вампира.

Джеймс Уоллес наполнил горячей водой кружку с чайным пакетиком. Когда чай заварился, слабый аромат черники стал витать в воздухе. Он взял его с собой в офис и поставил на нагреватель для кружки, подключенный к розетке. Затем опустился в кресло, кожа скрипнула под его весом. Он провел руками по голове, ощутив пальцами мягкие коротко-стриженные волосы.

Реакция Хэзер на комментарий о том, что Прейжон спас ей жизнь, сказала ему все, что он хотел узнать. Она лгала во время допроса и в официальном отчете. До сих пор лгала. Защищала Данте Прейжона, защищала проклятого кровососущего вампира.

Он не знал, что было хуже — это или ее расследование смерти Шеннон.

По дороге домой в голове крутились несколько вопросов: Как защитить свою репутацию и свою упрямую дочь? Что могло быть таким важным, что ассистент Ратгерс почувствовал необходимость прервать конференцию даже ненадолго? Что, черт возьми, Данте Прейжон сделал с Хэзер?

Когда он вошел через парадную дверь, то первым делом установил контакт со связным в Вашингтоне.

Держи рот на замке, Джим, но Катерина Кортини была здесь, навестила Ратгерс, затем ушла. Ратгерс тоже вскоре ушла — выглядела ужасно злой.

Эти новости потрясли Джеймса. Кортини подчинялась только Теневому Отделению — руке федерального правительства, сформированной некоторое время назад бывшим вице-президентом; по слухам, консорциум^[27] составили члены ЦРУ, МО^[28], ФБР и нацбезопасность. Отделение, которое ни перед кем не отвечало и не существовало официально.

Кортини, по слухам, была одним из лучших экспертов по мокрым делам в Теновом Отделении, или человеком, решающим проблемы, — если говорить более политкорректно, той, кто всегда подчищал хвосты.

Учитывая предмет их встречи с Ратгерс и Родригезом, Джеймс предположил, что причина появления Кортини была той же: риск разоблачения Плохого Семени и устранение этого риска.

Второе могло затрагивать Хэзер.

Взяв телефон со стола, Джеймс выбрал номер Хэзер и нажал ВЫЗОВ. Когда включилась голосовая почта, он подумал, что она узнала номер и отказывалась отвечать.

Джеймс спокойно закрыл телефон, решив, что попробует еще раз позже. Затем поднял кружку и сделал глоток чая. Он думал о звонке Энни. Она должна быть у Хэзер, если последовала его инструкциям. С Энни он никогда не был уверен. Ее бросало из огня в холод. Точно так же, как мать.

— Попроси ее остановиться, Энни. Твоей матери было на вас наплевать.

— Тебе тоже. Тебя никогда не было рядом. С нами всегда была Хэзер.

— Я пытался сохранить крышу над нашими головами. Еду в ваших животиках.

— Что если она не остановится?

— Тогда мы никогда не будем семьей снова. Делай то, что считаешь необходимым, — я поддержу тебя.

— Чертов доктор хочет изменить мои лекарства. Он хочет, чтобы я осталась здесь подольше.

— Я позабочусь обо всем, милая. Тебе не нужны лекарства. Ты моя хорошая девочка.

Лицо Энни на мгновение засветилось, надежда выжгла недоверие с лица, как солнечный свет, пробившийся сквозь туман, и он почувствовал себя слабым и больным, почувствовал, что слишком долго оставался в тени.

Джеймс рассматривал фото в рамке на столе, с ним и Хэзер — оба в белых лабораторных халатах, ухмыляются и держат микроскопы. Хэзер тринадцатилетняя, худая, с только формирующимся телом, ее длинные рыжие волосы до талии заплетены в толстую косу, улыбка — широкая, счастливая и непринужденная.

На другом фото были он и Хэзер в запятнанных маслом джинсах и футболках, позирующие перед классическим Mustang, который они вместе отремонтировали. Завитки темно рыжих волос развевались перед измазанным лицом Хэзер, когда она шурилась от солнечного света, в пятнадцать ее улыбка стала немного более сдержанной.

Благодарная дочь просто могла бы отложить в сторону расследование нераскрытого дела, в котором лучше оставить все как есть.

Конечно, если Прейжон не превратил Хэзер в кого-то, отличающегося от девочки на фотографиях на его столе, в кого-то, кто уже не на сто процентов человек. Тогда милосердно будет сохранить молчание и позволить природе, в лице Катерины Кортини, все решить. Этому захочет и сама Хэзер.

Но прежде ему нужно узнать правду. И есть один человек, который сможет дать ответ — если кто-либо вообще знает, что Прейжон, возможно, сделал с Хэзер, спасая ее жизнь.

Поставив кружку назад на нагреватель, Джеймс крутанулся на стуле и включил компьютер. Пока Dell запускался, он составил в уме сообщение, которое отправит.

«Моя дочь все еще человек?»

Глава 9

В сердце монстра

*Дамаск, Орегон
22 марта*

Доктор Роберт Уэллс наполнил последний шприц смертельной дозой атропина, затем положил его на косяк двери в спальне. Он спрятал другие шприцы по всему дому в ящиках, шкафах, под мебелью, даже под подушкой жены.

Все с летальными дозами, да — для смертных. Если бы убийцы были вампирами, то такая доза атропина повалила бы их на пол внеплановым сном или, в зависимости от возраста, достаточно замедлила, чтобы дать ему небольшой шанс на спасение.

Уэллс подозревал, что это просто вопрос времени: когда Бюро — нет, точнее сказать, Теневое Отделение, дергающее за ниточки глав Бюро — отправит кого-нибудь убить его. И все из-за воровства Бронли.

Только если он не начнет действовать первым.

— Как думаешь, сколько у нас времени? — спросила Глория сухим и тонким, как бумага, голосом.

— Они могут быть уже в пути. Или пройдут еще недели.

Отойдя от двери, Уэллс вернулся к больничной койке жены и отрегулировал количество поступающего морфия.

— Это правительство, в конце концов, — добавил он с кривой усмешкой.

Глаза Глории закрылись, а морщинки боли возле рта разгладились. С губ слетел выдох, тихий звук, почти печальный.

— Не трать время впустую, — прошептала она, — отправь Александра в Сиэтл.

— Этот план на стадии реализации, дорогая. Не волнуйся.

Комната пахла аммиаком и хлоркой, но ни одно дезинфицирующее средство в мире не могло спрятать не проходящую вонь гниения.

Вонь неблагоприятного исхода.

Уэллс подошел к окну и распахнул его. Прохладный, ароматный и сладкий, с нотками сосны и ранних тюльпанов, воздух ворвался в комнату. Уэллс сел на кровать рядом с женой, обхватил ее руки и, растирая, попытался вернуть тепло пальцам.

Ей было только пятьдесят семь лет, но рак и химиотерапия украли у нее всю молодость, стерли все следы женщины, которую он, пьяный от шампанского, со смехом перенес через порог их первого дома тридцать пять лет назад.

Голова Глории повернулась набок, губы приоткрылись. Дыхание стало глубже, медленнее, когда морфий увел ее в дали, словно Аид, унесший Персефону в подземный мир.

Его горло сжалось. Глория была сейчас невестой рака, и он не мог ее спасти, не важно, как сильно он старался, не важно, как сильно хотел этого, не важно, скольким пожертвовал. Бой был проигран. Уэллс поднес ее руку к губам и поцеловал холодные пальцы.

Он все продлевал и продлевал ее страдания, а значит, его любовь превратилась во что-то маленькое и эгоистичное. Если бы он действительно любил ее, то освободил бы.

Правда редко была приятной. И еще реже воплощала надежды.

Все, что ему было нужно — увеличивать дозу морфия до тех пор, пока она плавно не

погрузится на самое дно. Простой и легкий выход.

Уэллс все еще сидел на кровати, сгорбившись и держа пальцы Глории у губ. Он ждал, пока она снова проснется, чтобы поговорить, пожелать спокойной ночи в последний раз.

Его iPhone запищал. Поцеловав еще раз пальцы Глории, он опустил ее руку на укрытую шерстяным одеялом талию. Вытащил iPhone из кармана свитера, открыл сообщение с красным флажком в почтовом ящике.

То, что он прочитал, ускорило его пульс и возродило надежду.

У Джеймса Уоллеса из портлендского подразделения судебной экспертизы ФБР, мужчины, которого Уэллс знал только как человека с хорошей репутацией, была проблема.

«Моя дочь утверждает, что Данте Прейжсон спас ей жизнь. Но он не кормил ее кровью, не обратил. А вдохнул в нее синий огонь и музыку. Я не говорю, что понимаю, как это. Даже не могу сказать, возможно ли такое. Но если да, то насколько долгосрочны эффекты? Она все еще человек?»

Уэллс напечатал: *«Хороший вопрос. Я изучу его. Просмотри ее медицинские записи. Возможно, это была галлюцинация, вызванная болью и кровопотерей».*

«Спасибо».

«Ты говорил об этом еще кому-нибудь? Кому-нибудь вообще?»

«Нет, конечно нет. Я обратился только к тебе, потому что ты изучал Прейжсона».

«Хорошо. Молчи, и я свяжусь с тобой...»

Уэллс бросил iPhone назад в карман, чувствуя головокружение, словно от шампанского.

Сначала видеозапись с камеры наблюдения. Теперь это.

Сразу после инцидента в Центре с Уэллсом связались и расспросили о Джоанне Плохом Семени и С. Его также спросили, почти бесцеремонно, работала ли Джоанна над проектом, содержащим генетический материал вампиров. Он ответил, что не был связан с работой Джоанны с тех пор, как ушел на пенсию.

Тогда ему стало интересно, что вызвало эти вопросы, но сейчас, после просмотра украденной видеозаписи, которую Бронли отправил ему по почте, и увиденной лужи жидкости на полу, которая когда-то была живым существом, Уэллс предполагал, что знал.

Команда зачистки и их помощники верили, что нашли пролитый эксперимент. Им не пришло в голову, что они наткнулись на женщину, которую разыскивали. Или скорее то, что от нее осталось.

Джоанна не пропала, нет. Она никогда не покидала Центр.

С позаботился об этом.

Бедная Джоанна понятия не имела — вплоть до самого конца — чем на самом деле является С. Чем стал их маленький красивый полукровка. Или на что он способен.

По правде говоря, Уэллс тоже не знал. Пока диск от Бронли не пришел по почте.

С хранил секреты от них обоих.

Но Уэллс тоже хранил один. От Джоанны. От Бюро. От С.

Секрет, который планировал открыть очень скоро.

Наклонившись, Уэллс поцеловал бледную щеку жены, затем выпрямился и встал. Он спокойным шагом вышел из комнаты, оставив Глорию в наркотических объятиях Морфея.

Если С смог уничтожить одну женщину и исцелить другую, Уэллс почувствовал уверенность, что мальчик сможет излечить и Глорию. Все, что ему необходимо сделать, это подчинить бога — молодого и искалеченного бога, который сам себя подавляет — своему желанию.

И все, что потребуется, — прошептать одно слово.

Но прежде чем Уэллс использует С, чтобы вылечить Глорию, нужно нейтрализовать угрозу его собственной жизни. Возможно, пришло время сместить главных кукловодов Теневого Отделения и взять его в свои руки. Его и Александра — новый порядок, новое правление.

В гостиной бледный свет луны проник сквозь стеклянное окно в высоком потолке, заполнив комнату. Он посмотрел в окно, в лес.

Александр, одетый в джинсы и серую толстовку с капюшоном, шел по двору, затененному соснами, к главному дому, кожаный рюкзак был закинут на одно плечо, в руке ружье. Лунный свет украшал его волосы серебром, и от него, казалось, исходил внутренний свет, словно он действительно был воплощением Македонского бога-завоевателя, именем которого назван.

В тот момент его сын был неописуемо красив, истинный наследник Аполлона.

Уэллс услышал, как открылась входная дверь, затем снова захлопнулась. Он залез в передний карман брюк и нажал на *psi-block* передатчик, который ограждал мысли от телепатического вмешательства.

— Я купил дополнительные патроны для ружья, — произнес Александр, не спеша входя в гостиную. — Ты добыл тазер^[29]?

Уэллс кивнул.

— Он на кухне. Я сделал и другие приготовления.

— Я дважды проверил системы безопасности. Все работает.

«Ох, я тоже. И, мой честолюбивый сын, я сменил пароли», — подумал Уэллс, но сказал вместо этого:

— Хорошо.

— Я закончу установку защиты дома сегодня вечером, — сказал Александр, — удостоверюсь, что Афина в безопасности и занята, прежде чем направиться завтра в Сиэтл.

— Я думаю, мы готовы настолько, насколько должны.

Александр присел на край мягкого кожаного кресла около дивана, скинул рюкзак, дернув плечом, и «переломил» ствол ружья.

— Если бы не Мать, ты мог бы уйти в подполье, пока все не утихомирится.

— Он посмотрел на Уэллса сквозь густые светлые ресницы. — Смертельная доза, введенная внутривенно, и ты сделаешь ей одолжение.

— Несколько минут назад я бы согласился с тобой.

Александр залез в рюкзак и достал горстку патронов.

— Что изменилось?

— Я только что узнал, что С может лечить.

— Любой вампир может вылечить, если они используют достаточно крови.

— Александр вставил патроны в ружье, затем, взявшись за ствол, защелкнул его. — Конечно, это обычно означает, что излеченный человек превращается в кровососа. — Он поднял взгляд на Уэллса. — Так в чем разница?

— С вылечил смертельно раненого агента без использования крови. Так как случилось, что мой источник приходится отцом агенту, у меня нет причин сомневаться относительно достоверности.

Александр нахмурился, его брови сошлись на переносице.

— Смертельно раненый... ты имеешь в виду Хэзер Уоллес? Агент с видео из

медсанчасти?

— Она самая. И, кстати, где диск?

— Фина снова его смотрит. Она наслаждается.

Уэллс не мог винить Афины за это; видеозапись была захватывающей. Разоблачающей. Темная мысль закружилась в его сознании. И вдохновляющей?

— Убедись, что она сохранит его.

— Конечно, — пробормотал Александр.

— Я планирую получить медицинские записи Уоллес, — сказал Уэллс, направляясь к темному бару из красного дерева в другом конце комнаты. — В идеале, я действительно хотел бы получить ее саму, провести несколько тестов. Посмотреть, что С сделал.

Он выбрал бутылку Courvoisier^[30], поднял ее, показывая сыну. Александр покачал головой, тогда Уэллс наполнил один бокал коньяком.

— Может быть, это возможно, — осторожно произнес Александр. — Ставлю много денег на то, что она будет на концертах Прейжона в Сиэтле, особенно если он спас ей жизнь. Я могу изменить наш план и включить ее...

— Нет, Уоллес будет отвлекать. Ты должен оставаться сосредоточенным. С убьет тебя, если ты совершишь ошибку. Он быстр и непредсказуем. Опасен.

— Проповедуешь хору^[31], отец, — вздохнул Александр, — мы тоже смотрели видеозапись.

Уэллс сделал плоток янтарной жидкости. Courvoisier обжег горло, оставляя вкус дуба и ванили.

— Отдай С закодированный мр3 плеер или лучше просто оставь ему; сохраняй безопасное расстояние. Как только он закончит с заданием, усыпи его и привези домой.

Александр прислонил ружье к мягкому креслу и поднялся.

— Привезти домой, чтобы вылечить Афины, — сказал он, изучая отца уверенным взглядом.

— И мать, — произнес Уэллс. — Слушай меня внимательно и держи эту мысль на первом плане: Только у меня есть карта лабиринта в голове С, лабиринта, который я создал.

— Я слышу аминь? — спросил Александр с циничной улыбкой на губах.

— Я понял, отец. Но мне нужно, чтобы ты тоже понял — сначала Афина.

— Афина первая, согласен, — сказал Уэллс, обманывая с искренностью, которой научился в течение десятилетий работы на Бюро.

Муки сожаления глубоко въедались в него. Афина была близнецом Александра. Он опасался, что сын никогда не будет таким же без нее, и это была причина, из-за которой он все еще не оборвал ее жизнь. Но так как Афина все больше погружалась в безумие, он боялся, что сумасшествие просочится и в Александра через их необъяснимую связь, внутриутробную связь близнецов. Боялся, что это просачивается в него даже сейчас, вплетая иллюзии через вены.

— Тогда решено, — циничная улыбка исчезла с губ Александра. Он прошел по ковру туда, где стоял Уэллс, к бару из красного дерева, и склонил голову.

Уэллс сделал шаг вперед и поцеловал золотую макушку Александра, даруя отеческое благословение касанием губ.

— Приведи С домой, — пробормотал Уэллс, — и я научу тебя его использовать.

— Я заставлю тебя сдерживать обещание.

— Как ты и должен.

Уэллс отступил, и Александр поднял голову. Он долго смотрел на Уэллса своими непостижимыми глазами, глубокими, как Эгейское море.

— Я всегда задавался вопросом, почему ты прячешь свои мысли от меня, когда сам сделал меня телепатом.

Уэллс усмехнулся.

— Чтобы вырастить личность. Чтобы огорчить. Чтобы ты догадывался сам. Выбери.

Циничная улыбка снова появилась на губах Александра. Отдав честь, он развернулся и вышел из комнаты.

— Александр, — позвал Уэллс. Его сын остановился. — Запомни, что мр3 плеер спроектирован так, что воспроизведет сообщение только один раз. Предварительно прослушаешь сам — и тогда отдашь С только запись с помехами.

Главная дверь скрипнула, открывшись, затем захлопнулась.

Уэллс опустошил бокал одним глотком. Пот появился вдоль линии роста волос. Лицо кинуло в жар. Он налил себе еще. Скользнув пальцами вокруг ножки бокала и взяв его за чашу, он понес его вместе с бутылкой коньяка по коридору в свой кабинет.

Может, Уэллс и смертный, но пламя творчества горело в его сознании. Генетика была его молотком. Человеческая плоть — металлом. Сын был доказательством этому, а дочь стала единственным позором.

— *Делай то, что необходимо, Бобби. — Глория погладила свой все еще плоский живот. — Возможно, поэтому у меня близнецы. Возможно, поэтому у нас по одному от каждого пола, — легкая понимающая улыбка изогнула ее губы, — и, возможно, поэтому я выбрала тебя.*

После этих слов Уэллс наконец увидел за самоотверженной Мадонной расчетливую мать-богиню. Через нее ему открылся путь к божественности. Отец новой эры. Создатель богов.

Но Афина... Он все еще не знал, что пошло не так, где он совершил ошибку. Близнецы были созданы с предельной осторожностью, их гены изменили и улучшили, когда поместили в матку Глории, все изъяны были удалены.

Или он верил в это. Пока ум Афины медленно, спокойно и безвозвратно не слетел с катушек. Параноидная шизофрения. Непредвиденный недостаток.

Сев в комфортное и потертое кожаное кресло, Уэллс поставил бутылку коньяка на стол и взял копию диска, который сейчас смотрела дочь.

Фина снова смотрит его. Она наслаждается.

Афина не была одинока в этом; Уэллс тоже пересматривал его множество раз. Но не наслаждался; это не подходящее слово. Нет. Лучшее, более точное слово — боялся. Оно пугало и воодушевляло его. Но не доставляло наслаждения. Он вставил диск в дисковод.

Сделав еще глоток коньяка, Уэллс нажал кнопку воспроизведения. На мониторе появился коридор в тусклом зеленом свете ночного видения. В поле зрения появилась фигура — длинные темные волосы до талии извивались в воздухе, словно черные водоросли, пойманные в водный поток. Его крылья, черные и гладкие, изогнулись позади, полусложенные, когда он встал на колени и дотянулся до одной из фигур, съежившихся вместе на полу.

Голос, исходивший из компьютерных колонок, был низким и глубоким, с едва заметным европейским акцентом. Но точно так же, как и в первый раз, когда он слышал его,

слова льдом прошлись по позвоночнику.

— Отомсти за свою мать. И за себя.

И С освобождается из рук говорившего, поднимается с пола, купаясь в тускло-красном свете аварийной лампочки, его тело напряжено, его захватывающее дух лицо измазано в крови. Он поднимается, словно бог из пепла, пылающий, прекрасный, ужасающий бог.

Уэллс нажал на паузу и налил себе еще алкоголя. Пока он не посмотрел диск, он считал покойного Элроя Джордана — психопата, сексуального садиста и серийного убийцу — самым большим успехом Плохого Семени. Но не теперь.

Красивый мальчик, который поднялся с пола на мониторе, затмил Джордана.

Улыбаясь, Уэллс налил еще выпить.

Глава 10

Голоса

Дамаск, Орегон
22 марта

— Эта больная старая корова все еще дышит? — спросила Афина.

Она сидела на диване, скрестив ноги, и смотрела в ноутбук, покоящийся на ее коленях. Лабораторный халат, надетый поверх джинсов, был измазан и забрызган кровью и другими жидкостями.

— Мать все еще дышит, да, — ответил Алекс, пинком закрыв за собой дверь, и поставил поднос с ночными лекарствами сестры на загроможденный кофейный столик.

— Хорошо. Я не хочу, чтобы она умерла до того, как я смогу убить ее.

— Вот это дух.

В комнате пахло смесью нагретой электросети и корицы, но под этим Алекс уловил запах чего-то, что воняло тухлыми яйцами и жжеными волосами. Он доносился из исследовательской лаборатории Афины.

— Как прошел твой эксперимент?

— Неудачно, — пробормотала Афина. — Мне нужно больше материала.

— Ладно, я позабочусь об этом. — Алекс сел на диван рядом с ней. — Что еще ты сегодня делала?

— Изучала кое-что. — Она рассматривала картинки на мониторе, переводя взгляд то вправо, то влево.

Было понятно, что она изучала Данте, вновь просматривая запись из медсанчасти. Он вздохнул:

— Нам надо поговорить.

— О чем? — Афина подняла взгляд. Искусственное освещение мерцало в ее глазах, как солнечный свет на глади воды, и на мгновение они показались полупрозрачными, цвета океана.

— О том, что будет дальше.

— Я слушаю, — сказала она, возвращая взгляд к монитору.

Алекс захлопнул ноутбук.

— Достаточно. Пора перестать изучать его. — Он забрал ноутбук, несмотря на сопротивление, и поставил его на кофейный столик.

— Но мне нужно его понять, — начала протестовать она. — Когда я *смотрю*, я ничего не вижу, кроме него, и я не знаю, что это значит.

— Ты устала, это все, — сказал Алекс. — Тебе нужно отдохнуть.

Темные синяки под глазами служили тому подтверждением и говорили о беспокойных ночах, проведенных ею без сна. Но ее видения всегда были правдивы, несмотря на то, спала она или нет, принимала лекарства или нет.

Видения, о которых Отец ничего не знал.

— Я должна выяснить, как распутать программирование Данте.

— Ты сможешь позаботиться об этом после того, как я привезу Данте домой. Давай, на свежий воздух. Лекарства. Двигай задницей.

Алекс схватил Афины за руку и резко поставил на ноги. Он провел ее через кухню и вывел через заднюю дверь. Он выпустил ее руку, только когда она села на качели на крыльце, затем сел рядом, дерево под ним уютно скрипнуло. Ее теплые и жесткие пальцы снова сплелись с его пальцами.

Алекс сделал глубокий вдох влажного воздуха соснового бора.

— Намного лучше.

— Если ты так говоришь.

Он заметил тень улыбки, промелькнувшую на губах его близняшки, и тоже улыбнулся.

— ТО, возможно, планирует убить Отца, — сказал Алекс, глядя в небо. Он наблюдал, как звезды зажигались одна за другой, как свечи в церкви. — Черт возьми, Бюро могло утвердить это уже после провала с Мур.

— А они знают, что Отец тот, кто дал Ронину наводку на Плохое Семья?

— Сомневаюсь. Это потребовало бы настоящей интеллектуальной работы.

— Что если они убьют Отца до того, как он научит тебя, как использовать Данте?

— Мы должны надеяться, что этого не случится, — сказал Алекс. Я вооружил отца, и уровень защиты высок, но... — он пожал плечами, — профессионал сможет обойти все это. Я много раз пытался заставить Отца уйти в подполье.

— Может быть, они отправят неумелого любителя или плохого стрелка вместо профессионала. Не похоже, что это мафия. Это правительство.

Алекс рассмеялся. Он наклонился и прижался лбом ко лбу сестры. Услышал ее тихие, непрерывные мысли: *Видит ли Отец сейчас сны? О могуществе и богах? О том, кем ему никогда не стать. И о том, чего он никогда не должен иметь.*

Мозг Афины отказывался молчать, отказывался отдыхать.

Алекс выпрямился, откинулся на качелях и стал раскачиваться назад и вперед, назад и вперед. Дерево скрипело, заглушая голоса в мыслях Афины. Ему не нужно было смотреть на нее, чтобы знать, что ее губам требуется делать усилие, чтобы поспевать за потоком в ее голове.

— Я думаю, что Данте не знает о роли Отца в его обработке, — сказала Афина. — Я думаю, что он не знает об Отце, пока.

— Это хорошо. Тогда он не будет ожидать нас.

— Что будет дальше?

— Я поеду в Сиэтл, — сказал Алекс. — Пробужу Данте, одурманю его, когда он закончит делать то, что должен, а затем привезу домой.

— Как ты собираешься подобраться к нему достаточно близко, чтобы ввести наркотик? — Афина посмотрела на него, ее светлые локоны упали на лицо, и она автоматически отбросила их назад.

— Выстрелю в него с дистанции. Предпочтительно в спину.

Алекс обдумал все, что прочитал о Данте, воспроизвел в сознании кадры, которые с одержимостью рассматривала его сестра.

Данте держит лицо Мур в ладонях. Его руки дрожат. Свечение синего цвета. Его волосы взвиваются, потрескивая от электричества.

Опасный.

— Аминь, брат, — прошептала Афина. — Но скоро он станет одним из нас. Мы дадим ему поиграть с Отцом, после того как восстановим воспоминания.

— Мы можем это сделать? Восстановить его воспоминания?

— Я не знаю, но должен быть выход...

— Если повреждения не слишком серьезны, — закончил Алекс.

— Зеленые воды воспоминаний, — голос Афины был низким и монотонным, ее пророческий голос. — Ему понадобятся зеленые воды.

Кожу Алекса стало покалывать, когда взгляд близняшки ушел в себя в поисках цели.

— Зеленые воды? Для Данте? Что ты имеешь в виду?

— Зеленый, зеленый, зеленый.

— Что еще ты видишь?

— Время старой коровы почти истекло, — пробормотала она.

— Ты это видишь? Смерть матери?

Афина засмеялась.

— Да, видение события ближайшего будущего. Я вижу подушку на ее лице и мои руки на подушке.

— Передозировка была бы проще, не так подозрительно.

— Ах, но и не так весело, Ксандр, и мне осталось так мало.

Алекс сжал руку своей близняшки и прослушал ее вертящиеся мысли: *Подушка на ее лице, мое колено и руки на подушке. Добро пожаловать в ад, Корова. Позволь мне быть твоим провожатым.*

Зови меня Аид.

Сумасшествие или божественность? Есть ли между ними разница?

Отец повозился с его генами и генами Афины, когда они были еще в утробе. Он хотел богов. Но поверил в свою неудачу.

Он ошибся. У него были его боги. Просто не такие, каких он планировал. Данте был не единственным, кто хранил секреты. Отец спроектировал Алексу и Афине дар телепатии, но ничего не знал об их других дарах.

— Да, да и да, — прошептала Афина. — Секреты. Божества. Вместе с Данте мы составим идеальную троицу — Сокрушитель, Советник и Создатель. Мы начнем новый век. После того как покараем грешников, конечно.

— Само собой, — согласился Алекс. — Не является ли это первым правилом руководства по Божествам и Небесным созданиям для Чайников?

— Болван.

— Спасибо, что сообщила.

Афина сжала его руку. Как всегда, ее прикосновение как-то дополняло его, замыкало круг. Он делился с ней тишиной, пока они качались вперед и назад.

Но для нее это не было настоящей тишиной. Нет.

Если бы только отец посвятил свои медицинские и исследовательские навыки тому, чтобы помочь Афине, вместо того чтобы сливать их в канализационную трубу, которой была его умирающая жена. Если бы только он не рассматривал Афину как испорченный проект, вместо того чтобы видеть в ней дочь.

Дочь, которая нуждалась в нем. Когда-то. Но не теперь.

Алекс сжал ее руку, затем отпустил.

— Время для твоих лекарств, — сказал он, вставая.

Все еще нашептывая, Афина встала на ноги. Ее взгляд был обращен в себя, потерянный в мыслях. Алекс открыл сетчатую дверь и повел свою близняшку в дом, провел ее в гостиную. Продолжая шептать, она опустилась на софу, автоматически скрестив под собой

ноги.

Присев рядом с кофейным столиком, Алекс взял маленький бумажный стаканчик с лекарствами Афины — нейролептики, успокоительные, транквилизаторы — и аккуратно вложил ей в руку.

— Положи в рот и проглоти.

Афина поднесла стаканчик к губам, опрокинула в себя пилюли. Алекс вложил ей в руку бутылку с водой, и она покорно выпила. Он поднял шприц со снотворным.

Алекс посмотрел на сестру. Послушал ее пророческую шепот и задумался: сможет ли он удержать Афины под контролем, пока не прибудет Данте? Сможет ли сохранить ее баланс и спокойствие еще несколько дней? Она спала глубже во время безумия, и его ужасала мысль, что она может так глубоко погрузиться в бездну, что он больше не сумеет ее отыскать, не сумеет вернуть ее.

Засучив рукав на левой руке Афины, Алекс провел по месту для укола ватой, смоченной спиртом. Его нос сморщился от резкого запаха.

— Холоднохолоднохолодно, — шептала Афина.

— Прости. Я должен был предупредить тебя.

Еще несколько дней он сможет это делать — сохранять ее спокойствие. Он обязан — для них обоих. И достанет больше материала для ее экспериментов.

— Мне нужно, чтобы ты оставалась здесь, пока меня не будет, — сказал он. — Не ходи в основной дом и избегай Отца. Мне кажется, агенты ТО будут целиться только в него, но сопутствующий ущерб, как правило, допустим, если необходимо.

— Дадада.

— Если бы ты могла снова стать здоровой, — голос Алекса был низким и резким. — Если бы могла вернуться к карьере и всему, что пришлось оставить, ты бы сделала это?

— Ксандр.

Алекс посмотрел в глаза Афины. Ее взгляд казался более здравомыслящим, чем в последние годы.

— Я не больная, — сказала она мягко. — Я вижу гораздо четче, чем когда-либо. Меня не нужно лечить.

Что-то туго сжалось в груди Алекса. Он кивнул и, введя иглу в кожу сестры, нажал на поршень.

— Я никогда не покину тебя. Я обещаю, — прошептала Афина.

Алекс наклонился и коснулся губами лба близняшки. Она сказала слова, которые он жаждал услышать, но вместо радости, которую представлял — круг снова замкнулся, внутриутробная связь, которую она разрушила пять лет назад, чтобы защитить его, наконец, восстановилась — почувствовал только сильное отчаяние.

Ее обещание было пустым и за гранью ее возможностей.

Связь никогда не восстановится. Круг никогда не замкнется, не закроется в бесконечную петлю. Нет, пока Данте не починит ее неработающие нервные клетки и не успокоит грозовой шторм в ее гиперактивном мозгу.

Афина наклонила голову так, будто бы слушала — и Алекс знал, что так и есть — все идеи и мысли, гудящие в своем никогда не замолкающем разуме; она расцепила свои и его мысли.

— Есть еще что-нибудь, что нужно достать для тебя, пока буду вне дома?

От улыбки на щеках Афины появились ямочки.

— Мой Ксандр, — сказала она, затем хихикнула. Звук, который Алекс не слышал от нее в течение многих лет, девчачий, светлый и счастливый; он завертелся, словно колесо обозрения, в его сердце.

— Что смешного? — спросил он, ухмыльнувшись.

— Можешь найти копию руководства по Божествам и Небесным созданиям для Чайников?

Алекс рассмеялся.

— Вперед, давай наденем на тебя пижаму и отправим в кровать.

Он поднял ее с софы и взял на руки. Внезапный приступ скорби напал на него, когда она обвила рукой его шею. Она была слишком легкой, его богиня мудрости, жизнерадостная и дальновидная, непривязанная к земле. Он представил ее уплывающей от него, поднимающейся все выше и выше к полному небу до тех пор, пока не исчезнет из виду.

Когда Алекс нес сестру в ванную комнату, шепот Афины, похожий на гуляющий в соснах ветер, наполнил коридор и уголки его сердца.

Глава 11

Хрупкое

Сиэтл, Вашингтон
22 марта

Энни нацелилась на помятые коробки, подписанные «ШЕННОН УОЛЛЕС». Она б вышвырнула чертовы вещи из столовой, из вселенной, гребаный хоумран [\[32\]](#). Она замахнулась ломом, вкладывая в кусок стали каждую унцию своей силы, каждую грязную, гниющую частичку ненависти.

Краем глаза она уловила размытое движение и сильно ударила ломом, попав в плоть вместо картона. Из-за столкновения ее руки и плечи задрожали. Она полетела вперед, ударившись бедром о край стола, лом вырвали из рук. Ее взгляд упал на фотографии, разложенные веером на гладкой деревянной поверхности. Она посмотрела в невидящие глаза матери. На нее мертвую, свернувшуюся на земле, как какой-то гребаный отравленный Raid'ом таракан.

Твоя мать погибла в автокатастрофе. Она не вернется домой.

С гортанным криком Энни, бросившись на стол, смела все вниз — фотографии, бумаги, скатерть. Схватив одну из коробок с надписью: «ШЕННОН УОЛЛЕС», швырнула ее вместе с содержимым. Коробка ударилась о стену. Стекло разбилось вдребезги. Твердые как сталь пальцы схватили ее за плечо и развернули.

Черные волосы. Солнцезащитные очки. Белая кожа и горячие руки — одна держит лом, другая ее.

— Кто разозлил тебя, р'tite? — спросил Данте, бросив лом через комнату в открытое окно.

Отхаркнув, Энни плюнула в него. Плевков мерцал на его бледной коже. Подняв руку, он вытер лицо затынутым в латекс плечом. Усмешка искривила один уголок его рта.

— Хороший выстрел.

— Клянусь гребаным богом, я убью тебя, если не отпустишь!

— Тогда, полагаю, ты должна меня убить, потому что я не отпущу.

Энни, целясь кулаком в великолепное лицо Данте, ударяла вправо-влево- вправо, но каждый раз промазывала. Затем подняла колено, стараясь попасть в пах, но снова промахнулась.

— Черт побери, — прорычала она, — хватит двигаться!

Не в силах освободиться от хватки Данте, она решила изменить тактику и обмякла, упав в обморок на пол. Его пальцы соскользнула с нее, когда она падала.

Энни перевернулась на ковре, схватила острый кусок стекла и встала на колени. Она резанула осколком по испещренному шрамами запястью. Хлынула темная и густая кровь. Заметив сбоку какое-то движение, она взмахнула стеклом. Почувствовала, как обломок глубоко вошел в плоть, и ощутила медный запах крови. Было слышно, как Данте сделал глубокий вдох. Внезапно он упал перед ней на колени, его бледное лицо было напряжено, темный взгляд выражал решимость. Увернувшись, она попыталась подняться на ноги, но он предсказывал каждое ее движение. Она снова и снова махала стеклянным осколком, но тот

только со свистом резал пустой воздух, выглядело так, словно Данте просто исчезал.

Затем его пальцы обхватили ее запястья, дернули, притягивая ближе. Осколок стекла наконец выпал из скользких от крови пальцев, и он крепко сжал ее. Энни ощутила, как мышцы свело от мощной хватки, и уступила. Ее ноги подкосились, а когда она рухнула в объятия Данте, то почувствовала себя легче воздуха, поддерживаемая успокаивающей магией текилы и кислорода, но она никогда не смогла бы взлететь достаточно высоко.

Кожа и латекс скрипнули, когда Данте сел на пол, укачивая ее на своих коленях.

— Я чертовски ненавижу ее, — прошептала она, свернувшись рядом с ним, рядом с его жаром.

— Я понял, — прошептал он.

— Я рада, что она мертва, — сумела произнести Энни сквозь сжатое горло. Ее сердце напоминало раскаленный узел в груди, сжигающий изнутри; огонь, который невозможно потушить, узел, который нет сил распутать.

Данте убрал волосы с ее лица.

— Хочешь рассказать мне почему?

— Нет. Тебя я тоже ненавижу.

— *T'es sûr de sa?*

Его запах окутывал ее, словно осень, словно Хэллоуин, — горящие листья, замерзшая земля и спелые яблоки.

— Что это значит?

— Это значит: ты уверена насчет этого?

— О. Ага, я уверена, что ненавижу тебя. Типа того.

— Хорошо, — сказал он. Затем начал петь своим мягким, хриплым и сексуальным голосом: — *Laissez-faire, laissez-faire, ma jolie, bons temps rouler, allons danser, toute la nuit...*

Энни не была уверена, пел ли он на французском или испанском, или гребаном каджуне, но мелодия успокаивала так же, как рука, поглаживающая ее волосы.

Закрывая глаза, она подумала, что мельком увидела черные крылья, выгибающиеся высоко позади Данте, низ которых мерцал темно-синим оттенком. Находясь в руках этого темного ангела, она слушала песню, и его голос обрушивался прохладным водопадом на ее гнев, тянул, словно ловкими пальцами, запутанный узел в ее сердце.

Энни открыла глаза и коснулась окровавленными пальцами бледного лица Данте. Кровь текла из одной ноздри, значит, один из ее ударов в конце концов достиг цели. Его кожа, казалось, горела. Она очертила его губы. Он вздрогнул и закрыл глаза, но продолжал петь.

— *Si toi t'es presse et occupe, mon ami, courir ici, courir la-bas...*

— Поцелуй меня.

Глаза Данте открылись, темные и настороженные, но Энни увидела голод в их глубине. Его песня закончилась, когда он наклонил голову и поцеловал ее, оставляя на губах едва уловимый вкус Амаретто и крови легким прикосновением.

— Нет, — она потянулась и обхватила руками его лицо, — настоящий поцелуй.

— Я так не думаю, — сказал Данте с озорной улыбкой, — ты была непослушной.

Энни уставилась на тонкие кончики клыков, показавшиеся вместе с улыбкой. Сердце сильно ударило о ребра. Создание ночи. Или это имплантаты. Должны быть имплантаты.

— Если ты вампир, ты убиваешь, когда кормишься?

Улыбка Данте поблекла.

— Иногда да.

Энни сделала паузу, обдумав ответ и решив, что он пытался напугать ее — мудак.

— Не то чтобы это важно, но тебе необходимо было убивать?

— Нет, не всегда.

— Ты можешь обратить меня в вампира?

— Ага, но не хочу, так что даже не проси, черт возьми.

Прежде чем Энни задала еще вопрос, он высвободился из ее рук и поднял голову.

— Хэзер здесь, — выдохнул он, поставив их обоих на ноги. Его великолепное лицо, испачканное в крови, засветилось, словно осенний костер, и Энни знала, что ее больше не существует для него.

Снаружи Данте услышал низкий гул машины, спортивной или с мощным двигателем, хриплый и сильный. Но еще он слышал бешеный стук сердца Энни под ребрами, ускоренный в три раза из-за наркотиков и адреналина. Он посмотрел на нее. Она прижалась к нему, глаза были широко раскрыты, зрачки расширены.

— Поцелуй меня, — потребовала она, — поцелуй меня жестко.

Данте покачал головой, слушая, как гул машины становится громче, вибрация проникла сквозь подошвы его ботинок, прошла по позвоночнику. Через окно он мельком поймал проблеск машины, низкой и блестящей, свернувшей на подъездную дорожку, гравий захрустел под шинами. С низким урчанием двигатель заглох. Тишина заполнила дом.

— Поцелуй меня, — повторила Энни низким голосом, — или я скажу сестре, что ты вломился в дом и напал на меня.

Ее пальцы обхватили ремень и дернули.

Данте услышал, как открылась дверь, затем звук шагов по гравию. Автомобильная дверь закрылась с глухим стуком. Он наклонил голову, рассматривая Энни сквозь ресницы.

— Да?

— Ага. Я расскажу много таких историй, — темная надежда читалась в ее словах.

— Она уже знает, что я здесь. И что ты здесь тоже.

Он вспомнил краткое сообщение от Вона: «Твоя милашка агент ФБР здесь — ищет тебя».

Он вообразил, как она идет к дому, представил рыжие распущенные и вьющиеся за плечами волосы, обрамляющие прекрасное лицо. Представил изящные формы. Была ли она в джинсах? Слэксах? В платье?

Данте закрыл глаза, считая ее шаги.

Она была в безопасности. Дышала. Он хотел удостовериться, что так все и останется.

Беги от меня. Беги от меня как можно дальше.

Она пыталась. Но он преследовал ее. И не мог объяснить причину. Она так запутала его, как никто прежде.

— Чушь. Поцелуй меня, Данте.

Навязчивые маленькие пальчики Энни пытались расстегнуть его ремень, но он схватил их и мягко отвел в сторону.

— Я скажу ей, что ты меня порезал, — прошептала она.

Пульс Данте загрохотал. Он открыл глаза. Хэзер сейчас зайдет в дом. Он слышал звяканье ключей.

Данте обхватил лицо Энни ладонями. Удовлетворенная улыбка появилась на ее губах, когда она подставила лицо для поцелуя. Затем положила руки на его бедра и закрыла глаза.

Слушая царапанье ключа, скользнувшего в замок, Данте опустил голову, коснулся

губами уха Энни и прошептал:

— Пошла ты. Рассказывай ей все, что захочешь.

Глаза Энни распахнулись, и он отпустил ее. Дверь открылась, и уличный фонарь осветил стройную фигуру, стоящую в дверном проеме. Запах сирени и дождя заполнил комнату, сладость, отравленная печалью и неуверенностью.

Уличный фонарь слепил глаза, и Данте поднял руку, пряча их. Он был прав насчет ее волос: они ниспадали, распущенные за плечами. И она была в черной куртке и обтягивающих джинсах. Ее взгляд остановился на нем, дыхание перехватило. Долю секунды спустя улыбка изогнула ее губы и осветила сумрачно-синие глаза.

— Данте... — сказала она, входя в комнату, и замерла.

Ее взгляд прошелся от бумаг, разбитого стекла и фотографий на полу к нему. К открытому окну позади. К взъерошенной и окровавленной сестре, которая все еще держала руки на его бедрах. Она нахмурилась.

— Какого хрена здесь происходит?

Подмигнув, Энни отскочила от Данте, закружилась, затем рухнула на пол.

— *De mal en pire*, — пробормотал Данте. Чем дальше, тем хуже.

Глава 12

Искусство самоуничтожения

Сиэтл, Вашингтон

22 марта

Энни рухнула на пол, и на мгновение образ матери, свернувшейся на покрытой листьями земле, промелькнул перед глазами Хэзер. Данте с раздражением что-то пробормотал, потом упал на колени и прижал пальцы к вискам Энни.

Хэзер пронеслась через гостиную, миновав фотографии с места преступления, бумаги и папки, валявшиеся на ковре, опустилась на колени рядом с сестрой и убрала с ее лица разноцветные волосы.

— Она в порядке? — спросила Хэзер и залезла в карман пиджака. Достав телефон, раскрыла его. Теплый запах Данте, запах горящих листьев и густой темной земли, окутал ее. Она была достаточно близко к нему, чтобы чувствовать его жар.

— Не звони. Она в порядке. Под кайфом, возможно, пьяна, возможно, прикидывается, но в порядке.

— Прикидывается? — Хэзер захлопнула мобильник и засунула его обратно в карман.

Данте пожал плечами.

— Возможно, — затем убрал руки с висков Энни и опустил на свои обтянутые кожей бедра. — Она рассержена на меня.

— Не она одна, — сказала Хэзер, наклоняясь над сестрой.

— Правда?

— Правда. Но мы поговорим об этом позже.

— Хорошо.

Она почувствовала запах спиртного в дыхании Энни. *Проклятье, Энни!* Правая рука сестры была в крови, запястье. Она перевернула его и напряглась при виде все еще кровоточащего глубокого пореза.

— Она сделала это прежде, чем я смог ее остановить, — сказал Данте. — Мне жаль.

— Не твоя вина, — ответила Хэзер.

Холодный ночной воздух подул сквозь открытое окно в спину Хэзер. *Должно быть, так Данте попал внутрь. Взломал окно. Или Энни вломилась первой?* Злость кипела. Она беспокоилась о нем, пыталась найти, позвонив Симоне, придя в «Весперс», а он был занят тем, что вламывался в ее дом и... боролся с ее сестрой?

— В любом случае, что произошло? — спросила Хэзер, глядя в его темные глаза.

— Она страдает, — сказал Данте. — И не хочет страдать одна.

Злость Хэзер исчезла, когда она заметила высохшую кровь, размазанную под носом Данте.

— Ты... Она... — Она остановилась и посмотрела на сестру, изучила ее спокойное лицо, потом обратила взгляд на него. — Вернулись воспоминания?

Данте покачал головой.

— Немного не те воспоминания, — его губы расползлись в улыбке.

— Не смешно.

Хэзер осмотрела его окровавленные руки — оборонительные ранения — а потом

увидела неровный порез на латексной рубашке на уровне живота. Резко вдохнув, она осторожно коснулась пореза и потянула его, раскрывая.

— Черт! Она тебя ранила?

Бледная кожа под разрезанным латексом была липкой от крови. Теплые пальцы Данте сомкнулись вокруг запястья и убрали ее руку.

— Я в порядке, *chérie*. Не беспокойся. Создание ночи, помнишь?

— Я помню. — На нее нахлынуло облегчение, и она сжала его руку, прежде чем отпустить. — Но тебе все еще может быть больно.

Данте пожал плечами.

— Oui.

Он взял Энни на руки и встал, его движения были текучими и грациозными даже с женщиной, прижатой к груди. Голова Энни упала на его плечо, лицо скрылось за черными, фиолетовыми и синими прядями волос.

— Куда ее?

— Сюда, — сказала Хэзер, поднявшись, и повела его по коридору в гостевую комнату.

Она шагнула в сторону от порога, чтобы дать Данте пройти и опустить Энни на покрытую одеялом кровать. Та хлопнула под ее весом.

— Водяная кровать? Seriously? — спросил Данте, выпрямляясь.

Хэзер почувствовала, как улыбается.

— Мне нравится эта кровать, мистер-у-меня-матрац, — сказала она, сделав шаг в темную комнату, и включила маленькую прикроватную лампу. Небольшой желтый круг света появился на потолке.

Она села рядом с сестрой на кровать, которая закачалась под ее весом. Затем убрала волосы с лица Энни. Был ли это маниакальный приступ или скорее падение в пучины депрессии?

Хэзер подняла взгляд, чтобы попросить Данте дать ей немного времени побыть с Энни наедине, но его уже не было. На мгновение она обеспокоилась, не ушел ли Данте совсем, но вряд ли он влезал в дом, чтобы уйти, не сказав того, ради чего пришел.

Слова Вона звучали в ее голове: «Он беспокоился о тебе».

Но там, в слабо освещенном коридоре «Весперса», у нее возникло ощущение, что Вон кое о чем умолчал. Несмотря на сказанное и несказанное, его глаза лучились заботой, а напряженная поза говорила об одном — он беспокоился о Данте.

Хэзер аккуратно повернула порезанное запястье Энни, изучая рану; она все еще немного кровоточила, но зашивать не было нужды. Она осмотрела Энни в поисках других повреждений, нашла порезы на внутренней стороне пальцев и легкий синеватый кровоподтек на лбу.

Хэзер встала, наблюдая за сестрой, пока кровать тихонько волновалась. Прядь голубых волос прилипла к щеке. Кожа под глазами была в пятнах от подводки и с синяками от недостатка сна. Нечеткое пятно высохшей крови на губах.

Должно быть, Энни увидела фотографии с места преступления и раскидала их по полу гостиной. *Я бы никогда их не оставила, если бы знала, что она придет.*

Повернувшись, Хэзер пошла в ванную комнату за махровой мочалкой, антисептиком и лейкопластырями. В коридоре она мельком увидела Данте, собирающего бумаги с пола.

— Тебе не обязательно это делать, — окликнула она. — Я разберу позже.

Он фыркнул и продолжил заниматься тем, что делал. Хэзер покачала головой. Все

такой же упрямый осел. Она думала о том, как он нес ее сестру и опустил на кровать с осторожностью и нежностью, даже после того как та попыталась поделиться с ним своей болью. Все такой же Данте. Но теперь ей нужно добавить эксперта по взлому в список его превосходных навыков.

Вернувшись в гостевую комнату с припасами и теплой влажной мочалкой, Хэзер села на кровать и дождалась, пока затихнут колебания.

— Эй.

Хэзер посмотрела в подведенные глаза Энни и заметила расширенные зрачки. Кроме того, стало очевидно, что для женщины, которая потеряла сознание и очнулась где-то в другом месте, она не выглядит столь озадаченной. Хэзер стиснула зубы. *Возможно, прикидывается.* У нее сложилось ощущение, что Данте был прав. И Энни прикидывалась далеко не впервые.

— Привет. Как себя чувствуешь? — Она осторожно очистила от крови порез на запястье Энни.

— Твой бойфренд проклятый вампир! С клыками и... и... — дыхание Энни сорвалось. Она прикусила губу и отвела взгляд.

Давит на жалость?

— Прости, если он встревожил тебя, — сказала Хэзер, смазывая порез антисептиком. Острый медицинский запах скрыл вонь перегара, идущую от Энни. — Я говорила тебе, что он создание ночи.

— И ты ожидала, что я так возьму и поверю в это? Вампиры? Иисус Христос!

— Теперь ты веришь? — Хэзер перевязала рану.

— Да, — прошептала Энни. — Он порезал меня, и я думала, что он выпьет меня досуха.

Хэзер посмотрела на сестру.

— Он не резал тебя, Энни. И он пытался помочь, а не ранить.

— Откуда, черт возьми, ты можешь знать? Проклятье, ты даже не была здесь! Почему ты принимаешь его сторону?

«Началось», — подумала Хэзер.

— Я не принимаю ничью сторону.

— Нет, мать твою, принимаешь!

Внезапный рев пылесоса из гостиной испугал Хэзер. Какого черта делал Данте? Принимая во внимание остроту его слуха, возможно, он пытался не слушать, а Энни была не такой уж тихой.

— Прекрати, — сказала Хэзер, стараясь держать голос ровным. — Ты напилась, накачалась наркотиками и вломилась в мой дом. Когда тебя выпустили из лечебного центра?

Энни захлопнула рот и отвела взгляд.

— Тебя не выпускали, так ведь? Тебя выпустили под залог, и ты прекратила принимать лекарства.

— Почему я должна их принимать? Все, что они делают — превращают меня в хренову зомби. Но так же проще для тебя, а?

Слова Энни ужалили, и Хэзер застыла.

— Я хочу, чтобы ты поправилась, а не стала зомби. Я хочу, чтобы ты вернула себе свою жизнь. Я хочу снова видеть тебя на сцене.

— Да, конечно. Твой бойфренд поцеловал меня, между прочим. Дважды.

Энни наблюдала за ней с самодовольной улыбкой на губах и с хитрым блеском в глазах.

Наконец, она говорит правду? И использует ее в качестве ножа? Руки Энни были на бедрах Данте; его же руки висели по бокам. Но кровь на ее губах — попала туда с Данте? Его нос кровоточил.

Имеет ли значение, поцеловал ли Данте ее на самом деле?

Внезапно спутанный комок чувств — ревность, желание, горе — скрутился в ее груди, удивив Хэзер. *Да, имеет. И большое значение.*

— Очко в твою пользу, — пробормотала Хэзер и отвела взгляд. — Но он не мой бойфренд. — Вздохнув, она закрыла глаза. Но он был ее другом. И, возможно, даже больше.

— Не твой бойфренд? Да, конечно. Я видела его лицо, когда он произносил твое имя. Видела, как он выглядел, когда наблюдал, как тыходишь в дверь, — голос Энни был циничным и едва слышным. — Ничего больше не имело значения. Ничего больше не существовало. Только ты.

— Энни... нет.

Энни села на качающейся кровати и подтянула колени к груди.

— Эти фотографии и материалы о маме, зачем они тебе?

Хэзер изучала сестру, ее тело съежилось, сжалось, как кулак. Она почти вибрировала от энергии. Маниакальной.

— Я пытаюсь найти ее убийцу. И делаю то, что должен был сделать отец.

— Когда ты найдешь парня, что прибил маму, дай мне знать, чтобы я смогла его поблагодарить.

Отдав Энни мочалку, Хэзер встала.

— Заканчивай, а потом немного поспи.

— Отец правильно сделал, что забыл суку.

Хэзер устала на сестру, кровь стучала в висках. Рекомендация психотерапевта Энни раскручивалась в ее голове подобно спасательному тросу: *Не верьте в ее драму, не позволяйте ей давить на больное, просто показывайте, что вы о ней заботитесь.*

— Если тебе что-нибудь понадобится, — сказала она, голос ее звучал неестественно даже в собственной голове, — я буду в гостиной.

Энни плюхнулась на кровать, перекатившись на бок, когда та заплескалась и заволновалась. Свернулась калачиком.

— Как бы то ни было. Пошла ты.

Сделав глубокий вдох, Хэзер вышла из спальни в гостиную. Вымыв лицо от крови, Данте сидел на полу столовой, скрестив ноги, и читал досье на ее мать; фотографии с места преступления были аккуратно разложены рядом; стекло убрано; сломанная плакатная рама исчезла; а сам плакат, копия картины «Пылающий июнь» Лейтона, лежал на обеденном столе.

Хэзер почувствовала, как часть напряжения покидает ее из-за этого неожиданного приступа хозяйственности Данте. Учитывая беспорядок в его спальне в Новом Орлеане, она бы никогда не предположила, что он способен на такое.

Он убрал прядь волос за ухо, пока читал, нахмутив черные брови. Ее мысли вернулись к отснятому досье, к Хлое, которая учила его читать, и ее горло сжалось.

— Прости, что так вышло, — сказала она, садясь на пол рядом. — У Энни биполярное расстройство...

Данте поднял взгляд, приложил палец к губам и кивнул в сторону коридора.

Его жест был понятен: *Она подслушивает.*

Хэзер кивнула. Она не хотела закрывать дверь, боясь того, что сестра может сделать за ней. Но по тем же самым причинам не хотела перемещаться в другую комнату, чтобы Энни не смогла их слышать. Хэзер провела рукой по волосам, внезапно почувствовав сильную усталость.

— Ты заботишься о ней одна? — спросил Данте, его голос был едва слышен.

— По большей части, — пробормотала она. — Мой брат живет в Нью-Йорке, а мой отец — так, забыли о нем. Обычно Энни живет сама по себе, но в таком состоянии как сейчас... я нужна ей.

— Chérie, мне жаль.

Слова Данте, его голос, низкий, теплый и искренний, коснулись ее сердца. Но прохладный бриз, подувший из открытого окна, пахнувший дождем и влажными зелеными листьями, напомнил ей о том, как он проник в дом.

Поднявшись, Хэзер подошла к окну быстрыми шагами и закрыла его. Задвинула сломанную щеколду и посмотрела через плечо на Данте. Он наблюдал, его красивое лицо внезапно стало настороженным. *Он читает напряжение в моих движениях, слышит его в голосе. Он точно настороже; ведь так он и выживал на улицах в детстве.*

— Почему ты вошел через окно?

— Дверь была закрыта.

— Так же, как и окно.

Он пожал плечами.

— Я решил, что окно привлечет меньше внимания.

— Так или иначе, о чем ты, черт побери, думал? — спросила она, разворачиваясь к нему лицом. И сжала за спиной подоконник. — Ты мог бы позвонить. Или постучать в дверь. Или просто подождать, пока я вернусь домой.

— Я хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

— И это тебя оправдывает? Вломиться только потому, что беспокоился обо мне? — она удержала его взгляд. Огонь горел в венах. — Кто первый влез? Боже! Я не могу поверить, что задала этот вопрос.

— Я.

— Ты не имел права! Нет. Как и Энни.

Данте кивнул, свет отразился от колец в его ушах.

— Я слышу тебя.

— Что, черт побери, это значит?

— Это значит, Я... — Данте ткнул себя пальцем в грудь. — Слышу... — он дотронулся до ушей. — Тебя, — и показал на Хэзер.

Она уставилась на него, грудь сжималась, злость кипела в венах.

— Не будь кретином. Ты должен был дождаться, пока я вернусь домой.

— Да? Правда? — Данте положил папку рядом на ковер. — Я не был уверен в этом.

— Я же говорила, что мне нужно некоторое время. Я никогда не говорила *прощай*. Или ты не слышал меня?

Огонь появился в глазах Данте.

— Оуі, я тебя слышал.

— Так... ты шнырял по дому? Обыскал все? Поцеловал Энни?

— Аг-а-а, — протянул Данте, голос его был низким и таинственным. — Я поцеловал ее. И на что это влияет?

Затем что-то как будто щелкнуло, и его взгляд потемнел. Он закрыл лицо руками и покачал головой.

— Черт! — пробормотал он, потом опустил руки. Поднялся на ноги.

— Она сказала, что ты дважды поцеловал ее.

— Твою мать, ты смеешься надо мной? Это все из-за того, что я поцеловал твою сестру?

— Нет, из-за того, что ты вломился, — ответила Хэзер, пересекая комнату, и встала напротив. — Но раз уж ты упомянул, почему ты ее поцеловал?

— Не имеет значения, — сказал он низким натянутым голосом. — Это был только поцелуй.

— Она моя сестра, Данте! Это имеет значение!

На скулах Данте заходили желваки, но он ничего не сказал. Их тлеющие взгляды сцепились. «Данте целовал по многим причинам, многими способами, — напомнила она себе. — По-братски, в приветствие, расставаясь, с вождением. Возможно, он действительно не понимает, учитывая отсутствие границ в ходе его воспитания».

— Знаешь, что? Ты прав, это не имеет значения, — сказала Хэзер. — Это не мое дело, кого ты целуешь и почему.

Его темные глаза изучали ее, выражение лица вдруг стало беззащитным.

— T'es sûr?

Она немного знала французский, достаточно, чтобы иногда это помогало с каждым. Но если она правильно поняла, то, что он сейчас спросил, смутило ее до глубины души.

— Ты спрашиваешь меня, уверена ли я? В том, что это не мое дело?

Данте провел рукой по волосам, и выглядел при этом почти таким же смущенным и неуверенным, как чувствовала себя она.

— Да, — наконец ответил он с кривой улыбкой. — Думаю, да.

Хэзер ничего не могла поделать, кроме как вернуть улыбку.

— Я не хочу спорить с тобой, Данте, — произнесла она мягко. — Я рада тебя видеть, действительно рада.

— Я тоже.

— Но нам нужно поговорить, — сказала Хэзер. — Seriously поговорить.

Что-то сродни облегчению промелькнуло на лице Данте.

— Я тоже хотел поговорить с тобой, chérie. Ты все еще работаешь в ФБР?

— На данный момент да, — она кивнула на обеденный стол. — Возьми стул, мне есть, что показать.

Данте стянул с себя толстовку и повесил на спинку стула. Он был одет в черную латексную рубашку с серебряной пряжкой на ремне поперек груди и в черные кожаные штаны. Только его серебряная пряжка и кольца на пальцах и на ошейнике резко выделялись на фоне всего черного. Он развернул стул и сел.

Хэзер почувствовала на себе его внимательный взгляд, когда прошла по комнате и закрыла все шторы. Подойдя к входной двери, она заперла оба замка. Замки встали на место с твердым щелчком. Она не знала, продолжает ли кто-либо следить за ней. Но не заметила ни одной незнакомой машины или рабочего фургона, хотя это не значило, что их нет.

Возможно, то, что Данте влез через заднее окно, было хорошо, в конце концов.

Хэзер вернулась к столу и села. Затем подняла кипу бумаг и пролиставала их, ища данные, которые распечатала прошлой ночью. В процессе она пыталась привести в порядок мысли, сформировать подозрения.

— Кстати, сочувствую насчет мамы, — сказал Данте. — Я не знал.

Хэзер встретила его темный взгляд и улыбнулась.

— А как ты мог знать? Но все равно спасибо.

— Сколько тебе было, когда она умерла?

— Почти двенадцать. Мой день рождения был несколькими неделями позже.

— Оу, chérie, вот дерьмо, — сказал он, и она могла поклясться, что это он и имел в виду.

Хэзер посмотрела через плечо в направлении коридора. Понизив голос, она сказала:

— Дело об убийстве матери заморожено, официально, по крайней мере. Сейчас ее смерть приписывается к серийному убийце, известному как...

— Молоток-Гвоздодер, Кристофер Хиггинс, — вставил Данте.

— Именно, — Хэзер долго смотрела на него, впечатленная. У него было не так много времени, чтобы пройтись по досье, пока она ухаживала за Энни, так что он, должно быть, хорошо и быстро его просмотрел.

— ФБР тебя не отпустит, так ведь? — спросил Данте.

Хэзер покачала головой.

— Я надеялась, что они позволят мне уйти, если я буду молчать и притворяться, что ничего не знаю о Плохом Семени или о том, что случилось в Центре после того, как была ранена.

— Но...? — Данте положил руки на спинку стула.

— Они вызвали меня сегодня на встречу и предложили должность босса, РСА. — Хэзер покачала головой. — Предложение не только идет по протоколу, меня еще предупредили, что случится, если я откажусь.

— Рассказывай, — голос Данте был низким и опасным.

Она рассказала о встрече с Ратгерс и Родригезом, выделяя мелочи, которые сделали эту встречу особым случаем — нежелательное появление отца, усиленный интерес к медицинской карте, совсем-не-завуалированная угроза. Кроме того, она рассказала, как ездила на место убийства матери в компании с почетным караулом в виде высокого худощавого РСА из оперативного отдела Портленда.

— Они дали мне время на принятие решения до понедельника.

— И если ты им откажешь, то внезапно станешь сумасшедшей и в итоге окажешься либо в камере для психов, либо в морге, после того как спрыгнешь с очень высокого здания. Ублюдки.

— Да, по существу. — Хэзер отклонилась на спинку стула. — Ты такой красноречивый.

Кривая полуулыбка подернула губы Данте, но он выдержал ее взгляд своим темным и горящим.

— Так как зовут твоего нового босса, еще раз?

Улыбка Хэзер исчезла. Она выпрямилась.

— Нет, ты никого не убьешь. Даже не шути по этому поводу.

— Я и не шучу.

— Это не сработает! У него есть босс, у которого есть босс, у которого есть босс, и так далее. Его убийство не решит проблему.

Данте внезапно встал. И начал шагать по комнате, сжав челюсть, руки сжались, костяшки пальцев побелели. Дрожь прошла по спине Хэзер. Его злость выходила на поверхность. Что случилось, когда он больше не мог ее контролировать?

Через мгновение Данте остановился и сделал длинный судорожный вдох. Его ладони

раскрылись и погладили бедра. Кожа закрипела. Он повернулся к ней лицом. Взгляд был спокойнее, огонь поутих, но язык тела говорил об обратном — напряженный, сжатый, почти вибрирующий, сдерживающий эмоции.

— Ты в порядке? — спросила Хэзер. — Данте, тебе что-нибудь нужно?

Он посмотрел на нее, выпивая своими темными глазами, его взгляд был таким горячим и пронизывающим, что Хэзер почувствовала, как у нее ускоряется пульс.

— Я имею в виду... тебе нужно... пить?

«Скажи это, — сказала она себе. — Скажи вслух».

— Кровь, — поправилась она.

— Да, но я подожду, — сказал он, проводя обеими руками по волосам, его кожа была белой на фоне иссиня-черных прядей. — Хорошо, убийство твоего босса — не выход. Так как ты собираешься поступить? Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь.

— В этом-то и проблема, — сказала Хэзер. — Я беспокоюсь о тебе.

— Правда? Pourquoi? Со мной все хорошо.

Исчадие доложил о своем появлении тихим «мяу» и потерся о ногу Хэзер. Как только она нагнулась, чтобы погладить его, он убежал в кухню, мяукая по дороге, так быстро, как будто у него были все четыре лапы, а не три.

— Эй, mіnoц, — сказал Данте. — Теперь ты поднимаешь тревогу?

Хэзер встала и пошла за Исчадием в кухню. Его миска была пустая.

— Мамочка плохая, — сказала она, наполняя кормом миску. — Прости.

Исчадие поурчал, соглашаясь — да, Мамочка плохая — или принимая извинения, или и то, и другое. Она некоторое время гладила его голову, пока он уплетал корм со вкусом лосося.

— Хочешь кофе? — крикнула она. — Могу сделать.

— Конечно, — раздалось справа от нее.

— Черт! — Хэзер повернулась, сердце стучало, кулак автоматически взлетел.

Данте отступил, подняв руки в защите. Она не слышала, как он вставал или шел в кухню. И забыла, каким тихим и быстрым он был, даже более, чем обыкновенное создание ночи, и это о чем-то говорило, с ее точки зрения.

— Фух, эй! Прости, — сказал он, смеясь. — Я не хотел напугать тебя.

— Господи! Может, мне стоит повесить на тебя колокольчик, как на кота?

— Она протолкнулась мимо к барной стойке, взяла стеклянный кофейник от кофеварки и наполнила его водой.

Когда кофе сварился, и крепкий аромат закружился в воздухе, она вернулась к столу. Наклонившись над его заваленной поверхностью, она продолжила, пролистывая бумаги:

— Что ДеНуар... Твой отец, то есть, сказал насчет Плохого Семени?

— Ничего, — тихо ответил Данте. — Но тогда я был не совсем дружелюбным.

Хэзер посмотрела на него, внутри зародилась острая боль.

— Ты должен быть честным с самим собой.

Данте провел рукой по волосам, его бледное лицо внезапно стало усталым. Он кивнул на бумаги, в которых она рылась.

— Почему ты беспокоишься обо мне? Плохое Семя умерло вместе с Джоанной Мур, так? Все кончено.

Хэзер покачала головой.

— Нет, не кончено, не совсем. Был еще один человек, вовлеченный в проект, —

мужчина, который положил всему начало и завербовал Мур.

Бумага, которую она искала, наконец-то нашлась. Она вытащила ее и отложила стопку на край стола. Затем посмотрела на Данте.

— Продолжай, — сказал он. Взгляд его был твердым, а красивое лицо настороженным. — Как его зовут? — Его пальцы крепко вцепились в спинку стула.

— Доктор Роберт Уэллс. — Хэзер шагнула к нему и показала бумагу. Он посмотрел на нее, сосредоточившись на фотографии сверху. — Он принял тебя во время родов и распорядился убить твою мать.

Резкий треск раскалывающегося дерева раздался в комнате, когда спинка стула сломалась под пальцами Данте.

Глава 13

В бесчестном мире

В небесах
22 марта

Катерина выглянула в иллюминатор самолета. Тысячи крошечных огоньков мерцали в темноте: словно перевернутое небо со звездами внизу и холодной бесконечностью наверху. Отодвинув край рукава, она посмотрела на часы. 0:12 по летнему восточному времени, а значит в Портленде, Орегон, 21:12. Пролетая через страну, она возвращалась в прошлое, от рассвета к ночи.

Расслабившись в кресле, Катерина на мгновение закрыла глаза. Пришлось рассказать Ратгерс правду о пропавшей записи с камеры наблюдения, и Катерина злилась, потому что до сих пор ее не вернула. Но у нее была пара идей, как это сделать.

После смерти Бронли она поехала в Гейтерсберг, чтобы выразить соболезнования вдове, Норе. Только так она напоминала себе, что закончила чью-то жизнь, а не просто выполнила задание.

Сидя со скорбящей женщиной, Катерина поняла, что Бронли и его вдова практически поклонялись доктору Роберту Уэллсу.

— *Я никогда не узнаю, почему он ушел и оставил нас. Кристи для него была целым миром.*

Самолет яростно трясло несколько секунд, и Катерина распахнула глаза. Ее сердце колотилось в груди. Турбулентность. Она ненавидела летать, ненавидела доверять свою жизнь кому-то незнакомому. Взяв пластиковый стаканчик с откидного столика, она допила остатки водки. Absolut Vanilla приятно обжигала и согревала, спускаясь по горлу. Катерина почувствовала, что ее мышцы расслабились.

Судя по всему, Уэллс провел непростую и сомнительную генетическую работу с единственным ребенком Джона Бронли, пока тот все еще был в утробе Норы. Синдром ломкой X-хромосомы^[33]. Без исследования Уэллса Кристи Бронли могла начать жизнь умственно отсталой, возможно, страдая аутизмом, и это было бы только началом проблем. Обеспечивая девочке специальный уход, медицинское обслуживание и образование, семья Бронли погрязла бы в долгах.

Доктор Роберт Уэллс поменял их судьбы, изменив дочь. Из-за его работы — к удивлению, бесплатной — Кристи Бронли родилась здоровой, без порока и с будущим, полным безграничных возможностей.

Было интересно узнать, получил ли Уэллс посылку от Бронли.

Катерина отдала пластиковый стаканчик стюарду и покачала головой, когда тот спросил, не нужно ли повторить. Катерина слушала его радостный голос, пока он шел дальше по проходу, общаясь с остальными пассажирами, и ее глаза снова закрылись.

В полудреме мысли вернулись к матери и колыбельным, старым итальянским колыбельным, ее голос был теплым, как фланель.

Fi la nana, e mi bel fiol / Fi la nana, e mi be fiol / Fa si la nana / Fa si la nana / Dormi ben, e bel fiol / Dormi ben, e mi bel fiol...

Катерина представила Ренату Алессу Кортини — худую, маленькую и грациозную, с темными глазами и бледной кожей, ее густые темно-каштановые локоны, спадающие до белых плеч.

Рената рассказала Катерине об Истинной крови, признавшись, что за все прожитые века не встречала ни одного, хотя слышала потрясающие сказки от старейших, которые встречали. Представители Истинной крови появлялись все реже, и это сильно беспокоило Ренату.

Она боялась, что Кровная линия прервалась, что ее чистоту разбавили, испортили.

После просмотра CD на ноутбуке Бронли, Катерина смогла умерить мамины страхи: *Кровная линия все еще продолжается. Я сама видела.*

Дитя Истинной крови родился. Его мать убили. Его отец неизвестен.

Как могла Джоанна Мур — как вампир, женщина и живое существо — сотворить подобное со своей *fille de sang* и ребенком в ее утробе?

Пламя вспыхнуло внутри Катерины вместе с воспоминанием, пронеслось по венам, дикое и жаркое. Она глубоко вдохнула и досчитала до тысячи. Пламя начало тлеть, стихать и поддалось контролю.

Все еще нужно было найти Доктора Мур или, по крайней мере, узнать, что случилось в Центре. Она подозревала, что исчезнувшая запись с камеры наблюдения из медсанчасти, которая стоила Джону Бронли и многим другим людям жизни, содержала ответ.

В работе Катерины завершить поставленную задачу было всем. Без вопросов. Без сожалений. Дело чести, ни больше, ни меньше. Превратилась ли она в социопата? Кортини так не думала, потому что убивала только тогда, когда это было необходимо, а не для личной выгоды, власти или сексуального удовольствия. Она скорее была самураем в бесчестном мире.

Катерина всегда верила, что работа в Центре, включая проекты, начатые Мур и Уэллсом, велась для общего блага смертных и вампиров. Знала, что их часть включала в себя исследования разума, но никогда не задумывалась о том, как они проводились, никогда не задумывалась об их цене.

Ее работа не требовала таких знаний.

Но сердцу было интересно, интерес она заглушала долгом.

Теперь Кортини знала. Знала, что невероятно прекрасный дитя Истинной крови по имени Данте Батист покопался в исследованиях Мур.

Создание социопатов для изучения. А потом — негласный и неписанный — контроль.

Данте отправляли в худшие из доступных приемных домов, постоянно меняя его местонахождение; систематически лишали всего и всех, о ком он заботился и кого любил.

Разум Данте подвергали насилию множество раз, и в качестве еще одного психопатологического эксперимента его память разорвали и похоронили.

Принц Истинной крови.

Пара фотографий с Данте, которые она видела на CD, всплыли в памяти.

Данте в образе великолепного темноволосого подростка. Ей понравился вызов мальчика, его сексуальная кривая полуулыбка на губах, брошенная фотографу, темный и прямой взгляд.

Другое фото было сделано недавно: Данте — взрослый, потрясающе красивый с был-там-делал-это-и-могу-сделать-это-снова-так-что-идите-на-хер взглядом, одетый в кожаную куртку и рваные джинсы, с потрепанным гитарным чехлом в руке и самоуверенным

выражением на бледном лице.

Самолет внезапно встряхнуло, и желудок Катерины сжался. Когда они снова полетели гладко, капитан вежливо успокоил пассажиров и извинился за трудный полет. Катерина не открывала глаза, крепко сжимая подлокотники.

Ее мысли скользнули обратно к недавнему разговору с матерью, к тому, как та затаила дыхание:

— *Истинная кровь. Ты уверена?*

— *Sì, Мата. Но ему был нанесен ущерб. Я не знаю, насколько сильный.*

— *Это не имеет значения, cara mia. Он просто ребенок. — Холодная ярость прозвучала в следующих словах Ренаты: — Смертные постараются скрыть дитя Истинной крови, спрячут его и будут дурно с ним обращаться.*

— *Мама, мне приказано убить смертную женщину, которую он спас, и всех остальных людей, вовлеченных в проект, включая человека, который этот проект создал.*

— *Этого убей медленно, очень медленно. А Истинная кровь? Что с ним?*

— *На данный момент мы должны оставить его в живых, оставить его на свободе.*

— *Вуопо. Найди его и заслужи доверие, а потом приведи к нам.*

— *Sì, Мата. Но я прошу твоего совета на случай, если обнаружу, что нанесенный ему вред слишком велик. Как мне убить Истинную кровь?*

— *Если нанесенный ущерб непоправим, тогда приведи его к нам, и мы сможем закончить его жизнь с любовью и уважением, — ярость покинула голос Ренаты, сменившись печалью. — Он принадлежит нам. Живой или мертвый. Не в руках смертных и даже не в твоих, моя любовь, дитя моего сердца.*

Еще один жестокий толчок сотряс самолет, и на этот раз Катерина держала глаза закрытыми, вцепившись пальцами в подлокотники. Турбулентность усилилась. Через несколько рядов позади завопил ребенок.

Кортини вдруг затосковала по сигарете и представила, как дым проникает в ее легкие. Несмотря на то что она не курила в течение шести лет, иногда сильное желание взять сигарету подкрадывалось к ней и пинало под зад, оставляя ее напряженной и жаждущей, как никотинового наркомана, которому нужен новый пластырь. И ей был необходим один такой прямо сейчас. Очень.

Катерина задумалась о прощальных словах матери еще раз, прокручивая их снова и снова, рассматривая каждое из возможных значений:

— *Ты идешь по канату между мирами с такой грацией и спокойствием, которых я никогда не видела, мой котенок. Но однажды ты упадешь. В каком мире ты приземлишься, смертных или вампиров? Тебе придется выбрать — сейчас или когда ты соскользнешь с каната.*

А если она отказывалась выбирать? Просто отошла в сторону, опустила голову, закрыла глаза, позволив року или судьбе повелевать падением? Могла ли она сохранить свою честь в сердце турбулентности?

Она знала, как убивать собственный вид и знала, как убивать вампиров. И пока Рената не расскажет, как убить Истинную кровь, нужно выяснить это иначе. Просто на всякий случай.

Давайте проясним. Посмотрим правде в глаза. Чего будет стоить убийство дитя Истинной крови?

Но если проект Джоанны Мур провалился, и Данте не превратится в монстра, как

Элрой Джордан, он был достаточно молод, чтобы измениться, принять наставления и обучиться.

Достаточно молод, чтобы исцелиться.

Она найдет Данте Батиста и тогда, прислушавшись к своему сердцу, сделает все, что честь и милосердие ей позволят. Убьет монстра Истинной крови. Или защитит принца Истинной крови.

Специальный агент Брайан Шеридан улыбнулся официантке, когда та снова наполнила его чашку. Он бросил пакетик Splenda^[34] в кофе вместе с дерьмом, которое должно было сойти за сливки. И лениво перемешивал это, наблюдая за самолетом, выезжающим к взлетно-посадочной полосе, его огни мерцали в темноте. Самолет катился по асфальту, набирая скорость, тонкие стены аэропорта «Даллас Интернешнл» заглушили рев мотора.

Самолет Кортини отбыл точно по расписанию час назад.

Шеридан много слышал о ней, видел несколько фотографий, но никогда не встречал во плоти. Он потягивал кофе, игнорируя обжигающий и горький вкус.

Когда Кортини вошла в офис Ратгерс, ростом пять футов семь дюймов, стройная, с уверенным шагом, все внимание Шеридана было приковано к ее изящным движениям. Текучим и сбалансированным. Как у гимнастки или мастера боевых искусств. Он был готов держать пари, что ее рефлексы быстры и отточены, что она может мгновенно перейти от рукопожатия к удушению.

Она была одета в строгий черный костюм и белую блузку, а на запястьях и в ушах мелькало серебро. Темные, цвета кофе, волосы касались плеч и обрамляли привлекательное лицо. Ей было тридцать четыре, но она выглядела моложе. Неожиданно озорная улыбка изогнула ее блестящие, едва розовые губы и осветила карие глаза.

Эта женщина легко могла застать врасплох, такого эксперта по убийствам было легко недооценить с ее озорной улыбкой. И смертельно опасно.

Самолет, за которым он наблюдал, вознесся в небо, как движущееся созвездие мерцающих бортовых огней. Шеридан смотрел, пока тот не скрылся из вида. В конце концов он с отвращением оставил кофе и заказал Foster's. Нет вреда в одном бокале пива, пока ждешь бессонного полета в Сиэтл. Ночь должна была быть длинной.

Ратгерс дала ему очень специфические инструкции, пока они выходили вместе из здания и отходили подальше от лишних ушей, человеческих или нет.

— Если мне придется потерять такого хорошего агента, как Уоллес, и такой ценный ресурс, как Уэллс, то я потеряю и Данте Прейжона, — резко сказала Ратгерс, склонив голову. — Я отказываюсь дать ему уйти после того, что он натворил. Он умирает. ТС может засунуть свои решения себе в задницу. — Она взглянула вверх, и ее глаза затуманились, а голос стал горьким и холодным. — Адаптироваться к темноте не трудно в нашей профессии. Обязательно напомни Кортини об этом, когда будешь ее убивать.

Глава 14

Еще глубже

Сиэтл, Вашингтон
22 марта

Данте уставился на бумагу, его сердце бешено колотилось. Фотография расплывалась, а боль пронзала виски при каждой попытке сфокусироваться.

Отомсти за свою мать и за себя.

Но если то, что сказала Хэзер, правда — а у него не было причин сомневаться — тогда он проиграл. Убийца Женевьевы Батист все еще дышал, и ел, и спал. Наслаждался жизнью.

Но ненадолго.

— Назови мне имя еще раз, — сказал Данте, грудь сдавило, мышцы скрутило. — Я не могу его прочитать. Назови еще раз. Медленно.

Хэзер нахмурилась от беспокойства.

— Ты неважно выглядишь, — сказала она.

— Имя.

— Роберт Уэллс.

— Роберт... — повторил Данте и открыл было рот, чтобы произнести фамилию, но она ускользнула, утекла из хватки, смазалась болью. Глубоко внутри жужжали осы. Боль колола в висках. — Черт, — пробормотал он. — Повтори.

— Роберт Уэллс. Данте, я не думаю...

Образ вспыхнул в разуме Данте: *мужчина с блондинистыми с проседью волосами и с дружелюбной улыбкой склоняется над ним. Разбрызганная кровь украшает его белый лабораторный халат. Рука поглаживает волосы Данте, когда он вставляет иглу в его шею.*

— *Мой красивый мальчик. Ты выживешь после всего того, что я могу с тобой сделать, не так ли?*

И нажимает на поршень.

Образ развалился на части. Исчез. Боль пробралась в осознание Данте, в глазах мерцал белый свет.

— Повтори, — прошептал он, стуча кулаками по вискам. — Еще раз.

Пальцы схватили его подбородок, заставили повернуться. Их взгляды встретились: в синих глазах Хэзер отражалось беспокойство. Ее губы шевелились, но все, что он мог слышать, — голоса, нарастающие внутри как ураган.

— *Нам нужна смирительная рубашка. И цепи. Поспешите!*

— *Маленький чертов психопат.*

— *Скажи это снова, и я отдам тебя этому маленькому чертову психопату.*

— *Беги, Данте-ангел, беги!*

— Данте, вернись, — голос Хэзер прорезался сквозь голоса, и он сконцентрировался на ее лице.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она смотрела прямо в душу. Глубже, чем, по его мнению, было безопасно. Но для него? Или для нее? Он не был уверен, казалось, что это опасно для них обоих. То, что шевелилось в

темноте души. Беспокойное. Голодное.

Мышцы Данте напряглись. Глубоко вдохнув, он сфокусировался на мрачном взгляде Хэзер. Ощутил ее аромат сирени-и-шалфея-во-время-дождя. Потом ее руки обвили его, и голоса исчезли. Жужжание прекратилось.

Все стихло, кроме стука их сердец, ритма, соединяющего в себе дневной свет и восходящую луну. Он обхватил ее руками и уткнулся носом в волосы, вдыхая благоухание сирени.

— Данте?

— J'su ici.

— Как твоя голова?

— Comme çі, comme çа^[35], — он поднял голову и увидел у ног кусочки разломанного дерева, а затем посмотрел на сломанный стул. — Черт. Прости.

— Не переживай. Сиди, — настояла Хэзер.

Данте отпустил ее, затем покачал головой.

— Нет, мне нужно идти.

Лицо Хэзер приобрело странное выражение.

— Что я говорила тебе чуть ранее?

Данте порывлся в памяти, чувствуя, как что-то движется и ускользает. Боль пронзила разум. Он шмыгнул носом. Почувствовал кровь.

— Что-то о парне, который принял меня на свет и убил мою мать, но я не помню его имя, — пробормотал он и вытер нос, размазав кровь по тыльной стороне руки.

— Роберт Уэллс, — сказала Хэзер. — Доктор Роберт Уэллс. И у тебя нос кровоточит.

— Роберт... — сказал Данте, потом вернулся к памяти. Он знал, что имя было там, почти слышал его эхо, но не мог дотянуться. — Черт!

— Сядь. — Хэзер надавила на его плечи. — Данте, сядь.

Он сел и пробежался пальцами по волосам. Что-то внутри было не так, как будто бы заводилось, нечто сломанное, раздробленное, пыталось вернуться к жизни. Сердце стучало тяжело и быстро. Хэзер опустилась перед ним на колени и приложила к носу салфетку.

— Как так получается, что я могу вспомнить имя Джоанны Мур, но не этого подонка?

Хэзер покачала головой, ее лицо было очень серьезным, озабоченным.

— Не знаю, но есть ощущение, что Уэллс запрограммировал тебя с гарантией своей безопасности, о чем Мур не подозревала, возможно, чтобы остаться в живых в случае, если их дела пойдут наперекосяк.

— Хорошо, тогда давай обойдем эту чертову гарантию безопасности. Где он живет? Как мне найти его?

— Позже. Откинь голову.

— Я в порядке! — сказал он, выхватывая скомканную бумажную салфетку.

— Отдай.

— Ты не в порядке! — Хэзер кинула в него окровавленной салфеткой. Огонь горел в ее глазах, и он почуял, как кровь прилила к ее щекам. — Твой разум погружен в хаос еще с рождения, Данте. Ты далеко от того, чтобы быть в порядке. Почему ты такой чертовски упрямый осел?

— Это единственный путь, который я знаю.

Грустная улыбка коснулась губ Хэзер.

— Да, так ты и выживаешь.

— Я не единственный упрямец в этих отношениях.

— Я настойчивая, а не упрямая ослица, — пробормотала Хэзер. — Есть большая разница.

— Продолжай себе это говорить.

Смех Хэзер был глубоким, теплым и сексуальным.

— Ты помнишь, что я тебе говорила немного ранее?

Данте кивнул.

— О парне, чье имя я не могу запомнить. О парне, который ответственен за смерть моей мамы.

Слова Извращенца пробрались в его мысли. *Так как она была кровососом, они отрезали ей голову и сожгли.*

— Правильно. Мы разберемся с этим завтра. Думаю, нам обоим на сегодня достаточно, и тебя все еще ждет выступление.

— А у тебя Энни, — сказал Данте.

— Угу, — вздохнула она. Усталость отразилась в ее глазах. — У меня есть несколько зацепок, которые я хочу проработать сегодня, после того как разрешу проблему с сестрой. Я в безопасности до понедельника. А ты, возможно, в безопасности во время тура. Но будь предельно осторожен, я могу ошибаться.

— Ты тоже. Держи оружие при себе, chérie.

— Да, конечно.

Данте подошел к окну и открыл его.

— Завтра я первым делом почию это, — сказал он, проводя пальцем по сломанной защелке.

— Еще бы ты его не починил, — ответила Хэзер, хотя и не могла представить его с отверткой. Она проследовала за ним к окну. — Почему бы тебе не использовать дверь?

Данте пожал плечами.

— Выхожу тем же путем, которым вошел.

Повернувшись, он наклонился, и Хэзер поняла, что запрокинула голову для поцелуя, ее сердце стучало сильно и быстро, но вместо горячего прикосновения губ она почувствовала его пальцы, дотрагивающиеся до лица. Его лоб коснулся ее лба, и она вдохнула дымный и глубокий запах темной земли.

— Je te manque, — прошептал он. Его пальцы задрожали, а потом исчезли.

Хэзер посмотрела в глаза Данте; голод сверкал в их темных глубинах. Она дотронулась до его лица, и он, напрягшись, отстранился. Ее горло сжалось.

Данте целует по многим причинам — он целует друзей, он целует незнакомцев, она даже видела, как он целует врага. Но что значит, если он не целует? Когда отказывается коснуться губами?

Отодвинув занавеску в сторону, Данте нагнулся и перебросил одну ногу через оконный проем. В таком положении он посмотрел на Хэзер.

— Я добавлю вас с Энни в список гостей на завтра, если вы захотите прийти на шоу.

— С радостью, — сказала Хэзер с улыбкой. — Спасибо.

— Bonne nuit, chérie, — сказал он, спрыгивая на землю. — До встречи.

Данте натянул капюшон толстовки, опустив как можно ниже, схватившись пальцами за края у лица. Затем сделал несколько шагов, удерживая взгляд на ней, его блестящие глаза мерцали в темноте. Скользя в тень, он развернулся и побежал.

Хэзер закрыла окно, прижалась лбом к стеклу и закрыла глаза. Стекло холодило кожу. Ее пальцы схватились за подоконник. Недели порознь не изменили ее чувств к Данте. Но она все еще не разобралась с тем, что творилось в сердце. Но прежде, чем она сможет что-нибудь сделать, они оба должны пережить крах Плохого Семени.

Задернув занавеску, Хэзер повернулась и подошла к дивану, на который бросила сумочку, когда пришла — огорошенная драматическим обмороком Энни и перехватывающим дыхание присутствием Данте. Она вытащила из сумочки супер-колыт и засунула его за пояс джинсов сзади. Холодное дуло касалось поясницы.

Тихие всхлипывания, несчастные и уязвимые, вернули ее в гостевую комнату к теперь уже рыдающей сестре. Слова Данте, сказанные шепотом, крутились у нее в голове: *Je te manque*.

«Мне тоже тебя не хватает», — подумала она.

Глава 15

Рождение новых богов

На I-205 между Дамаском и Портлендом

22 марта

Алекс Лайонс вел свой Dodge Ram на север по шоссе I-205, направляясь в Портленд чтобы найти больше материала для экспериментов Афины. Она спала, но он знал, что это продлится недолго, несмотря на наркотики. Ее беспокойный разум скоро пробудится в погоне за мыслями.

Музыка «Inferno» била из колонок пикапа, заполняя машину яростной резкой песней. Голос Данте вился вокруг сознания Алекса, сиплый и горячий.

Я жду тебя / Я смотрю / И смотрел / Я знаю каждый твой секрет...

«Не думаю, — мысленно ответил Алекс. — Но я знаю твои».

На заднем фоне настойчиво раздавался сигнал, и Алекс понял, что звонит телефон. Приглушив звук, он вырулил Ram на обочину и остановился. Затем, включив аварийные сигналы, вытащил мобильник из кармана толстовки. Номер был неизвестный.

Нажав пальцем на кнопку ответа, он произнес:

— Лайонс.

— Ваша встреча с Хэзер Уоллес принесла что-нибудь интересное?

Голос связного ТО был мягким, глубоким и немного гнусавым. «Уроженец Новой Англии, — размышлял Алекс, — возможно, Бостона».

— Ничего нового, — ответил Алекс, — она держит все в секрете. И достаточно умна, чтобы знать, что за ней наблюдают, выведывают информацию.

— Она ничего не сказала о Прейжоне? Плохом Семени?

— Нет.

— И ничего насчет Мур или событий в Центре, я полагаю.

— Верно.

Его собеседник вздохнул.

— Ох, хорошо. Но думаю, что, даже если бы она что-то и рассказала, это уже не важно.

— Что вы имеете в виду? — Алекс притих, внимательно вслушиваясь.

— Она присоединится к твоему отцу... в отставке.

— Это необходимо? — спросил Алекс.

— Да.

Алекс представил прекрасное, в форме сердца, лицо Хэзер, ее глубокие синие глаза. Вспомнил, что она попросила у него: «Ты можешь держать моего отца в неведении?» И свое обещание.

— Я узнал некоторую интересную информацию о Хэзер, косвенно, — произнес он.

— И что это было?

— Ей спас жизнь не счастливый случай или неотложная медицинская помощь, как она утверждала. Данте Прейжон излечил ее, но он не использовал кровь.

— Действительно интересно. А еще я нашел интересным то, что ты не сказал об этом факте, пока я не упомянул устранение Уоллес.

Холодный пот выступил каплями на лбу Алекса.

— Простите, я только что подумал об этом.

— Есть что-нибудь еще, о чем я должен знать? Что-нибудь, о чем ты подумал только что?

Алекс выдержал паузу, прежде чем ответить, делая вид, что задумался.

— Нет.

На линии наступила тишина, типичное прощание связного. Алекс убрал телефон обратно в карман и вытер ладонью пот со лба. Он надеялся, что выиграл для Хэзер немного времени; надеялся, что ТО теперь будет более заинтересовано в ее изучении, а не в устранении. Она была умна, сексуальна и полна секретов, один из которых они сейчас разделили.

Я оставлю твоего старика в неведении.

Алекс выключил аварийку, вдавил газ и вырулил Ram обратно в поток. Несколько капель дождя ударились о лобовое стекло, и он включил дворники. «Inferno» разорвали тишину, слова Данте, произносимые шепотом, резали до костей, словно острый нож.

Сломай меня / Я умоляю тебя / Посмотрим, сможешь ли ты / Сломай меня / Своим шепотом и ложью / Сломай меня, черт возьми / Своим поцелуем / Я умоляю тебя / Поставь меня на колени / Посмотрим, сможешь ли ты...

Фары Ram осветили фигуру, идущую по обочине с выставленным большим пальцем. Алекс снял ногу с педали газа и съехал с дороги. Прежде чем он успел остановиться, фигура побежала к пикапу.

Мгновение спустя дверь со стороны пассажирского сиденья открылась, порыв холодного пропитанного дождем воздуха ворвался в салон. В проеме появилось молодое бородатое лицо.

— Куда вы едете?

— Портленд, — сказал Алекс.

— Круто, это подходит.

Автостопщик кинул запятнанный повидавший виды рюкзак на пол и забрался на пассажирское сиденье. Он застегнул ремень безопасности и усмехнулся.

— Спасибо, чувак.

Его влажные, длиной до воротника, волосы завивались на кончиках.

— Конечно, — сказал Алекс, вернув усмешку, — вы тоже делаете мне одолжение.

— Не давая заснуть?

— Скорее, поможете с трудным заданием.

Усмешка автостопщика исчезла.

— Что за задание?

— Не переживайте. Вам ничего не нужно будет делать.

Телекинетическая энергия поднималась в Алексее, взметаясь по позвоночнику, электрическая и покалывающая, когда он сосредоточился на своем пассажире.

Энергия рванула к мужчине, вдавливая его в сиденье и выбивая воздух из легких. Автостопщик задохнулся. Волосы на голове и бороде поднялись. Глаза расширились, пока он дергался, стараясь освободиться, но оставался на том же положении, удерживаемый невидимыми руками.

Алекс залез в карман толстовки и вытащил шприц.

— Ты сэкономил мне много времени и защитил от проблем, — сказал он панически хрюкающему автостопщику. — Теперь мне не надо искать другого неудачника-бродягу под

мостом Бёрнсайд.

Алекс задавался вопросом: чего Афина надеялась достигнуть в своих экспериментах? Он знал, она пыталась повторить то, что Данте сделал с Джоанной Мур, очарованная идеей разрушения.

Как еще я его пойму?

У Алекса на это не было ответа, но эксперименты сохраняли ее счастливой и занятой — вот, что имело значение.

Временами Алекс лежал с открытыми глазами, слушая Афину, носившуюся по дому, и представлял, как она теряет контроль. Убивает их родителей. Поджигает дом. Он даже мог почувствовать запах едкого дыма, услышать потрескивание огня, ощутить, как жар стягивает кожу на лице.

Зови меня Аид.

Затем он вспомнил диск Плохого Семени, на котором видел четырнадцатилетнего Данте, убивающего жестоких приемных родителей, поджигающего их дом. И Алекс начал успокаиваться. Возможно, такие сцены были обрядами посвящения. Огонь закаляет сталь телесных лезвий.

Когда старых богов уничтожают, появляются новые боги, пропитанные кровью.

Так было. Так будет всегда.

— Аминь, брат, — пробормотал Алекс, затем воткнул иголку в горло автостопщика и надавил на поршень.

Глава 16

Не более чем миф

Сиэтл, Вашингтон — «Весперс»

22 марта

Данте вошел в зеленую комнату за кулисами «Весперса». Вон, развалившись в мягком потрепанном кресле, выглянул из-за выпуска Newsweek.

— Время боя, — медленно сказал он. — А ты пропустил саундчек.

— Нет, — возразил Данте, — я ничего не пропустил, — и, взяв за спинку, перевернул металлический складной стул перед туалетным столиком, затем сел на него верхом. Он смотрел в зеркало, когда Вон положил журнал на ручку кресла.

— Ты знаешь, что это направление не стареет, — сказал бродяга.

— Рад слышать. В этом весь я, всегда хочу угодить.

Вон фыркнул.

Данте снял очки и, бросив их на стол, закрыл глаза. Он все еще видел Хэзер в окне, смотрящую в ночь, все еще чувствовал ее запах, сирени, шалфея и горьковато-сладкой боли, все еще чувствовал мягкость ее щеки под пальцами.

Открыв глаза, Данте снял капюшон и провел рукой по волосам. Он дрожал, замерзший и запутавшийся. Ему нужно было поесть, и он поест, после концерта.

— Вы с Сильвером уже питались? — спросил он.

— Да, но... что за порез у тебя на рубашке? — голос Вона был низким, с нотками сомнения. — Ты снова подрался? Или крутая малышка Хэзер встретила тебя старым добрым ножичком?

Данте посмотрел на отражение настороженного Вона в зеркале.

— Не-а. Это ее сестра.

Веселье исчезло с лица Вона. Он сел.

— Серьезно? Ты в порядке?

— Да, в порядке.

Сдернув толстовку, Данте повесил ее на стул. Его косметичка лежала на столе рядом с высокой темно-зеленой бутылкой европейского абсента с черного рынка; он расстегнул косметичку и поискал внутри подводку. Достав ее, снял колпачок, наклонился вперед и подправил подводку, размазанную вокруг глаз.

— Создания ночи из Сиэтла здесь ради шоу, — сказал Вон. — Ну, по крайней мере некоторые из них. Леди правящего семейства просила о встрече с тобой до шоу.

— Она может подождать встречи с фанатами, как все остальные, — ответил Данте. — Почему ей нужно уделять особое внимание? Только потому что она создание ночи?

— В этом весь ты, хочешь угодить, — сказал Вон.

— Долбаная миссия всей моей жизни, — согласился Данте. И остановился, прижав подводку к внешнему уголку глаза, когда внезапно заметил движение.

Илай торопливо отодвинул шторы и вошел в комнату.

— Данте! Я начал беспокоиться, — сказал он быстро и напряженно. — Какой сет-лист ты сегодня хочешь? — Он присел на корточки рядом с креслом.

Запах пачули и марихуаны пробрался в ноздри Данте.

— Первый. Чем ты так встревожен, mon ami?

Илай покачал головой, дреды задвигались в такт. Напряжение пробежало по лицу.

— У меня были некоторые технические проблемы с клавишными.

— Хорошо, я взгляну, — сказал Данте. — Посмотрим, что случилось.

— D'accord.

Данте положил подводку на стол. Беспокойство еще темнело в глазах Илая.

— Что-то еще? Над чем ты работал?

— Создания ночи в толпе, — сказал Илай.

— Это не новость.

— Ищут легкий перекус вне города.

— Да? А где же Джек и Энтони?

— Контролируют установку «Dogspit». Сильвер с ними, наблюдает.

— Я скажу несколько слов для созданий ночи среди зрителей перед началом шоу. —

Данте коснулся пальцем впадины на шее Илая, его покрашенный черным лаком ноготь прошелся по крошечной переливчатой татуировке летучей мыши, видимой только созданиям ночи. — Удостоверься, что метку всегда будет видно. Напомни парням, что знак нельзя прятать.

— Будет сделано.

— Что-нибудь еще?

Илай покачал головой, снова улыбаясь:

— Об этом позаботятся.

Когда Илай поднялся, Данте, развернувшись, опустил голову и обхватил ладонями его лицо, чтобы поцеловать предложенные губы. А затем прошептал:

— Bonne chance, ce soir.

— Et toi. — Илай выпрямился и вышел из комнаты.

— Так почему же Хэзер нет здесь? — спросил Вон. — Она искала тебя, словно ты сгораешь в пламени, а она единственная, у кого есть ведро с водой.

Данте встал и обернулся, провел рукой по волосам.

— Ее сестра сейчас эмоционально нестабильна, ей нехорошо, понимаешь? Хэзер нужно побыть с сестрой.

Вон кивнул на порез в латексной рубашке Данте.

— Без сомнений.

— Бюро тоже ее не отпустит, — произнес Данте, понизив голос. — Они планируют кое-что охрененно плохое, если она откажется продать душу. Время дали до понедельника.

— Она ни слова об этом не говорила, — сказал Вон немного возмущенно.

— Только о проблеме, которая все еще может касаться тебя. Немного рассказала о Плохом Семени.

— Да, но я беспокоюсь только о Хэзер, — сказал Данте. — И помогу ей получить свободу, так или иначе.

— Естественно, ты можешь рассчитывать на меня.

— Да? — мягко спросил Данте. — Ладно, тогда, mon ami, merci. — Внутри него бешено билось какое-то беспокойство, в ритме, в котором он ходил по комнате. — После того, как я удостоверюсь, что она в безопасности, я уйду.

— Братишка, уйдешь? Да что ты говоришь?

Его тон, тревожный и тяжелый, заставил Данте обернуться и остановиться. Вон поднял

солнечные очки на макушку, и эмоции, которые Данте не смог распознать, мелькнули в зеленых глазах бродяги.

— То, что я должен сделать.

— Ты все обговорил с Хэзер?

Данте покачал головой:

— Зачем? О чем тут говорить? — Он продолжил движение, его ботинки тихо ступали по половицам, когда он сновал туда и обратно, измеряя шагами биение пульса в венах. Под стуком были слышны шепчущие голоса, которые гудели, как сердитые осы, ползающие под кожей.

Она доверяла тебе. Я бы сказал, что она получила то, что заслужила.

Заражен. Все, к чему ты прикасаешься, парень, умирает.

Я знаю, что ты пришел за мной.

Маленький чертов психопат.

Развернувшись, Данте пнул металлический стул, на котором сидел, бросив его через всю комнату. Он пролетел, словно размытая серая полоса и ударился о стену с громким лязгом, а потом с грохотом упал на пол. Шум пронзил голову Данте, словно камнем царапаясь вниз по позвоночнику, вызывая боль в мозгу.

Внезапно кто-то схватил его за бицепс, развернул и крепко сжал. Исходящий от Вона запах мороза, кожи и ружейного масла окутал его. Данте услышал стойкое биение сердца бродяги и посмотрел в его глаза. Свет мерцал в них, сверкал на краях татуировки в виде полумесяца.

— Ты и правда не знаешь, так ведь? — спросил Вон.

— Не знаю чего?

Улыбка подняла уголок рта Вона, но она не выражала ни удивление, ни смех, скорее грусть, которая ошеломила Данте. Какого черта? Он напрягся в руках бродяги.

— Ну, давай.

— Ты влюблен, братишка.

Данте уставился на него.

— Да? Я знаю, что такое любовь, но это, это, мужик... изводит меня. Крадет дыхание. Связывает меня. Сжигает.

Вон покачал головой:

— Нет, так ощущается отрицание любви, чувак. Почему ты отказываешь сердцу?

Данте освободился из крепкого захвата бродяги и отошел. Образы мелькали в его глазах, как фотографии, засвеченные горяще-белым светом.

Вспышка: заплаканное лицо Джины повернуто к двери, ее глаза пусты.

Вспышка: Джей в смирительной рубашке. Кровь льется из его глотки и собирается вокруг, окрашивая светлые волосы в красный.

Вспышка: Хэзер падает, кровь мокрым кругом расплзается по ее свитеру, взгляд сумеречно-синих глаз остановился на его лице.

Вспышка: Детская рука, пальчики свернулись в кулачок.

— Данте-Ангел?

— Я здесь, принцесса.

Хлоя.

Боль пронзила голову Данте. Он попытался зафиксировать изображения, которые только что промелькнули в разуме, но не смог удержаться на последнем, не смог даже

вспомнить имя, которое вспыхнуло, как свечка, и так же быстро погасло.

Кровь текла из носа, и он вытер ее тыльной стороной руки. Боль ударила, словно ледокол, пронзила левый висок.

— Искупление, — прошептал он.

— Черт. Сядь и запрокинь голову, — сказал Вон. — У тебя кровь.

Данте покачал головой.

— *Tracassé toi pas.* Со мной все хорошо. — Когда он подошел к столу, то увидел Илая, Энтони и Джека, стоявших группой около занавеса с серьезным видом. Сильвер стоял сразу за ними, его руки были скрещены на груди, а фиолетовые, уложенные в форме шипов волосы блестели под светом, он выглядел обеспокоенным. Данте помолчал, снова вытер нос.

— Со мной все хорошо, — повторил он. Выражения их лиц не изменились.

— Черта с два хорошо, — пробормотал Вон, схватив его за руку, потащил по полу и практически бросил в кресло.

— Запрокинь голову, упрямый сукин сын.

— Ничего страшного, — запротестовал Данте, но запрокинул голову. Боль вонзилась шипами в виски и глаза. Он потрогал нос. — Черт, переносица сломана.

— Сестра Хэзер?

— Да. Она ударила меня головой.

Вон фыркнул:

— Звучит так, как будто ей следует научить Хэзер паре приемчиков.

Данте представил это и улыбнулся.

— Иди нафиг.

Вон усмехнулся:

— Спасибо. Моя работа здесь окончена.

Вонзившаяся в затылок Данте боль раскалилась добела. Белые вспышки света затуманили зрение. Пот стекал по вискам. Внезапный ветерок, принесший запах корицы и геля для волос, сдул несколько прядей на лицо. Сильвер. Вон пробормотал благодарность.

— Вот, — сказал Вон и положил пальцы Данте на холодный компресс.

— Мы тебе нужны? — спросил Сильвер. — Или мы можем вернуться к тому, что делали?

— Да, шоу окончено, — ответил Данте, держа компресс. — Но, спасибо.

— Он сел и внезапно подумал о Люсьене, о том, как он мог охладить бушующее пламя в его голове одним прикосновением.

— Слышно что-нибудь от Люсьена? — спросил Данте.

Вон покачал головой.

— Ни звука. — Он долго смотрел на Данте, затем тихо спросил: — Ты когда-нибудь простишь его?

— Честно, я не знаю.

— Он сильно облажался, но он заботится о тебе. Черт, он же твой отец.

— Да, это проблема, не правда ли?

— Тебе надо обговорить это с ним, братишка.

— Брось.

— Я брошу, чтобы ты поднял, — протянул Вон. — Думаю, я пойду поищу в публице парней в плащах и очках. Просто на всякий случай.

Данте опустил компресс. Кровь окрасила голубую ткань. Он смотрел, как бродяга

прошел по комнате, скрипя кожей и звеня цепями, а затем проскользнул за кулисы.

Встав, Данте вернулся к столу и открыл полупустую бутылку абсента, взял ее и поднес к губам. Ликер пах анисом, иссопом, полынью, и обещал дать ответы на все вопросы. Но пока он только сотряс потери нескольких проблесков памяти, которые быстро ускользнули. Чертово *naturellement*. Так же, как и у Хэзер дома.

Он принял тебя и приказал убить твою мать.

Данте хотел вспомнить имя и лицо этого уroda. Хотел выгравировать их в своем мозгу. Он сделал большой обжигающий глоток абсента со вкусом черной солодки, сладкий, сильный и с горечью. Он разжег разум. Снял напряжение с мышц.

Данте поставил бутылку на стол, но не отпустил. Когда абсент растекся по венам, боль в голове утихла. Но другая боль усилилась, сильно билась внутри и была беспощадной.

Почему ты отказываешь сердцу?

Он встретился с темным взглядом своего отражения.

— Я не могу доверять ему.

«Dogspit» начали свой сет с убийственного барабанного соло, пока их солистка кричала:
— Черт бы тебя побрал, Сиз-э-этл!

Толпа взревела, как голодный зверь, и звук завибрировал под ботинками Вона.

Публика толкалась перед занавесом, их ботинки долбили по полу, когда «Dogspit» создавали звуковую бурю. Но Вон не смотрел ни на группу, ни на публику. Он стоял у края кулис, держа складку изношенного бархата между пальцами и наблюдая за Данте.

Данте снова приложил бутылку абсента к губам, запрокинул голову и выпил. Парню было плохо. Очень плохо.

Еще с Вашингтона Данте закидывался большим количеством зеленого. Вон подозревал, что это было, чтобы облегчить мигрень или же просто словить кайф. У него появилось стойкое ощущение, что Данте пытается взломать замки своего прошлого ломом с запахом полыни. И учитывая слова Люсьена — это не хорошо.

Голос Люсьена грохотал в памяти Вона:

— *Я боюсь за него. Он отказывается отдыхать или грустить. Отказывается выпустить ярость.*

— *Так почему ты скрываешь правду? Правду, в которой он нуждается?*

— *Ему нужно время, чтобы исцелиться, прежде чем он встретится с прошлым. Или прежде чем он встретится с тем, кем был, или с тем, чем был. Я хочу, чтобы ты указал ему путь, Иугад. И защити его, особенно от самого себя.*

— *Я выбрал Данте на Пути. Конечно же, я поведу его. Прослежу за ним. Но Данте взрослый мальчик, и я думаю, что он может принимать собственные решения.*

— *Тебе не следует так думать, пока он не исцелится. Пока он не будет связан.*

— *Связан? О чем, черт возьми, ты говоришь?*

— *Защити его от Падших, Иугад. Защити Данте от них в первую очередь.*

— *Зачем?*

— *Данте — Создатель.*

Вон тогда уставился на Люсьена, не в состоянии привести в порядок мысли. Он считал, что Создатели были не более чем мифом, сказкой созданий ночи о силе Падших. Но вот он

здесь, наблюдает за тем, как миф прикончил бутылку абсента.

Опустив бутылку, Данте развернулся, как будто решил проверить клавишные, но споткнулся, словно его ударили в висок. Почти уронив бутылку абсента, он продолжал держаться, закрыв глаза, боль тенью легла на его лицо.

Вон услышал, как у Данте перехватило дыхание. Учюял его острый голод.

— Ты еще не питался, не правда ли? — тихо сказал он, подходя сзади.

Данте покачал головой.

— После шоу.

— Ты что, шутишь что ли? Ты же не собираешься сделать это после шоу.

— Да, собираюсь. — Данте поставил бутылку на стол.

— Нет. Ты наверно самый упрямый сукин сын, которого я встречал, но ты слишком молод и терпишь слишком много боли.

Открыв глаза, Данте повернулся к нему лицом, его руки сжались в кулаки.

— Чего, черт возьми, ты хочешь от меня? Уже нет времени!

Вон снял кожаную куртку и бросил в кресло. Расстегнув свои наплечные кобуры, стянул их и положил рядом с оружием, на куртку. Он коснулся пальцами открытого мускулистого запястья.

— Я хочу, чтобы ты взял достаточно, чтобы провести шоу. Сможешь это сделать?

Данте провел рукой по волосам, затем ответил хрипло:

— Да.

— Ладно. — Вон сел на пол перед раздражающе большим мягким креслом, облокотившись на него спиной и вытянув ноги. Он поднял очки на макушку, взглянул на Данте и похлопал его по бедру.

Данте сел. Кожа и латекс закрипели, когда он наклонился и поцеловал его, приоткрыв рот, когда Вон разомкнул губы. Его язык скользнул по языку Вона, и он почувствовал вкус солодки и алкоголя. Вон вдохнул пьянящий аромат Данте, пульс участился.

— Merci beaucoup, mon ami, — пробормотал Данте, когда поцелуй кончился. Он удержал взгляд Вона, золотые языки пламени мерцали в глубинах темных открытых глаз.

— Честь для меня, — прошептал Вон. Он поднял руку и погладил волосы Данте. Пропустил шелковые темные завитки между пальцами.

Данте обхватил запястье Вона и поднес к губам. Он закрыл глаза. Вон почувствовал тепло губ, затем быстрый укол, когда клыки пронзили кожу. Данте пил сдержанными глотками.

Выдох вырвался из губ Вона. Его пальцы напряглись в волосах Данте, намотали пряди и потянули. Данте вздрогнул и тихо застонал. Удовольствие растекалось между ними, как теплый мед, пульсируя от губ к плоти, от разума к разуму, от сердцебиения к сердцебиению. Но Данте остановился несколькими минутами позже, подняв голову и отодвинув руку Вона. Когда Данте встал на колени, Вон отпустил его волосы.

— Этого недостаточно, братишка. Садись обратно.

Нагнувшись, Данте глубоко его поцеловал, разделяя виноградно-сладкий вкус крови, разделяя лихорадочный жар.

— Этого должно быть достаточно, — прошептал он Вону в губы. — Я не могу остаться. Что-то... просыпается... внутри.

— Данте...

Выскользнув из рук Вона, Данте встал на ноги, повернулся и пошел прочь. Энергия

потрескивала на кончиках его пальцев. Голубой огонь окружал ореолом руки. Он сжал светящиеся ладони в кулаки.

Создатель. Неконтролируемый.

Пот бисеринками покрыл лоб Вона, но внутри он был холоден. Вопрос, который ему Данте задал, пока они ждали своего рейса в Сиэтл в аэропорту Louis Armstrong International раздался в голове:

— *Если я единственный существующий Создатель, как сказал Люсьен, тогда кто научит меня всему, что я должен знать?*

У Люсьена был ответ на этот вопрос.

И Люсьен хранил тишину уже неделю, тишину, которая оставила Вона в неловкости. Тишину, которая оставила Вона смотреть в небо ночью и вслушиваться в хлопанье крыльев.

Защити его от Падших, Иугад. Они будут использовать его без милосердия.

Люсьен не должен был прерывать связь, не добровольно, не тогда, когда он рассчитывает, что Вон будет в ответе за жизнь Данте.

Наблюдая за тем, как Данте уходит с голубым пламенем, вьющимся вокруг его кулаков и с отчаянием на бледном лице, Вон понял, что должен найти ответ на вопрос, который задал Данте.

До того, как станет слишком поздно.

Глава 17

Геенна

Дно Шеола

22 марта

Когти царапали Люсьена, оставляя глубокие следы на плоти, от ключиц до бедер. Боль обожгла сознание, как раскаленное докрасна железное клеймо, когда он качнулся в воздухе, и от движения крюки глубже вонзились в плечи, прорезая мышцы. Из-за быстрых взмахов многочисленных пар крыльев горячий, сернистый, вонючий воздух обдувал лицо, а отвратительное чириканье chalkydri^[36] заполнило уши.

Люсьен отказывался открывать глаза, хотя этого и требовал chalkydri. Он уже посмотрелся на своего мучителя. И знал, что тот парил рядом в этой темной Преисподней, держась в воздухе благодаря дюжине пар быстрых, как у колибри, крыльев. Его длинное змееподобное тело извивалось, черная чешуя блестела, словно крошечные декоративные сапфиры.

Золотокрылый chalkydri всегда был очень быстрым, он гордо поднял голову, которую венчал покрытый перьями острый полумесяц, когтистые лапы похлопывали по драгоценной коже. Высокородный, судя по всему.

— Яхве всегда сожалел о том, что произвел на свет chalkydri, — солгал Люсьен охрипшим голосом. — Твое появление стало доказательством его безумия, и он...

— Убийца! — прошипел chalkydri. — Убийца Создателя!

Когти снова вонзились в грудь Люсьена. Еще одно обжигающее клеймо загорелось в сознании. Всякий раз, как его раны заживали, chalkydri наносил новые. Так продолжалось с тех пор, как его и Лилит схватили.

— Он всегда хотел уничтожить тебя, — закончил Люсьен сквозь сжатые зубы.

Злобное чириканье заполнило пространство. Бешеное чириканье. Взмахи крыльев усилились. «Так, — подумал он, — прибыли и другие chalkydri, чтобы защитить свою честь».

И тем самым повеселить Габриэля и его свиту.

Три стражника Падших несут Люсьена по воздуху за цепи, стремительно минуя черные с золотыми крапинами мраморные колонны, охраняющие широкий вход во дворец, влетая в огромную пещеру. Боль сквозит по краям его связанных крыльев, цепи натирают лодыжки и запястья, но его разум спокоен, щиты подняты. Ему становится интересно, сковали ли Лилит так же. И он надеется, что нет.

Она пыталась меня предупредить.

Эскорт отпускает Люсьена, и он валится на блестящий мраморный пол, связанные крылья тщетно пытаются поднять его в воздух. Но он тяжело ударяется, приземляясь на бок, цепи звенят о камень. Черные круги плывут перед глазами. Wybrcathl — льющаяся вибрирующая трель — тысячи ртов эхом отдается по тронному залу дворца, когда звучат голоса высокородных Падших, создавая песни и высказывая мнения, красиво организовывая хор. Люсьен сдерживает инстинктивное желание спеть в ответ ангелам в килтах и платьях, стоящим на небесно-голубом полу.

Моргая, он прочищает зрение, поднимается на колени прежде, чем золотокрылый

Уриэль или чернокрылый Инг смогут опуститься и поднять его. Выпрямившись с максимальным достоинством, которое позволяют цепи и связанные крылья, Люсьен встает и разворачивается лицом к трону, с которого он когда-то правил. Запах дома — жасмин, дымчатая мирра и глубокая черная земля — заполняет ноздри, он делает глубокий вдох.

Но то, что он видит, сжимает сердце, словно холодный кулак, превращает его в лед. Сложив золотые крылья за спиной, Габриэль стоит перед древним черным тронном, усыпанном звездами, и резные мраморные крылья окружают его, как лепестки цветка. На меньшей, не так богато украшенной, версии трона, вытянув ноги перед собой, развалился Утренняя Звезда, его белые коротко подстриженные волосы обрамляют привлекательное утомленное лицо.

А за ним, в платье сумеречно-синего цвета, стоит Лилит. Она встречает взгляд Люсьена, подняв подбородок, внезапно краска заливаает ее щеки.

Его Лилит, как и всегда, — шахматный игрок. Удерживая ее взгляд, Люсьен кланяется, звеня цепями. Багрянец на ее щеках усиливается, а подбородок поднимается выше.

Габриэль машет рукой, и хор *wybrcathl* замолкает.

— Итак, долгожданный суд над убийцей Яхве, — говорит он, его мелодичный голос разносится по воздуху. Он спускается по ступеням с помоста с медленной осторожностью, лицо его задумчиво, карамельного цвета волосы вьются густыми волнами у бедер в фиолетовом килте. Свет ламп поблескивает на серебряных наручах на обеих запястьях. — Я часто думал, что если мы не найдем другого *creawdwr*, то только потому что этот *aingeal* — этот убийца Создателя — все еще продолжает дышать.

Габриэль останавливается перед Люсьеном. Презрение отражается в его золотых глазах, на губах появляется улыбка.

— Что ты скажешь, Самаэль? Какие будут оправдания? Пожалуйста, позабавь нас.

— Мне казалось, ты достаточно позабавился, — говорит Люсьен чистым и глубоким голосом, его слова отскакивают от полированных мраморных стен дворца. — Все еще пытаешься выкачивать силу и честь из других, потому что тебе своих не хватает?

Улыбка Габриэля становится напряженной. Крылья дрожат.

— Возможно, ты не понимаешь, Самаэль. Я правлю Геенной.

Люсьен задумчиво дотрагивается рукой до подбородка, звеня цепями.

— Правильно? В смысле, греешь трон, пока не придет кто-то более достойный? — Его взгляд скользит по лицам наблюдающих, отмечая те, что ему знакомы, и те, что нет; затем он кивает. — Разумные, мои братья и сестры. Вскоре Габриэль должен достаточно согреть его даже для самой холодной задницы.

Кто-то в полукруге толпы охает, но несколько других еле сдерживают смех. Позади Габриэля улыбка мелькает на губах Утренней Звезды.

Все веселье стирается с лица Габриэля, и он напрягается, мышцы на плечах бугрятся.

— Я думаю, время в Шеоле идет как должно, — говорит он напряженным голосом. — Минута молчания для раздумья.

— Минута молчания — вещь всегда хорошая, — бормочет Люсьен. — Но, возможно, ты мог бы постоять в углу? Нет необходимости кидаться в Преисподнюю.

Открытый смех раздается в воздухе и тут же обрывается.

Гневно нахмутив брови, Габриэль поднимает руку, ладонью вверх, а затем сжимает пальцы, его кипящий взгляд удерживает взгляд Люсьена. Янтарные когти пронзают кожу,

появляется кровь, темная и ароматная.

— Тебе потребуется нечто большее, чем кровь и заклинание, чтобы сковать меня, грелка, — говорит Люсьен.

— Да, — соглашается Габриэль. И погружает коготь в собственную кровь, дотрагивается им до лба Люсьена. — Мне нужно твое истинное имя, — темная улыбка искривляет его губы.

Золотой ужас вонзается в живот Люсьена. Он смотрит на Лилит. Та опускает взгляд на свои симпатичные ножки в сандалиях.

— Я привязываю тебя, Сар ха-Олам Элохима, — произносит Габриэль, — к тверди Геенны и сковываю силу внутри тебя, бесполезную и беззвучную до тех пор, пока я не освобожу тебя, — Габриэль рисует кровавый символ на лбу Люсьена, полупрозрачный свет исходит из его ладоней и закручивается вокруг Падшего, связывая его нематериальными веревками. — Пока Геенна угасает, ты будешь угасать вместе с ней. И сотворено это моим именем.

Люсьен удерживает взгляд Габриэля, пока ангельские чары вьются вокруг него, в нем, холодные и зудящие, заключая его энергию, его огонь в паутину льда и превращая его wubrcathl в ледяной поток, заглушая песнь.

— Однажды я освобожусь от чар, — шепчет Люсьен. — И в тот день рассвет для тебя исчезнет на веки вечные. Помни это, Габриэль Грелка. Я тоже знаю твое имя. Думай об этом. Долго думай.

Внезапно беспокойство появляется на лице Габриэля. Он отходит на несколько шагов из-за того, что видит в глазах Люсьена.

— Уведите его на дно! — кричит он.

Сколько времени прошло с того дня? Подвешенный на цепях и пойманный в никогда не кончающийся круг боли, изможденный и скрывающий свое знание о Данте от ищущих разумов, Люсьен потерял ход времени. Он знал, чем рисковал, раздражая Габриэля, но не был готов сопротивляться уязвленной ангельской гордости, полной изъязнов.

Если его пленение и наказание, как убийцы Яхве и вскоре как убийцы самой Геенны, держало Габриэля вдали от песни Создателя, песни Данте, то каждая секунда боли имела смысл.

Я охраняю нашего сына, Женевьева, всем, чем могу.

Но как долго это продлится? Рано или поздно Данте снова использует свой дар. Как сможет он защитить сына, будучи подвешенным над тлеющими углями Преисподней?

Союз между Габриэлем и Утренней Звездой выглядел хрупким и скоро будет разбит. Была ли возможность способствовать этому и выбраться на свободу? Или он так и будет висеть здесь, как драгоценный кулон, когда произойдет раскол.

Люсьен тосковал по бледному небу.

Бледному, хотя когда-то небеса были кобальтово-синими, насыщенными и глубокими.

Когти оставляли борозды на его груди, рвали связанные крылья. Раскаленная боль вспыхнула за закрытыми глазами Люсьена, и он закричал, звук эхом отдался в пещере, необузданный и полный ярости.

Песнь зазвенела в воздухе, и чирикающие chalkydri замолкли, пронзительный шум их хлопающих крыльев слился с wubrcathl. «Значит, спускается один из Падших», — подумал Люсьен. Горячий ветер прошелся в его волосах и по лицу, когда демоны улетели в вечную

ночь Преисподней.

Ох, возможно, небольшая передышка. Возможность поспать.

Пальцы дотронулись до его лица, нежные пальцы; знакомое прикосновение.

— Я никогда не желала тебе этого, — прошептала Лилит. Ее теплый смоляной запах смыл сухую мускусную вонь chalkydri. — Ты мог бы закончить эту пытку, сказав Габриэлю о Создателе. Он все еще не знает, что тот ходит по миру смертных.

Люсьен открыл глаза. Лилит парила перед ним, взмахивая черными крыльями в разгоряченном воздухе. Красная юбка скрывала ноги, серебряный торквес украшал тонкую шею, а грудь была обнажена, соски покраснели. Позади нее сверху в Преисподнюю струился луч света, освещая пылинки и зажигая вспышки оранжевого пламени на тлеющей скале.

— Ты не сказала ему? — спросил он хрипло.

Лилит покачала головой. Длинные локоны блестящих черных волос колыхались у лица.

— Конечно нет. Если Габриэль узнает... — ее слова смолкли. Она посмотрела вниз в темноту под ногами, выражение лица было тревожным.

Люсьен подозревал, что знает, о чем она думала.

— Если Габриэль узнает, то посадит Создателя на цепь своей воли. Заставит его танцевать, как медведя в цирке.

Лилит подняла взгляд.

— Да, — сожаление мелькнуло на ее лице. — Габриэль тоскует по тем дням, когда он был голосом Яхве в мире смертных, и по тому, как человечество дрожало при его приближении. Тоскует по дням, когда смертные ему поклонялись.

— Он мечтает о власти, как всегда, — сказал Люсьен. — Ему не хватит того, что creawdwr излечит Геенну, и разлом между мирами закроется.

— Нет, — согласилась Лилит полным скорби голосом. — По крайней мере, пока Габриэль у власти.

— Почему ты мне это говоришь? Чего ты хочешь от меня?

— Создателя.

Люсьен рассмеялся. Смеялся до тех пор, пока слезы не навернулись на глаза. Негодование мелькнуло на хорошеньком личике Лилит.

— Ты так плохо обо мне думаешь? — спросил он, тьма и горькое изумление просочились из него. — Неделя пыток когтями chalkydri, и я прям так сразу отдам тебе Создателя?

— Может, ты так плохо думаешь обо мне? Я хочу оградить Создателя от Габриэля.

— И припасти его для себя.

— Даже если так? Полагаю, ты думаешь, что защищаешь его, но что будет, если ты никогда не вернешься в мир смертных? — Глаза Лилит впились в него. — Он несвязанный. Необученный. Склонен к безумию, и он заберет с собой и мир смертных. И Геенну. В итоге Габриэль услышит его anhrefncathl и найдет. И что тогда, Самаэль... Люсьен? Что тогда?

Хороший вопрос. И его раздражало, что все, что сказала Лилит, было правдой. Он надеялся спрятать Данте, но ему не удалось. Не рассказав правду ребенку, он не только заработал гнев и презрение Данте, но и потерял доверие.

Несвязанный. Необученный. Склонный к безумию.

Может ли он доверять Лилит? Но еще более темная мысль бесконечно крутилась в его голове: У меня есть выбор? Если выбирать между Габриэлем и Лилит, он бы предпочел

Лилит. Габриэль сделал все, что было в его силах, чтобы держать Яхве в заблуждении. Превращал слова Яхве людям во что-то ужасное.

Он не мог защитить Данте, будучи подвешенным на дне Шеола, его крылья связаны. И, как будто подчеркивая эту мысль, внезапно песнь зашептала в сердце Люсьена, дикая, чистая и парящая, которая заморозила его нутро. Песнь хаоса Данте. Песнь тут же исчезла, и боль коротко прошла по щитам Люсьена.

Лилит наклонила голову с вопросительным выражением лица.

— Что-то не так?

Облегчение нахлынуло на Люсьена.

— Помимо того, что я вишу здесь связанный?

Она не услышала песнь. Возможно, только он услышал из-за связи с Данте.

Легкая улыбка коснулась губ Лилит.

— Да, помимо этого. — Она встретила с ним взглядом. — Я поняла, почему ты так яростно боролся за Яхве. Ты был его *salon-cyfaill*. Но почему ты так яростно борешься за этого Создателя?

— Что тебе дало то, что ты открыла мое имя Габриэлю?

Крылья Лилит затрепыхались.

— Я предложила его, чтобы войти в доверие. Я хотела, чтобы он поверил, что единственной причиной, по которой я сражалась на твоей стороне, — было предать тебя. Как ты однажды предал меня.

— Да, я предал, — мягко согласился Люсьен.

Сморгнув, она отвела взгляд.

— Ты когда-нибудь сожалел об этом?

— Да, всегда.

Лилит посмотрела на него. Эмоции плясали на ее лице — возмущение, печаль, задетая гордость, — но ее искрящийся золотом фиалковый взгляд был тверд.

— И сейчас?

— Мы начинаем все заново.

— После тысяч лет?

— Безусловно. Что нам еще делать? Мы оба изменились.

Люсьен долгое время внимательно смотрел на Лилит, вспоминая то доверие, которое у них когда-то было, вспоминая их любовь и ее медовые поцелуи. Но еще он вспомнил ее амбиции. Возможно, амбиции можно использовать. Так же, как и воспоминания любви.

— Его зовут Данте, рожденный вампиром, — сказал Люсьен. — Ему двадцать три года. И он не понимает, кем является.

Глаза Лилит расширились.

— Он еще ребенок! Как ты мог оставить его одного? — она нахмурилась.

— Ты сказал рожденный вампиром? *Fola Fior*? Но как он может быть Создателем?

— Он мой сын, — сказал Люсьен тихо.

Глава 18

Замолчавшие навсегда

Сиэтл, Вашингтон

22–23 марта

Энни наконец-то заснула, свернувшись на левом боку. Она спала так всегда, с самого детства. Нагнувшись, Хэзер убрала голубой локон с лица сестры. Воспоминание о старом обещании — все такое же яркое, как в ночь, когда она его дала — проигрывалось в голове.

Крошка-Энни в своей пижаме с феей Динь-Динь, держа в руке плюшевого кролика, стоит на пороге комнаты Хэзер. Она трет глаза кулачком. Спутанные рыжевато-блондинистые кудряшки обрамляют пухлое детское личико. Мама и Папа опять орут друг на друга, их яростные оскорбления и крики словно сдирают кожу.

— Иди сюда, — шепчет Хэзер, поднимая одеяло.

Энни забирается в кровать и сворачивается рядом калачиком.

— Мне страшно, — говорит она.

Хэзер укрывает их обеих одеялом.

— Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — обещает она, несмотря на то что тоже боится. Но Крошка-Энни ее маленькая сестренка, как и Кевин — маленький братишка, и она будет всегда о них заботиться, что бы ни произошло.

Крошка-Энни прижимается сильнее, ее плюшевый кролик расплющивается между ними. Ее глаза закрываются.

— Спи крепко, — прошептала Хэзер. Вопреки своему обещанию, она не смогла предотвратить все беды, что случились с сестрой в течение последующих лет.

Казалось, что когда мама умерла, то укоренилась внутри Энни, оставила в ней часть себя, темную, горькую и разрушающую часть, которая противилась всем попыткам ее изгнать.

Возможно, если Энни продолжит принимать лекарства.

Хэзер вышла из комнаты, оставив дверь приоткрытой. Прошла в кухню и поставила вариться кофе. Пока он капал в кофейник, она прислонилась к барной стойке и потерла лицо обеими руками. Накатило бессилие — посещения места убийства матери, встречи с Родригезом и Ратгерс, с отцом, а затем с Данте и Энни — а день еще не закончился.

Данте... что еще сделал с ним этот ублюдок Уэллс?

Назови мне имя еще раз. Я не могу его прочитать.

Уэллс все еще должен ответить за свои преступления в прошлом и настоящем. Жертвы, что умерли от рук убийц, которых он и Джоанна создали и настроили против общества, нуждаются в голосе, в ком-то, кто ответит за них.

Данте пытался отомстить за свою мать, Женевьеву Батист, тем единственным путем, который знал — жестокостью, но кто отомстит за него?

А жертвы Данте? Хлоя и Прейжоны?

Мысли Хэзер вернулись к смертям в таверне в Новом Орлеане. Двое мертвых детективов из полиции Нового Орлеана, три мертвых завсегдагая, тела и сгоревшее здание. Она боялась, что Данте, с разбитым сердцем и нервным возбуждением, потерявшийся во тьме после смерти Джея, отомстил за него кровью и поджогом. Так запустилась его

программа.

Она убрала руки с лица. Холодные пальцы сжали ее сердце. Программа, которую можно запускать снова и снова. Но если она убьет Уэллса...

Хэзер глубоко вдохнула и увела мысли с этой темной дорожки.

Убийство есть убийство, не важно, сколько людей заслуживают смерти.

А убийства в таверне «Напрямик»?

Данте никогда не лжет и не прощает ложь. Когда наступит время, она просто его спросит. Потом этим и займется.

Одно дело за раз. Только одно дело.

Хэзер налила кофе в чашку с мордочкой котенка; освежающий аромат зерен французской обжарки как обычно дразнил. Но сейчас она не была уверена, что сможет выпить даже кофе — в желудке словно лежала груда холодных камней.

Еще немного поработать. Потом спать.

Сев за стол, она отодвинула чашку, даже не попробовав кофе. Затем подняла стопку бумаг и отчетов, которую собрал Данте. Одна фотография выскользнула и упала на стол. Отставив стопку в сторону, она подняла фото. Первая известная жертва Хиггинса, молодая женщина с грустной улыбкой, с репутацией пьяницы и проститутки. Хэзер осторожно вложила фото обратно в стопку.

Хиггинс навсегда заставил замолчать двадцать четыре женщины, включая мать Хэзер. Каждая из них была одинока, страдала, искала тепло в бутылке с выпивкой, в объятиях незнакомца или на барном стуле в окружении сигаретного дыма и пьяного смеха. Большинство из них убегали от неудачного замужества, от незаботливых родителей, от себя. Каждая женщина отчаянно желала принадлежать какому-то месту или кому-то.

Прямо как Энни.

Фото Энни никогда не будет крепиться к отчету о месте преступления, она не будет жертвой неизвестного убийцы. Хэзер этого не допустит. Она потеряла шею и потянула плечи, чтобы часть напряжения покинула мышцы.

Хэзер принесла ноутбук из спальни и раскрыла его, положив на стол. Пока ноутбук запускался и загружался, она размышляла: с чего же начинать поиски.

Вариант А: Кем был РСА Алекс Лайонс, и почему его назначили, чтобы сопровождать ее в ее волшебной экскурсии по месту убийства?

Вариант В: Чем было вызвано преждевременное назначение РСА Альберто Родригеза? Почему его временно выбрали главой офиса Сиэтла? И почему он так упорно давил на медицинский отчет и Плохое Семя?

Вариант С: Где скрывается доктор Роберт Уэллс, ушедший на пенсию?

Хэзер напечатала: «ДОКТОР РОБЕРТ УЭЛЛС», и начала с варианта С.

Глава 19

Прямо под кожей

Сиэтл, Вашингтон

22–23 марта

Данте шел по тротуару, слушая мысли смертных, чувствуя сильный ритм. Неоновые вывески «СТРИПТИЗ», «ДЕВОЧКИ, ДЕВОЧКИ, ДЕВОЧКИ», «ПРИВАТНЫЕ ТАНЦЫ» стрип-клубов на обеих сторонах улицы мерцали и гудели слишком ярко, поэтому он надел солнцезащитные очки. Мигающие цветные огоньки стали более приглушенными. Он сделал глубокий вдох и почувствовал запах выхлопов машин, жареной курицы и соленый запах из бухты.

Сильный и настойчивый голод пульсировал внутри, но Данте все еще мог его контролировать, благодаря Вону. Он облажался, потому что затянул с питанием, и знал это, но жажда увидеть Хэзер была сильнее.

Скрываясь под капюшоном и солнцезащитными очками, он проскользнул мимо небольших групп людей, собравшихся перед некоторыми из клубов. Они курили и смеялись, предлагали друг другу наркотики, секс или взлом. Большинство не обращало на него никакого внимания, их мысли витали где-то в другом месте.

Данте прислушался, но все, что услышал — это грубые мысли, резкие, одинокие и отчаянные. Некоторые были обеспокоенными: «Я говорю, что просто был с парнями, смотрел игру, выпил несколько бутылок пива». Другие — вызывающими: «Я взрослый, я, черт возьми, буду делать все, что хочу». Остальные мысли были о делах, плоскими и скучными: «Эй, детка. Хочешь встретиться? Хочешь минет?»

Часть клубов закрывалась, и машины неуклонно утекали с парковки. Данте перешагнул через один из желтых парковочных блоков и прошел к клубу «ГОРЯЧИЕ ХХХ БУЛОЧКИ». Несколько машин остались на стоянке рядом с выходом для персонала сбоку здания.

Данте последовал за двумя громко бьющимися сердцами, их ритмы совпадали и перетекали в один громкий звук. Перед выходом в темноте, любезно представленной перегоревшей лампочкой, парень в куртке боролся с женщиной, его рука сомкнулась на ее плече.

— Отвали! — закричала она, пытаясь освободиться. Ярость переполняла ее голос, но Данте расслышал нотки страха. Она взмахнула сумочкой.

— Черт возьми! — Парень уклонился, затем схватил ее сумочку и, вырвав из рук, бросил на парковку. Та упала на асфальт, и содержимое высыпалось. — Я потратил на тебя чертову кучу денег! Ты хотя бы могла быть милой.

— Я не...

Данте переместился. Он пронесся через парковку мимо сумочки и остановился прямо позади нападавшего еще до того, как женщина успела договорить.

— ... должна тебе ничего!

Парень, пузатый, но с хорошими мускулами, хмуро посмотрел на Данте.

— Не твое дело, мужик. Исчезни.

— А знаешь что? Пошел нахрен. — Данте оттолкнул его одной рукой. Мужик с пивным пузом врезался в здание так, как будто им выстрелили из пушки. Он сполз на тротуар,

выгляды ошеломленным.

Женщина моргнула, до конца не уверенная в том, что случилось. Но стоило ей понять, что мужик с пивным пузом повержен, она подбежала, пнула его изо все сил, схватила сумочку с содержимым и, развернувшись, поспешила обратно в клуб. Стальные двери захлопнулись за ней.

Мужик с пивным пузом застонал.

Данте склонился над ним, схватил за воротник ветровки и вздернул на ноги. Он затащил его за угол, к мусорному баку, который был полностью заполнен. Затем толкнул к зданию и прижал к стене, схватив рукой за плечо, втиснув бедро между ног. Мужик с пивным пузом уставился на него, открыв рот, и Данте понял, что его капюшон спал.

— Боже мой...

Данте вдохнул аромат смертного, приправленный адреналином и жаждой, прислушался к его колотящему сердцу, и мысль о крови запульсировала в венах. Прямо под кожей. Обещая удовольствие. Обещая облегчение. Голод расцвел.

Он толкнул голову мужика с пивным пузом в сторону, до того, как тот успел сказать хотя бы слово, и разодрал его теплую, пульсирующую глотку клыками. Зарылся в плоть.

И начал есть.

Глава 20

Пусть мертвые остаются мертвыми

Сиэтл, Вашингтон

23 марта

Пошатываясь, Шеннон идет по краю шоссе, выставив большой палец и всматриваясь в темноту. Но ей действительно нужно вернуться домой. Она только зашла пропустить пару бокалов после всех дел. Дети на тренировке по футболу или на уроке игры на гитаре, или в лагере бойскаутов, и осталось немного времени на саму себя.

Немного времени, чтобы сконцентрироваться на всех тех удивительных идеях и мыслях, и планах, которые гудят в ее голове, как занятые маленькие пчелки, не давая спать. Свет, казалось, заполнял тьму в глазах по ночам, освещая ее мысли и работая в сговоре с глупыми занятыми маленькими пчелками.

Немного времени на то, чтобы утопить подонков и потушить свет.

Следующим она осознает, что стемнело, а луна поднялась высоко в небе. Ее новые друзья стараются уговорить остаться, и секунду она обдумывает предложение. Но потом вспоминает, как Джим сказал:

— Я заберу у тебя детей, Шеннон, клянусь Богом! Тебе надо взять себя в руки. Вернуться в реабилитационный центр.

Так что она освобождается из умоляющих рук друзей — Давай! Еще один коктейль! — и сбегает в холодную октябрьскую ночь. Машина не заводится, телефона нигде нет. Нафиг все. Она бросает машину и решает добраться домой на попутках. Возможно, это взбесит Джима, он будет кидаться криминальной статистикой, пока она не заглушит звук его голоса, напевая про себя.

Иногда ей хочется, чтобы он никогда не работал на чертово ФБР. Нереально конкурировать с такой любовью, с такой преданностью. Он был как священник, а судебно-медицинская экспертиза — акт коммуникации со Святым Бюро.

Октябрь, воздух свеж. Но ей не холодно, она в огне, жива и просто летает. День рождения Хэзер на носу. Ей исполнится двенадцать. От двенадцати недалеко и до сорока. Она так много понимает и не понимает одновременно.

«Я потеряла её?»

Шеннон спотыкается, ее каблук цепляется за неровный край асфальта. Хихикает. Хорошо, что она не за рулем. Очко в ее пользу. Облизав кончик пальца, она проводит воображаемую единицу в воздухе. Сняв обувь, осматривает каблук.

Свет фар разрезает ночь. Шеннон обращает на себя внимание, держа туфлю вместо большого пальца, перенеся вес на одну ногу и улыбаясь. Машина останавливается, под шинами хрустит гравий, из глушителя вылетает струйка выхлопа, горячий запах бензина наполняет воздух. Двигатель урчит.

Шатаясь, она пытается надеть обувь, но, отпрыгнув на одной ноге, оказывается на заднице. Откидывает голову назад и смеется. Хорошо, что она не идет сейчас по прямой линии для копов. Еще одно очко в ее пользу. Нарисовав вторую воображаемую единицу в воздухе, она стягивает другую туфлю и поднимается на ноги, немного спотыкаясь. Чертовы каблуки, из-за них она растеряла всю координацию. Точнее, из-за них и всей

выпивки. Шеннон стряхивает грязь с попы, когда водительская дверь открывается.

Мужчина выскальзывает из урчащей машины, и что-то сверкает в его руке.

— Нужна помощь, Шеннон? — спрашивает он.

Ровный гул хорошо налаженного мотора, работающего вхолостую, раздавался в ушах Хэзер, сердце колотилось. Свет пробивался в комнату между планками закрытых жалюзи. Перекатившись на бок, она открыла ящик тумбочки и выудила оттуда блокнот и ручку. Записала столько деталей, сколько запомнила: машина не заводится, потерялся мобильный, воздух холодный и свежий, запах сосны и мокрого асфальта; мужчина, назвавший имя ее матери.

Шеннон и ее убийца знали друг друга.

Хэзер перестала писать. *Погоди.* Это был сон, только сон. Нельзя заглянуть в сознание женщины, которая уже двадцать лет как мертва. Просто сон, повторяющийся в течение многих лет, а не интервью с жертвой.

Вздыхнув, Хэзер положила блокнот и ручку на тумбочку и села, обняв руками накрытые простыней колени. Исчадие лежал на спине в изножье кровати, выставив животик, чтобы его погладили. Он наблюдал за ней довольными глазами-щелочками.

— Доброго утра тебе, — сказала она.

Просто сон, да, сон, который отказывался исчезать. Она все еще слышала звук открывающейся двери машины, пьяный смех Шеннон, все еще чувствовала запах сигаретного дыма из таверны. Просто сон, но этот сон глубоко погрузил ее в разум матери, сон, в котором было больше деталей, чем до этого.

Со времен Вашингтона.

Вздыхнув, она посмотрела на часы. Красные светящиеся числа шокировали ее и полностью разбудили. 11:45. Дерьмо! Спрыгнув с кровати, Хэзер схватила халат со стула и, натянув его поверх пижамы, завязала пояс.

С тех пор как в нее стреляли, она стала вставать все позже и позже. Ей было интересно, повлиял ли стресс на ее биоритмы. Она никогда по-настоящему не была ранней пташкой, но училась справляться с этим на протяжении многих лет, как и многие люди в мире рабочей рутины. Мог ли Данте каким-то образом ее *изменить*, пока исцелял? Она вышла из спальни, все еще погруженная в мысли.

Мантра: Одно дело за раз.

Сделав глубокий вдох, Хэзер оттолкнула запутанные мысли, зная, что вернется к ним позже и обдумает основательней. Она вышла в коридор и почувствовала запах свежесваренного кофе, приятный запах, наполняющий дом.

Она остановилась в коридоре, расчесав волосы пальцами несколько раз, пока не поняла, что просто морально готовится к встрече с Энни.

Но вместо того, чтобы пройти дальше, она закрыла глаза, неуверенность и отчаяние пригвоздили ее к месту. Можно ли помочь Энни? Казалось, больше не было вариантов, надежда иссякла. Конечно, правда о матери должна была принести Энни понимание, но достаточно ли этого, чтобы спасти ее?

Жестокая мысль Шеннон отдавалась эхом в мыслях: *«Я ее потеряла».*

Хэзер открыла глаза. *Нет. Я не могу. Не хочу.* Отодвинув в сторону сомнения, она вошла в столовую. Энни сидела, скрестив ноги, на полу перед диваном, листая книгу про вампиров «Пока мы спим». На журнальном столике стояла чашка.

Энни взглянула на Хэзер.

— Привет. Хорошего дня. Там есть кофе.

Хэзер улыбнулась и кивнула.

— Ага, тебе того же. И спасибо.

Пройдя на кухню, она достала чашку из шкафчика и налила кофе, добавила сахара и смесь молока со сливками. Свернувшись на диване, она спросила:

— Как ты? Похмелья нет?

Энни закрыла книгу, положила обратно на журнальный столик и пожала плечами.

— Я в порядке. — Она взглянула на Хэзер через плечо, ее синие, черные и фиолетовые волосы обрамляли лицо. — Сожалею насчет прошлой ночи, обо всем, что сказала о маме. Увидеть эти фотографии... Я хочу сказать, я даже не представляла.

— Я знаю, — ответила Хэзер. — Ничто не подготовит тебя к реальности.

Извинение Энни удивило. Обычно, когда она выходила из-под контроля и нападала на всех и вся, то потом притворялась, что ничего не произошло. Или оправдывала это тем, что была пьяна.

— Как ты справляешься с этим? С тем, что видишь тела, я имею в виду. Это когда-нибудь пугало тебя?

— Конечно, это пугает меня время от времени. И, честно говоря, не знаю, как я с этим справляюсь, я просто принимаю это. — Хэзер сделала глоток кофе, затем добавила: — Я должна, если хочу узнать, кто убил их.

— Но мама мертва уже многие годы, — сказала Энни, отбросив волосы назад. — Почему ты копаешься в деле сейчас?

— Потому что я видела, как кое-кто мстит за свою мать, и поняла, что никто, даже отец, не защищал нашу.

— О ком ты говоришь?

— О Данте.

— Его мать тоже убили? — спросила Энни и заправила локон за ухо, открывая шипы, окружавшие его край, ее лицо стало задумчивым. — Неудивительно...

— Неудивительно что?

— Ничего, — Энни покачала головой. — Он не похож на других парней, с которыми ты встречалась. Ну, я имею в виду, помимо того, что он долбаный вампир.

— Это правда.

— И он выглядит ужасно молодым. Ты ограбила колыбель? Или ему уже много столетий? — Энни быстро передвинулась, чтобы оказаться лицом к лицу с Хэзер. Солнечный свет отражался от колец, прорезанных сквозь ее брови.

— Спасибо, большое спасибо, маленькая Мисс Мне-двадцать-шесть. Подожди, пока тебе исполнится тридцать один. Ему двадцать три, так что он побыл вне колыбели некоторое время, и мы все равно не встречаемся.

— Ой, извини, — Энни закатила глаза. — Спице вместе, а не встречаетесь.

— Оке-е-ей, давай вернем тему разговора к тебе, — сказала Хэзер.

Исчадие запрыгнул на диван и, мурлыча, удостоил ее колени своим теплым присутствием. Она поставила кружку на подлокотник и погладила его шелковистую меховую спинку.

— Так каков план? Это просто визит, или ты ищешь убежище?

Плечи Энни сгорбились, тело напряглось.

— Черт, я здесь еще и дня не провела, а ты уже стараешься избавиться от меня. — Переставив кружку на журнальный столик, она встала.

— Не начинай, — сказала Хэзер. — Я не стараюсь избавиться от тебя. Ты вломилась ко мне домой, и я хотела бы знать, есть ли у тебя план. Что насчет твоей квартиры в Портленде? Ты переезжаешь сюда? Что насчет работы? Твои лекарства? Терапия?

— О, я понимаю. — Энни обернулась, сжала руки в кулаки. — Давай просто сделаем Энни лоботомию. Это все упростит, не правда ли?

Хэзер взяла Исчадие и положила на подушку рядом.

— Конечно. Угу, — сказала Энни и показала средним иди-на-хер-пальцем на коробку на столе. — Эта мертвая сучка для тебя важнее, чем я.

Ярость заставила Хэзер подняться с дивана.

— Остановись, Энни, — она понизила голос. — Остановись прямо сейчас.

— Тебя заботят только мертвые! Это все, о чем ты можешь думать! Все, о чем ты можешь говорить! — закричала Энни. — Может быть, если я умру...

Хэзер схватила сестру за плечи.

— Не говори так.

— Это правда! — Она ударила Хэзер кулаком по плечу. — Что если ты умрешь, а? Что если ты, мать твою, умрешь и оставишь меня одну?

Горячая боль прошла сквозь плечо Хэзер, но слова Энни ранили сильнее, чем удар; ее слова пронзили сердце и остановили дыхание. *Что если ты умрешь?*

Хэзер обхватила Энни руками и плотно стиснула, но не слишком сильно. Крепко ее обняла.

— Все хорошо. Мы с этим разберемся. Ты знаешь, что я никогда бы не оставила тебя. Просто все это не безопасно...

— Оставь маму в мире мертвых, Хэзер. Оставь маму в мире мертвых, чтобы мы могли снова быть семьей.

Хэзер тихо отошла. Ей было холодно, как будто внутри пробудилась зима, пасмурная, ледяная и застывшая.

Я хочу, чтобы мы снова стали семьей. Все мы. Но не копайся в прошлом, Хэзер. Смотри в будущее и позволь мертвым оставаться мертвыми.

Может быть, ничей телефон и не прослушивали.

Только одному человеку она рассказала, что сделал Данте. Она выливали свои секреты и признания в Энни, полагая, что та, как хранитель шепчущей тоски и маниакальных желаний, ее не осудит. Верила, что их общие секреты укрепят связь между ними, как между сестрами и выжившими.

Рад, что Прейжсон сохранил твою жизнь.

Сколько секретов выдала Энни за эти годы?

Онемевшая, со спотыкающимися мыслями, Хэзер впервые понимала, насколько действительно была одинока.

Глава 21

В грязи

*Дамаск, Орегон
23 марта*

Алекс закончил закапывать останки последнего эксперимента Афины, утрамбовав землю задней стороной лопаты. Пот щипал глаза. Выпрямившись, он вытер лоб рукавом и выгнул спину, чтобы уменьшить напряжение в мышцах. Затем втянул в себя воздух со смесью запахов замерзшей реки и хвои, чтобы избавиться от вони расплавленной плоти.

Закинув лопату на плечо, он направился в коттедж, в душ. После, высушив полотенцем волосы, надел джинсы и черную футболку «Inferno» с языками пламени, вылизывающими край рукава, и надписью «ГОРИ» с левой стороны груди. Он зашнуровал рипперсы, натянул толстовку с капюшоном, затем последовал за похожим на шелест-ветра-в-деревьях шепотом Афины.

Она сидела, скрестив ноги, на диване в темной занавешенной гостиной, свет от монитора ноутбука мерцал на ее лице, искрясь в глазах. Губы двигались, словно она шептала.

— Я уезжаю в Сиэтл, — сказал Алекс, остановившись рядом.

Синий свет вспыхивал на восхищенном лице Афины, когда она снова и снова просматривала, как Данте разрушает Джоанну Мур. Он понял, что сцена поставлена на повтор.

— Я уезжаю, — повторил он мягко, присев около дивана. — Я могу тебе доверять, оставляя здесь, пока меня не будет?

Афина кивнула, волосы упали ей на лицо. Она откинула их назад рассеянным движением руки. Голубой свет танцевал в ее глазах.

— Держись подальше от Отца. И это не значит, что ты можешь убить Мать. Обещай.

— Обещаю.

— Что ты видишь? — спросил Алекс.

— Ночное небо, полное черных и золотых крыльев, — пробормотала она. — Падшие спускаются, охваченные огнем в небе, с песнями. Я видела женщину, балансирующую на канате.

— Что это значит?

— Спроси Данте.

Алекс схватил руку близнеца и сжал.

— Фина, ты будешь в порядке? Ты всегда можешь пойти со мной. Когда она посмотрела на него, яркий свет от монитора исчез из ее глаз. — Со мной все будет хорошо, Ксандр, — небольшая улыбка коснулась ее губ. — И в Сиэтле ты справишься лучше без меня.

Она сжала его руку в ответ, горячо и быстро.

Круг замкнулся снова, и на краткий миг Алекс почувствовал связь и единение. Затем Афина убрала руку. Ее взгляд вернулся к монитору. Она коснулась клавиатуры, и свет опять вспыхнул на лице. Затанцевал в глазах. Ее губы двигались, шептали.

Он потерял ее. Снова.

Алекс поднялся на ноги, открыл парадную дверь и покинул особняк. Туманный дождь

прекратился. Бледные и рваные лучи тянулись от серых туч, пробиваясь через верхушки деревьев. Бриз шелестел в ветвях, принося запах сосны и сырой земли, словно мягко и еле слышно выдыхая.

Зови меня Аид.

Холод пронзил Алекса, кожа покрылась мурашками. Время убегало. Быстрее, чем он хотел. Быстрее, чем он мог представить. Алекс пробежал через двор к дорожке, покрытой гравием, к своему Ram. Дождь украсил бисером ярко-красный багажник джипа, поблескивая на окнах. Скользя за руль, Алекс посмотрел на пол.

В бывшей сумке для оружия теперь было все, что нужно, чтобы сдерживать Данте. iPod с зашифрованными инструкциями отца и маленький тонкий пистолет с транквилизатором лежали в кармане толстовки. Там было и кое-что, о чем Отец не знал и, безусловно, не одобрил бы — флешка, содержащая всю историю Плохого Семени и прошлое Данте.

На случай, если все пойдет прахом.

— Аминь, брат, — пробормотал Алекс, заводя пикап.

Лежа в грязи, сосновых иголок и насекомых, Катерина смотрела в бинокль, как высокий худой блондин в джинсах и черной толстовке залез в пикап. Он вывел его по подъездной дороге к шоссе и уехал.

Выглядело так, словно у Александра Лайонса выходной, учитывая то, во что он был одет, и поздний полуденный час. Он покинул близняшку в коттедже и умирающую мать в главном доме с отцом.

— Интересно, как долго не будет сына, — сказал Бек.

— Это имеет значение? — спросила Катерина, оставаясь сконцентрированной на дорогом доме среди сосен. — Покончить с Уэллсом займет лишь мгновение.

— Ага, — вздохнул Бек, — маленькая Мисс Крутая Задница.

— Оставь свои комментарии при себе.

— Понял. Маленькая Мисс Крутая Задница на деле.

Мышцы Катерины напряглись, на мгновение в ее мыслях проскочила очень ясная картина, как она душит Майкла Бека ремнем бинокля, как обездвигивает его, прижимая колено к широкой спине. И, по некоторым причинам, эта воображаемая картина насмешила ее. Все выглядело как кадр из старого кино, боевика, наполненного отвратительной игрой слов и чопорными диалогами.

I'll be back... [\[37\]](#)

День, когда она задушит кого-нибудь ремешком от бинокля, станет днем ее отставки. А как же боевики? Ее негодование, вызванное присутствием Бека, утихло. Глубокий вдох — напряжение ушло. Краткий разгоряченный разговор с начальством в аэропорту Портленда ни к чему не привел.

— *Мне не нужно прикрытие. Отзовите его.*

— *Уэллс и Уоллес твои, Катерина, и только твои. Бек здесь на случай, если что-то пойдет не так. Лучше быть подготовленным, чем пойманным врасплох.*

— *Все пойдет так. Были ли у меня когда-нибудь...*

— *Бек остается.*

Так оно и получилось. Даже несмотря на то, что обычно она работала одна,

предпочитая, чтобы так все и оставалось, работодатели иногда посылали прикрытие на задания с несколькими целями. Как в данном случае.

Ее пульс стал медленнее и ровнее. Успокоившись, Катерина пересмотрела, что знала о жителях дома.

Александр Аполлон Лайонс. Взял девичью фамилию матери с расчетом, несомненно успешным, сделать карьеру без какого-либо влияния отцовского имени. Агент ФБР, руководящий специальный агент отделения в Портленде, тридцать пять лет, рост — шесть футов два дюйма, вес — сто девяносто фунтов, младше сестры-близнеца на две минуты. Его карьерный взлет в Бюро со свистом остановился, когда близняшка стала душевнобольной, и он перевелся из Вашингтона, чтобы заботиться о ней.

Афина Артемида Уэллс. Известный клинический психолог, специализирующийся на аномальной психологии, тридцать пять лет, рост — пять футов десять дюймов, вес — сто сорок фунтов. Ей овладела шизофрения, или одна из ее форм, в возрасте двадцати пяти лет. Она проработала еще в течение пяти лет, прежде чем ее безумие дошло до степени, требующей строгой изоляции, лекарств и ограничений.

Внизу, рядом с домом и гостевым коттеджем, было тихо. Еще две машины были припаркованы на подъездной дороге, Saturn и автомобиль, покрытый брезентом. Покрытая машина скорее всего принадлежала Афине.

Расследования Катерины показали, что жене Уэллса, Глории, пять лет назад поставили диагноз рак матки. Она перенесла операцию и облучение. Год назад в счетах Уэллса обнаружили покупку препаратов для химиотерапии, морфина и медицинского оборудования, похоже на то, что рак вернулся.

Осмотрев двор, Катерина не увидела признаков собаки или любого другого питомца. Возможно, Уэллсы не были приятной семьей. Запах хвои и мокрой травы заполнил ноздри.

Отправил ли Бронли запись из медсанчасти Уэллсу? Катерина планировала это узнать, как только стемнеет. Миссия на сегодня включала два пункта: прижать Уэллса, вернуть отсутствующую запись — если она у того была.

Несколько тихих часов спустя дверь коттеджа открылась, оттуда вышла фигура. Катерина сфокусировала бинокль на Афине Уэллс. Одетая в запачканный лабораторный халат и коричневые брюки, она вышла босиком во двор, оставив дверь за собой открытой, и направилась к основному дому. Затем внезапно остановилась. Обернулась.

И посмотрела прямо в бинокль Катерины.

Афина коснулась пальцем губ. *Ш-ш-ш...*

— Господи, — выдохнула Катерина. Ее кожа покрылась мурашками. — Она знает, что мы здесь.

— Невозможно, — ответил Бек. — Она псих. Она ничего не знает.

У Катерины было явное чувство, что это они те, кто ничего не знают.

Афина Уэллс отвела взгляд, затем преодолела остаток пути к главному дому. Открыв дверь, она скользнула внутрь. Та захлопнулась следом. Мгновение спустя сканер системы сигнализации в руке Катерины пикнул и показал: «все чисто».

Она была выключена. Или выведена из строя.

Катерина наблюдала за домом в течение следующего получаса, чувствуя, как под ногами туго натягивается канат.

— Я иду внутрь.

— Понял, — тон Бека наконец стал деловым. Он коснулся переговорного устройства,

вставленного в ухо. — Я дам сигнал, если сын вернется.

Катерина упаковала бинокль и другие приспособления и начала спускаться по склону холма, держа пистолет в руке.

Уэллс сел за стол, прислонив к нему ружье. Слайд-шоу семейных фотографий мелькало на мониторе компьютера: Глория на серфе на пляже Линкольн Сити; близнецы — светловолосые карапузы, только начинающие ходить; смеющаяся Глория. Глубокая боль в его груди ослабла впервые за несколько месяцев.

Скоро Глория снова будет смеяться. В ближайшие часы Алекс удостоверится, что С прослушал сообщение на iPod. Потом С, красивый и смертоносный, начнет действовать, и назначенная ему цель, РСА Альберто Родригез, умрет. И хорошо бы, если в сильной агонии. И глядя в бледное беспощадное лицо С, Родригез поймет, кто его послал и почему.

Когда Алекс приведет С домой, Данте Прейжон исчезнет навсегда. Уэллс направит С вылечить Глорию, украсть его красавицу Персефону из горячей хватки Аида еще раз и вернуть Уэллсу смеющуюся невесту.

Темное эмоциональное возбуждение завертелось внутри, Уэллс коснулся клавиатуры, и слайд-шоу исчезло. Пролистав файлы, он кликнул на тот, что был обозначен С, открыл его. Затем расслабился в кресле, когда изображения заполнили монитор.

Запертый внутри кроличьей клетки, карапуз с черными волосами, вьющимися позади бледной шеи, наблюдает, как его игрушки, одну за другой, бросают в костер. Следуя инструкциям Уэллса, пьяные приемные родители сказали ребенку, что это его вина, что они сжигают его игрушки.

— Ты был плохим мальчиком, ты. Плохим-плохим злым мальчиком. Это все твоя вина, твоя.

Маленькая пластиковая гитара плавится в огне. За ней следует мяч. Но когда достают последнюю игрушку, истрепанную, изодранную плюшевую черепаху, чтобы кинуть в пламя, карапуз вырывается из клетки. Свет от огня отблёскивает от его маленьких клыков, когда он выхватывает черепаху из руки приемной матери.

— *Дерьмо собачье!* — *вопит приемный отец, потом, отойдя от шока, хватается карапуза. Он засовывает его руку вместе с зажатой маленькими пальчиками черепахой в огонь.*

«Пусть сейчас кто-нибудь попробует такое вытворить», — подумал Уэллс. Он прокрутил файл, пытаясь найти другие особенные кусочки, другие значимые воспоминания, затем остановился. Он услышал, как открылась входная дверь? Сигнализация пищала ускоренным темпом, и сердце Уэллса подскочило к горлу. Его пульс стучал так быстро, что зрение помутилось. Он опустил голову, плотнул воздух, думая. *Прекрасно. Несмотря на твою готовность, ты ловишь воздух как выброшенная на сушу золотая рыбка.*

Когда он потянулся трясущейся рукой к ружью, неистовый писк прекратился. Уэллс схватил ружье и напряженно вслушивался, минуя свой гроыхающий пульс. Через мгновение он уловил знакомый мягкий звук, словно шелест ветра в деревьях.

И облегченно выдохнул. Всего лишь Афина. Он провел все еще трясущейся рукой по мокрой от пота брови. Шепот предшествовал его дочери, идущей по коридору, слова, которые она повторяла снова и снова, становились понятнее.

— Триводномтриводномтриводномтриводномтриводномтрив одном...

Но потом ужасающий вопрос пришел ему на ум — как Афина заглушила сигнализацию?

Даже Александр не знал, что он изменил код, пока нет.

Все еще шепча, Афина зашла в его кабинет, ее грязные босые ноги испачкали светлый ковер. Она прошла мимо стола, засунув руки в карманы забрызганного и испачканного лабораторного халата.

— Афина, — сказал Уэллс, беря ружье под руку и дотягиваясь до блокирующего мысли устройства в кармане штанов. Шепот прекратился. — Что ты здесь делаешь? — Он развернулся в кресле.

Афина стояла напротив его коллекции эллинских копий, щитов и нагрудников. Затем выдернула копье, развернулась на носочках. Ее эгейские глаза блестели, словно от солнца. Улыбаясь, она вытащила из кармана спрятанный в нем тазер.

Стрелки проткнули его грудь. По телу прошел электрический ток. Боль стерла все мысли из головы. Мышцы свело судорогами, Уэллс задержался в конвульсиях и свалился на пол.

Сквозь дымку ударов и нарастающую боль он услышал голос дочери:

— Я нарушаю обещание, папочка, — сказала она.

Глава 22

Не предназначен для меня

Сиэтл, Вашингтон

23 марта

Внезапное царапание в окно гостиной вместе с любопытным «мур» Исчадия привлекло внимание Хэзер. Она оторвалась от ноутбука.

— Охотишься за мотыльками, котенок?

Еще одна мысль вспыхнула в ее разуме: «Ночь. Данте. Первое дело на завтрашний вечер».

Она отодвинулась от стола и встала, потянувшись к сумочке, где лежал пистолет 38-го калибра, на случай, если это не Данте снова залезает в окно.

Окно открылось, бледные руки схватились за край, затем Хэзер увидела ногу на подоконнике, одетую в черное и обтянутую от лодыжки до бедра виниловыми ремнями и пряжками, следом за которой тут же появился весь Данте. Капюшон скрывал его лицо, но не искрометный блеск в глазах.

— Хэй, — сказал он, когда выпрямился, откинув капюшон. Улыбка появилась на губах.

У нее екнуло сердце от его вида. Как обычно. Мышцы Хэзер расслабились.

— Я могла застрелить тебя, знаешь ли. Почему, черт возьми, ты не пользуешься входной дверью?

Данте пожал плечами. Он обернулся, скрипнув кожаной курткой, закрыл окно и потрогал сломанный засов.

— Я купил инструменты, чтобы починить его.

— Ты хотя бы знаешь, как пользоваться отверткой?

Данте фыркнул:

— Что в этом сложного? Всунь А в В, поверни. Должно быть весело.

— Звучит сексуально, но где же поцелуй?

Данте послал ей воздушный поцелуй.

— Достаточно хорошо?

Хэзер глянула через плечо.

— Ты промахнулся, Купидон. Но Исчадие мурлычет.

Данте рассмеялся. И кивнул на компьютер.

— Что-нибудь выяснила? Например, где найти... его?

Хэзер покачала головой.

— Пока нет. Все записи Бюро о нем таких уровней безопасности, каких я никогда и не видела. Последний известный адрес был зафиксирован в Мэриленде пять лет назад. Отследить его удалось до Западного Побережья, потом он исчез. Я все еще ищу. Но у меня есть несколько интересных открытий.

— Да?

Хэзер смутилась.

— Ты влипнешь вместе со мной и окажешься на распутье, Данте. Еще больше, чем сейчас.

— Не имеет значения. Ты была там для меня, Хэзер. Я здесь для тебя.

Хэзер удержала взгляд Данте.

— Такая у меня работа.

— Ну-у-у. Тебя отозвали. Дело закрыли. Ты осталась одна и без прикрытия, чтобы помочь мне.

И подвела. Больше, чем один раз.

— С чем я тоже не справилась.

— Нет, справилась, — сказал Данте.

Он, быстрыми шагами преодолев расстояние между ними, оказался возле стола. Обхватил ее лицо горячими руками. Она взглянула в его темные глаза, утопая в незащищенных глубинах.

— Ты всем рисковала ради меня. Ты никогда не сдаешься.

— Как и ты. — Хэзер взяла его правую руку и прижала к груди, к исцелившемуся сердцу. Что-то зазвучало внутри нее, вызванное этим прикосновением, и резонировало между его ладонью и ее сердцем, звенело, как хрусталь, по которому постучали, чисто, ясно и правдиво.

У нее перехватило дыхание, и на мгновение ей показалось, что она увидела черные крылья, выгибающиеся из-за спины Данте и укрывающие их.

Удивление загорелось в глазах Данте.

— Послушай, — сказал он, наклоняясь к ее лицу.

Пульс ускорился, Хэзер подняла голову, и он поцеловал ее. Его губы были такими же горячими, как и руки, а поцелуй — голодный и немного грубый. Когда поцелуй стал глубже, Хэзер показалось, что она услышала песню — темную и дикую — сложную мелодия, сплетающую кристальные мотивы сердец, танцующую между ними. Песня пропустила электричество через ее сердце и разум, разожгла огонь в крови.

Она услышала взмах крыльев.

Слишком быстро Данте закончил поцелуй и сделал шаг назад, его руки соскользнули с ее груди и лица, сжались в кулаки. Песня исчезла. Его подбородок напрягся.

— Что случилось? — спросила Хэзер.

Он покачал головой, потом провел рукой по волосам.

— Как там Энни?

Сбитая с толку внезапной сменой настроения и переменой темы разговора, Хэзер пожала плечами.

— Сейчас в норме. Она пошла в магазин, чтобы купить пачку сигарет.

— *C'est bon*, — Данте кивнул на стол. — Так что ты нашла?

— Возьми стул, — сказала Хэзер. — Я покажу.

Данте снял кожаную куртку, потом толстовку и повесил их на спинку стула. На нем осталась сетчатая кофта с длинными рукавами под черной футболкой. Белые буквы на груди гласили: «ОТСОСИ». Как обычно, он развернул стул, а затем уселся на него. Сложил руки на спинке.

Хэзер пододвинула свой стул так, чтобы сесть рядом. Она разбудила ноутбук быстрым прикосновением к клавиатуре. На мониторе показался файл. Два клика, и он открылся. Фото мгновенно появилось на экране.

— РСА Александр Лайонс, — сказала Хэзер. — Офис в Портленде. Он тот, кто сопровождал меня на место смерти мамы. Безупречная характеристика, удивительные результаты тестов, образцовая полевая работа. Он был переведен в Портленд из Вашингтона

около пяти лет назад.

— Почему?

— Болезнь в семье. У его матери был рак, я полагаю.

— Так почему ему приказали присматривать за тобой, а не за кем-то пониже в пищевой цепи?

— Хороший вопрос, — кивнула Хэзер. — Если верить тому, что я откопала, то Родригез в Сиэтле дал ему задание... о, извиняюсь, попросил обеспечить мою безопасность. И вот интересная штука.

— Чем интересная?

Хэзер свернула файл Лайонса и открыла следующий. Прокрутила текст и, найдя нужный абзац, выделила его.

— Прочитай это, — мягко сказала она.

— Уильям Рикардо Родригез, известный как Вагонный Душитель, чье царствование в мире террора закончилось десять лет назад, когда он был схвачен федеральными властями, умер в тюрьме, где отбывал несколько пожизненных сроков. Был убит другим заключенным во время бунта. Отец Родригеза, агент ФБР Альберто Родригез, был задействован в его поимке. — Данте закончил читать и присвистнул: — Святые угодники.

Хэзер кивнула.

— Можешь представить? Не только твой сын серийный убийца, но ты его и арестовываешь. Тем не менее, насколько бы удивительным и трагичным все не казалось, это еще не самое интересное.

— Правда?

Хэзер долгое время тихо смотрела Данте в глаза, а потом ответила:

— Читать следующую часть тебе, скорее всего, будет сложно, почти невозможно. Я..

Внезапно понимание загорелось в глазах Данте.

— Нет, я прочитаю, — запротестовал он, понизив голос. — Ты возьмешь это на себя, если я... — Он покрутил рукой в воздухе.

— Ладно.

Данте опять вернулся к монитору.

— Годами ранее специальный агент Родригез подал иск о профессиональной некомпетентности против доктора Роберта... — голос Данте стих. Он закрыл глаза и потер лоб. — Подожди. Дай мне еще одну попытку.

Хэзер потянулась и сжала его руку.

— Тебе не обязательно.

— Нет, я должен. — Данте открыл глаза и снова вернулся к монитору. — Подал иск о профессиональной некомпетентности против доктора Роберта... — он снова умолк и несколько раз моргнул. При взгляде на Хэзер его зрачки расширились. — Что я только что говорил?

Хэзер смотрела на него, сжимая руку. Холодная паника разлилась по ее венам.

— Ты читал, помнишь?

Пот блеснул на висках Данте.

— Агент ФБР...

— Смотри на меня, Данте, а не на монитор.

— Да, d'accord. — Его темные глаза остановились на Хэзер, сфокусировались.

— Агент ФБР, Родригез, — сказала она. — Подал иск о профессиональной

некомпетентности против человека, которого ты не помнишь, потому что этот человек лечил сына Родригеза от антисоциального расстройства.

— И сын стал Вагонным Душителем, — закончил Данте, откинув волосы обеими руками. Его бледное лицо было задумчивым, но в глазах мерцала боль. — Ты хочешь сказать, что сын Родригеза был частью Плохого Семени?

— Держу пари, — подтвердила Хэзер. — Как еще объяснить то, что Родригез попросил такого РСА, как Алекс Лайонс, сопровождать меня. Родригез хочет следить за кем угодно или чем угодно, связанным с Плохим Семенем, как я или ты. И хочет, чтобы люди, которым он доверяет, держали его в курсе, люди, знающие о происходящем. Он должен доверять Лайонсу.

Она повернулась на стуле и коснулась ладонью лица Данте.

— Ты в порядке? Мне не стоило давать тебе читать это.

— Не-е-е, даже не начинай. Мой выбор.

— Я собираюсь сделать кофе, — сказала Хэзер, убирая руку с его лица и вставая. — Я бы предложила тебе что-то покрепче, но здесь Энни, так что не предлагаю.

— Je comprend, catin.

Исчадие потерся головой о стул Данте, мяукнул. Данте поднял его и положил себе на колени.

— Он и правда привязался к тебе, — сказала Хэзер, входя в кухню. — Я думала, что животные опасаются созданий ночи, хищник на хищника, но сейчас Исчадие доказал мне, что это не так.

— Нет, у меня никогда не было проблем с животными, — ответил Данте. — У некоторых созданий ночи они есть, но только у уродов, улавливаешь? Я думаю, это потому что мы часть природы.

Интересная мысль. Вампиры — часть естественного порядка. Хэзер насыпала ложечкой кофе в фильтр, налила воду в кофеварку и включила ее. Вернувшись, она снова села за стол.

Исчадие свернулся у Данте на коленях, мурлыча и закрыв глаза, в то время как Данте левой рукой чесал его под подбородком. В другой руке он держал фото. Хэзер бросила быстрый взгляд — это было фото Шеннон и Джеймса, сидящих на диване цветочной расцветки, как раз перед свадьбой, до того, как она родилась.

Шеннон целовала Джеймса в щеку, рукой с фиолетовыми ногтями сжимая его бедро в джинсах. Длинные рыжие волосы были уложены и начесаны в стиле ретро стриптизерш из девяностых и окаймляли ее лицо. Улыбка играла на губах Джеймса, а за стеклами очков его глаза были закрыты. Прядь цвета медовый-блонд падала на его лоб. Они оба выглядели такими молодыми. Счастливыми.

А если Хэзер спросит отца, помнит ли он хоть одно мгновение радости двадцатилетней давности? Моменты счастья ускользали, мимолетные, как летний ветерок; но боль врезалась в сердца и души, как неизгладимый удар молнии, меняющий жизни за долю секунды...

Твоя мама не вернется домой... никогда.

— Ты так похожа на нее, — пробормотал Данте хриплым голосом.

— Может быть, немного, — согласилась Хэзер. — С тех пор как она умерла, у меня были сны о ее смерти, ночные кошмары, по крайней мере, я так думаю.

Данте кивнул.

— Дело в том, что после Вашингтона сны стали более яркими и подробными, но они не ощущаются, как сны.словно я вижу все ее глазами. И прошлой ночью казалось, будто я —

это Шеннон Уоллес. — Хэзер на мгновение замолчала, а затем добавила: — Это из-за тебя?

Данте осторожно поставил фото ее родителей на стол, затем посмотрел ей в глаза озадачено и задумчиво.

— Может быть, да. Но если и так, то я не специально.

— Знаю, — мягко сказала Хэзер. — Я не стараюсь обвинить тебя. Просто пытаюсь понять. Или, может быть, близость к смерти вызвала скрытую способность.

Данте кивнул:

— Есть вероятность.

Может и так, но она поставила бы годовую зарплату на то, что инициатором изменения в ней был Данте. Хотя на самый важный вопрос: изменил ли он ее, пока спасал — Данте не мог ответить.

— Как насчет тебя? Ты узнал что-нибудь о своей матери?

— Трей искал информацию, — ответил Данте. — Но ничего не нашел. Как будто она никогда не существовала. Они не только убили ее, но и, черт возьми, стерли все ее следы.

— Должно быть что-то, — сказала Хэзер. — Она жила в Новом Орлеане. Кто-нибудь да знал ее. Работал с ней. Хоть что-то. — Она гладила его по руке, чувствуя горящую кожу и сильные мышцы; сетка шелестела под пальцами. — Ты можешь подумать о том, чтобы расспросить ДеНуара.

Мышцы под ладонью Хэзер напряглись.

— Нет, — взгляд Данте тлел, его подбородок напрягся.

— Ты похож на нее, ты знаешь, — мягко сказала Хэзер. — Очень сильно. Она была красивой женщиной: черные волосы, темные глаза, теплая улыбка.

Данте кивнул и отвернулся.

— Да, Люсьен сказал то же самое.

Хэзер хотела бы, чтобы ДеНуар не ломал диск с документацией Плохого Семени с рождения Данте и его адском детстве. Хотела бы, чтобы у нее была фотография Женевьевы Батист, она могла бы отдать ее, как воспоминание, на которое Данте смотрел бы, когда угодно, и хранил. Уэллс и Мур не могли стереть существование Женевьевы. Не полностью. Им нужно было копать немного глубже, вот и все.

Аромат свежего кофе проник в комнату. Отпустив руку Данте, Хэзер встала и пошла на кухню, чтобы налить кофе для них двоих. Когда она обернулась, Данте входил за ней, счищая мех с бархатно-виниловых штанов.

— Я сам могу сделать себе кофе, ты ведь знаешь, — сказал он.

Хэзер подала ему кружку.

— Ага, твой так сложно запомнить. Черный.

Он улыбнулся:

— Merci beaucoup.

— Я хочу поблагодарить тебя за прошлую ночь, — сказала Хэзер.

Данте взглянул на нее, его лицо выражало недоумение.

— За что?

— За то, что помог убрать беспорядок и был так добр к Энни, даже когда она врала о тебе. За это я еще должна извиниться.

— Нет, — произнес Данте. — Ты мне ничего не должна.

— Нет, должна, Данте, должна, — сказала Хэзер. — Я вылила на тебя столько говна за поцелуй сестры, у меня не было права...

— Ш-ш-ш, — Данте прижал пальцы к ее губам. — Забудь.

Наклонившись, он заменил пальцы губами, теплым поцелуем, помедлил. Она обняла его за талию, его земной и хорошо знакомый запах дразнил ее. Жар разгорелся внизу живота, поддерживая пламя, которое, как она поняла, никогда не умрет.

Смотря в ее глаза, он сказал:

— Энни дома.

Хэзер услышала, как входная дверь открылась, а затем закрылась.

— Начинаю любить слух созданий ночи, — пробормотала она. Ее руки соскользнули с его талии, когда она отстранилась и пошла в гостиную. Энни плюхнулась на диван и включила телевизор.

— Хэй, — сказала Хэзер. — Я уже начала беспокоиться.

Энни закатила глаза.

— Нет нужды. Я была хорошей. Не пила и не покупала ничего нелегального, я... — слова внезапно оборвались, ее взгляд скользнул за спину Хэзер. Глаза расширились.

Хэзер почувствовала, как Данте подошел сзади.

— Привет, Энни, — сказал он.

— Мать божья, — выдохнула Энни. — Это были не текила и окси. Ты правда чертовски хорош.

— Спасибо, мне говорили. Меня это не волнует. Просто, чтобы ты знала.

— Тебя бы волновало, если бы ты не был таким красивым, — заявила Энни, усаживаясь на диван, с сардоническим блеском в глазах. — Тогда каждый комплимент грел бы сердце, и ты бы влюблялся в каждого, кто их говорит.

— Энни... — вздохнула Хэзер.

— Нет, она может быть права, — сказал Данте. — Но скажи мне, Энни, ты знаешь каково это?

Энни подняла руку и показала ему средний палец. Данте ткнул в надпись на своей футболке — «ОТСОСИ» — и поднял бровь.

— Правда? — Энни с вызовом показала на свою промежность. — Ты первый.

— Это новая игра? — спросила Хэзер, прикидываясь наивной. — И в чем она заключается? Показываешь на части тела, пока кто-то не промахнется и не попадет в глаз?

Энни посмотрела на нее, а затем съязвила:

— Знаешь, это сможет сработать, только если играть в стельку пьяным.

Данте посмотрел на Хэзер, и веселье заблестело в его глазах. Он выглядел счастливым и беззаботным, расслабленным. Ей нравилось видеть его таким и нравилось быть причиной этого. Очень сильно нравилось.

Она поняла, что знает очень много темных и болезненных секретов из жизни Данте, даже больше, чем он сам, но не спросила ни о чем простом типа его любимого цвета, любимой группы, книги или размера футболки. А его день рождения наступит через... оу... двадцать четыре дня.

Данте подошел к столу и поставил чашку на загроможденную поверхность.

— Мне нужно починить окно, прежде чем я отправлюсь в «Весперс», — сказал он, вытаскивая инструменты и оконный затвор из кармана кожаной куртки. Он направился к окну, Исчадие попрыгал за ним, затем Данте наклонился над подоконником, четко поворачивая отвертку.

Хэзер улыбнулась.

— Так ты знаешь, как пользоваться отверткой.

— Отлично подходит, чтобы вскрывать замки.

— Не заставляй меня арестовывать тебя.

Данте рассмеялся:

— Нет, мэ. Уже бывали там, делали это.

— Да, точно.

Несколькими минутами позже он установил новый замок. Исчадие прыгнул на подоконник и одобрительно мяукнул. Усмехнувшись, Данте почесал макушку рыжей кошачьей головы.

— Я бы не справился без твоего надзора, *miou*, — сказал он и, взглянув на Хэзер, добавил: — Он очень грациозен для кота, у которого три лапы.

— Он такой, и это никогда по-настоящему не замедляло его, — ответила Хэзер. — В приюте, где я его взяла, сказали, что на него напала собака, но он как-то выжил.

— Он точно не медленный, да, *miou*? — сказал Данте, погладив Исчадие еще раз.

Данте взял толстовку и кожаную куртку со стула, натянул их, звякнув цепями. Затем засунул отвертку в карман. Надел капюшон, скрывая свое красивое лицо. Хэзер понимала, почему он скрывался, но ей было немного грустно от того, что он считал это необходимым. Она подошла ближе.

— Так что ты хочешь на свой день рождения? — спросила она.

— Мой день рождения? — голос Данте был озадаченным, типа «какого черта». Выражение лица соответствующее. — Какой день рождения?

Хэзер устала на него.

— У тебя никогда не было вечеринки по случаю дня рождения?

— Нет, из того, что я помню. Я просто думал, что в этом нет ничего значимого, знаешь, как школа и солнечный свет, — его голос был ровным и сухим, «ничего важного».

Гнев вспыхнул в Хэзер, дикий огонь разгорался в венах. Ее сердце так сильно колотилось, что казалось, все тело тряслось от силы его биения. Данте не знал сколько ему лет и когда он родился. Ублюдки даже это у него отняли.

— Хэзер? Ты в порядке? — Данте нахмурился.

Она глубоко вздохнула. Успокоилась.

— Да, я в порядке, — затем добавила, — твой день рождения шестнадцатого апреля.

— Правда? Шестнадцатого апреля. Сколько мне будет?

— Двадцать четыре, Данте, — сказала Хэзер, грудь болела. — Тебе будет двадцать четыре.

— Да? — Его губы растянулись в улыбке, глаза зажглись. — Приятно знать.

— Ты когда-нибудь собираешься использовать входную дверь? — спросила она, когда он открыл окно.

— Не знаю. — Данте вылез в окно. — Может быть. Увидимся в «Весперсе», *chérie*.

Глава 23

Натянутый канат

Дамаск, Орегон

23 марта

Катерина взломала замок и открыла дверь черного входа. Скользнув внутрь, она прижалась спиной к стене и осмотрела комнату — кухня: холодильник, разделочный стол, настенная духовка и плита. Тихо, не считая гула холодильника. В воздухе запах чили, острого перца и огурцов.

Катерина прошла по выложенному искусственным кирпичом полу к двери. Коридор тянулся в обе стороны. Из дверного проема справа лилась полоса света. Повернув налево, она увидела свет из комнаты в конце коридора.

Катерина остановилась, крепче сжав глок. Холодильник заглох, и внезапно тишина обрушилась на ее чувства, словно неожиданный заряд статического электричества.

Она коснулась передатчика в ухе.

— Здесь, — сказал Бек.

— Оставайся на линии, — ответила она чуть слышно.

Не было сомнений, что Афина Уэллс откуда-то знала, что они с Бексом наблюдали с холма. Так же, как и не было сомнений, что Афина Уэллс отключила сигнализацию.

Время выяснить почему.

Сбросив напряжение с плеч, Катерина шагнула в коридор и прислушалась. Слева она уловила слабый шепот, слово шелест листьев среди деревьев поздней ночью: женский голос. Низкий стон, глубокий и мужской, время от времени прорезался сквозь шепот.

Придерживаясь стены, Катерина следовала за шепотом к светлой комнате в конце коридора. По мере приближения она различала равномерный писк медицинского оборудования. Значит, комната Глории Уэллс. Теперь она могла разобрать повторяющиеся снова и снова слова: *онаходитпонатянотомуканатуонаходитпонатянотомуканатуонаходитпонатянотомуканату...*

Шепот внезапно прекратился, и страх сжался ледяным кулаком в груди Катерины. *Натянутый канат?* Сделав глубокий вдох, она сосредоточилась и отогнала страх. Завернула в комнату. Пригнулась, подняв глок, и двинулась налево.

Катерина осмотрела комнату за миллисекунды — две кровати на разных сторонах, только одна занята, медицинское оборудование между ними; кресло, мужчина валяющийся на полу, и блондинка в забрызганном кровью халате, сидящая в изножье одной кровати с зажатым копьём в одной руке и с пистолетом или тазером в другой.

Катерина остановилась, направив пистолет на блондинку, и выпрямилась.

— Афина Уэллс?

Та стряхнула бледные волосы с лица и сказала:

— Когда-то. Сейчас я Аид.

Лежа в кровати, худая и изможденная женщина постарше наблюдала за Катериной, глаза ее были подернуты наркотической пеленой, но в них отражалась ясность ума. Трубочки капельницы тянулись к тыльной стороне ладони в кровоподтеках.

— Помоги мне, — прошептала Глория Уэллс. — Моя дочь душевнобольная.

«Мягко сказано», — подумала Катрина.

Она перевела пистолет на мужчину на полу, прицелилась. Стрелки тазера торчали из груди доктора Роберта Уэллса, его голова наклонилась в сторону. Из рта текла пена. Он застонал глубоким гортанным звуком. Слабый запах мочи и опаленной плоти поднимался от пола. Ей стало интересно, сколько раз Афина стреляла в своего отца?

— Она пришла убить тебя, — сказала Афина отцу. — Но я ей не позволю. Афина ошибалась, но Катерина не видела смысла ее переубеждать. Палец Катерины напрягся на спусковом крючке. Но вместо того, чтобы нажать его, она задала вопрос:

— Как ты узнала, что мы здесь?

— Я знала, что здесь та, которая идет по канату.

Слова Афины повисли в воздухе, напряженные и могущественные. Кожа Катерины покрылась мурашками. Все еще держа палец на курке, она кивнула в сторону Уэллса.

— Зачем?

— Я разогреваю его для Данте.

— Объясни.

— Ксандр поехал в Сиэтл, чтобы схватить Данте и привезти домой. Мы отдадим ему Отца.

Яростные слова Ренаты зазвучали в голове Катерины — *Убей его медленно, очень медленно* — делая ситуацию еще более сюрреалистичной.

Уэллс погрузил в агонию и изменил невинного младенца, ребенка Истиной крови, убил его мать. Если кто-либо и заслуживал шанса уничтожить мужчину, то это — Данте Батист. А если она позволит ему, то заслужит его доверие. И потом сможет забрать его в Рим к матери. Пульс Катерины ускорился.

Она перевела взгляд на Афину.

— Когда вернется твой брат?

Глаза Афины цвета морской волны в ярком свете выглядели почти прозрачными.

— Сразу, как только получит Данте.

— Помоги мне, пожалуйста, — снова прошептала Глория Уэллс. — Мой муж...

— Монстр, — сказала Катерина, опуская глок.

Но возможно, жена монстра тоже была жертвой. Она подошла к кровати и протянула Глории стакан воды с прикроватной тумбочки. Благодарность вспыхнула в глазах женщины. Взяв соломку в рот, она стала пить.

Если Лайонс не вернется с Данте, Катерина все еще может убить Уэллса и выполнить одну часть задания. Канат под ногами дрожал.

Засунув глок обратно в наплечную кобуру, она подошла к Уэллсу. Наклонившись, обхватила его плечи и посмотрела на Афину.

— Возьмись за ноги. Положим его на кровать.

Не сказав ни слова, Афина прислонила копье к постели матери и плавно встала. Затем побрела в сторону шкафа, беззвучно ступая по ковру грязными босыми ногами. Отодвинув складную дверь, она порылась в содержимом, а мгновение спустя обернулась с девчачьей улыбкой на лице. В ее руках были сдерживающие ремни.

— Он надевал их на меня, когда я все еще была его дочерью.

— Мы используем их, — сказала Катерина.

Повесив ремни через плечо, Афина нагнулась и схватила лодыжки отца. Они с усилием

смогли поднять вялое тело Уэллса с пола и перенести на вторую кровать. Еще через несколько мгновений он был привязан за запястья и лодыжки. Катерина вытерла пот со лба.

— Ты не знаешь, получал ли твой отец посылку из Невады где-то неделю назад?

Афина посмотрела на отца, губы изогнулись в темной улыбке.

— Получал, — сказала она и вышла в коридор.

Катерина проследовала за Афиной, вслушиваясь в звук ее возобновившегося шепота, они прошли дальше к слабоосвещенному концу коридора и комнате — хорошо оборудованному офису, украшенному копьями, щитами и нагрудниками — скорее всего, эллинскими — которые выдавали увлечение Уэллса Грецией.

Афина подошла к столу. Склонилась над компьютером, прошлась пальцами по некоторым клавишам и открыла файл. Затем отстранилась.

— Вот.

Катерина заняла место Афины у стола и посмотрела на монитор. Черные крылья выгнулись за спиной человека — *человека? Нет, Падшего* — который держал на руках Данте.

— Ты помнишь Женевьеву Батист? Мать моего сына? — спросил падший ангел.

Колени подогнулись, и Катерина опустилась в кресло, сердце ее колотилось о ребра, мысли путались.

Наконец, она узнала, что случилось с Джоанной Мур.

И почему Джон Бронли шагнул под колеса фуры.

Глава 24

Все рушится

Сиэтл, Вашингтон — «Весперс»

23 марта

В «Весперсе» воняло разлитым пивом, гвоздичными сигаретами и пачули. Хэзер крепко схватила Энни за руку и потащила подальше от отделанного латунью бара из красного дерева через потную толпу у ограждений прямо к сцене.

«Dogspit» закончили выступление, и Хэзер жалела, что пропустила его. Энни собиралась целую вечность, переодеваясь как минимум три раза и укладывая волосы, но такой была ее младшая сестра.

Толпа гудела и разговаривала в ожидании появления «Inferno» на сцене. Принцесса готов в бархате, черных кружевах и сетке стояла бок о бок с кибер-готом в ПВХ и фетиш-одежде; нео-панки с ирокезами фиолетовых и красных цветов толкались рядом с качками в коже и латексе, их черные крашенные дьявольские волосы обрамляли угрюмые лица; кучка бродяг в потрепанных кожаных куртках держалась в стороне, черные тату птицы в виде буквы V на их щеках говорили, что они из клана Воронов.

Мужчины и женщины в толпе боролись за места около ограждения, хватаясь за него обеими руками и цепляясь ногами за подпорки.

Хэзер чувствовала себя слишком одетой в своих скечерсах, черных джинсах и сетчатой фиолетовой кофточке, надетой на фиолетовый лифчик. «Или слишком разодетой, в зависимости от того, с кем сравнивать», — думала она, протискиваясь мимо женщины в невероятно обтягивающих кожаных бюстье и мини-шортах.

— Ты до этого была на концерте «Inferno»? — прокричала Энни сквозь пьяный гул. Острый запах выпивки витал в воздухе.

— Нет, сегодня впервые. — Хэзер проталкивалась сквозь толпу к местечку справа от сцены, рядом с бродягами, за первым рядом забравшихся на ограду.

— Данте говорил, что слушал «WMD», — прокричала она. — Сказал, что твои ребята были из числа лучших.

— Правда? Круто, — на губах Энни появилась довольная улыбка.

С сильно подведенными черным карандашом глазами, блестящими пурпурными тенями на веках и помадой на губах она была по-клубному сексуально красива в узкой черной майке с логотипом группы «GRAVEYARD», черно-фиолетовой кринолиновой юбке, сетчатых чулках и латексных шнурованных сапогах.

По толпе прошлось возбуждение, когда некто — высокий, худой и усатый — вышел на сцену и махнул, чтобы приглушили свет. Тату в виде полумесяца под его глазом блестела, словно слюда в лучах солнца.

— Эй, дорогуша! — прокричал Вон, подходя к краю сцены, и присел. — Ты чего забыла в толпе? Данте вписал вас как VIP-персон.

Головы у ограждения повернулись, чтобы увидеть, с кем он говорит. Внимание устремилось к Хэзер. Люди зашептались.

— Привет, Вон, — ответила Хэзер. — Мне хотелось посмотреть на толпу.

Вон приспустил темные очки и подмигнул Энни.

— Должно быть, это твоя сестра. Такой может быть только одна из Уоллес, — он оскалился.

— Спасибо, — сказала Хэзер и посмотрела на сестру.

Энни пристально уставилась на клыкастую ухмылку Вона. Он спрыгнул со сцены в зону до ограждения и попросил людей отойти, что они неохотно сделали.

— Пойдем, куколка, — сказал он, обращаясь к Энни.

Когда люди расступились, Энни шагнула вперед, подняв подбородок, и протиснулась к открытому в ограждении проходу. Вон поднял ее на сцену, словно та ничего не весила.

— Твоя очередь.

Хэзер подошла к ограде, и Вон обвил ее талию и запрыгнул на сцену. На мгновение ей показалось, будто она летит.

Вон провел их с Энни за кулисы через затемненную сцену мимо оборудования и микрофонов. Вышел Данте, его бледное лицо сияло, глаза блестели, свет отражался от стального кольца на ошейнике. И Хэзер, не дыша, остановилась, ее сердце заколотилось.

Черт. Прекрати это делать. Это просто Данте.

Единственное, что важно: просто Данте. Никто иной.

— *Cat in.* — Он осмотрел ее сверху вниз, оценивая. — *Très* чертовски сексуальна. — Его взгляд остановился на Энни. — Эй, *p'tite*. Ты хорошо привела себя в порядок.

— *Вау!* Спасибо. — Энни закатила глаза.

Данте обнял Хэзер. Его натянутое в латекс и кожу тело было горячим. Пальцы с прохладными кольцами скользнули по лицу. Он наклонил голову и поцеловал ее. Губы были сладкими, словно лакрица, с привкусом алкоголя. Электрическая дуга образовалась в ее животе и между ног.

— Рад, что ты здесь, — сказал он, закончив поцелуй.

— Я тоже, — пробормотала Хэзер.

— Боже, — сказала Энни. — Снимите комнату, а?

— *Tais toi, p'tite*.

— Говори по-английски, придурок.

— Да пошла ты.

— Так лучше. Слышала, ты был фанатом «WMD».

Данте улыбнулся. Отпустив Хэзер, он отошел и перевел внимание на Энни.

— Ага. Вы когда-нибудь соберетесь снова?

— Возможно, — сказала Энни. — От многого зависит. Ты когда-нибудь дашь мне по назначению использовать этот ошейник?

Данте рассмеялся, но Хэзер втянула воздух, почувствовав укол ревности, и набросилась на сестру.

— Какого черта ты делаешь?

— Да ничего. Просто дразнюсь. Черт, расслабься! — Энни скрестила руки на груди, и знакомая угрюмая маска появилась на ее лице.

— Он... — Хэзер остановилась. Что она собиралась сказать? Он мой? Он занят? Был ли это правдой? Внезапно по щекам разлился жар. Когда это она решила?

— Ты чертовски покраснела, — произнесла Энни скептическим тоном.

Улыбка коснулась губ Данте.

— Думаю, мне нравится, когда она краснеет, — сказал он. Затем подошел и коснулся своим лбом лба Хэзер. Его руки сомкнулись на ее талии, пальцы обжигали кожу сквозь

сетку. Горячая волна накрыла ее. — Всегда, когда захочешь, — прошептал он. — Я твой.

— Правда? — прошептала она в ответ.

— Правда. Поводок по желанию.

Хэзер засмеялась, смущение исчезло. Она была благодарна Данте за то, что он не попросил ее закончить фразу. Тем более, сама не знала, что именно собиралась сказать.

Данте поднял голову и взял ее за руку, переплетя их пальцы. Он повел ее и Энни в скромно обставленное артистическое фойе.

— Пойдем, я представлю вас ребятам.

Приложив указательный и большой пальцы к уголкам рта, он свистнул — резко и громко. Вся деятельность в артистическом фойе прекратилась, и присутствующие повернулись в сторону звука.

— Все, это Хэзер, — сказал Данте, склонив голову в ее сторону. — И ее сестра Энни. — Он положил руку на плечо Энни.

Люди кивнули, улыбнулись, помахали и завопили:

— Привет!

Данте обратил внимание Хэзер на человека, только что вставшего с мягкого кресла.

— Это *mon cher ami* Илай, — сказал он, его голос был теплым, низким и нежным. — Мы вместе занимаемся музыкой... сколько?

— Почти пять лет, тьфу-тьфу, — ответил Илай.

Он был смешанных кровей. С кожей цвета кофе с молоком, миндалевидными нефритово-зелеными глазами, высокий и стройный, на вид лет двадцати пяти.

— А там перед зеркалом, — сказал Данте, — Блэк Байю Джек^[38]. Чертов ударник. Дерет всем задницы.

Джек ухмыльнулся.

— Очень рад, *m'selles*.

Мелодичный каджунский акцент однозначно выдавал в нем уроженца Луизианы. Его искусственный ястреб^[39] напоминал заплетенную конскую гриву, темно-русые волосы были выбриты на висках и затылке, а косички покрашены в вишнево-красный цвет. Черные стилизованные татуировки обвивали шею и мускулистые руки.

— А вон тот, что порывается пойти и в третий раз проверить чертово оборудование, Энтони — человек, который вставляет в басы фанк и секс.

— Привет, — пробормотал Энтони, переминаясь с ноги на ногу.

Тоже с виду лет двадцати пяти, может, чуть больше; темно-коричневая кожа, глаза цвета карамели, естественная и сексуальная прическа в стиле афро. Ему явно не терпелось выйти.

Данте дернул головой в сторону занавеса, и Энтони с сияющей улыбкой скрылся за складками бархата.

— Пошел удостовериться, что все установлено правильно, — сказал Данте, пожав, а затем отпустив руку Хэзер. Его дыхание сбилось. Он дотронулся пальцами до виска.

Хэзер охватила паника от вида его расширенных глаз. Она потянулась к его руке, но он быстро избежал прикосновения.

— Тебе больно, — сказала она.

Он пожал плечами.

— Немного. Скоро увидимся, *chérie*.

Хэзер заметила, как сжалась его челюсть, когда он разворачивался. Она взглянула на

Вона, но тот уже сосредоточился на Данте, хмуря брови. Данте скользнул мимо занавеса и исчез.

— Симона сказала, что его мигрени усилились, — заметила Хэзер.

— Это только половина беды, — ответил Вон приглушенным голосом. — У него еще начались приступы.

— Приступы? — Хэзер внезапно стало холодно.

— Помалкивай пока об этом, куколка, — сказал Вон.

— Он не должен выступать.

— Так скажи это ему, — Вон фыркнул.

— Скажу. — Хэзер повернулась и пошла к занавесу. Пальцы сомкнулись на ее руке, она дернулась и посмотрела в серьезное лицо Вона.

— Пусть выступает, — сказал он. — Сейчас не время. Понимаешь? Не сейчас.

Хэзер остановилась, затем кивнула.

— Хорошо. Не сейчас.

Вон отпустил ее руку. Она выдержала его взгляд.

— Но ему нужна помощь. Он не сможет вылечиться, пока отказывается признать, что болен. И я не думаю, что он сможет вылечиться в одиночку.

Вон кивнул.

— Это так, черт побери. Так что произошло между вами? Он никогда не рассказывал.

Хэзер помедлила, смесь сожаления и неуверенности уколола ее сердце. Она вдохнула и сказала:

— Я видела, как он уничтожает женщину.

Понимание промелькнуло в глазах Вона.

— Он сохранил мне жизнь, и я всегда буду любить его за это, но... что тебе известно о Плохом Семени?

— Немного, — ответил Вон. — Я только лет сорок как создание ночи, а рожденные вампирами — гребаная редкость. Я знаю, что они должны быть могущественны, быстры, как скорость света, и переполнены магией. Черт, просто посмотри на Данте.

— Клань бродяг знают о вампирах?

— О да, — сказал Вон. — Но клань видят Истинную кровь как часть ночи; знаешь, как голос природы, воплощение тьмы. — Он потряс головой. — Но так как Данте еще и Падший, то он нечто иное.

Вон запнулся на мгновение, словно хотел сказать что-то еще, но вместо этого снова покачал головой.

Хэзер знала, что клань бродяг в основном были язычниками, сохраняющими древние обряды поклонения природе, но не представляла, как создания ночи — вампиры — могут вписываться в их веру.

Мы часть природы.

— Пойдем, дадим тебе и твоей милой сестренке возможность насладиться шоу.

— Жду с нетерпением. — Она посмотрела через плечо и застыла, когда увидела, с кем разговаривает Энни.

Темно-фиолетовые волосы были уложены гелем для максимального эффекта «я только что встал с постели», худой, в черных джинсах, байкерских сапогах и винтажной футболке с надписью «ТВ на РАДИО», на вид ему было не больше шестнадцати. Сильвер улыбался клыкастой улыбкой и болтал с Энни.

Энни перенесла вес на одну ногу и водила другой стройной ножкой в сапоге взад и вперед, теребя края короткой кринолиновой юбки. Слепое очарование во взгляде, голубые глаза сияют желанием.

— Что он здесь делает? — спросила Хэзер.

Будучи в Новом Орлеане, она никогда не могла найти общего языка с загадочным вампиром, ощетинивалась на его понимающие улыбки.

— Сильвер находится под опекой Данте, — сказал Вон, пожав плечами. — Что-то типа студента по обмену среди созданий ночи. В любом случае, Данте отвечает за него и не мог оставить в Новом Орлеане.

— Ааа, понятно, — пробормотала Хэзер. — Что ж, я не хочу, чтобы он водился с Энни. Озадаченная улыбка коснулась уголка рта Вона.

— Прикольно. Она выглядит достаточно взрослой, чтобы самой принимать решения, куколка.

Проигнорировав комментарий Вона, Хэзер присоединилась к Энни и Сильверу вклиниваясь между ними.

— Это моя сестра, — обратилась Хэзер к Сильверу, удерживая его блестящий серебристый взгляд. Его насмешливый серебристый взгляд. — Руки прочь. Понял?

— Отвали, — сказала Энни, ее голос был низким и напряженным. — Мне, мать твою, двадцать шесть лет, и я более чем способна сама распоряжаться своей жизнью.

— Правда? С каких пор?

Сильвер открыл рот, чтобы что-то сказать, потом посмотрел в сторону Вона и закрыл его. Пожав плечами, он ушел.

Хэзер схватила Энни за руку. Та вырвалась.

— Прекрати обращаться со мной как с ребенком! — завопила она. Огонь горел в ее глазах. — У меня биполярное расстройство, а не отсталость.

— Я не обращаюсь с тобой как с ребенком, — сказала Хэзер, пытаюсь сохранить спокойствие. — Но я буду признательна, если ты прекратишь такое вытворять. Сильвер — создание ночи. Я просто присматриваю за тобой.

— Правда? Это еще один парень, с которым ты не встречаешься, но хочешь оставить для себя?

— Нет!

— Ох. Окей. Значит, только тебе можно встречаться с созданием ночи? Это так, Мисс У Меня Есть Все?

— Энни, нет...

— Что ж, знаешь что? Пошла ты! — Энни развернулась и умчалась за занавес.

— Черт!

Зовя сестру, Хэзер отпихнула тяжелый занавес и побежала за ней через сцену. Но Энни нырнула в толпу, что теснилась у ограждения. Разноцветная голова исчезла из виду.

Хэзер спрыгнула со сцены, пролезла под ограждением и стала протискиваться сквозь гущу людей. Свет погас, толпа заревела. Путь Хэзер преграждали крепкие мужские тела, воняющие потом и пивом. Она поднялась на цыпочки и стала искать какие-либо признаки Энни, но чьи-то головы закрывали обзор.

Толпа двинулась вперед, пихая и толкая Хэзер локтями и бедрами, рев усилился. Поняв, что не сможет выбраться, пока «Inferno» на сцене, Хэзер сдалась и развернулась, чтобы посмотреть шоу.

Алекс отошел от бара с пластиковым стаканчиком эля Rogue в руке и присоединился к группе бездельников. Когда четыре фигуры заняли свои места, разноцветные лучи залили сцену. Дымовые машины выпускали белый благовонный туман в толпу. Алекс сделал глоток холодного эля, засунул беруши в уши.

Резкая индустриальная музыка, бешеная стена звука, ударила в толпу, и сердце Алекса застучало в одном ритме с тяжелыми ударами басов. Он сфокусировался на худой фигуре Данте в тени, стоящей перед микрофоном на краю сцены, тот обхватил руками стойку, блестящая черная гитара висела ниже пояса.

Данте взял микрофон и запел. Голос его был низким и кипящим яростью, он сплетался с музыкой, громяющей в клубе, пробираясь вверх по позвоночнику Алекса.

— На четвереньках, — кипящим шепотом пел Данте. — К тебе. Я буду ползти на четвереньках через битое стекло, через разбитые сердца, от нас ничего не осталось. Даже праха. Но можно ползти. На четвереньках.

Музыка внезапно прекратилась. Но толпа не перестала бросаться друг на друга, нанося ушибы и ударяясь головами.

— А теперь, когда я привлек ваше внимание, — сказал Данте, — есть кое-что, что я хочу сказать созданиям ночи в зрительном зале.

Несколько людей — мужчины и женщины — завизжали: «Я люблю тебя, Данте!» Некоторые рассмеялись, думая, что он просто играет со зрителями, чтобы улучшить контакт. Восторженные крики пронзили воздух.

Большинство и понятия не имели, что он на самом деле был тем, кем они представляли его в своих темных фантазиях: вампиром.

И даже больше.

— Каждый пришел сюда, чтобы насладиться шоу, немного выпить и, может быть, потрахаться, — продолжил Данте, голос его был чистым и сильным, приправленным каджунским ритмом. — Если вы здесь по другой причине, если вы хотите la passéе, идите тусоваться на возобновленное шоу «Smashing Pumpkins» или на какой-нибудь другой поганый концерт и упейтесь. Тронете кого-нибудь здесь без его согласия и, мать вашу, пожалеете об этом.

Из толпы зазвучал голос:

— Это вызов?

Последовали смешки. Луч прожектора остановился на Данте, осветил его голубым светом. Он медленно выставил средний палец.

— Как думаешь, что это значит?

Затем он поднял голову. Сердце Алекса заколотилось о ребра, ошеломленно и неистово. Он больше почувствовал, чем услышал внезапный массовый вдох, который рассказал ему, что Данте, словно Медуза Горгона, заставил своей красотой застыть сердца и только его одного не заманил в ловушку. Подняв пластиковый стаканчик с элем к губам, он осушил его.

Свет отблёскивал от рядов колец в ушах Данте, мерцал голубым на лоснящихся черных волосах; стройное мускулистое тело; бледное лицо, от которого захватывало дух; полная нижняя губа, высокие скулы и подведенные глаза. Он двигался по сцене с естественной и дикой грацией.

— Ползи со мной, на четвереньках, ко мне, — Данте запел гроулом, дергая стойку на себя, отклоняясь назад и прижимая губы вплотную к микрофону. —

Я поцелуями сотру твои страхи. Если ты будешь ползти. Со мной. Падать со мной. За мной.

Каждое движение его мускулистого тела, каждое вскидывание головы шептало о сексе. Обещая темное удовольствие. Намекая на готовое бледное тело. Его кожаные штаны обтягивали бедра, а голубой свет отражался от кольца на ошейнике.

Данте пристроил изгиб гитары около бедра, и его белая рука прошлась по струнам и ладам. Все внимание сосредоточилось на обжигающей музыке, исходящей из-под его пальцев. Он двигался вместе с музыкой.

Алекс осознал, что при виде Данте не в состоянии утихомирить громящее сердце и отвести взгляд. Он даже представить не мог, что Данте настолько опасен.

Чарующий. Неотразимый.

— Мы будем спускаться вместе. Я не позволю тебе падать в одиночестве, — низкий хриплый голос закручивался в сердце Алекса и заставлял его гореть. — Мы оба виновны. Ползти, ползти, ползти...

Алекс заставил себя отвернуться и начал прокладывать путь сквозь толкающуюся пропотевшую толпу, чтобы выйти наружу. Он прислонился к стене, вдыхая свежий прохладный ночной воздух, музыка «Inferno» продолжала вибрировать в его мышцах. Алекс бил кулаками в стену до тех пор, пока не появилась кровь, пока боль не прочистила голову.

Острая и холодная ярость врезалась в него. Он выпрямился и достал пачку Winston и зажигалку Zippo из кармана толстовки. Вытряс сигарету из пачки, зажал между губами и прикурил. Он курил, составляя новый план и обдумывая способ поработить и контролировать Данте после того, как отнимет у Отца и сделает Истинную кровь своим.

Алекс будет причинять боль Данте. Снова и снова. Долго, глубоко и часто. И если для этого понадобится Хэзер, так тому и быть. А если причинения боли всеми возможными способами будет недостаточно, чтобы не дать Данте сплести другие клейкие сети похоти, чтобы заманить в ловушку его — и Афины? Удержит ли ее такой же способ? Гореть как звезда?.. — то потом он расскажет Данте правду.

Он втиснет ее в его горло. Каждый кусочек.

Так, что тот задохнется.

Толпа прыгала и билась в такт музыке, люди врезались друг в друга, разбрасывая пот и пуская в ход кулаки, как только кто-нибудь сзади пытался сместить впереди стоящих от ограды. Толпа передавала по рукам девушку в латексном платье и без белья, как заметила Хэзер через головы охранников.

Со страстным, подчеркнутым подводкой лицом та бросилась к Данте, но он отступил, избегая прикосновения, продолжая петь. Ее медленная скорость доказала, что она смертная, вероятность, что она когда-либо поймает его, нулевая, размышляла Хэзер, по крайней мере, до тех пор, пока он не захочет быть пойманным.

Хэзер не была уверена в том, как будет себя чувствовать, если Данте позволит девушке коснуться его, поцеловать, облапать. Но сдавленность в груди, появившаяся от

представления этих образов в деталях, ясно сказала ей: *Плохо, Уоллес. Очень плохо.*

Один из мускулистых охранников с массивным торсом, втиснутым в желтую футболку с надписью «ВЕСПЕРС», забрался на сцену, схватил Латексную Девочку и швырнул ее обратно в толпу. Толпа заревела, но было ли это в знак одобрения или же от злости, Хэзер сказать не могла.

Данте пронесся так быстро, что его движения смазались. Микрофон покатился по полу. Затем охранник с открытым ртом и выпученными глазами подлетел в воздух. Толпа расступилась, и он ударился о бетонный пол. Сильно.

Толпа снова взревела, громче, чем прежде, и на этот раз у Хэзер не было сомнений, что они приветствовали ожесточенные действия Данте. Прежде чем Данте отступил от края сцены, три других фигуры кинулись через ограду и охранника с открытым ртом, прыгнули на сцену и закружились вокруг Данте — со скоростью созданий ночи.

Толпа завизжала и завопила, не осознавая того, что только что поняла Хэзер: вызов Данте был принят.

Женщина в топе из ПВХ и бархатной мини-юбке, с волосами, забранными в гладкий черно-красный конский хвост, со всей силы била Данте, ее кулаки размазывались в голубые пятна.

Данте уже ушел, когда кулаки Хвостатой еще пару раз пролетели в воздухе. Она чуть не потеряла равновесие, когда ее удары не достигли цели, и развернулась в замешательстве. Данте постучал по ее плечу, и она еще раз развернулась, вскидывая кулаки. Нырнув, Данте появился прямо перед ней. Он схватил ее за плечи, поцеловал ее, затем кинул обратно в толпу.

Застряв между пропотевшим толстым парнем в футболке с надписью «INFERNO» и ег таким же толстым и потным приятелем, Хэзер с комом в горле наблюдала, ненавидя тот факт, что не может избить этих парней, и все что ей остается — наблюдать. Она осматривала сцену в поисках Вона.

Компаньоны Хвостатой — мужчина с острым ирокезом, в джинсах и древней футболке «Ramones»^[40], и мужчина с devil-lock^[41] в коже и латексе — появились около Данте. Пальцы Ирокеза с длинными ногтями полоснули как ножами по его бокам, в то время как Devil Lock, сжав и подняв кулаки, ударил его по лицу.

Но Данте уже пригнулся, поворачиваясь, в одной руке все еще держа гитару. Хэзер заметила только проблеск черных волос и блестящей кожи, когда он переместился, его движения были самыми быстрыми на ее памяти.

Левый кулак Данте врезался в Ирокеза, за которым тотчас последовал удар правым предплечьем в лицо. Кровь прыснула из носа. Схватив потрясенного вампира за плечи, Данте притянул его и также поцеловал. Devil Lock ударил кулаком по ребрам Данте, пока тот кидал Ирокеза в толпу, другой кулак понесся в сторону виска.

Данте увернулся, полоснув пальцами по животу Devil Lock'a. Кровь брызнула в воздух, на мгновение сверкнув в голубом свете, как темные драгоценные камни в тумане. Devil Lock прижал руку к животу, сморщился от боли и удивления. Данте намотал на руку его длинную прядь блестящих от геля волос, висящую на лице, но прежде, чем Данте смог поцеловать его, Devil Lock вырвался и нырнул обратно в толпу.

Толпа взревела. Запрыгала. Подняла кулаки в воздух.

Хэзер сделала глубокий вдох облегчения, когда заметила блеск сияющих глаз у занавеса — Вон, надеялась она. Но боялась того, что может произойти, если на сцену заберутся

десять, двадцать или еще больше созданий ночи.

Данте слизнул кровь с губ, поднял микрофон, подошел к краю сцены и закричал:

— Пошли вы!

Он отступил обратно и продолжил петь, пока остальные участники «Inferno» терзали свои инструменты — взметающиеся вверх дреды, сверкающий пирсинг, блестящая от пота кожа — наполняя музыку энергией и эмоциями.

— Я иду за тобой! — кричал Данте, мышцы на его шее напряглись, наклоненная микрофонная стойка была между его ног. Он поднял голову, откинул назад волосы, поймав взглядом Хэзер.

На мгновение музыка, дикая и бессловесная, запульсировала между ними, как это было на ее кухне, и дыхание Хэзер сперло в горле. Песнь Данте. Красивая. Одинокая. Покинутая. Она прижала руку к сердцу, к исцеленной ране, которая сейчас вибрировала под пальцами.

Данте выпрямился. Пот капал с его лица. Черные локоны упали на лоб.

— Ничто не может остановить меня. Мне нечего терять. Я иду за тобой! — он кричал последние слова долгим, продолжительным звуком животной ярости.

Хэзер стала пробираться сквозь толкающуюся, воняющую потом толпу, борясь за дорогу к сцене. Услышав потерю за яростью в его голосе, она старалась держать взгляд на бледном лице Данте. Она протиснулась к ряду за теми, кто сидел на ограждении, зная, что не сможет подойти ближе, не пустив кровь.

Данте на сцене опустился на колени, держа гитару сбоку, его темный взгляд был сфокусирован на ее лице. Пальцы и руки взметнулись в воздух, тянулись к Данте. Голоса кричали.

— Я мечтаю о тебе в темноте, — пел он напряженным голосом. — Пробую тебя. Вдыхаю тебя. Чувствую, как ты горишь внутри меня. Я стою у твоего окна и смотрю, как ты спишь.

Данте коснулся нескольких рук, качающихся в воздухе, его пальцы тряслись. Он без усилий поднялся на ноги, провернул гитару, и споткнулся. Хэзер попыталась протолкнуться ближе, но плотный пресс тел держал ее сзади.

Данте упал на колени. Микрофон выпал из его пальцев, и ответный скрип раздался по клубу. Другие участники «Inferno» прекратили играть, с сомнением трогая струны.

Дрожь прошла по телу Данте. Он опрокинулся на пол, его конечности сжались, спина выгнулась. Хэзер боролась и пробивала себе путь к краю толпы. Она поймала проблеск размытого движения — Вон выбежал из-за кулис. Он упал на колени рядом с трясущимся телом Данте, снял гитару и отбросил ее в сторону.

Нырнув под ограждение, Хэзер бросилась молнией по лестнице, ведущей на сцену и пробежала по деревянному полу. Проекторы погасли, а голоса в зале гудели, шептались и кричали. Другие участники «Inferno» обступили Данте и Вона, закрывая их и обеспечивая уединение. Илай поднял взгляд, шагнул к ней, чтобы помешать пройти.

— Сейчас не подходящее...

Когда Хэзер напряглась, чтобы нырнуть и увернуться, она услышала голос Вона:

— Дай ей пройти.

Она промчалась мимо Илая, когда тот отошел в сторону, остановилась рядом с Воном и опустилась на колени. Бродяга держал дергающееся тело Данте, лицо его было мрачным. Кровь текла из носа Данте и пенилась у рта, забрызгивая деревянный пол.

— Чем я могу помочь? — спросила она.

Не отводя взгляд от бледного лица Данте, Вон сказал:

— В артистической есть черная сумка на молнии. Принеси ее.

Вскочив на ноги, Хэзер проскользнула между Джеком и Энтони и протиснулась сквозь тяжелый занавес. Она осмотрела комнату и заметила сумку, лежащую в углу мягкого кресла. Схватив ее, она поспешила обратно через сцену.

Облегчение исчезло, когда она увидела Данте, до сих пор бьющегося в конвульсиях. Его ноги в сапогах выбили ямки в деревянном полу сцены. Тело выгибалось, вертелось и дергалось с такой скоростью и неистовостью, что у Хэзер пересохло во рту.

Она упала на колени рядом с Воном.

— Теперь что? — спросила она.

— Достань из сумки шприц и наполни его до краев морфином, — прохрипел Вон, пытаясь удержать Данте, и уточнил: — Он в пузырьке.

Хэзер устала на него, сердце колотилось.

— До краев?

— Я не сделаю ничего, только облегчу его боль и погружу в сон, — сказал Вон натянутым голосом. — Давай уже. Этот приступ прикончит его, если продлится дольше. И меня прикончит тоже.

Хэзер расстегнула сумку. Шприцы и пузырьки морфина были аккуратно вставлены в кармашки. Она вытащила шприц, сняла с иглы колпачок и вставила ее в один из пузырьков, набрала столько обезболивающего, сколько вместилось. Она выдавила немного жидкости, чтобы убрать пузырьки воздуха.

— В шею, — сказал Вон. — Я не могу отпустить его.

С глубоким вдохом, чтобы успокоить руку, Хэзер ввела иглу в вену на напряженной шее и вдавила поршень до конца. Она вытащила иглу и уронила шприц на пол. Несколько секунд спустя Данте затих и обмяк в объятиях Вона.

Хэзер вздохнула и с облегчением закрыла глаза. Ее пульс стучал в висках.

— Черт, — выдохнул бродяга. — Твою мать.

Хэзер открыла глаза и посмотрела на Вона. Пот выступил на его лбу. Изрубцованные от драк пальцы разжались, когда он расслабил руки.

— Как часто такое происходит? — спросила она.

Вон покачал головой.

— Слишком часто.

Кровотечение из носа Данте замедлилось. Глаза приоткрылись, зрачки окружали тонкие круги темно-коричневого цвета. Взгляд его сфокусировался на лице Вона.

— Что с тобой, mon ami? — невнятно произнес он, голос его был сонным и замедленным опиумом.

— Нет, с тобой, парень, — сказал Вон, откидывая волосы с потного лба Данте. — Ты решил дать пять полу.

— J'su pas fou de ça, — пробормотал Данте, закрывая глаза. — Ты в порядке?

Вон хихикнул.

— Черт, да, со мной все хорошо. Я о тебе забочусь.

Глаза Данте снова открылись.

— Я никого не поранил, нет?

— Нет.

— Хэзер. — Данте оттолкнул руку Вона, пытаясь встать.

— Здесь, — откликнулась Хэзер. — Данте, я рядом.

Наклонившись вперед, стоя на коленях, она обхватила ладонями его бледное лицо. Он горел, у него была лихорадка. Его взгляд переместился на ее лицо, улыбка коснулась испачканных кровью губ.

— Я думал, что потерял тебя, — сказал он.

— Тебе придется постараться чуть больше, если это твой план, — ответила она.

— Так тихо, *chérie*.

— Я буду рядом, — прошептала она.

Глаза Данте закрылись, дыхание замедлилось, стало едва уловимым ритмом создания ночи, когда его захватил искусственный Сон.

Хэзер убрала руки с его горячего гладкого лица и сложила их на бедрах. Он выглядел спокойным в руках Вона, накачанный наркотиками и грезящий, бледный, с темными густыми ресницами. Спокойный. Да.

Иллюзия.

Она слышала страх в его голосе, близкий к панике, когда он спрашивал: «Я никого не поранил, нет?» Знала, почему он задал этот вопрос, и в груди у нее заболело, когда она вспомнила выражение его лица и неразбавленное страдание в голосе при виде Хлои, его маленькой принцессы Винни-Пух, распластавшейся, как снежный ангел, в луже собственной крови.

— Илай, чувак, Данте вырубился. — Вон прижал Данте к груди и встал плавным легким движением. — Скажи им, что шоу окончено.

Крики «Inferno! Inferno!» возрастали, пока толпа непрерывно продолжала двигаться. Некоторые смеялись, веселые, словно приступ фронтмена был частью шоу, и Хэзер поняла, что некоторые, возможно, надеялись, что так оно и было. Или думали, что Данте прикидывался, хотя, как человек может изобразить конвульсии, скручивающие мышцы и сухожилия, которые только что перенес Данте, было вне ее понимания.

Хэзер подняла шприц и пузырек и положила их обратно в сумку. Закрыв замок, она взяла ее и встала.

Взгляд Вона прошелся от Илая к Джеку, а потом к Энтони.

— Вы все держитесь рядом с Сильвером и остерегайтесь других созданий ночи. Данте взбесил ублюдков, и они могут на шуметь теперь, когда он без сознания.

Илай кивнул, собирая двумя руками дреды, выражение его лица было озабоченным.

— Сильвера здесь нет, — произнес он тихо.

— Он погнался за сестрой Хэзер, — сказал Джек.

Хэзер оцепенела, внезапно почувствовав холод.

— Он последовал за Энни? Мне нужно найти...

— Погоди, — пробормотал Вон, на мгновение уходя взглядом в себя.

Хэзер поняла, что он ищет контакт с отсутствующим вампиром. Она завертелась, исследуя толпу в поисках сине-фиолетово-черных волос Энни или сверкающих глаз Сильвера, но в маленьком помещении было слишком много людей. Она вздохнула. Энни была большой девочкой, как и говорил Вон, но... она обернулась и встретила твердый взгляд Вона.

— Ты связался с Сильвером? — спросила она, прикасаясь пальцем к виску.

— Дай, я устрою Данте, — ответил он, кивая в сторону занавеса.

Хэзер проследовала за бродягой за сцену, в то время как Илай объявлял, что шоу

окончено в связи с неподвластными им обстоятельствами. Выкрики взметнулись в воздух подобно злым осам. Даже несмотря на то, что шоу длилось уже час, прежде чем Данте упал, Илай сообщил, что деньги можно вернуть.

Вон положил Данте на потертый испачканный диван. Пряди черных волос разметались по лицу Данте, частично закрывая его. Одна рука свесилась с дивана, ладонь коснулась пола. Бродяга положил руку Данте рядом с ним, затем нежно похлопал по щеке.

— Спи крепко, братишка, — пробормотал он.

Затем повернулся к Хэзер.

— Сильвер с твоей сестрой, — сказал он. — С ними все хорошо. Но она не в настроении возвращаться.

— Черт возьми.

Сосущее чувство в животе Хэзер говорило ей, что ее сестра пьет с Сильвером, пьет, курит травку, трахается, — делает все, что может помочь заполнить пустоту у нее внутри.

Я хочу, чтобы мы снова стали семьей.

Хэзер могла пойти на улицу и исследовать каждый бар, но знала из горького жизненного опыта, что это ни к чему хорошему не приведет. Энни откажется уходить и устроит огромную сцену, в конце которой кого-нибудь заберут либо в тюрьму, либо в госпиталь. Все, что она могла сделать, — пойти домой и ждать.

— Слушай, куколка, с ней все хорошо, — сказал Вон. — Сильвер знает, как обращаться с проблемными смертными, и он не причинит ей вреда.

— Что он знает о проблемных смертных?

— Он был одним из них.

— У нее биполярное расстройство, — сказала Хэзер. — Она не просто проблемная.

— Я дам ему знать.

Хэзер кивнула, чувствуя, что у нее нет выбора. Она думала о предстоящей ночи, в бессонном ожидании, когда Энни пьяная и враждебная придет домой, в синяках и кровоподтеках от пьяной драки, или в ожидании телефонного звонка, и это напрягало ее. Она посмотрела на Данте. Возможно, ей нужно остаться с ним. Поговорить с ним.

А если она понадобится Энни в это время? Если ее снова арестуют? Вздохнув, Хэзер встала на колени рядом с диваном, поцеловала Данте в губы, почувствовав вкус амаретто под острым запахом крови. Его лицо все еще горело, но, по крайней мере, нос больше не кровоточил.

— Где вы, ребята, остановились? — спросила она, глядя через плечо на Вона. — В отеле или в автобусе?

— В отеле. «Красная Дверь».

Внезапная мысль осенила Хэзер. Возможно, ей не придется просто сидеть и ждать, и быть не в состоянии сфокусироваться на чем-то кроме тревоги, выющейся по телу.

— Мой дом небольшой, но у меня есть диван, две кровати и очень комфортабельное раскладное кресло, — сказала она. — Как насчет того, чтобы вы, ребята, поехали и остались со мной на ночь? В случае, если будет больше проблем.

Вон задумчиво выпрямил кончики усов большим и указательным пальцем.

— Давай я спрошу ребят, — ответил он. — Только сначала помогу им упаковаться и сложить инструменты, хорошо?

Хэзер кивнула.

— Справедливо.

Вон засунул руку в кожаный пиджак и вытащил оттуда пистолет. Он протянул его Хэзер. Она осмотрела его, проверила предохранитель и прицел. Он был прекрасно выстроен. Браунинг Хай-Пауэр. Она оставила свою сумочку и 38-й кольт дома, зная, как легко будет потерять их посреди толпы в клубе.

— Славный, — сказала она, взвешивая его в руке.

— Просто на случай, если будут проблемы с шайкой Сиэтла. Целься...

— В голову или сердце, — закончила она.

Вон ухмыльнулся.

— Ты поняла, дорогая. — Затем он вышел.

Хэзер встала с пола и уселась на дальний от занавеса подлокотник дивана. Ее пальцы сжали рукоять браунинга. Пульс был равномерным, дыхание расслабленным. Она не могла этого объяснить, но чувствовала себя так, будто была там, где должна быть, защищая друга.

Только друга? Нет, Данте был чем-то большим — насколько большим, она не была уверена. Но когда она представляла жизнь без него, то чувствовала пустоту внутри.

Если Бюро продолжало следить за ней, их подозрения будут подтверждены, когда Данте и его группа приедут к ней в дом. Аннулируют ли они предложение по работе или приведут угрозы в действие? Скорее второй вариант.

Беги от меня. Беги от меня как можно дальше.

«Слишком поздно, — подумала она. — Слишком поздно».

Глава 25

Ничто не является тем, чем выглядит

Дамаск, Орегон

23 марта

— Наконец-то, — сказал Бек, вставая, когда Катерина поднялась на холм. — Я начал беспокоиться. Черт возьми, почему так долго?

— Прости, — ответила она. — Дочь никак не ложилась спать. Я ждала.

— Я думал, что разделаюсь с Уоллес, пока ты, для разнообразия, будешь ждать где-нибудь в темноте и грязи. Но о ней уже не нужно беспокоиться, приказ только что поменялся. — Бек наклонился и поднял плед. — Ты легко отделалась, Мисс Крутая Задница.

Катерина посмотрела на него.

— Поменялся? Как?

— Они хотят уволить ее и посадить за решетку, поэтому послали Норвича и Шеп.

— За решетку? Почему?

Бек выпрямился, перекинув плед через руку, и долго смотрел на нее в тишине.

— Откуда я знаю, мать твою? — спросил он наконец. — С каких пор ты спрашиваешь почему?

— С этого момента, — ответила Катерина.

— Тогда выброси все из головы, и давай уже свалим, черт возьми, — сказал Бек. — Я голоден и устал, а еще меня укусила чертова уйма насекомых. — Он начал спускаться по другой стороне холма к арендованному автомобилю Mazda.

Катерина глубоко вдохнула пропитанный хвоей воздух и подняла глок.

— Бек.

Бек обернулся, его глаза расширились. Плед свалился на землю. Он схватился за кольт в наплечной кобуре. Она прицелилась. Мгновение растянулось, время внезапно стало резиновым и обтекаемым. Их глаза встретились.

Бек выдернул кольт из кобуры. Катерина нажала на курок. Пуля врезалась прямо ему между глаз, и он умер прежде, чем тело успело рухнуть на землю и покатиться вниз с холма.

Опустив оружие с колотящимся сердцем, Катерина закрыла глаза и сошла с каната.

Бродяга вампир вышел из-за занавеса на сцену и присоединился к участникам «Inferno», которые уже разбирали и складывали оборудование. Шеридан поднялся по боковым ступенькам и скользнул мимо затемненного угла занавеса. Пробрался внутрь. И застыл.

Данте Прейжон растянулся на потрепанном диване, черные волосы наполовину закрывали бледное лицо. Сидевшая на подлокотнике дивана красивая рыжеволосая женщина двумя руками подняла пистолет и прицелилась.

— Разворачивайся и уходи, — тихо сказала Хэзер Уоллес.

Шеридан не сомневался, что она нажмет на курок, если он не подчинится. Его мысли ускорились, как и пульс. Уоллес защищает гребаного вампира.

На один удар сердца, кристально-чистый момент, Шеридан представил, как стреляет в

Уоллес, потом в Прейжона, но понял, что ему никогда не хватит времени, чтобы прикончить ублюдка прежде, чем кто-то — бродяга, или смертные участники группы, или поклонники — заинтересуется закулисами.

Выдавив улыбку, Шеридан поднял руку в примирительном жесте, показал цифровую камеру в другой руке.

— Я от журнала «Spin», — сказал он. — Просто надеялся на несколько кадров.

Уоллес не вернула улыбку. Не опустила пистолет. Не сказала ни слова. Шеридан отошел, держа руки поднятыми, затем скользнул за занавес. Он вздохнул с облегчением, только когда вышел из клуба.

Он пересек парковку, обходя лужи и игнорируя холодный дождь, стекающий по лицу. Пора было вернуться к начальному плану, проследовать за Прейжоном до отеля, а затем дожидаться дневного света, чтобы прикончить его; хотя приступ казался такой замечательной возможностью.

Век живи, век учись, мать твою.

А что касается милой предательницы Хэзер Уоллес, он надеялся предупредить ее, но она вела себя непростительно. Так что Кортини может забрать ее.

Алекс стоял снаружи «Весперса» и продолжал наблюдать за облепленным жуками автобусом «Inferno». Он вытряс еще одну сигарету из почти пустой пачки Winston, зажал ее губами и зажег, прикрывая ладонью огонек от Zippo. Вдохнув дым, он почувствовал, как никотин заскользил по венам.

Шоу закончилось рано, и, судя по гудящим разговорам, стало понятно, что что-то случилось с Данте. Кто-то шептал, что передозировка; другие — что приступ. Алекс подумал, не проснулось ли в молодом вампире что-то темное, смертельное, голодное, и не завладело ли им?

Большинство людей, которые толпились у автобуса, надеясь получить фото, автограф или быстрый секс, рассеялись, когда бродяга вампир в кожанке Ночного волка вышел из здания и раздавил их мечты.

Никаких фото. Никаких автографов. Никакого секса, быстрого или не очень. На встречу с Данте сейчас можно не рассчитывать, но он устроит встречу с фанатами позже.

Фанаты «Inferno» подождали еще немного на мокрой от дождя парковке, словно думали, что бродяга рассмеется, скажет, что это была шутка, и Данте уже ждет встречи с каждым из них, чтобы исполнить их самые глупые желания. Когда этого не случилось, они наконец-то сдались и разошлись, на разрисованных лицах было написано разочарование. От тех нескольких, что проходили мимо Алекса и обсуждали «передозировку наркотиками» в разгоряченных тонах, тащило едким, пробивающим нос запахом пачули и пота.

Алекс сделал последнюю затяжку и кинул сигарету в водосточный желоб. Похоже, возможность поговорить с Данте уменьшалась с каждым проходящим мгновением. Он планировал представиться неопытным музыкантом с ремейком песни «Inferno» на своем iPod и попросить Данте — *Ох, можешь, пожалуйста? Это будет так много для меня значить!* — послушать. Единственной возможной преградой была Хэзер, но он мог действовать так, чтобы не попасться ей на глаза.

Время импровизации. Он последует за группой туда, где они остановились, выждет некоторое время, притаится до сумерек. А потом постучит в дверь Данте.

Лучше рассказать Отцу о задержке.

Алекс прислонился к зданию, камни за спиной были твердыми. Он вытащил телефон из кармана толстовки, коснувшись при этом пальцами тонких форм iPod. На мгновение он подумал, что нажал не ту кнопку, когда Афина ответила на звонок с первого гудка.

— Идущая по канату хочет поговорить с тобой, — сказала она.

Алекс выпрямился, пульс ускорился в два раза.

— Кто? Афина, что происходит...

— С твоей сестрой все хорошо, — незнакомый женский голос коснулся его уха. — Но дуло моего пистолета у виска твоего отца. — По низкому и ровному голосу Алекс без сомнений понял кто она — ассасин ТО. — Я могу нажать на курок и уйти или могу убрать пистолет на время. Зависит от того, как ты ответишь на следующий вопрос.

— Боб? Дорогой?

Уэллс перевел взгляд от искусной текстуры потолка, похожей на сахарную глазурь на верхушке кекса, и посмотрел на свою жену. Все маленькие светящиеся лампочки, которые показывали состояние жизненно важных органов Глории, моргали под равномерный и обнадеживающий писк.

— Как Афина смогла застать тебя врасплох? — спросила Глория, голос ее был тонким, как бумага, и как ее хрупкая кожа.

Уэллс смог грустно рассмеяться.

— У меня был план на случай нападения ТО или *coup d'état* Александра, но я никогда не предвидел предательства от нашей дочери.

Кожа скрипнула, когда Уэллс еще раз повернул запястье, надеясь даже на малейший шанс ослабить хватку. И, как бы ни пытался, он не нашел лазейки. Сколько прошло с тех пор, как Афина и другая женщина — убийца, ассасин, но та, что не нажала на курок... пока — покинули комнату? Возможно, час.

— Боб?

— Слушаю, дорогая.

— Возможно, Александр проинструктировал Афину. Это его *coup d'état*.

Уэллс нахмурился. В этом нет смысла.

— Нет, — сказал он. — Александр бы подождал, пока узнает, как использовать С. Он бы хотел смотреть в мои глаза, поворачивая нож. Нет. Афина действовала сама по себе.

— Александр Великий предательски убил своего отца.

Знакомый аргумент. Даже теперь, когда Глория умирала на одной кровати, а он был связан на другой, они все еще не соглашались с точками зрения друг друга по истории. Уэллс вздохнул.

— Он ничего не сделал ради смерти царя Филиппа. Это было бы просто глупостью для Александра, нашего Александра, убить меня прежде, чем я передам знания. Я...

— Безумец, — откровенно закончила Глория. — Разве я не предупреждала тебя, не говорила умертвить близнецов, когда Афина начала ползать? Ее сумасшествие — это сумасшествие Александра. Я предупреждала тебя, дорогой, я предупреждала.

— Предупреждала. Но я все-таки думаю, что Александр ничего не сделает.

Писк и мигание. Скрип ремней. Его жена была раздражительно тихой.

— Шприц все еще у тебя под подушкой? — спросил Уэллс. Ни Афина, ни ассасин не ожидали нападения от Глории.

— Да.

— Возьми его. Держи в руке. — Уэллс наблюдал, как его жена слабой рукой полезла под подушку. — Осторожно.

Она вытащила руку, зажав шприц в ладони. Послала мужу вялую улыбку.

Уэллс улыбнулся в ответ.

— Хорошо. Будь сильной.

Глория сняла колпачок с иглы и приставила шприц к тыльной части своей руки. Шприц выскользнул из хватки, ее пальцы стали неистово ощупывали одеяло, чтобы его найти.

Уэллс наблюдал, беззвучно и бездвижно. Холод исходил из его сердца, леденил душу.

— Нет, — прошептал он наконец, — не для тебя.

— Твое сердце никогда не позволит тебе это сделать, — сказала Глория мягко.

— Александр привезет С. Мальчик может исцелять! Он может воссоздать тебя...

— Бобби, пожалуйста. Я так устала. Отпусти меня.

Ищущие пальцы Глории нащупали шприц и сжали его. Она посмотрела на Уэллса с улыбкой облегчения на губах, губах, которые так хорошо когда-то знали его.

С мог сохранить Глорию, он знал это, чувствовал.

Мягкий звук проник в комнату, скользя между писком и миганием, звук, похожий на ветер в деревьях.

— *Добро пожаловатьваддобро пожаловатьваддобро пожаловатьваддобро пожаловатьвад...*

Сердце Уэллса громыхало у него в груди. Глаза Глории расширились, и она рванула на себя шприц, но тот вылетел из трясущихся пальцев и упал на ковер.

— Нет, — простонала она, схватилась за спинку кровати и подтянулась к краю. На лбу выступил пот, она стиснула зубы и потянулась к полу дрожащей рукой.

— Добро пожаловатьваддобро пожаловатьвад... — Афина шагнула в комнату, держа копьё в руке.

Пальцы Глории нащупывали шприц, но он был вне ее досягаемости.

— Афина, — сказал Уэллс, пытаясь держать голос спокойным, надеясь отвлечь улыбающуюся дочь, — твой брат звонил? Он знает, что ты делаешь?

Афина проигнорировала его. Она шагнула между кроватями, наклонилась и подняла шприц.

— Уронила что-то?

Выпрямившись, она сфокусировала свой дикий эгейский взгляд на Глории.

— Афина, дорогая, послушай меня...

— Заткнись, Папочка.

Глория поднялась и свалилась на подушки, задыхаясь. Афина подошла к стулу рядом с дверью и прислонила к нему копьё. Уэллсу дышалось немного легче, когда у его душевнобольной дочери в руках не было оружия.

— Афина, дитя, Отец никогда не помогал тебе, но я помогу, — сказала Глория не дыша, но спокойным голосом. — Я всегда за тебя боролась. Ты всегда была моей любимицей.

«Да, — подумал Уэллс, — такой подход может сработать. Плохой родитель-хороший

родитель».

— Зови меня Аид, — сказала Афина, снова поворачиваясь лицом к матери.

Улыбка стерлась, глаза потемнели.

Положив шприц в карман лабораторного халата и вернувшись к кровати, она взяла одну из подушек из-под головы Глории. И прижала ее к лицу матери.

— Добро пожаловать в ад, — прошептала Афина.

Уэллс закричал.

Глава 26

Линия начинает расплываться

Сиэтл, Вашингтон

23–24 марта

Вон внес Данте в комнату и опустил на кровать. Тот даже не шелохнулся.

— Ты уверен, что он в порядке? — спросила Хэзер, кинув потрепанную сумку Данте на пол рядом с кроватью.

— Да, — ответил Вон, убирая волосы с лица юноши. — Вполне уверен.

— Вполне? Что это значит?

Бродяга пожал плечами, его кожаная куртка скрипнула.

— Мы только что накачали его морфином, куколка. Ему хорошо настолько, насколько вообще может быть в такой ситуации.

Хэзер закусила губу, затем кивнула.

— Ясно.

Вон наклонился и начал расшнуровывать сапоги Данте.

— Я займусь этим, — сказала Хэзер. — Ты иди, устрой парней. Одежда и простыни в шкафу в коридоре. Еще там есть спальный мешок на нижней полке. На кухне можешь поискать еду.

Бродяга выпрямился, на губах мелькнула улыбка.

— Он твой, куколка. — Он направился к двери, но остановился. Взявшись рукой за дверной косяк, посмотрел на нее через плечо и добавил: — Мне кажется, тыходишь ему.

Хэзер удивленно посмотрела в зеленые глаза бродяги.

— Семья, — сказал он. — Все становится проще, когда есть кому прикрыть спину; есть поддержка, когда тебя несет по странной дороге; и есть тот, кто остановится, чтобы помочь найти жилье, если эта дорога станет совсем отвратительной. Семья. — Он провел по дверному косяку раз, второй, как будто хотел сказать больше или что-то другое, затем просто вышел.

Когда Хэзер села на кровать и принялась расстегивать сапоги Данте, слова Вона проигрывались у нее в голове. Стянув один сапог, затем другой, она уронила их на пол и посмотрела на Данте. *Тыходишь ему.* Она надеялась, что это так. Самым тяжелым было представлять свою жизнь без него. И все еще неизвестно, хорошо это или плохо.

Она стянула носки и засунула их в сапоги. Затем подумала о музыке, что пульсировала между ними на шоу и в кухне — дикая, темная и беспокойная — соединяя их, определяя.

Перебравшись к изголовью кровати, Хэзер стянула футболку Данте, следом и сетчатую кофту с длинными рукавами. Плоский живот, крепкая грудь, худые мышцы, его белая кожа блестела в тусклом свете лампы; а аромат горящих листьев и темной земли кружил ей голову.

Всегда, когда захочешь, я твой.

Я хочу.

Но она сделала глубокий вдох и замедлила бешено стучащий пульс. Она была взрослой женщиной и никогда бы не воспользовалась его состоянием. Мысль о всех тех людях, что спускались в подвал Прейжонов и использовали его, была отрезвляющей.

Соскользнув на пол, Хэзер взяла плед, сложенный на кровати и укрыла им спящего Данте. Исчадие прыгнул на постель с заинтересованным урчанием. Он подскочил к Данте и аккуратно нюхал его некоторое время, прежде чем свернуться рядом.

Хэзер улыбнулась.

— Маленький защитник. Ты же присмотришь за ним для меня, да?

Исчадие поднял рыжую голову и моргнул ей, как бы говоря: «А то!»

Выключив свет, Хэзер вышла из комнаты, чтобы проведать других гостей. Илай свернулся на краю дивана с пультом от телевизора в руке, свет от экрана мерцал на его лице. С кухни донесся звук захлопывающегося холодильника. Джек размазывал майонез по нескольким кускам хлеба. На столе были разбросаны упаковка сыра чеддер, бутылка горчицы, салат, нарезанные томаты, ветчина и мясо индейки — все, чтобы сделать несколько сэндвичей или один огромный дагвудовский-достойный-награды сэндвич [\[42\]](#). Игра на ударных явно требовала много энергии.

Звук воды, плещущейся на стекло, подсказал, что Энтони в душе.

Живот заурчал, и Хэзер почувствовала, что голодна, а точнее умирает от голода. Она уже была готова присоединиться к Джеку, когда поняла, что не видела Вона.

Развернувшись, она спросила Илая, не знает ли он, где бродяга. Тот кивнул.

— Снаружи, — ответил он. — Проверяет периметр.

Периметр?

— Спасибо.

На улице снова моросило, но это был скорее туман, чем дождь, и холодная вода быстро осела капельками на лице и одежде Хэзер. На подъездной дороге стоял только ее Trans Am.

Автобус группы, его водитель, несколько человек из технического персонала и оборудование уже направлялись в сторону дома, в Новый Орлеан, катились через штаты на юго-восток. У остальных были билеты на завтрашний вечерний самолет.

Скечерсы Хэзер хрустели по гравию, когда она обходила дом. Бледная рука схватилась за край деревянного забора, и Вон перепрыгнул его так легко, будто прыгал с батута. Он приземлился с кошачьей грацией.

— Кажется, все чисто, — сказал он, не спеша подходя к ней. Глаза его блестели в темноте, отражая уличный свет. Капли дождя, словно бриллианты, сверкали в темных волосах. — Я не думаю, что будут какие-либо проблемы с сизтловскими созданиями ночи. Не здесь по крайней мере. Что хорошего в пинке-под-зад, если парень, на которого ты зол, не в состоянии его почувствовать? Это все рушит.

— Чувство пинков-под-зад — неплохой предмет для первокурсников в колледже, — сказала Хэзер с мимолетной ухмылкой. — Но сейчас меня больше волнуют смертные и их планы.

Вон кивнул.

— Да, я тоже об этом думал — все дерьмо Плохого Семени, о котором ты рассказывала, не говоря уже о так называемом фотографе журнала «Spin». Видишь какие-нибудь неместные машины? Что-нибудь необычное?

— Нет, — ответила Хэзер, — но это не значит, что они не наблюдают.

— Лучше быть слишком параноиком, куколка, чем недостаточно параноиком. Я буду наблюдать ночью, — произнес Вон. — Джек сказал, что сменит меня на рассвете.

— Джек знает, как пользоваться оружием?

— Конечно, он же байю-бой.

— Он до этого когда-нибудь был охранником?

— Нет. Раньше всегда был Люсьен.

Хэзер покачала головой.

— Тогда я займу пост на рассвете. Джек, должно быть, устал после шоу. Он может сменить меня позже утром.

— У тебя есть время поспать. Сейчас только два.

— Энни еще не дома, и я...

— Все хорошо, куколка. Я слушаю тебя.

— Так... что кланы думают насчет того, что одного из них обратили? — спросила она.

— Это честь, да, важное событие, — сказал Вон. — Ты бы видела сброд моего клана, из которого меня выбрали и обратили. Каждую ночь все напивались.

— Так это было то, чего ты хотел? Измениться?

— Да, можно сказать и так.

Он смотрел на Хэзер долгое время, выпрямляя кончики усов двумя пальцами, размышляя.

— Расскажи мне, — попросила Хэзер, — что бы это ни было. Я сохраню это в тайне.

Вон перестал поправлять усы.

— Знаю, что сохранишь, — сказал он мягко. — Неважно, кем или чем является Данте, неважно, что он делал или может сделать, его сердце настоящее. Я никогда не жалел, что бросил Дорогу ради него.

— Данте просил тебя об этом? — спросила Хэзер.

— Нет, это мой выбор. Я видел его. И знал.

— Знал что?

— Что он — никогда не заканчивающаяся Дорога.

— Но куда? — Хэзер выдержала прямой взгляд Вона.

— Не имеет значения, и меня это не волнует. Я буду с ним.

— Я рада, что будешь, — пробормотала Хэзер, а потом добавила: — Создание ночи уже сорок лет, да? Так сколько тебе сейчас?

— Что за вопросы, женщина? Сколько лет. Семьдесят один. И я все еще жеребец, умудренный опытом создания ночи. — Вон толкнул ее плечом, жест удивительно похожий на кошачий. Озорная улыбка изогнула его губы. — Ты промокла.

— Ты тоже.

— Окей. Тогда внутрь?

Улыбнувшись, Хэзер тоже толкнула его.

— Внутрь, Мистер Я Все Еще Жеребец.

Вон засмеялся.

Внутри все было тихо. Илай дремал на диване, в то время как Джек смотрел телевизор, держа на коленях тарелку с сэндвичами. Энтони расслабился в раскладном кресле, читая одну из книг Хэзер про вампиров, которая явно его позабавила.

Хэзер закрыла на замок входную дверь и сдвинула щеколду, потом взяла полотенце из ванной комнаты и прошла в спальню проверить Данте. Он не двигался; лежал на боку, лицом к двери, Исчадие приютился в сгибе его руки. Глаза кота приоткрылись. Он мяукнул, затем снова закрыл глаза. Очень содержательно. Она никогда не видела, чтобы он вел себя с кем-нибудь так же, как с Данте. И эта исключительная поддержка значила для нее многое, так как она доверяла проницательности Исчадия.

Хэзер сняла обувь и мокрую одежду. Обтеревшись полотенцем, она скользнула в пижаму и тапочки. Вытащив из сумочки кольт, автоматически проверила предохранитель и магазин, затем, с пистолетом в руке, отнесла полотенце в ванную и повесила сушиться. Вернувшись в гостиную, она увидела, что Вон отпирает дверь.

— Что случилось? — спросила она.

Вон открыл дверь. Зашла Энни, следом за ней — Сильвер. Оба были промокшие и растрепанные — мэйкап Энни смазался, юбка явно была надета задом наперед — и, как это обычно бывает в случае с ее сестрой, от них воняло выпивкой и сигаретным дымом.

На Хэзер нахлынуло облегчение, напряжение явно спало. Она открыла рот, затем закрыла. Нет смысла говорить что-либо Энни, когда та пьяна, и кроме того Хэзер просто была рада, что та дома и в безопасности.

— Хей, — сказал Сильвер. — Все в порядке?

— Блестяще, — ответил Вон, снова запирая дверь.

— Как Данте?

— Все еще в отключке.

— Оу.

Хэзер расслышала что-то грустное и немного потерянное в голосе Сильвера и поразились, вспомнив его задумчивость в Новом Орлеане. Ей стало интересно, не скучает ли он по дому.

— Я вернулась, — заявила Энни, поднимая подбородок. — Пошли, — сказала она, хватая руку Сильвера. Затем провела его в гостевую — на данный момент свою комнату — и захлопнула дверь.

Хэзер посмотрела на Вона. Он ухмылялся.

— Что?

— Пижама с маленькими овечками и пистолет, — сказал он. — Горячая штучка?

— Наполовину не такая горячая, как бродяга создание ночи, с которого капает вода на мой ковер, — ответила она. — Р-р-р. Полотенца в шкафу, глупыш.

— В шкафу. — Вон хлопнул себе по лбу. — Никогда бы не подумал.

— Так как Энни дома, я иду спать. Разбуди меня перед тем, как погрузиться в Сон, ладно?

Вон кивнул.

— Ты заслужила это, дорогая. Спи крепко.

Вернувшись в комнату, Хэзер положила кольт на прикроватную тумбочку, скинула тапочки и оставила дверь открытой на столько, чтобы Исчадие смог выходить и заходить. Она скользнула под плед к Данте. Обняла его, прижимаясь к лихорадочному жару, и положила руку на грудь. Его теплый аромат окутывал ее, пока она засыпала, и проникал в сны.

Глава 27

Ее оружие у его ног

Портленд, Орегон

23–24 марта

Катерина закрыла за собой дверь в номер мотеля, затем бросила на кровать сумку, чувствуя себя изнуренной долгой грязной ночью и с нетерпением ожидая возможности забраться под горячий душ и поспать пару часов. Она воняла землей, потом и разложением, запах смерти прилип к коже, как отвратительный парфюм.

Достав ноутбук, она поставила его на лакированный стол и открыла. Нужно было составить отчет о работе. Выиграть немного времени. Открыв мини-бар, она вытащила ледяную бутылку зеленого чая SoBe, открутила крышку и долго вливала в себя охлаждающий напиток.

Рухнув в кресло, Катерина создала НОВОЕ СООБЩЕНИЕ и напечатала «Задание на Уэллса выполнено успешно. Так как Уоллес больше не наша обязанность, мы немного поспим и полетим домой». Затем нажала ОТПРАВИТЬ и закрыла ноутбук. Закрыв глаза, она приложила холодную бутылку с чаем ко лбу. Похороны Бека и миссис Уэллс потребовали больше энергии, чем ожидалось, энергии, которую она не планировала расходовать.

Катерина сожалела об убийстве миссис Уэллс. Ей не пришло на ум, что Афина покончит со своей смертельно больной матерью. Отец, да, дал ей причины для вражды. Но поскольку Афина решила отдать его в руки Данте, Катерина подумала, что, пока она разделяется с Беком, будет безопасно оставить ее с родителями.

Ошибка.

Вспоминая, что Уэллс с таким энтузиазмом проделывал с Данте Батистом с самого рождения, Катерина думала, что мужчина не испытывал нормальных человеческих эмоций, был бездушным.

Но брызжащая слюной ярость Уэллса после смерти Глории доказала ей, что она ошибалась, как минимум насчет его жены.

«Я заставлю С вырвать тебя из этого тела и поместить в него твою мать! Мне нужно было убить тебя, как она и предлагала! Ты ничто. Брак, горькая ошибка. Александр будет счастлив убить тебя! Он с нетерпением этого ждет!»

Угрозы Уэллса прекратились только тогда, когда Катерина заклеила его рот несколькими слоями скотча.

Неудивительно, что Афина Уэллс свихнулась.

Наблюдая за Афиной, слушая ее, Катерина осознала, что женщина, которая назвала себя Аидом, была ясновидящей. Необычный подарок для смертного, но не неслыханный. Были ли видения Афины деформированы сумасшествием, разбивалась ли их ясность на осколки от шторма, бушующего в разуме?

Вполне вероятно, ответ на эти вопросы: и да, и нет.

Позже Катерина проводила Афины до гостевого коттеджа и уложила в кровать, как и просил Алекс Лайонс. Согласно их договоренности — она заботится о его сестре и охраняет Уэллса ради Данте, а Лайонс удостоверится, что Данте прибудет в целостности и сохранности. И убедится, что команда, которая пошла по душу Хэзер Уоллес, потерпит неудачу.

Данте Батист сохранил Уоллес жизнь, вынес ее из Центра на руках. Насколько Катерина поняла: Уоллес — возлюбленная Данте. Достаточный повод, чтобы защищать ее.

— *Время спать, — говорит Катерина. — Я обещала твоему брату.*

Афина снимает с себя лифчик и трусики, затем, как ребенок, заползает на кровать, скользит под одеяло. Она смотрит в потолок, губы двигаются, шепчут. Тени оставляют пятна на коже под глазами, вваливают щеки.

При виде комнаты холод проходит по Катерине изнутри и стремится наружу. Фотографии Данте прикреплены к каждой стене — кадры с камер видеонаблюдения — его бледное лицо сосредоточено, глаза закрыты, лучи света вьются вокруг него, из него.

Катерина наклоняется и поправляет одеяло на груди Афины, подтыкает его. Она кажется нереальной, привидение, мелькающая память о женщине, и Катерина откидывает волосы Афины с лица. Милое личико, овальное, с гладкой кожей, светлые брови, покатый нос. Но ее глаза сияют, как лунный свет. И смотрят на то, что может видеть только она.

Афина поднимает руку, и Катерина вкалывает ей снотворное, следуя инструкциям Алекса, которые тот дал во время разговора. Веки Афины закрываются. Светлые ресницы подрагивают.

— *Fi la nana, e mi bel fiol, fi la nana, e mi be fiol, —* мягко поет Катерина, голос у нее более хриплый, чем у мамы, но такой же сладкий.

Шепот Афины затихает. Все.

Катерина заканчивает колыбельную, затем выходит из комнаты, тихонько закрыв за собой дверь. Она покидает коттедж, слова Афины спиралью вьются в голове, как бесконечная лестница, и замораживают кровь — с Данте мы будем едины, святая троица.

Расслабившись в кресле, Катерина поднесла бутылку SoBe ко рту и допила чай. Хотелось дать Афине смертельную дозу снотворного, но честь этого не позволила. Лайонс выполнял свою часть соглашения, она — свою.

Но теперь обязательство было выполнено.

Что бы близнецы не планировали для Данте, этого никогда не случится. Они не проживут так долго, чтобы успеть нанести ему вред. Катерина удостоверится в этом.

В конце концов откроется, что Бек мертв, и что Катерина покончила с негодяем. Произойдет одно из двух: ее назовут изменницей, за что придется поплатиться жизнью, и за ней начнут охотиться лучшие; или страх от того, что может сделать Рената Алесса Кортини, страх адской бури, которую она обрушит на ТО, если что-нибудь случится с Катериной, побудит ее работодателей искать другой путь.

Не имеет значения, что будет в итоге, Катерина знала, что придется оглядываться через плечо и наблюдать за своей спиной в течение следующих лет. Многих-многих лет. Некоторые из ее скоро бывших работодателей имеют действительно долгую память.

Катерина поставила пустую бутылку SoBe на стол и поднялась. Пройдя в ванную комнату, она включила душ и разделась, ожидая, пока вода нагреется, аккуратно сложила одежду и убрала ее. Она шагнула в душ, горячая вода смыла напряжение в мышцах и усталость в конечностях. Пар вился в воздухе. Когда она наклонила голову назад и намочила волосы, картинка из увиденной видеозаписи мелькнула в голове.

Энергия, окутывающая Данте, бьет по телу Джоанны из множества разных точек. Вырывается из ее глаз. Из ноздрей. Кричащего рта. Она разделяется на ленты, мокрые и блестящие. Энергия Данте распускает Джоанну по нитям. Отделяет каждый элемент ее плоти.

Разрушает ее.

Джоанна Мур проливается на кафельный пол, ее крик заканчивается бульканьем.

Энергия продолжает вырываться из Данте, щелкая, словно кнуты, в воздухе, и изменяет все, чего касается. Стойка превращается во вздутые лозы, густо усеянные шипами; пистолет Джоанны соскальзывает в гущу лоз.

Красивое лицо Данте выражает экстаз. Он закрывает глаза и дрожит, в то время как энергия выплескивается из его тела, огонь исходит из рук.

Дрогнув, энергия и свет отступают, исчезают. Данте опускает руки. Открывает глаза. Он смотрит вниз на мокрые нити, что когда-то были Джоанной. Пинает их сапогами. И уходит.

Мгновенное возбуждение выжигает изнеможение Катерины. Ей так много нужно рассказать матери; Линия крови не только все еще существует, но и эволюционирует, и миф, передающийся шепотом с древних времен, сейчас ходит по земле в стройной, мускулистой, перехватывающей дыхание оболочке.

Принц Истиной крови и Падший Создатель.

А может, Данте представляет путь развития для всех — Падших, вампиров и смертных?

После того как Катерина поспит, она вернется в дом Уэллсов. Когда Данте Батист прибудет в Дамаск, Катерина пойдет к нему и положит глок к его ногам. Она покорно попросит служить ему, как самурай и защитник.

И не уйдет, пока он не согласится.

Колин Шеп вырулила арендованный Lexus ES на парковку «Даблтри» и выключила двигатель. Она откинулась на спинку сиденья и вздохнула.

— Понимаю, — сказал Норвич, запуская пальцы во взъерошенные волосы.

— Полет высосал силы, пункт проката отнял еще больше, а пробки от аэропорта выжали почти досуха.

— Хочешь поспорить, что они напортачили с нашей бронью?

Норвич рассмеялся.

— Спор принят. Если они напортачили, я куплю тебе в баре стаканчик спиртного на ночь. Если все в порядке, ты купишь мне.

— По рукам. — Шеп полезла под приборную панель и дернула рычаг, открывающий багажник. — Как ты хочешь действовать завтра?

Норвич открыл дверь, остановился.

— Заскочить в дом Уоллес днем, когда ее соседи будут на работе. — Он потер лицо, обдумывая, и в тишине Шеп услышала, как его ладонь трется о бороду. — Сказать ей, что у нее обнаружили что-то совершенно секретное и потенциально смертоносное, сказать, что ее проводят в ЦКЗ^[43] в Атланте.

Шеп кивнула.

— Мы можем даже попросить список тех, кто контактировал с ней, чтобы правдоподобно звучало.

— Мне нравится, — согласился Норвич, выходя из машины и выпрямляясь. — Должно найти в ней отклик.

Холодный ветерок, пахнувший дождем, проник в машину и взъерошил волосы Шеп,

прежде чем Норвич закрыл дверь. Она посмотрела в зеркало заднего вида и провела по коротко стриженным волосам, пытаясь вернуть им заостренный вид. Lexus качнулся, когда Норвич вытащил их чемоданы из багажника. Она услышала несколько глухих ударов и, взяв сумочку, выскользнула из-за руля. Затем нажатием на смарт ключ заперла машину.

190

— Знаешь, мы можем провести несколько первых дней, проверяя береговую линию, — сказала Шеп, подходя к задней части автомобиля. — Я никогда не была в... — она остановилась, уставившись с открытым ртом на высокого мужчину в толстовке и джинсах, склонившегося над багажником. Она была точно уверена, что это не Норвич. Ее рука рванулась к кольцу в сумочке.

Не-Норвич выпрямился и повернулся, натянутый капюшон толстовки скрывал его лицо. Он целился маленьким черным пистолетом — транквилизаторным пистолетом, Шеп поняла это в одну затянувшуюся секунду — держа его рукой в перчатке.

Шеп выдернула кольцо из сумочки. Положила палец на курок. Но прежде, чем смогла выстрелить, что-то упало на нее, что-то колющее и под напряжением, словно сеть, сплетенная из электричества. Шеп попыталась нажать на курок кольца. Но ничего не произошло, палец не сгибался. Она не могла шевельнуться.

Сжав челюсти, она внушала мышцам действовать. Внушала пальцу нажать на чертов спуск. Пот тек по ее виску. Ничего. Не-Норвич подошел и выдернул пистолет из ее руки.

— Я федеральный агент, — проскрежетала Шеп. Он приблизился, она заметила проблеск золотых кудрей под капюшоном.

— Да, знаю, — сказал Не-Норвич. — И мне правда жаль. Это была не моя идея.

Взгляд Шеп упал на багажник, и ее сердце екнуло. Норвич был сложен внутри, глаза наполовину открыты, лицо расслаблено. У нее пересохло во рту.

— Кто...

— Можешь поблагодарить идущую по канату.

Что-то укололо руку Шеп. Ее подняли в воздух и поднесли к пространству багажника, заполненному Норвичем, затем положили внутрь. Жидкая боль вскипела в ее венах. Она пыталась кричать, но пузырящиеся легкие отказывались вбирать воздух. Багажник захлопнулся с глухим стуком.

И тогда Колин Шеп умерла в багажнике арендованной машины, в темноте, прижатая к безжизненному телу напарника, ровно через пятьдесят минут после того, как прибыла в Сиэтл.

Алекс поднял сумочку, что упала с плеча Шеп, и порывлся в ней в поисках ключей от Lexus. Нашел, вытащил и открыл машину. Запихнул чемоданы на заднее сиденье. Снова закрыв машину, он поспешил к мусорному контейнеру. Сильный запах гниющих овощей и грязных салфеток взвился в воздух, когда Алекс поднял крышку. Он бросил сумочку и ключи внутрь и быстрыми шагами пошел через парковку.

Он только что использовал транквилизатор для вампиров на людях. Его немного тошнило. Одно дело убивать бомжей или автостопщиков для экспериментов Афины, другое — убить почти что коллег агентов.

Поправка: агентов ТО.

Но так как защита Хэзер Уоллес была частью награды ассасина за сохранность Афины, у него не было выбора.

Ты намереваешься отдать отца Данте Батисту?

Аминь, сестра. Таков мой план, мое скромное предложение ему.

Хорошо. Тогда я оставляю твоего отца в живых.

Ассасин с низким сексуальным голосом попросила отвлечь прибывшую команду от их миссии, попросила предостеречь Уоллес. Правда она не упоминала убийство команды, но смерть была тем самым чертовым отвлечением.

Под галогенными уличными фонарями тень Алекса дрожала и резко дергалась на тротуаре, когда он спешил через 188-ю Южную улицу к припаркованному грузовику. Он забрался внутрь, сдернул перчатки и бросил их на пол. Засунул транквилизаторный пистолет для сохранности под сиденье.

Двигатель Dodge Ram завелся с сильным грохотом. Алекс раздумывал над тем фактом, что приказы привязанного к кровати отца сейчас были ненужными и пустыми. Хотя голос отца пульсировал у него в мыслях: *Только у меня есть карта к лабиринту в голове С — к лабиринту, что я создал.*

Алекс засунул руку в карман толстовки, дотронулся до гладкой поверхности iPod. Почему бы не протестировать это заявление? Почему бы не посмотреть, запустит ли программу в Данте это сообщение? Если Алекс понимал отца, Данте будет действовать по программе достаточно долго, чтобы проследовать инструкциям на iPod. Если накачать его наркотиками до бессознательности, то это снова сведет на нет его программу, выкинет обратно в яму беспокойного подсознания.

Вытащив руку из кармана, Алекс включил первую передачу и вывел автомобиль в поток машин.

С нужно использовать точечными ударами против наших врагов, Александр, а потом вернуть в Сон. Если С останется в действии, его нельзя будет остановить.

Последний трек «Inferno» звучал из колонок. И голос Данте, тлеющий и злой, шептал: «Сломай меня. Я бросаю тебе вызов. Посмотрим, сможешь ли ты...»

— Да будет так, брат, — сказал Алекс. — Да будет так.

Глава 28

Трон Хаоса

Геенна, Королевское Гнездо
23–24 марта

Лилит подняла вуаль и посмотрела вперед. Мерцающий мраморный коридор был пуст, свет приглушен до темно-оранжевого. До рассвета оставалось еще несколько часов, и большинство обитателей королевского гнезда спали, за исключением части ночной obsługi и охраны.

Лилит аккуратно обострила все чувства в поисках скачков психической или ментальной энергии, чего-нибудь ненормального, но ничего не обнаружила.

Опустив вуаль на место, снова окрасив все, что видит, в красный, Лилит сделала еще один успокаивающий вдох, ощутив дымный запах мирры, и скользнула в комнату *creawdwr* — комнату, которая была пуста уже больше двух тысяч лет.

Лунный свет пробивался через окно от-пола-до-потолка в восточной стене, бледный и чистый, лишь слабое призрачное отражение серебра и света, что когда-то лился через эти окна.

Геенна умирает.

Откинув вуаль, Лилит заставила себя пересечь комнату по небесно-голубому мраморному полу размеренным шагом, заставила себя сохранять мысли в порядке, а сердце спокойным. Она не могла позволить, чтобы ее обнаружили в этой комнате, не с тем, что она несла. Она остановилась у мраморного черного помоста, на котором возвышалось задрапированное шелком кресло.

Его зовут Данте, рожденный вампиром.

Спертый и пахнувший пылью воздух был таким же пустым, как и трон перед ней.

Шагнув на первую ступеньку, Лилит схватилась за угол защитной шелковой ткани и дернула. Золотой материал стек на пол, словно вода по скалам, и упал у ног. Водянистый лунный свет волновался на черном с голубыми прожилками мраморном троне. Спинка, с прорезями для крыльев по обоим краям, возвышалась стрелой. Ножки и подлокотники были вырезаны в виде чешуйчатых когтистых лап дракона со вставками сапфиров и переливающихся опалов.

Трон Хаоса. Откуда *creawdwr* сплетал из хаоса упорядоченную жизнь.

Двойная боль одиночества и сожаления ударила по Лилит. Она вспомнила лицо Яхве до того, как он превратил его в столб пылающего света в своем безумии, — красивый, золотые волосы, золотые крылья, умные темные глаза, улыбка. Нужно было сильно постараться, чтобы вызвать ее на губах, но эта улыбка стоила тех усилий. Улыбка, за появление которой его *salon-cyfaills* Самаэль — нет, Люсьен — и Асторет добродушно соревновались друг с другом. Позже улыбка Яхве стала появляться свободно и в моменты, в которых не было ни смеха, ни радости, ни праздника.

Она вспомнила страдание Люсьена: «Мы не можем этого остановить. Его здравомыслие ускользает».

Вспомнила свой ответ: «Возможно, он должен быть связан более чем с двумя, любовь моя. Возможно, его могущество слишком сильное, слишком хаотичное для обычной

триады».

Лилит оттолкнула прошлое. Когда-то сожаление ярко горело внутри нее, но прошло уже много времени с тех пор, как оно исчезло. Правильно или нет, она сделала то, что, как ей казалось, было необходимым для Геенны и Яхве.

Люсьен утверждал то же самое, но память о той ужасной ночи так много веков назад все еще отравляла сны.

— *Что ты наделал?*

Лилит спрашивает шепотом, но каждое слово ударяет ее в виски, словно молоток. Голова пульсирует болью. Снаружи земля рябит, дрожит, и кажется, что Геенна разорвется на части. Она хватается за дверной косяк.

Новые существа взлетают в небо только для того, чтобы разбиться и рассеяться по ветру.

Самаэль... Люсьен... у него из носа и ушей течет кровь. Он хватается Яхве, прижимает к груди. Никакого света не исходит от лица creawdwr. Асторет с медовыми волосами бездвижно лежит на мраморном полу рядом со своим salon-sufails, уставившись в потолок пустыми глазами. Вокруг ее глаз кровь, словно тени для век, на прекрасном лице следы крови возле носа и ушей.

— *Что ты НАДЕЛАЛ?* — *Лилит кричит последнее слово. Боль опускает ее на колени на холодный жесткий пол. Она хватается за плечо Яхве.*

Одарив ее ледяным взглядом, Люсьен сбрасывает ее руку с плеча, и та застывает в воздухе.

— *Ты больше никогда не используешь его. — Он смотрит на Яхве с нежностью. — Он свободен. — Люсьен покрывает своими волосами лицо creawdwr, как шелковым черным саваном.*

— *Убийца!* — *вопит Лилит.*

Лилит глубоко вдохнула запах ладана и жасмина и еще раз откинула прошлое. Неожиданное присутствие Люсьена стерло ее воспоминания и подняло их к свету. Она сосредоточилась и успокоилась, забралась по ступенькам к Трону Хаоса. Ей нужно было проверить заявление бывшего судymaith.

Его зовут Данте, рожденный вампиром. Ему двадцать три года.

Засунув руку в черную бархатную сумочку, висевшую на поясе, Лилит вытащила приз, что незаметно стянула из кармана штанов Люсьена, пока тот висел на дне Преисподней. Кровь запятнала скомканный клочок бумаги как печать. Магия creawdwr шептала под ее пальцами. Руки немного тряслись.

Если это было правдой, а не какой-нибудь шуткой Люсьена, с помощью которой он хочет сделать из нее дуру, то драгоценные камни на Троне Хаоса засветятся. Только магия creawdwr может пробудить Трон.

Наклонившись, Лилит прикоснулась испачканной кровью бумажкой к черному мрамору.

Трон Хаоса вспыхнул пламенем.

Лилит отшатнулась, ее нога в сандалиии соскользнула со ступеньки. Она упала с помоста, но поймала себя быстрым взмахом крыльев и встала на твердый пол.

Огонь поглотил черный мраморный трон, холодные языки пламени излучали свет,

создавая сумеречную ауру, — голубой, зеленый и фиолетовый. Сапфиры и опалы пылали. Лилит подняла руку, чтобы прикрыть глаза от слепящего сияния Трона.

Люминесцентные цвета мерцали по всей комнате, словно первые вечерние лучи зари.

Сердце Лилит неистово билось о ребра. Она никогда не видела прежде такого представления Трона, даже когда его занимал creawdwr. А тут только от капли магической крови ребенка-creawdwr. Во рту у нее пересохло.

Его зовут Данте, рожденный вампиром. Он мой сын.

Fola Fior и Падший.

Никогда за всю историю Элохима здесь не были creawdwr смешанной крови.

Мысли Лилит наполнились перспективами. Ее пульс ускорился.

Она устремилась на вершину помоста, схватила окровавленный кусок бумаги. Огонь и цветное мерцание исчезли. Комната потемнела, и Лилит сморгнула яркие пятна в глазах.

Развернувшись, она распахнула крылья, схватила шелковую ткань и набросила ее на Трон. Сами того не зная, незащищенные разумы давили на ее щиты, и она понимала, что рано или поздно кто-то из прислуги на нее наткнется.

Или хуже, Габриэль.

Приземлившись на мраморный пол, Лилит сложила крылья за спиной и поспешила прочь из комнаты. Потянулась к вуали, но той не было. Паника обрушилась на нее. Развернувшись, она поспешила обратно в комнату.

Вуаль покоилась на нижней ступени помоста, кровавая прожилка на черном камне. Она подняла ее и накинула на голову, закрывая концами плечи.

— Что за приятный сюрприз, голубушка, — произнес низкий медовый голос.

Даже несмотря на то, что сердце подпрыгнуло к горлу, Лилит умудрилась не подпрыгнуть сама. Только закончила приводить в порядок вуаль, затем повернулась к покрасневшему лицу Габриэля.

— Надеюсь, я не потревожила тебя, — сказала она, ее довольный голос был ровным. — Мне не спалось.

Он прислонился к дверному косяку, в килте и сандалиях, волосы его были собраны в одну толстую косу, крылья убраны в спинную сумку, замысловатый торквес окружал шею. Он послал ей сияющую благожелательную улыбку.

— Мне тоже.

— Нет покоя грешникам, — сказала Лилит, возвращая улыбку.

— Правда. Истинная правда.

Она пошла к двери, затем остановилась, когда он не показал никакого намерения подвинуться и дотронулся пальцем до ее вуали.

— Что привело тебя в эту комнату в поисках сна? Почему бы не пойти в сад или не полетать?

Лилит встретила взгляд Габриэля.

— Мои разговоры с Самаэлем воскресили воспоминания, которые я давно считала мертвыми, — ответила она, позволяя себе намек на печаль в мягком голосе. — И... старые чувства.

Рука Габриэля упала, веселость осветила его глаза.

— Разговор? Ты так это называешь? — он хихикнул. — Подвешенный на дне, связанный именем, благодаря тебе... Не могу представить, чтобы он мог с тобой о многом говорить.

— Возможно, мне нравится наблюдать за его страданиями. Возможно, мне нравится

слышать, как он кричит и ругается.

— Теперь я верю, — пробормотал Габриэль. — Мне кажется, что ты пришла в эту комнату, чтобы растопить свой гнев, чтобы вспомнить, что он украл у нас, голубушка.

Лилит разгладила складки на платье.

— Откуда ты так хорошо меня знаешь?

Габриэль выпрямился и вышел в коридор.

— Ты никогда не одурачивала меня, — сказал он, взгляд его остался на ней. — Ни разу.

— Правда? А как же полет твоей армии прямо в мою засаду на Золотом Берегу?

Габриэль махнул рукой.

— Это было давно. С тех пор я многому научился.

Лилит улыбнулась.

— Буду надеяться. — Она вышла в коридор.

Одна из служанок, полусмертная и бескрылая нефелима^[44], склонила блондинистую голову и тихонько скользнула в комнату *creawdwr*, держа в руках метлу и перьевую щеточку для пыли.

— Есть и другая причина, почему я был удивлен, увидев тебя здесь, — сказал Габриэль. — Утренняя Звезда пригласил Самаэля в свое гнездо на предрассветный завтрак и небольшой разговор.

Лилит уставилась на Габриэля, холодный узел появился в животе.

— Я потеряла счет времени, — сказала она. — Спасибо, что напомнил мне. Спокойной ночи. — Она повернулась и пошла по коридору, но голос Габриэля остановил ее.

— Ты думаешь, что он скрывает *creawdwr*?

— Утренняя Звезда?

— Не играй в игры, голубушка.

— Я не знаю, — задумчиво сказала Лилит. — По крайней мере, я так не думаю.

— Ох, хорошо, тогда, когда сила Самаэля достаточно спадет, чтобы опустить щиты, я проберусь в его мысли и найду ответ сам.

— Звучит восхитительно, — сухо произнесла Лилит. — Спокойной ночи, Габриэль.

— Мне сказать Гекате^[45], что ее мать заходила? — голос его снова стал медовым.

Шипы укололи сердце Лилит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Так кто играет в игры? Не имеет значения, что я отвечу, ты все равно ей скажешь.

— Это правда, голубушка. Приятного завтрака.

Лилит продолжила идти, высоко подняв голову. Она была на пол пути, когда вспомнила, что не положила кровавую бумажку обратно в сумочку. Кровь заледенела. Она не могла вернуться — чувствовала позади присутствие Габриэля, знала, что он пристально вглядывается в ее движения, в язык тела. Оставалось только надеяться, что служанка поднимет бумажку и выбросит.

Помимо потерянного кусочка бумаги была еще проблема. Почему Звезда не проинформировал ее о предстоящем завтраке с допросом Люсьена?

Может, он хотел устроить ей сюрприз и поймать беззащитной. В конце концов, Лилит все еще должна быть в их кровати. А сейчас он, скорее всего, удивлен, куда она ушла в предрассветные часы.

Возможно, она просто скажет ему, что уходила повидать их дочь, но эта мысль оставляла горький привкус во рту. Что если Геката расскажет ему все по-другому?

Лилит поспешила выйти из гнезда и воспарила в ночное небо.

Глава 29

Таинство

Сиэтл, Вашингтон
23–24 марта

Она почувствовала привкус амаретто и сильнее раскрыла губы.

Пальцы скользнули по ее щеке, проложили путь по шее, опустились ниже, обводя изгибы груди. Внезапно жар вспыхнул внизу живота, между ног зародилось пламя. А запах горящих листьев и морозной свежести, как ладан, заполнил ноздри, вырывая из сна.

Хэзер проснулась и посмотрела в сияющие глаза Данте. Лежа на локте, он смотрел на нее, пальцами все еще лаская грудь через пижаму, затем опустил бледное лицо и еще раз поцеловал.

Перевернувшись на бок, она вернула поцелуй, упиваясь сладким вкусом его губ. Интенсивность голода и жажды удивила ее. Они горели внутри, раскаленные добела. Она провела рукой по его спине, ощущения от прикосновения к гладкой как шелк коже, под которой находились твердые мышцы, вызвали горячую дрожь вдоль позвоночника.

Когда поцелуй углубился, рука Данте соскользнула с груди вниз, прошла по изгибам талии, бедрам и рывком пододвинула ее ближе. Его жар проникал в нее, объединялся с огнем, что горел внутри. Он поднял верх ее пижамы и обхватил груди, провел дорожку горячих поцелуев вниз по шее к соску. Тихий стон вырвался из нее, когда он лизнул затвердевший сосок, затем втянул его во влажный жар рта. Трепетание внутри ее живота усилилось. Она услышала звук своего учащенного дыхания, когда протиснула руку между ними и расстегнула его ремень, расстегнула брюки, сожалея, что не сняла их, когда только уложила его в кровать.

Данте отодвинул ее пальцы в сторону и сам закончил расстегивать брюки. С низким, нетерпеливым рыком он поцеловал ее грудь, затем поднял голову. Размытое движение, быстрый горячий ветерок, и она услышала звон ремня, когда брюки упали на пол. Еще одно движение — белые руки, уверенные и быстрые — и пижама и трусики присоединились к кожаным брюкам.

Хэзер снова прижалась к нему. Они все еще лежали каждый на своем боку, лицом к лицу, кожа к коже. Она продела палец сквозь кольцо на его ошейнике. Требовательно потянула. Мой, думала она. Рот Данте накрыл ее рот, и она почувствовала внезапный укол, когда он прокусил нижнюю губу, боль исчезла почти мгновенно. Он сосал кровь из ранки, поцелуй был голодным и грубым. Его рука проникла между ее ног, поглаживая, погружаясь и находя пальцами все чувствительные точки.

Она мягко застонала в его губы, двигаясь навстречу настойчивому ритму горячей плоти, голодных губ и исследующих рук, подхватила музыку затрудненного ускоренного дыхания и колотящегося сердца.

Скользнув рукой между ними, Хэзер сжала его, поглаживая твердую горячую длину, кожа под ее пальцами была мягкой, как бархат. Данте втянул воздух, задрожал; жар, трепещущий у нее в животе, превратился в стирающую мысли огненную бурю.

Поднявшись с подушек, она улеглась на Данте, который, низко и гортанно застонав, вошел в нее, двигаясь в унисон. Он поцеловал ее, глубоко и дико, жадно.

Хэзер сдалась голоду, темная и примитивная капитуляция. Хватала плечи Данте, спину, твердую задницу, впиваясь пальцами со всей силой, когда ударялась о него. Она подстраивалась под твердые и быстрые движения, его лихорадочный жар разжигал внутри нее костер, пот блестел на их телах.

У Хэзер перехватило дыхание, когда клыки проткнули кожу на шее. Но боль от укуса быстро исчезла под его губами. Данте начал пить кровь. Не говоря ни слова, он схватил ее руку и переплел пальцы, их ладони соединились — баланс, обещание.

Удовольствие пульсировало сквозь Хэзер, а голубые искры освещали темноту в глазах. Данте двигался глубже и быстрее, жестче, и внезапно она кончила, потеряв голос от силы оргазма. Дыхание Данте ускорилося, когда его губы вернулись к ее губам. Она распробовала вкус собственной крови, вкус меди и амаретто. Электрическое покалывание прошло вдоль позвоночника, отдаваясь в животе.

Я внутри него.

Удовольствие снова росло в ней, возвышаясь и возвышаясь. Музыка — вибрирующая, темная и жаждущая — резонировала между ними, ладонь к ладони, сердце к сердцу. Голубой огонь заполнил разум Хэзер, и она закричала, когда удовольствие пролилось жаром по венам, словно расплавленный воск, пульсируя от центра наружу, волна за волной.

Низкий стон сошел с губ Данте. Хэзер приоткрыла глаза и наблюдала сквозь ресницы, как удовольствие освещает его красивое лицо. Голубые огоньки ореолом окружали их тела, мерцали в темноте.

Его губы приоткрылись, дыхание стало яростным и неровным. Он вонзался в нее все быстрее и глубже. Прикоснувшись ладонью к лицу, она поцеловала его, когда почувствовала, как он напрягся и кончил. Она снова кончила вместе с ним, постанывая в его губы, когда оргазм переплелся с песней, пульсирующей между ними.

Одна темная, как полночь, нота задержалась — горящая и горьковато-сладкая, но все же обрамленная надеждой — постепенно исчезая, когда движения Данте замедлились. Хэзер обняла его, прижалась бедром к бедру, держа руки в волосах. Данте крепко прижимал ее к себе, его дыхание замедлялось, сердцебиение под ее щекой стало равномерным и сильным. А тело идеально подходило к ее телу, словно он был создан для нее одной, словно вторая половинка медальона встала на свое место.

Она хотела, чтобы этот момент никогда не заканчивался.

Только она и Данте, свитые вместе. С телами, блестящими от пота, переплетенными пальцами. Одним дыханием на двоих.

Никаких заговоров правительства или скрытых воспоминаний; никаких глубоких темных секретов; никаких потерь.

Ничего, кроме этого момента, момента, который не заканчивается.

Хэзер осознала, что никто из них не произнес ни слова. Но так было правильно. Все, что она должна была сказать Данте в тот момент, она сказала своим телом и губами. И надеялась, что так же сказал и он.

Данте провел пальцами по ее плечу, касания были успокаивающими. Он оставлял нежные поцелуи на ее лбу, глазах и губах, пока она погружалась обратно в сон, насытившаяся и расслабленная, размышляя: «В следующий раз мы все сделаем медленнее. Больше поиграем. И клянусь Богом, я научусь снимать его чертовы штаны».

Данте смотрел на спящую Хэзер, голова покоилась на его плече, тело было теплым и уютным, одна нога закинута на него. Он убрал ее волосы с лица, провел пальцами по их мягкой взъерошенной длине. Она пахла сиренью и мускусом, пахла теплом, липкостью и им. А дышала легко, губы немного приоткрылись, ресницы откидывали тени на кожу под глазами.

Внутри было тихо, голоса смолкли, будто объятия Хэзер были таинством тишины, светлой и спокойной. Он поцеловал ее в губы. Вспомнил ее лицо, покрытое ночной тенью, чувство близости, мягкую кожу и напряженные мышцы. Вспомнил ритм сердца.

Шум прекратился, chérie.

Серый предрассветный свет проникал по краям занавески, и он почувствовал, как Сон раскручивается вокруг него, смешиваясь с остатками морфина в организме.

Он попытался вспомнить, что случилось в «Весперсе», но врезался в стену. Жесткую пустую стену. D'accord. По шагам. На сцене в «Весперсе». Поет. Говорит. Дерется с созданиями ночи Сиэтла. Хэзер протискивается сквозь толпу. А потом ничего. Данте вздохнул.

Следующее, что он знал — это то, что проснулся рядом с Хэзер, не зная, где он и сколько прошло времени. Ничего нового, просто незнание или потеря во времени. А еще было тревожно, и он не был уверен почему.

Что-то, что Хэзер говорила ранее? *Родригез подал иск о профессиональной некомпетентности против...*

Боль, словно раскаленный вертел, пронзила череп. Данте втянул воздух и закрыл глаза. Оранжевый свет оплетал темноту в глазах. Боль исчезла. Сон заскользил по венам, замедлив сердцебиение и погасив жар. Он заставил себя открыть глаза. Попробайся снова. *Иск о профессиональной некомпетентности доктора Роберта...*

Еще один раскаленный вертел пронзил разум. Этот не исчез. *Так, хорошо, к черту.* Данте снова схватился за мысль. Боль пронзала его, сильная, резкая и безжалостная. В глазах потемнело.

Данте высвободился из объятий Хэзер и сел, положив голову, которая невыносимо раскалывалась, на согнутые колени. Затем почувствовал вкус крови и, вытерев нос, стал ждал, пока боль стихнет или его кинет в Сон.

Что-то пушистое ударило о его ногу и мякнуло, тихо вопрошая. Пальцы

Данте нашли и погладили голову Исчадия, теплая шерстка была мягкой, как шелк. Он с дрожью вдохнул, когда боль постепенно ослабла. Исчадие выгибался под его рукой, крутился и снова выгибался.

Шмыгнув носом, Данте поднял голову и посмотрел на Исчадие. Он провел рукой вдоль всего позвоночника кота. Песнь крутилась в его голове, симфония состояла из касаний по генетическим струнам и закручивания ритма ДНК. Электричество трещало на кончиках пальцев, а голубой отраженный свет танцевал в глазах Исчадия. Урча, кот улегся на ногах Данте.

Данте закрыл глаза и дернул струны, сменил ритм, добавляя мелодию, новые удары. Сочинял. Бренчали новые аккорды. Он представил Исчадие целым. Представил, как тот ходит и бежит.

Как только Данте поднял руки, боль прорезалась диссонирующим кросс-ритмом через мелодию, что он испускал, и песнь раскололась на части и разрушилась, а белая тишина

столкнулась с внезапным злым гудением ос.

Посмотрим, сколько ты сможешь продержаться.

Мне кажется, он умер. Мне кажется, ты убил его.

Tais toi, дурак. Засунь его в багажник.

Боль ножом пронзила мысли Данте, сперла дыхание. Он открыл глаза. Белый свет затуманил зрение. А затем Сон набросился на него черным приливом и унес под бесцветную поверхность, но одна картина проследовала за ним в темноту: Исчадие спрыгивает с кровати и проскальзывает в едва открытую дверь, по его шерстке бегают голубые искры.

Глава 30

Соль на раны

Геенна, Гнездо Утренней Звезды
23–24 марта

Лилит стянула с головы вуаль, сминая ее в руке, пока входила в обширную гостиную своего гнезда. Утренняя Звезда стоял у окна в пурпурном килте, в белом платиновом торквесе и наручах, взгляд его был устремлен на умирающую ночь за стеклом. Он повернулся к ней, но посмотрел в другую сторону.

— Ох, вот и ты, любовь моя, — сказал он. — Я начинал беспокоиться.

— Когда ты собирался рассказать о планах на утро?

— В последний момент. — Он повернулся к ней лицом. — Но тебя здесь не было.

— Не спалось.

— Правда? — пробормотал Звезда. — Ты определенно спала, когда я тебя видел в последний раз, — улыбка коснулась его лица. — Притворяешься, любовь моя?

— Когда это необходимо.

Он посмеялся. В сумраке у окна был виден блеск его голубых глаз.

— В этом вся моя Лилит.

— Я не твоя, — ответила она, кидая в него вуаль. Та упала, словно малиновый лист, на светлый отполированный пол. Лилит разочарованно уставилась на вуаль.

— Забавно, — сказал Звезда, — могу поклясться, что в последние пять веков, или около того, ты точно была моей.

Слуга нефилим в розовом килте зашел в комнату и зажег ладанку. Затем заправил за ухо прядь волос цвета созревшей пшеницы, и Лилит поняла, что это Вел — еще один полукровка Утренней Звезды из бесконечного выводка. Дымный запах мирры смешался с ароматом белых цветков жасмина, выющегося у северной стены комнаты.

Вел взглянул на отца в ожидании каких-либо инструкций и тихо вышел из комнаты.

— Должно быть, ты разговаривала с Габриэлем, — сказал Звезда, делая шаг от окна. — Так как он единственный, кому я рассказал о встрече.

— Я ходила посмотреть на Трон Хаоса, — ответила Лилит, решив рассказать ему ту же историю, что и Габриэлю. У нее не было сомнений, что он и Звезда сравнят их. — Хотела напомнить себе обо всем, что мы потеряли из-за Люсьена.

Звезда выгнул белую бровь.

— Люсьена?

— Самаэля, — уточнила она.

Прежде чем она смогла сказать что-нибудь еще или вдохнуть, слабая песнь прошлась по ее разуму, темная, красивая и западающая в память. Песнь стихла, как едва слышимый шепот, как последние остатки сна, потом исчезла. Пульс Лилит подскочил.

Anhrefncathl.

Один взгляд на большие голубые глаза Утренней Звезды рассказал ей, что он тоже это услышал, но морщинка между бровями выдала сомнение.

— Ты слышала это?

— Слышала что?

— Песнь хаоса. Слабую, но... — он искал ее глаза. — Я и не представлял.

— Я ничего не слышала, — сказала Лилит, контролируя голос. — Ты уверен?

Он пересек комнату, подошел к окну и выглянул наружу, чтобы посмотреть, не услышал ли песнь еще кто-то и не взлетал ли с радостью в предрассветное небо. Сереющее небо было пустым. Лилит задышала немного легче. Возможно, никто больше не слышал, потому что многие все еще спали.

— Да, я уверен. Я бы поспорил на свои крылья, что наш так называемый Люсьен точно знает, где находится Создатель.

Лилит повернулась лицом к Звезде.

— Почему ты так думаешь?

— Он жил в мире смертных, любовь моя. Песнь *creawdwr* задевала бы его сущность, словно пальцы струны арфы. Притягивала бы. А Самаэль, или Люсьен, или тот, кем он хочет себя называть, ответил бы.

— Если ты слышал *creawdwr*, то нам нужно предъявить на него или нее права прежде, чем это сделает Габриэль, — сказала Лилит. — А если Люсьен, как ты думаешь, скрывает Создателя, тебе потребуется моя помощь, чтобы узнать где.

Она долгое время внимательно вглядывалась в его серебряные ресницы, привлекательное задумчивое лицо.

— Ты выдала его имя. С чего бы ему иметь с тобой дело?

— Он мне должен, — ответила Лилит, схватившись за черепичный подоконник позади. — И даже согласен с этим. Если я организую побег, он будет мне достаточно доверять...

— Чтобы привести тебя к *creawdwr*, — задумчиво произнес Звезда. — Возможно...

<Мы смогли бы вернуть себе трон>, — послал он мысленно, глаза светились.

<Мы смогли бы вернуть себе нашу дочь>.

— Конечно, — пробормотал Звезда. — Но сначала трон.

— Как пожелаешь, любимый, — сказала Лилит, удивляясь, как смогла заставить голос звучать так нежно, в то время как сердце оставалось холодным.

Звон цепей оторвал взгляд Лилит от бокала вина и его гранатового содержимого. Люсьен вошел в комнату в сопровождении машущего крылышками *chalkydri*, руки его были закованы, крылья — связаны.

Бывший *cydumaith* Лилит стоял гордо, его черные волосы доходили до талии, плечи расправлены, голова высоко поднята, на губах холодная улыбка, словно он только что летал на рассвете в надежде освежиться.

Но его бледное лицо и бескровные губы разоблачали ложь. Жизненные силы Люсьена отступали с силами Геенны, судьба его теперь была кровью связана с царством.

Боль сожаления прорезала спокойствие Лилит. Она глотнула вина, почувствовала привкус лайма под гранатом и виноградом. «Ради Гекаты, — сказала она себе. — Ради Геенны».

— Добро пожаловать, брат, — поприветствовал Утренняя Звезда. Он сидел на бархатном с золотой парчой диване рядом с Лилит. — Кажется, ты нашел то, что тебе подходит.

— Нашел, — ответил Люсьен. — Хотя в этом не было необходимости.

— Или нужды? — спросил Звезда с улыбкой.

Одежда, которую предоставил Люсьену Звезда вместо его разодранных штанов,

подходила ему так, что дух захватывало — по мнению Лилит. Черный килт с серебряным поясом спускался с его бедер до колен, а окаймленные серебром сандалии защищали ноги.

Прошлое проскользнуло мимо ее защиты и влетело в сознание : *Он ловит ее в воздухе и прижимает к себе — плечо к плечу — горячая кожа и взмахи крыльев отсчитывают темп. Он срывает с ее тела платье.*

Лилит отвела взгляд и оттолкнула воспоминания. Все, что было между ними, умерло вместе с Яхве.

— Оставь нас, — сказал Звезда, делая взмах рукой в сторону chalkydri.

С гудящим шумом крыльев, chalkydri подчинился.

— Пожалуйста, брат, присаживайся. Ешь. — Утренняя Звезда показал на низкий стол, окруженный диванами, уставленный фруктами — апельсинами, лимонами, гранатами, — хлебом и охлажденным кувшином вина.

Люсьен сел с грацией, несмотря на кандалы и связанные крылья, но не расслабился. Он выровнял спину, его мышцы были напряжены и готовы. Лилит заметила, что он держит в руках цепь кандалов.

Словно планируя задушить кого-то на пути к свободе.

Он мой сын.

Возможно, так бы он и поступил, появившись хоть малейший шанс. Ее изумление от этой мысли исчезло. Сделав глубокий вдох, пропитанный запахом жасмина-и-мирры, она сосредоточилась и выкинула из головы изображение горящего Трона Хаоса.

— Этот маленький междусобойчик — твоя идея? — спросил Люсьен. — Или ты просто исполняешь приказ Габриэля, как хорошая маленькая собачка?

— Габриэль действительно знает, — ответил Звезда, игнорируя колкость, голос его был гладким, как нагретый на солнце шелк. — Но только то, что я хотел, чтобы он знал.

— Жопогрелка, как ты назвал его, занят тем, что планирует самый быстрый путь порабощения смертного мира, — сказала Лилит.

— Вскоре Геенна перестанет существовать, — пробормотал Люсьен. — И я вместе с ней. — Он наклонился вперед, звякнув цепями, и взял апельсин и ломоть хлеба.

— Этого может не произойти, — сказал Звезда. Бледный персиковый свет мерцал на его светлых, как звезды, косах. — Если есть creawdwr, который вылечит царство и тебя.

— Creawdwr не существует, — ответил Люсьен.

— Правда? — спросил Звезда. — Я послал Локи в мир смертных найти его.

Лилит сохраняла свое лицо и разум тихими, поскольку не упоминала ничего о том, что Локи превратился в камень и теперь играет роль защитника гробниц в Новом Орлеане.

Люсьен ничего не говоря чистил апельсин.

Звезда вздохнул.

— Может, ты видел его?

— Да, видел, — сказал Люсьен. — Он разозлил меня, так что я приковал его к земле. — Он съел дольку апельсина, лицо казалось задумчивым. — Думаю, он таким останется до тех пор, пока я не вернусь, чтобы освободить его.

Звезда выгнул белую бровь.

— Это могло бы объяснить его молчаливость. Как я и говорил, я послал его, потому что думаю, что creawdwr прячется в мире смертных.

— Почему? — спросил Люсьен.

— Несколько раз во время сна, — произнес Звезда тихо, — я улавливал затухающие

нотки anhrefncathl. Дикой и красивой песни.

— Возможно, это было только в твоих снах, — сказал Люсьен. — Если бы creawdwr гулял по миру смертных, я бы знал.

— Да, ты бы знал, — кивнул Утренняя Звезда. — И ты бы приблизился к нему — чтобы защитить или убить — я не знаю, но у меня ощущение, что именно так тебя нашел Локи, и именно поэтому ты связал его.

— Если ты так говоришь. — Люсьен закончил есть апельсин, затем откусил хлеб.

— Самаэль...

— Он предпочитает «Люсьен», — пробормотала Лилит, отпивая вино.

— Тогда, Люсьен, как советует моя любимая судумаith.

Падший посмотрел на них, веселье мелькнуло в его глазах.

— Поздравляю, — улыбнулся он. — Становление этого благословенного союза совпало с восхождением Габриэля на трон?

Жар зарумянил щеки Лилит.

— Мои браки перестали быть твоим делом, когда ты убежал из Геенны, кровь нашего creawdwr все еще влажная на твоих руках.

Веселье Люсьена исчезло, в глазах появился золотой свет.

— Мы все делаем то, что должны. Каждый из нас. И когда мы заканчиваем делать все необходимое, то начинаем заново. — Он удерживал ее взгляд, обжигая, несмотря на все щиты и баррикады, словно тех не существовало.

<Мы должны прощать друг друга>.

Холодная злость прошла по Лилит. Как такое возможно, что он творит с ней после всех прошедших веков? Заставляет чувствовать, будто никогда не предавал ее, никогда не улетал? Словно она оклеветала его?

Лилит закрыла от него разум, сдвинула щиты и осушила свой бокал. Служанка в розовом платье схватила кувшин, покрытый каплями, и поспешила снова его наполнить. Нефилима аккуратно налила, потом вернулась в тень на место.

— Да, мы начинаем заново. Мне это нравится, — серьезно сказал Звезда. Затем приподнялся и наклонился к Люсьену. — Я обещаю защищать этого Создателя, держать подальше от Габриэля и в сохранности. Я восстановлю Геенну и место creawdwr на Троне Хаоса, которое ему принадлежит. Мы свяжем его и будем любить...

— Ты ошибся, — произнес Люсьен. — Creawdwr нет.

— Нет, есть! Я слышал его песнь как раз перед рассветом. — Лицо Утренней Звезды пылало, охваченное эмоциями, слишком интенсивными, чтобы Лилит смогла понять их или назвать.

— Значит, ты выпил слишком много вина, — сказал Люсьен, его голос был холодным и отстраненным. Потом он встал, снова взяв в руки цепь.

Образ Люсьена, прижимающего к себе тело Яхве, мелькнул в голове Лилит. Убьет ли Люсьен собственного сына в безрассудной попытке защитить его от законного места на Троне Хаоса?

— Если бы ты привел молодого creawdwr домой, — сказал Звезда, — я уверен, что прошлые преступления забылись бы. Ты бы был свободен, брат, и выбрал бы, остаться здесь или вернуться в мир смертных.

— Этот разговор утомляет, — отрезал Люсьен. — Отправь меня обратно на дно Преисподней.

Утренняя Звезда провел рукой по коротким волосам, посмотрел на Лилит, кивнул.

— Как пожелаешь. Однажды, подвешенный в жаре и темноте, когда chalkydri будут сдирать с тебя плоть, я надеюсь, ты вспомнишь наш разговор.

— О, каждое слово, — сказал Люсьен. — Я люблю хорошо посмеяться.

<Твоя очередь, любовь моя>, — отправил Звезда Лилит с кривой улыбкой на губах.

<Я посажу зерна доверия, любимый. Найди выход и отпусти меня с ним>.

По вызову, одетая в розовое платье нефилима шагнула из тени и приблизилась к Утренней Звезде. «Новенькая, — подумала Лилит, — но выглядит знакомой». Учитывая ее пшеничные локоны, она, скорее всего, была еще одной из потомков-полукровок Звезды.

Девочка зашептала в ухо Звезды, потом отошла. Он тут же вскочил на ноги, его пурпурный килт закрутился вокруг ног.

— Появилось другое дело, — сообщил он. — Так что я оставлю тебе, любовь моя, организовать возвращение нашего гостя в Шеол.

Лилит кивнула.

— Конечно, любимый.

Звезда вышел из комнаты, его дочь-служанка последовала за ним. В отсутствии свечения Утренней Звезды комната выглядела тусклой, несмотря на вставшее солнце, была тихой и расслабленной, словно отпустила долго сдерживаемое дыхание.

Люсьен посмотрел на Лилит. Сардоническая улыбка изогнула его губы.

— Так что, теперь твоя очередь, да?

<Утренняя Звезда должен так думать, да, — послала она. — Пожалуйста, следуй за мной>.

Она встала с дивана и обошла столик из красного дерева, подойдя туда, где стоял Люсьен, лицо его было спокойным.

— Я знаю, что ты хочешь спустить Габриэля с Трона так же, как и мы.

Люсьен кивнул.

— Да, хочу, но я не прячу Создателя. Я не знаю, как это яснее выразить.

— Факт, что ты обернул Локи в камень, говорит об обратном, — сказала Лилит. — И если Габриэль услышит о том, что ты сделал с Локи, то убедится, что ты что-то скрываешь.

— Всего лишь доказательства того, что Локи меня раздражает.

Лилит хихикнула.

— Меня он тоже раздражает.

<Я тоже слышала песнь твоего сына этим утром. Скажи ему сохранять тишину>.

Усталость появилась в глазах Люсьена.

<Он закрыл нашу связь. Если я начну давить, то не только раню его, но и выставлю напоказ, что между нами есть связь>.

<Связь, за которой другие могут последовать>.

Лилит перекинула тяжесть своих волос через плечо и заплела их, пока думала.

<Почему твой сын закрыл связь?>

<Он думает, что я ему лгал>.

<А ты лгал?>

— Возможно, — прошептал Люсьен, пошатнулся и шагнул вперед, пот блестел по линии волос. Лилит схватила его за плечо и помогла не упасть. — Прости. Кажется, я увядаю, — улыбка мелькнула на его губах. Кожа горела под ее пальцами. Аромат темной-земли-и-зеленых-листьев заполнил ее ноздри, кружил, напоминая прошлое.

Отпустив его, Лилит повернулась к столу и налила в бокал вина. Затем прижала его к трясущимся губам Люсьена.

— Пей, — подстегнула она.

<Габриэль планирует обыскать твой разум, когда ты будешь слишком слаб, чтобы закрыться, — послала она. — Трус>.

Мышцы дрогнули на челюсти Люсьена. Он осушил вино одним долгим глотком и, приложив запотевший бокал ко лбу, закрыл глаза.

— Ты тоже можешь отправить меня обратно, — сказал он. — Мне больше нечего сказать.

<Есть хоть какая-нибудь надежда на побег? — спросил он. — Если нет, мне нужно, чтобы ты защитила Данте от Габриэля и от Утренней Звезды>.

Опустив бокал, Люсьен поднял веки, и отчаяние, которое увидела Лилит в золотых глазах Люсьена, разбило ей сердце.

Она подумала о Гекате, подумала о том, что чувствовала, когда ее серебряноволосая дочь была вырвана из ее объятий, вспомнила ужас на лице своего ребенка, когда Габриэль, триумфатор сражения, схватил ее.

— Она будет заложницей моего двора, чтобы я мог быть уверенным в твоём сотрудничестве.

— Тебе не обязательно это делать, Габриэль. Я клянусь своим именем, что не нарушу твое спокойствие.

— Ох, Лилит, но я нарушу твое. Как только я повернусь спиной, ты начнешь разрабатывать план, как украсть у меня Трон.

— Не в этот раз. Не сейчас. Оставь мне мою дочь. Пожалуйста.

— Ш-ш-ш, любовь моя. Геката будет в полнейшей безопасности. Габриэль обещал мне.

— Ты знал? Ты поступил с нашей дочерью? Нашей дочерью, Звезда?

Лилит вспомнила слова Люсьена тысячеклетней давности: «Ты никогда не используешь его снова». Все, что произошло с того дня, уходит корнями в убийство Яхве ее судумаith.

Лилит вырвала бокал из пальцев Люсьена и поставила на стол. Мысленно она вызвала пару chalkydri. И встретила взгляд бывшего судумаith.

— Я сделаю все, что могу, чтобы помочь тебе, — солгала она.

<По крайней мере, я защищу твоего сына>.

От тебя.

Люсьен поднял руку, звеня цепями, и провел пальцами по ее щеке.

— Мы все делаем то, что должны, Лили, — пробормотал он и поднял голову. — Каждый из нас.

— Да, — сказала она. — Мы делаем.

И когда я найду твоего сына, я смогу освободить свою дочь.

Утренняя Звезда вышел из своего гнезда на посадочную галерею. Бледно-абрикосовый и розовый рассветный свет мерцал на камне. Он остановился у балюстрады, затем повернулся лицом к Эрис^[46].

— Итак, — сказал он, складывая руки на груди. — Что ты нашла?

Та вытащила кусочек бумаги из кармана платья.

— Как ты и говорил, я последовала за Лилит...

— Она Леди и твоя госпожа, — сжав челюсти выдавил Утренняя Звезда.

Эрис напряглась, затем склонила голову.

— Да, Владыка Отец. Я последовала за вашей Леди в королевское гнездо, где она посещала Трон Хаоса и разговаривала с Владыкой Габриэлем.

— Ах. — Утренняя Звезда протянул руку. — Дай это мне, дитя.

Эрис протянула ему бумажку, затем ушла.

Сила покалывала руку. Утренняя Звезда уставился на смятый кусочек бумаги, сердце колотилось под ребрами. Он коснулся пальцем темного кровавого пятна в центре бумаги и почувствовал характерную энергию *creawdwr*.

Он был прав — все это время. Самаэль, или Люсьен, или кем он хотел себя называть, лгал.

Утренняя Звезда погладил бумагу — чек — и прочитал.

Вино и Спиртные напитки. Французский Квартал

ул. Шартр, 422

Новый Орлеан

Он развернул его и прочитал слова, небрежно написанные на обороте: «Присмотри за ней, *ma mère*. *S'il te plaît*, береги ее. Даже от меня».

Белые крылья Утренней Звезды раскрылись и взмахнули в нагревающемся воздухе. Он взвился в рассветное небо, сердце его радовалось.

Создатель был в Новом Орлеане. И, судя по этим словам, возможно, влюблен и не мог доверять себе. *Береги ее. Даже от меня*. Дитя нуждался в руководстве. Дитя нуждался в связях. Его нужно найти прежде, чем это сделают Лилит или Габриэль.

Глава 31

Метка поставлена

Сиэтл, Вашингтон

24 марта

Хэзер остановилась на пути к окну гостиной, чтобы убедиться, что плед с рисунком луны-со-звездами полностью укрывает Вона. Он Спал в раскладном кресле, накрытый с головы до ног. Потертые байкерские сапоги стояли на полу рядом с креслом, рубашка и кожаная куртка висели на каминной решетке.

Илай, скрестив ноги, сидел на диване, жуя овсянку и мускусную дыню, и смотрел игровое шоу по телевизору, Исчадие приютился у него на коленях. Динь-динь-динь звонок победителя звучал по всей комнате. Время было всего десять с небольшим утра, все остальные еще спали.

И хотя Хэзер ужасно хотелось открыть дверь в спальню сестры и проверить ее, она отказалась от этого необдуманного решения. Как и сказал Вон, Энни была большой девочкой, и он обещал, что Сильвер не навредит ей.

Хэзер отодвинула занавеску в сторону и посмотрела на тихую, мокрую от дождя улицу. Дождь ненадолго прекратился. Большинство соседей, людей, которых она плохо знала, уехали на работу, их подъездные дорожки были пусты. Она не узнала пару машин, припаркованных на дороге, — внедорожник и старый ржавый Chrysler — оба с номерами Вашингтона.

Луч солнца прорвался сквозь поредевшие тучи и ослепил рубиновым цветом, отражаясь от пикапа, припаркованного у соседнего дома. Хэзер зажмурилась, подумала, что разглядела тройку по середине номера — Орегон. Образ парковки отделения Портленда и автомобиля, блестяще-красного Dodge Ram, в который, как она видела, садился РСА Алекс Лайонс вспыхнул в голове. Пульс ускорился.

«Вряд ли это официальное наблюдение», — думала она, опуская занавеску на место. Не в таком легко узнаваемом автомобиле. Ей стало интересно, как долго и кто наблюдал за домом. Родригез? Она собиралась выяснить.

Развернувшись, Хэзер присела возле дивана и потрепала Джека по плечу. Ударник открыл один глаз и заворчал.

— Твоя смена, — сказала она. — Я пойду проверить кое-что снаружи.

Джек заставил себя подняться и сесть на диван, зевая. Он потянулся, провел рукой по гриве вишневых кос.

— Ты проснулся? — спросила Хэзер, вставая.

— К сожалению, да.

— Тебе нужен пистолет или...

Джек вытащил браунинг Вона из-под подушки.

— Не беспокойся, — ответил он. — Я вооружен.

Фырканье раздалось с края дивана, где сидел Илай.

— Берегитесь, нутрии.

Не глядя на Илая, Джек показал ему средний палец.

— Иди к черту.

— Я выйду через черный ход, — сказала Хэзер. — Вернусь тем же путем. Не впускайте никого, кроме меня.

Джек кивнул, его косички рассыпались по мускулистым плечам.

— Если кто-нибудь попробует войти сюда, я заставлю их танцевать, как индюшку на горячих углях, будь уверена.

— Тревожная картина, — сказала Хэзер с улыбкой.

— Тебе нужна помощь? — спросил Илай, отставляя в сторону завтрак. Запах свежей мускусной дыни разнесся по воздуху.

Хэзер покачала головой.

— Нет, я справлюсь. Просто нужно быть осторожными.

С любознательным урчанием Исчадие спрыгнул с колен Илая на ковер, тихонько подошел к Хэзер и начал тереться о ее ноги, выгнув спину для ласк. Она наклонилась, чтобы погладить его и застыла.

Подошел. Не подпрыгнул. У Исчадия были все четыре лапы, не три.

— Господи Иисусе, — прошептала она и опустила на колени. Исчадие счастливо мяукнул, когда ее трясущиеся пальцы погладили его голову.

— Я думал, ты знала, — сказал Илай.

— Знала? — повторила она. И дотронулась до новой ноги Исчадия, почувствовала ее твердость и силу.

— Да, я имею в виду, что он таким был, когда пришел сюда из твоей комнаты сегодня утром, — сказал Илай. — Я предположил, что Данте... то есть... как еще?

«На самом деле, как еще», — подумала Хэзер, ее мысли кружились. Она знала, что Данте мог разрушать. Но была слишком озабочена уничтожением Джоанны Мур, чтобы предположить, что он может еще и создавать. Да, Данте скорее всего изменил и ее, когда сохранил жизнь. Но Хэзер никогда не заботило, как это произошло, никогда не заставляло остановиться, чтобы сделать выводы.

Мог ли Данте создавать? Не просто приводить в порядок или лечить, но и создавать?

Исчадие потянулось головой к пальцам Хэзер, и она погладила его. Он сел, вытянул свою новую лапу и начал вылизывать, словно говорил: *Видишь? Она была здесь всегда.*

Хэзер встала и прошла в спальню. Затем приоткрыла дверь и посмотрела в темную комнату. Бледное лицо Данте было повернуто в другую сторону от двери, черные волосы разметались по подушке, белая рука лежала на покрытой одеялом груди.

Он — никогда не заканчивающаяся Дорога.

Хэзер дотронулась рукой до груди Данте, подождала обнадеживающего удара сердца под ладонью. И когда почувствовала его, убрала руку, нагнулась и поцеловала крошечную татуировку в виде летучей мыши над сердцем.

Мяукнув, Исчадие прыгнул на кровать и приютился рядом с Данте, в желтых глазах был блеск.

— Приглядывай за ним, маленький защитник, — прошептала она.

В ответ Исчадие лизнул лапу и провел ей по голове, очень краткое изложение беззаботности. Коты. Хэзер вышла из комнаты, оставив дверь приоткрытой для перемещений Исчадия.

Джек засунул браунинг Хай-Пауэр в задний карман джинсов, проводил Хэзер до черного хода, чтобы закрыть за ней.

— Вернусь через несколько минут, — предупредила она, устремившись в серый день. В

воздухе пахло надвигающимся дождем и мокрым асфальтом. — Знаешь, скорее всего, здесь не о чем беспокоиться, но лучше я буду осмотрительной, чем потом пожалею.

— Мы обеспечим безопасность Спящих, обязательно, — сказал Джек, встречая ее взгляд. — Если кто-то охотится за Данте, он не пройдет мимо нас.

Хэзер улыбнулась.

— Спасибо, Джек.

— Ça fait pas rien. — Он закрыл дверь. Засов замка встал на место.

Она развернулась и направилась через газон к воротам, закрытым на висячий замок, в северо-западном углу заднего двора. Пройдя через них, она двинулась по короткой аллее между домами в сторону дороги, оказавшись позади Dodge Ram Лайонса.

Скользнув рукой под синюю водолазку со стороны спины, Хэзер схватила 38-й, засунутый за пояс джинсов.

Шеридан зевнул.

Внутри внедорожника пахло кофе и жирными гамбургерами. Его живот урчал, но голод не чувствовался. Возбуждение от энергетиков, которые он пил всю ночь, с самого начала наблюдения, исчезало, оставляя его нервным и уставшим. Вздохнув, он потер глаза большим и указательным пальцами.

Рассвет наступил и прошел, а он все еще ждал и наблюдал; Прейжон все еще Спал и дышал, а Кортини в поле зрения не появлялась. Ничего не произошло, как он и надеялся.

Еще раз зевнув, Шеридан вернулся взглядом к портативному мини-монитору. Маленькая камера была установлена на корпус мотоцикла и передавала вид улицы рядом с домом Уоллес. Он развалился на заднем сиденье автомобиля и беспокоился о том, чтобы Кортини или кто-либо еще не опередили его. По плану внедорожник смотрелся как припаркованный соседский автомобиль.

Но этого нельзя было сказать о грузовике, припаркованном через улицу и на полквартила дальше. Он показался за несколько часов до того, как рассвет размазал по мрачному горизонту кровавые цвета, красный пикап с черным покрытием или брезентом, защищающим кузов. Грохочущий дизельный двигатель был выключен, но из кабины никто не выходил. Вспышка зажигалки и тлеющий кончик сигареты доказывали, что кто-то был внутри.

И этот кто-то наблюдал, так же, как и он.

Больше, чем просто из любопытства, Шеридан проверил номера. Dodge Ram был зарегистрирован на Александра А. Лайонса, Дамаск, Орегон.

РСА Портленда Алекс Лайонс. Агент, который сопровождал Уоллес на ее небольшую вылазку на место убийства матери.

Любопытство Шеридана поднялось выше крыши. Так что он позвонил Ратгерс, и, по иронии судьбы, это стало причиной, почему Прейжон все еще дышал.

— РСА Лайонс здесь, следит за Уоллес. Есть какие-либо официальные причины?

— Никаких, насколько знаю. Родригез хотел допросить Уоллес более основательно насчет Плохого Семена. Интересно, не начал ли он действовать самостоятельно?

— Инструкции?

- Не начинай действовать, пока Лайонс не выйдет из поля зрения. И держи меня в курсе. Если он работает на ТО, а не на Родригеза...
- Вас понял. Прейжон и его группа отсиживаются в доме Уоллес.
- Это доказывает то, что Уоллес врала нам.
- Определенно. Она чуть раньше охраняла Прейжона.
- Какая жалость. Прейжон как-то изменил ее. Проклятые вампиры.
- Мэм, сопутствующие потери допустимы? Если я не смогу достать только Прейжона?
- Определенно нет. Мы не ТО. Только Прейжон и Кортини.
- Есть, мэм. Вас понял.

Зевая, Шеридан опустошил еще парочку энергетиков. Прейжон никуда не пойдет до сумерек. Возможно, он мог бы рискнуть пробежаться по ближайшим ресторанам в поисках нормальной еды и туалета. Медицинская утка, которую он взял в «Уолгрин»^[47], помогала, но было бы хорошо ее помыть.

А если прибудет Кортини? Устроит засаду прежде, чем войдет внутрь?

Движение вернуло взгляд Шеридана к монитору. Кто-то целенаправленно шагал по противоположной стороне улицы — рыжеволосая, стройная фигура в свитере и джинсах, одна рука на поясице.

Сонливость Шеридана испарилась.

Хэзер Уоллес подошла к красному пикапу и направила дуло пистолета в окно с водительской стороны.

Катерина постучала во входную дверь гостевого домика, открыла ее и вошла внутрь. Серый дневной свет просачивался по краям закрытых штор в комнату. Ноутбук Афины, лежащий на кофейном столике, был закрыт. В воздухе немного пахло свежескопанной землей и гнилыми овощами, как в только что удобренном перегноем саду. Катерина нахмурилась. Она не видела никаких горшочных растений, никаких оконных цветов.

Она посмотрела на часы. Было около десяти тридцати. Она дала дозу Афине перед самым рассветом, поэтому та все еще должна быть без сознания. Плотная тишина стояла в замкнутом пространстве, утяжеляла атмосферу.

Ни шепота. Ни постоянного бормотания.

Внутренняя тревога пронзила Катерину. Тишина ощущалась какой-то неправильной. Она засунула руку под пиджак и вытащила из наплечной кобуры Glock. Прислушалась. Шум холодильника, капающая из крана вода на кухне.

Она прокралась через комнату к коридору, ночник в конце которого мерцал, словно вечерняя звезда. Темные комья пятнами лежала на ковре через одинаковые промежутки. Присев на корточки, она коснулась одного комочка — грязь. Затем встала и осмотрелась.

Вернувшись к стене, Катерина направилась по коридору к комнате Афины. Дверь все еще была открыта, так же, как она ее оставляла. Быстрый взгляд внутрь обнаружил что-то, скрученное под грязным измазанным одеялом. Комья грязи вели к кровати, как путь, проложенный хлебными крошками. Сжав Glock двумя руками, Катерина шагнула внутрь. Вонь тут же накрыла ее, смесь тлетворного запаха земли, говна и смерти. Она подошла к

кровати и сдернула испачканное одеяло.

Труп Глории Уэллс, заляпанный грязью и с ползающими по нему насекомыми, лежал на простынях. Катерина уставилась на него, ошеломленная, принимая во внимание факт, что тело было одето в свежую ночную рубашку, а голубая лента украшала полные грязи волосы.

— Добро пожаловать в Подземный мир.

Катерина почувствовала резкий укол в заднюю часть шеи и обернулась, поднимая глок.

Афина испачканными пальцами держала шприц, ее волосы и тело в нижнем белье были в высохшей грязи.

— Я Аид, Царь Подземного мира.

Катерина нажала на курок. Выстрел пистолета прозвучал как выстрел из пушки. Холод разлился по ней, замораживая кровь и кружась белоснежной бурей в сознании. Она попыталась выстрелить еще раз, но услышала только глухой стук.

Посмотрев вниз, она увидела свой пистолет на полу. Комната перекосилась, и Катерина пошатнулась, почти упав на кровать. Дурной запах проник в ноздри, когда ее рука схватила запястье трупа, чтобы удержать баланс. Все смялось под уже гниющей кожей под пальцами Катерины.

Отдернув руку от холодной руки Глории Уэллс, Катерина оступилась и упала на пол. Потолок вращался все быстрее и быстрее.

— Думаю, я буду звать тебя Красная Шапочка, — прошептала Афина-Аид.

— И я позволю Данте тебя проглотить.

Катерина провалилась в бездну, девичий шепот Царя Подземного мира вел ее в темноту.

Голова Лайонса дернулась от покрытого каплями окна, на котором он дремал, руки нырнули внутрь толстовки.

— Я бы не стала, — предостерегла Хэзер. — Вытащи руки. Медленно.

Лайонс повернул голову и посмотрел на нее, затем сфокусировался на пистолете, которым та целилась сквозь стекло. Он вытащил руки из толстовки.

— Черт, Хэзер, — сказал он, слова были четкими, но тихими. — Ты напугала меня до смерти.

Лайонс выглядел слишком встревоженным для человека, которого только что разбудили, особенно для того, кто спал, как она предполагает, в месте, где он обычно не спит. Мысли Хэзер переместились к Энни, а слова Данте крутились в голове: *Возможно, прикидывается...*

Хэзер повела своим 38-м.

— Открой окно и держи руки так, чтобы я могла их видеть.

Лайонс сделал то, что она просила. Из грузовика повеяло теплым воздухом, пахнущим сигаретами, потом и Drakkar Noir^[48]. Он сжал пальцы на руле.

— Это не то, чем кажется, — сказал он, предлагая ей скромную улыбку. — Если ты позволишь мне...

— Держи руки на руле. — Хэзер перегнулась через окно и засунула руку под его серую толстовку. Пыльцы коснулись кожаной наплечной кобуры, нагретой телом.

— Вообще, я обычно парень третьего свидания, — пробормотал Лайонс.

— Но для тебя...

— Как мне повезло, — сказала Хэзер, расстегивая кобуру и вытаскивая оттуда пистолет, Смит-Вессон 40-го калибра.

Она выпрямилась и встретила зелено-морской взгляд Лайонса. Его улыбка испарилась от того, что он увидел в ее глазах.

— Кто отдал приказ на наблюдение? — спросила она, засовывая СВ за джинсы.

— Никто не отдавал.

— Это хорошо, потому что ты провалился. — Хэзер опустила свой 38-й.

— Твой пикап, вероятно, виден из космоса.

— Ауч, — поморщился Лайонс. — Если честно, я следил — ну, я следил, пока не задремал. Боже.

Предупреждающее покалывание произошло вдоль позвоночника Хэзер. Ее пальцы сильнее сжались на пистолете.

— Попробуешь объяснить? Следил за чем?

— Очевидно, твой отец не умеет хранить секреты. Он рассыпал зерна о том, что Прейжон исцелил тебя, — ответил Лайонс. — Сюда направляется группа для ареста.

Хэзер напряглась, взгляд сцепился со взглядом Лайонса.

— Откуда ты знаешь?

Темный внедорожник вывернул на дорогу, и Лайонс насторожился, изучая его движение, прищурившись, сжимая руль, пока не побелели костяшки пальцев. Когда внедорожник проехал мимо Хэзер, он сказал:

— Мы можем поговорить об этом внутри?

Хэзер кинула взгляд на теперь уже пустую улицу. Говорил ли Лайонс правду? У нее было ощущение, что он сказал только часть, но даже если так, информация могла понадобиться, и скоро. Вернув взгляд к Лайонсу, она увидела неподдельную усталость на его щетинистом лице. Дорога от Портленда до Сиэтла занимала четыре часа, меньше, если только вдавить педаль газа в пол и пронестись по I-5.

— Не проще ли по телефону? — спросила она.

Лайонс покачал головой.

— Это то, что ты должна услышать тет-а-тет.

— Окей, — сказала она. — Мы поговорим внутри.

Прижав ладони к стене в гостиной и держа ноги врозь, Алекс смотрел на ковер кремового цвета под ногами. Он чувствовал, что ударник с гривой красных кос — Джек — стоит рядом, и был чертовски уверен, что тот все еще целит в него пистолет.

— Держи все свои нахальные комментарии при себе, — сказала Хэзер

Уоллес, пока обыскивала его, скользя руками по ногам в джинсах.

— Черт, — проворчал Алекс. — Умеешь испортить настроение.

Руки Хэзер двигались уверенно и быстро с доскональностью эксперта. Она достала из карманов толстовки iPod, сигареты, ключи от машины, сотовый телефон, USB-флешку и зажигалку. Затем услышала звонкий и мягкий звук удара, когда бросила это все на диван.

— Хорошо. Повернись, — приказала она.

Алекс развернулся. Выставив одно бедро, Хэзер изучала его, ее милое личико было сосредоточенным. Даже в домашней одежде, в потертых джинсах- клеш и в плотно прилегающей кобальтово-синей водолазке, она выглядела сексуально. Водолазка демонстрировала ее сочную комплекцию. Яркие голубые глаза и насыщенно рыжие волосы, разбросанные по плечам, как драгоценная бархатная ткань.

Позади на диване сидели два других участника группы Прейжона и пристально наблюдали за Алексом с мрачными лицами. Справа стоял Джек с его пистолетом, слева в раскладном кресле лежал укрытый пледом вампир.

— Сними толстовку, — приказала Хэзер.

— Зачем? Ты уже обыскала меня, — сказал Алекс, нерешительно прикасаясь к молнии. — Я мерзляк.

— Ты сможешь забрать ее, не волнуйся.

Не имея большого выбора, Алекс вздохнул и кивнул. Потом расстегнул толстовку и, стянув ее, протянул Хэзер.

Нахмурившись, Хэзер уставилась на его грудь, на логотип «INFERNO», украшающий черную футболку. Она выпрямилась и подняла на него взгляд. Выражение лица было холодным, но злость горела в глазах и делала их почти черными.

— Ты был ночью на концерте.

Сексуально и сердито.

— Я знаю, ты думаешь, что я играю с тобой...

Мрачная улыбка коснулась губ Хэзер.

— Ты пытаешься сделать вид, что это не так? Ты проследовал за нами сюда из «Веспера», — сказала она. — Или я ошибаюсь?

— Нет, — признал Алекс. Справа от него Джек шагнул ближе. Алекс поднял руку ладонью наружу. — Я сказал тебе правду. Они идут за тобой.

— И когда ты хотел предупредить меня? — спросила Хэзер. — До или после того, как они заберут меня?

— Кто кого заберет?

Алекс посмотрел направо. Сестра Хэзер стояла в проеме двери, одетая только в фиолетовый топ и черные трусики-бикини, сине-фиолетово-черные волосы были взъерошены. Она бегло осмотрела его, в глазах светилось любопытство.

— Доброе утро, Энни, — сказала Хэзер. — Иди оденься.

— У меня нет одежды.

— Возьми мою.

— Отлично.

Но Энни не двинулась. Только прислонилась к стене, держа руки за спиной, выставив бедра, и наблюдала.

— Смотри вперед, Лайонс.

Алекс посмотрел на Хэзер. Огонь все еще горел в ее глазах. Она вернула ему толстовку.

— Итак, самое время. Выкладывай. Расскажи мне все.

Алекс надел толстовку, провел рукой по своим кудрям. И почувствовал, как Джек рядом с ним двинулся.

— Они узнали, что Прейжон...

— Батист, — пробормотала Хэзер. — Его фамилия Батист. И кто они?

— Теневое Отделение.

Хэзер подняла бровь и перекрестила руки под грудью. Алекс мог только предполагать, о чем она думала: «Не может быть». Или «Этот парень несет чушь».

— Теневое Отделение существует, и некоторые его проекты пересекаются с Бюро.

— Плохое Семя, — сказала Хэзер, скептицизм исчез с ее лица.

Алекс кивнул.

— Именно. Твой отец связался с членом ТО и рассказал ему, что Данте Батист спас твою жизнь без использования собственной крови. Так что ТО решило забрать тебя для тестов, чтобы определить, что он с тобой сделал. И как.

Хэзер посмотрела в сторону коридора.

— Энни, — сказала она мягко. — Иди возьми мою одежду.

С болью на лице сестра Хэзер ушла по темному коридору. Когда Алекс вернул внимание к Хэзер, она терла переносицу.

— Что они хотят сделать с Данте? — спросила она, роняя руку. — Его они тоже хотят забрать?

— Мне нужно поговорить с Данте, — сказал Алекс. — То, что я должен ему сказать, предназначено только ему.

Мрачная улыбка вернулась к губам Хэзер.

— Почему я не удивлена?

— Я на твоей стороне, Хэзер. На твоей и Данте.

— Что-то сомневаюсь. И ты ошибаешься, если думаешь, что мы позволим тебе говорить с Данте наедине.

Мы? Взгляд Алекса прошелся по комнате, от лица к лицу — белое, кофе-с-молоком, черное — каждое из них было наблюдательным, серьезным и твердым. Червячок сомнения пробрался в голову Алекса. Он сделал ошибку, позволив Хэзер обнаружить его?

— Сядь на диван, — сказала Хэзер, шагая в сторону. — Устраивайся комфортно. Тебе придется немного подождать. — Она посмотрела на Джека. — Следи за ним.

— Чертовски пристально, — ответил ударник.

Хэзер вышла из комнаты в кухню. Алекс услышал, как она осматривает ящики. Джек показал пистолетом на диван.

— Садись, ты.

Алекс сел на незанятый край и, как и посоветовала Хэзер, устроился настолько комфортно, насколько это было возможным. Она вернулась через несколько минут с мотком клейкой ленты и, опустившись на колени, аккуратно связала его запястья вместе.

Она долго и внимательно смотрела на него в тишине, прежде чем встать.

— Ты знаешь, сколько у нас есть времени?

Алекс встретил ее взгляд и знал, что полностью потеряет ее, если не даст чего-нибудь.

— Я убил ту команду, что должна была прийти, — признался он тихо. — Я выиграл тебе немного времени, но не знаю сколько. Возможно, день, возможно, два.

Хэзер втянула воздух.

— С чего бы тебе это делать?

— Ты мне нравишься, и я возненавидел мысль о том, что может с тобой случиться, если они достигнут цели. — Он посмотрел в сторону пустого коридора. — И потому что у тебя есть сестра, которая нуждается в тебе так же, как моя нуждается во мне.

— Что еще ты обо мне знаешь?

— Все.

— Только то, что в протоколе, — сказала Хэзер, затем встала и вышла, снова засунув 38-й за пояс джинсов.

Правда, но у Алекса было ощущение, что этого более, чем достаточно.

Глава 32

Откровения

Сиэтл, Вашингтон
24 марта

Хэзер упаковывала коробку на обеденном столе, когда ее внимание отвлек низкий глубокий вдох. Вон откинул плед и, зевая, потянулся. Она с удивлением заметила, что даже раздевшись перед Сном — оставшись в черных джинсах, носках и белой майке, — он все еще носил двойную наплечную кобуру. Она бы все поставила на то, что смертным он был разведчиком, проверяющим впереди дорогу для своего клана в поисках радушного приема или опасности.

Вон принялся и вскочил, оказавшись около дивана еще до того, как Хэзер поняла, что он встал с кресла. Обратив внимание на дремлющего Лайонса, Вон спросил:

— Кто эта Спящая Красавица?

— РСА Алекс Лайонс, — ответила она. — Я поймала его, когда он шпионил за домом.

— И снова паранойя оправдана. Так каков план?

— Хороший вопрос, — сказала Хэзер, закрывая коробку. — Он знает о Плохом Семени и о том, кто за ними стоит. Я не уверена, что в курсе, на кого он работает. Он клянется, что никто его не посылал, но это не обнадеживает, понимаешь?

— Понимаю, куколка. — Вон помолчал, а затем добавил: — Плохое Семя, да?

Тихая угроза в его голосе заставила Хэзер поднять голову. Бродяга наклонился над Лайонсом, его руки сжались в кулаки, челюсть напряглась.

— Он один из тех ублюдков, которые экспериментировали с Данте?

— Не думаю, — ответила Хэзер. Вытерев потные ладони о джинсы, она обошла стол и вошла в гостиную. Затем остановилась рядом с Воном. — Но у него есть информация.

Взгляд бродяги сфокусировался на глотке Лайонса.

— Инфа, да? То, что нам нужно, без сомнения, черт возьми.

— Вне всяких сомнений, — согласилась Хэзер. — Он сказал, что ему нужно поговорить с Данте наедине.

Вон фыркнул:

— Этого не случится, — и выпрямился, расправив плечи. Выдохнул. Его руки расслабились.

— Шпион также сказал, что какая-то команда идет за Хэзер, — Джек вклинился в разговор. — Но он сказал, что перехватил их и убил.

Хэзер глянула через плечо. Барабанщик вышел из кухни, вытаскивая браунинг из заднего кармана джинсов, и отдал оружие Вону. Бродяга вложил браунинг в кобуру и посмотрел на Хэзер, приподняв бровь.

— Уже второй раз, дорогая. И я не потерплю третьего.

Невинно насвистывая, Джек развернулся и пошел на кухню, где Илай и Энтони делали сэндвичи за стойкой к вечернему полету домой.

— Второй раз что? — спросила Хэзер.

— Второй раз, когда ты забыла упомянуть, что у тебя тоже проблемы.

Хэзер уставилась на него. Вся игривость исчезла из зеленых глаз Вона.

— Я... это было не преднамеренно... я беспокоилась о Данте, и я... — ее слова стихли.

Ей никогда не приходило в голову рассказать Вону о проблеме, с которой она столкнулась. Никогда не приходило в голову, что у них больше общего, чем один Данте. Но, судя по не-терплю-чуши выражению лица бродяги, у них было много общего. Она почувствовала, как улыбка подняла уголки ее губ.

— Мне очень жаль, — сказала она с чувством. — Больше этого не повторится.

Вон кивнул, а затем перевел взгляд обратно к мужчине на диване.

— Так он утверждает, что устроил разгром плохим парням? Что думаешь, куколка? Говорит правду?

— Да. — Хэзер вспомнила прямой взгляд Лайонса. — Этому я верю.

Вон оглядел комнату.

— Выглядит, как будто ты собираешь вещи.

— Да. Но только незаменимое. Все остальное: мебель, посуду, телевизор, — я оставлю. — История Лайонса, правдивая или нет, убедила ее в том, что кипело в мыслях с тех пор, как она встретила Родригеза, Ратгерс и отца.

Время убегало. Исчезало.

И благодаря отцу песочные часы только что опустели.

Образ Джеймса Уильяма Уоллеса, стоящего под жужжащими флуоресцентными лампами подземной парковки, крутился в памяти. *Я хочу, чтобы мы снова стали семьей.*

Хэзер стиснула челюсти. *Мы никогда не были семьей.* Ее отец врал, но это было ожидаемо. Осознание того, что он использовал ту же самую ложь, чтобы выманить информацию у Энни, стянуло желудок Хэзер в узел. Она никогда не простит его за то, что он использовал сестру.

Хэзер пыталась поговорить с сестрой о том, что услышала от Лайонса, но Энни, наконец-то одевшись, отказалась даже смотреть ей в глаза и ушла в свою комнату.

— Мы можем позже поговорить о том, куда ты планируешь уехать, — сказал Вон.

Хэзер посмотрела на него. Он кивнул на Лайонса. Тату в виде полумесяца под глазом бродяги блестело, как залитый лунным светом иней, во мраке занавешенной комнаты.

— Что ты и кто ты на самом деле? — спросила она.

— Что за вопрос, женщина?

— В сообществе созданий ночи, я имею в виду. Llygad.

Вон пригладил усы большим и указательным пальцами, его лицо стало задумчивым.

— Окей. — Он вернулся к креслу, сел и надел сапоги. Потянувшись назад, снял эластичную резинку с хвоста и распустил волосы. Они рассыпались по плечам, насыщенные и блестящие, коричневого цвета.

Когда Хэзер решила, что «Окей» и есть весь ответ, он сказал:

— Мы хранители истории созданий ночи, беспристрастные Глаза истины.

Хэзер обдумывала это в течение некоторого времени. Мысленно вернулась к тому моменту, когда он неподвижно стоял за Данте во время встречи с Ронином в клубе «Преисподняя».

— То есть, как свидетели?

— Почти. — Вон натянул резинку для волос на запястье, чтобы не потерять. — В другом веке, как мне говорили, нас называли filidh, воины-барды. Мы защищали и обучали, мы формировали историю и правду в лирические истории, но, черт возьми, это неполное название.

— Значит, Llygaid могут быть только создания ночи или еще и смертные? Падшие?

— Llygaid, куколка. Множественное число это Llygaid. И распространяется только на созданий ночи. — Взгляд Вона переметнулся к дивану. — Кое-кто проснулся и притворяется спящим.

В ответ на слова Вона Лайонс приоткрыл один глаз, потом второй. Он стремглав вскочил и потер лицо.

— Меня сдала перемена ритма дыхания? Что-то другое в моем запахе? — Улыбка изогнула его губы, она была теплой, дружелюбной и открытой.

Возможно, для него это работает наподобие магии, размышляла Хэзер. Ставка на то, что улыбка действует на преступников и коллег-агентов как нечто, усыпляющее их бдительность.

— Не скажу, — холодный и резкий голос Вона был как лед. Он встал.

— Я провела небольшое исследование, пока ты дремал, — сказала Хэзер, — и нашла твой домашний адрес в Дамаске, узнала название собственности, которая принадлежит Глории Лайонс. — Улыбка Лайонса угасла. — Твоей матери.

Лайонс кивнул, его глаза цвета морской волны сфокусировались на ее лице.

— Но я не смогла ничего найти о твоём отце, — продолжила Хэзер, перенеся свой вес на одну ногу. — Что любопытно. Но то, что по-настоящему очаровало меня, так это имя твоей сестры-близнеца, Афина Уэллс. Хочешь объяснить?

— Все сложно, — сказал Лайонс.

— Что сложно? — спросил Данте из-за спины Хэзер, его голос был низким и хриплым.

У Алекса пересохло во рту. Рука бродяги сомкнулась на его плече.

Данте Батист стоял в арке, ведущей в коридор, в ошейнике, без футболки и босой, его белые пальцы застегивали ремень, глаза блестели в темных сумерках комнаты. Он откинул гладкие черные волосы с бледного лица. Рыжий кот проскользнул между его ног, Данте опустился на одно колено и погладил его спину.

Сердце Алекса билось о ребра, пока он силился противостоять заклинанию красоты-похоти-заманивающей-в-паутину Истинной крови.

Когда Хэзер повернулась лицом к Данте, тот посмотрел на нее с легкой интимной улыбкой и освободил Алекса от чар.

Увидев взгляды, которыми Данте и Хэзер обменялись, у Алекса не осталось сомнений в том, что они любовники. Он постарался сфокусироваться на этом, постарался придумать, как использовать это против Данте. Ранить. Ранить глубоко. Алекс сделал длинный неспешный вдох, затем еще один, стараясь понизить скорость пульса.

Пробуди его. Сломай. Контролируй. Используй.

— Еще один прилипчивый фанат «Inferno»? — спросил Данте, кивая на Алекса.

Хэзер моргнула.

— Еще один?.. — Рыжий кот потерся головой о ее ногу, а затем побрел на кухню.

— История другой ночи, — пробормотал Данте. — Итак, кто ты?

Алекс посмотрел в темные глаза Данте и улыбнулся.

— Александр Лайонс, — представился он. — Но, пожалуйста, зови меня Алекс.

— Он агент, который сопровождал меня на место убийства матери, — сказала Хэзер.

Данте встал и последовал за ней грациозными шагами. Его взгляд некоторое время был обращен внутрь, а потом сфокусировался на Алексе.

— Вон говорит, что Хэзер поймала тебя, когда ты шпионил за домом. Говорит, что ты знаешь что-то о Плохом Семени.

Прекрасная вещь — телепатия. Думаю, что придержу свой секрет на некоторое время.

— Правда, — сказал Алекс, положив связанные руки на колени. — У меня есть информация для тебя, но я бы хотел поговорить с тобой наедине.

— Нет. Все, что ты хочешь сказать, ты можешь сказать перед Хэзер и Воном.

— Окей. Как я говорил, все сложно, — сказал Алекс. — Это касается моего отца.

— Кто твой отец? — с подозрением на лице спросил Данте.

Понимание зажглось в глазах Хэзер, за ним быстро последовала тревога. Она схватила Данте за руку и встала перед ним, словно могла защитить от слов. Словно могла защитить от правды — правды, в которой он нуждался.

— Доктор Роберт Уэллс, — сказал Алекс.

Лицо Данте помрачнело, а потом в глазах мелькнула боль.

— Скажи мне имя снова. Скажи его медленно.

— Роберт.

— Нет, — прервала его Хэзер. — Заткнись, Лайонс. — Она повернулась лицом к Данте ее рука все еще была на его предплечье, голос был настойчив.

— Смотри на меня, Батист.

Алекса беспокоило то, что она стала звать его Лайонс, а не Алекс. Черт, он думал, что предпочел бы обращение «сэр» холодному и отстраненному обращению по фамилии.

И все же Батист она произнесла тепло, интимно и особенно.

Данте перевел взгляд на нее.

— Так же, как и раньше, да? Имя, которое я не могу запомнить.

Не может запомнить? Яркое холодное понимание прожгло дыры в предположениях Алекса, как сухой лед. Его отец добавил личную защиту в программу Данте, чтобы предотвратить использование Истинной крови против него.

Хэзер кивнула.

— Точно так же. — Она сжала руку Данте, а потом ее пальцы соскользнули. Она повернулась к Алексу, ее лицо было холодным. — Не говори это имя снова.

Алекс кивнул.

— Я не знал, — сказал он.

— Что все это значит? — спросил его Данте.

— У меня есть кое-что, что тебе нужно.

— Как будто я не слышал этого раньше, — фыркнул Данте. — И что же мне нужно?

Алекс взглянул на iPod, покоившийся на подушке на другом конце дивана. Не подходящее время для того, чтобы пробудить молодую Истинную кровь, слишком много людей вокруг, слишком много шансов на вмешательство. Он предпочел бы более интимную встречу, чтобы проверить работу отца, только он, Данте и Хэзер.

Взглянув на бродягу, Алекс сказал:

— Не мог бы ты дать ему флешку из моих вещей?

Бродяга — Вон? — посмотрел на Данте, и тот кивнул. Вон взял маленькую пластиковую флешку и бросил ему. Данте поймал ее и повертел в руках.

— Что на ней?

— Твое прошлое, — ответил Алекс. — Твоя мать. Твое рождение. Все задокументированные события с Плохим Семенем, включая твои встречи с моим отцом и доктором Мур. Все на ней.

Хэзер резко вдохнула. Данте уставился на флэшку. Его тело напряглось, мышцы перекатывались под белой кожей, словно он ожидал удара или готовился ударить, может быть, и то, и другое. Эмоции пробежали по лицу слишком быстро для того, чтобы Алекс мог их распознать.

Но кое-что он смог распознать, кое-что притягательное: боль застыла на проклятом и прекрасном лице. Данте было больно. Алекс приободрился, но не мог не задаваться вопросом — почему ему больно? Он ведь не должен чувствовать или помнить что-либо.

— Батист, — голос Хэзер был ясным и сильным. — Данте, я здесь.

Данте судорожно вдохнул, оторвал взгляд от флэшки и посмотрел вверх. Рука Хэзер сомкнулась на его руке, ее пальцы переплелись с его, они вместе держали флэшку в ладонях.

— J'su ici, — сказал он.

— Хочешь увидеть, что там?

— Oui. Я хочу, да. Но не сейчас.

— Я видела, что там, и ты не должен смотреть это в одиночку, — сказала Хэзер. — Я буду с тобой, если хочешь.

Данте сжал флэшку в ее руке.

— Я хочу. Ты придержишь это для меня, chérie. Когда время придет, мы просмотрим вместе.

— Вместе. — Хэзер потянулась и поцеловала его в губы.

На мгновение Алекс почувствовал укол сожаления. Ему захотелось оградить Хэзер от того, что надвигалось. Захотелось, чтобы она была достаточно сильна, чтобы в первую очередь противостоять Данте.

— Итак, какова цена, Лайонс? — Хэзер опустила флэшку в свой передний карман.

— Бесплатно, — ответил Алекс. — Я просто надеюсь, что однажды ты согласишься это, Данте, и заставишь моего отца ответить за все.

— Да? Почему тебя это беспокоит?

— Моя сестра больна из-за того, что он сделал с нами до того, как мы родились. Но я видел, на что ты способен, — сказал Алекс, наклоняясь к дивану. Пальцы бродяги сжались. Молниеносная горячая боль прошла от предплечья до мизинца Алекса. Он замер, и напряжение ослабло. — Я знаю, что ты можешь помочь ей.

— Слишком много для «бесплатно», — пробормотала Хэзер.

Данте заглянул Алексу в глаза, заглянул глубоко, и Алекс правдиво укрыл свой разум мыслями об Афине, ее несмолкающих голосах и ее смотрящем внутрь взгляде цвета Эгейского моря.

— Я ее теряю, а она все, что у меня есть.

— Почему ты думаешь, что я могу помочь твоей сестре?

— Я видел запись того, что ты сделал с Мур в Центре. Я также знаю, что ты спас жизнь Хэзер. — Алекс кивнул на Хэзер. — Они охотятся на нее из-за этого. И они порежут ее на кусочки, чтобы выяснить, как ты это сделал.

Данте резко вдохнул, посмотрел на Хэзер.

— Это правда?

— Он так говорит, да, — сказала Хэзер и пронзила Лайонса недобрым взглядом. — И

он утверждает, что убил команду, назначенную забрать меня. — Снова повернувшись к Данте, она добавила: — Мы поговорим об этом позже, ладно?

Данте долго смотрел на нее и молчал. Затем кивнул. Наклонившись, он убрал волосы с ее уха и что-то прошептал. Беспокойство промелькнуло на ее лице. Она поднесла губы к уху Данте и прошептала ответ. Затем достала USB- флэшку из кармана и сунула обратно в руку Данте.

Не в первый раз Алекс захотел обладать острым слухом вампира.

— Я купил Хэзер немного времени, — сказал он. — Еще пару дней, чтобы уйти в подполье.

— Я ценю это, — ответил Данте, обратив внимание на Алекса. — И мне жаль твою сестру, правда. Но — ты и я? — мы закончили. — Он бросил флэшку обратно. — Если хочешь помочь своей сестре, увези ее настолько далеко от отца, насколько сможешь.

Алекс рефлекторно поймал флэшку.

— Это был подарок.

— Нет, не был. Не хочу, чтобы мной манипулировали или шантажировали, или заставили винить себя.

— Я принесу тебе своего отца на серебряном блюде. Все, что тебе нужно сделать, это исцелить мою сестру.

Угрюмая улыбка тронула губы Данте.

— Я приду за твоим стариком, можешь быть уверен. Но когда я решу и на моих условиях.

Рука бродяги соскользнула с плеча Алекса.

— Время уходить, — сказал он, разрезая ногтем клейкую ленту, связывающую запястья.

Неохотно Алекс встал, бросил флэшку обратно на диван и собрал вещи, запихнув их в карманы толстовки. Он взглянул на Хэзер.

— Можно мне назад мой пистолет?

— Конечно. — Хэзер подошла к столу в столовой и взяла смит-вессон. Она сняла магазин, затем достала заряженные патроны. Подойдя обратно к дивану, протянула пустой пистолет Алексу.

— Ты знаешь, где выход, — сказала она.

С кривой усмешкой Алекс взял у нее оружие, затем заткнул его за пояс джинсов и натянул сверху толстовку. Время, чтобы ухватить шанс и посеять несколько семян.

Он остановился рядом с Данте.

— Женестьева умоляла дать ей поддержать тебя после того, как ты родился. Ей отказали. Каждую минуту, что ты позволяешь моему отцу дышать, ты отрицаешь справедливость.

Данте переместился. Его рука обвилась вокруг бицепса Алекса, и в тот же миг Алекс полетел, когда вампир пронес его через всю комнату наружу. Звуки смазались: резкий вздох, Хэзер; хруст гипсокартона, дверная ручка, ударившаяся о стену. Данте швырнул его к джипу, припаркованному на обочине. Удар был сильным, боль прошла от правого плеча к ребрам. Он старался поймать дыхание. Ярость залила прекрасное лицо Данте, его глаза вспыхнули красным.

— Какую часть в «когда я решу» ты, черт возьми, не понял?

Истинная кровь усталился на его горло, и в один момент холодного-пота-и-стучащего-сердца Алекс был уверен не только в том, что грубо просчитался с реакцией Данте, но и в том, что Данте собирается разорвать его, разодрать и выпить, как деликатес.

Но вместо этого руки Данте сжались в кулаки, и он перевел взгляд обратно на лицо Алекса.

— Держись подальше от меня. От Хэзер, черт возьми. — Его бледная кожа, казалось, была пропитана лунным светом, текущим по венам.

— Из того, что я видел, — сказал Алекс, вставая рядом с машиной и потирая ноющее плечо, — это ты тот, кто должен держаться подальше от Хэзер. Как долго, ты думаешь, она будет с тобой на одной стороне? Они охотятся за ней из-за тебя.

— Пошел ты. Это не твоя забота. — Но неуверенность мелькнула на лице Данте, и его взгляд обратился внутрь, как будто он прислушивался к кому-то.

— Ш-ш-ш, — прошептал он, успокаивая этим кого-то, и коснулся пальцами виска.

Холодок пронесся сквозь Алекса. Насколько стабилен разум Данте? Насколько безопасным было программирование его отца? Возбуждение и адреналин отогнали холод и прибавили сил. Истинная кровь выглядел готовым к подчинению.

Все, что нужно было Алексу, — правильный момент.

Из-за плеча Данте Алекс увидел Хэзер, стоявшую на крыльце, она выглядела обеспокоенной. Бродяга опустил руку на ее плечо, но наблюдал за Данте.

— Я могу помочь тебе вспомнить моего отца. Проведу тебя мимо его защиты и программирования. Я могу отдать его прямо тебе в руки.

— Пошел ты. Я не играю. *Va jouer dans ta cour a toi.* — Данте отошел на несколько шагов назад, потом развернулся и побежал.

Хэзер и вампир-бродяга вернулись обратно в дом вместе с Данте, и дверь закрылась с твердым глухим стуком. Свет пролился во двор из окон гостиной, когда кто-то включил свет.

Алекс пробежал вниз по кварталу к своему грузовику и забрался внутрь. Повернул ключ зажигания. Двигатель включился с глубоким мощным ревом. Он должен был признать, что Данте поймал его в ловушку, когда отдал ему флэшку; он не ожидал, что упрямая злость вампира перевесит его любопытство, голод правды.

Алекс побарабанил пальцами по рулю. Взаимосвязь между Данте и Хэзер была интригующей. Казалось, что ее присутствие помогало Данте закрепиться в здесь и сейчас. Но, судя по выражению ее лица, его жестокость беспокоила ее.

Алекс включил дворники. Пока лопасти скользили по ветровому стеклу, вытирая последние оставшиеся капли от ливня, который прошел раньше, он заметил движение в одном из темных окон спальни.

Что-то упало из окна в кусты. Затем фигура человека выбралась наружу и спрыгнула на землю. Тонкая тень огляделась, потом достала сумку из кустов и перекинула ее через плечо. Тень трусцой побежала по улице, затем повернула налево.

Выключив дворники, Алекс зажег фары, включил передачу и поехал вниз по улице, преследуя тень. Он был почти уверен, что тень была женской, благодаря изгибам и покачивающимся бедрам.

И вот он, тот самый нужный момент.

Аминь, брат, аминь.

Ремень спортивной сумки обвивал ее плечо, Энни неохотно брела вдоль тротуара, голосуя. Автомобильные фары и мерцающие неоновые вывески модных бистро, магазинов и

заправок ослепляли, усиливая боль, пульсирующую над правым глазом. Начиналась мигрень. Просто, черт возьми, прекрасно.

Она пошарила в кармане своей толстовки на случай, если там остались таблетки Окси с прошлой ночи. Даже сигаретки не было. Она почувствовала, что ее мысли напряглись сильнее. Ей нужно было что-то, что оттолкнет боль и прочистит разум. Нужно было что-то, что сметет все темное дерьмо, шумевшее в мозгу.

Твой отец связался с членом ТО... Так что ТО решило забрать тебя для тестов, чтобы определить, что он с тобой сделал. И как.

Хэзер, должно быть, поняла, что Энни разболтала ее секрет отцу. Хэзер, возможно, ненавидела ее теперь. *Наконец-то, верно? Последние оковы пали.* Больше не было причин оставаться. Все, чем она когда-либо была, — бледной тенью, отбрасываемой Хэзер.

Но не для Сильвера. Он умел весело провести время в кровати и вне ее и, в отличие от смертных парней, мог продолжать это вечно. Хотя ему двадцать шесть, он был обращен в пятнадцать, поэтому, зависая с ним, она чувствовала себя немного извращенкой, но в восхитительной манере. А еще Сильвер заставлял ее чувствовать себя легче, чем воздух, легче, чем поднимающийся вверх листочек, падающий в небо.

Сильвер обвивает пальцами ее руку. Он обнимает ее за талию, а затем перемещается. У Энни захватывает дух, когда они мелькают сквозь толпу на тротуаре, и все проносится мимо тонкими дорожками цвета, света и звука.

Энни летит.

Ей кажется, что Сильвер поддерживают ее, как пьяную, помогая сохранять равновесие, пока она летит по воздуху над землей. Ее ладонь в его, его рука вокруг ее талии, черт, ее ноги, возможно, лишь на дюйм выше тротуара, если что. Но она летит, скользит, находится в его руках.

И она никогда не захочет останавливаться.

Когда она сказала Сильверу, что хочет быть созданием ночи, и попросила обратить ее, он отказался. Сказал, что сильно старался вернуть доверие Данте, после того как крупно облажался, и ее обращение — не лучшая в мире идея.

Задумчивое лицо Сильвера и напряженные мышцы много сообщили Энни, как и его задумчивый голос, — он любил Данте, тосковал по нему. Она знала, что не могла надеяться изменить его мнение. По крайней мере, не за время, оставшееся до отъезда группы в аэропорт.

Энни решила, что хочет исчезнуть, если не может летать или превратиться. И выпить до состояния разве-мы-только-что-трахались. Все, что ей было нужно, это одно пиво или двенадцать.

И мужик, Хэзер будет взбешена, когда обнаружит, что Энни украла несколько сувениров из дорожной сумки Данте, когда убегала.

Энни рассмеялась. Смех был таким же хрупким, какой она себя чувствовала. Если бы она споткнулась и ударилась головой о тротуар, разбилась бы? Как старый добрый Шалтай-Болтай? Она глубоко вдохнула и тут же пожалела об этом, потому что пряный запах карри и сосисок заставил ее желудок сжаться от мигрени-тошноты.

Шины шуршали по мокрому асфальту, когда машины проезжали мимо нее, огни раскрывались сине-белыми светящимися баннерами по всей блестящей улице. Пара ярких фар, словно два солнца, ослепила Энни. Она подняла руку, чтобы защитить глаза. Автомобиль, большой урчащий пикап, остановился на обочине. Она подошла к

пассажирской двери, как только та открылась.

Симпатичный кудрявый блондин, которого Хэзер расспрашивала в доме, облокотился на сиденье, на его губах была улыбка.

— Тебя подвезти, Энни? — спросил он.

Потому что тоненький голосок внутри нее кричал: «Нет», — Энни забралась в пикап с бешеным пульсом и закрыла дверь.

Глава 33

Ночь опускается

Сиэтл, Вашингтон
24 марта

Нет-нет-нет! Я пошла повеселиться! Оставь чертово сообщение! Или не оставляй!

Хэзер не стала оставлять сообщение. Она завершила звонок, затем в отчаянии швырнула телефон на кровать.

— Черт! — Она не могла не думать, что Энни убежала из-за того, что услышала от Лайонса.

Она не знает, что я виню отца, а не ее.

Но даже не это было хуже всего. По пути к окну Энни общарила сумку Данте, сперла его iPod, несколько рубашек, бутылку абсента и его песенный журнал.

— Она может забрать себе весь гребаный хлам. Единственная вещь, что меня заботит, — это журнал, — сказал Данте мягко, потом пожал плечами — ничего страшного.

Но Хэзер слышала боль в его голосе; журнал был особенным.

У нее возникло ощущение, что Энни нутром чуяла, утрата каких предметов ранит Данте больше всего. Наверно, потому что она тоже музыкант. Хэзер не была полностью уверена, почему Энни хотела причинить боль Данте. Возможно, просто чтобы убедиться, что может это сделать, или потому что он ей понравился. И, возможно, она даже хотела причинить боль не Данте, а Хэзер.

А возможно, что все это вместе.

Хэзер могла разоблачить личность убийцы, разгадать его мотивы и, иногда, предсказать следующие действия, но не могла понять собственную младшую сестру, как бы ни старалась.

Она плюхнулась на кровать и потерла лицо, чувствуя себя измученной и уставшей. Энни могла быть где угодно, с кем угодно, делать что угодно. А время бежало очень быстро. Для нее, для Данте, даже для Энни. Хэзер отказывалась оставить сестру, чтобы ее использовал отец или власти.

ТО существует. Дрожь прошла по спине.

А доктор Роберт Уэллс...

Хотя Данте ничего не сказал, она знала, что слова Лайонса — *Каждую минуту, что ты позволяешь моему отцу дышать, ты отрицаешь справедливость* — глубоко резали. Данте хотел разыскать Уэллса, и она не осуждала его. Но, скорее всего, это будет невозможно. Как он столкнется лицом к лицу с Уэллсом, если даже не может удержать в голове его имя?

Данте вошел в спальню, его волосы были влажными после душа, голубое полотенце завязано на бедрах.

— Все так же ничего? — спросил он.

Хэзер вздохнула и покачала головой.

— Наверно, она едет в Портленд. У нее там квартира, и наш отец тоже в Портленде. Возможно, она хочет встретиться с ним.

— Да, возможно. — Данте снял полотенце и повесил его на дверную ручку.

— Я бы встретился. И держу пари, ты тоже.

— Тем не менее, это только возможность.

Пульс Хэзер ускорился, пока она наблюдала, как Данте одевается, как мышцы перекачиваются под его бледной кожей. Ей хотелось, чтобы он побыл голым немного дольше, чтобы у них было время поиграть.

Данте натянул черные кожаные брюки и сумеречно-фиолетовую майку из ПВХ с перекрещенными черными латексно-металлическими ремнями. Он сел на кровать рядом с ней, и она уловила слабый запах своего шампуня с ароматом жимолости под его запахом осени.

— Мы найдем ее, — пообещал он и приобнял ее за плечи.

Хэзер закрыла глаза и прислонилась к нему.

— Ты должен лететь домой с ребятами, — сказала она. — Тебе здесь опасно.

— Не говори мне, что я должен делать, *chérie*. Я не оставлю тебя одну.

— Лайонс мог нагло соврать.

— Лживый Лайонс. Возможно и такое, да. Но не обо всем. Думаю, насчет тебя он сказал правду. Я не оставлю тебя одну.

— Упрямый осел.

— А ты нет? — Данте провел тыльной стороной ладони по ее щеке. — Куда собираешься податься?

Хэзер открыла глаза.

— Не знаю, если честно. Просто куда-нибудь из Сиэтла. Мой брат в Нью-Йорке, но я ненавижу мысль о том, что могу принести проблемы или что похуже к нему на порог.

— Как насчет того, чтобы ты, Энни и Исчадие перебрались в Новый Орлеан? Останетесь со мной, пока не минует опасность, — сказал Данте. — Я — причина того, что ты в этом дерьме. Позволь мне помочь, Хэзер.

— Ни в чем нет твоей вины. — Хэзер выдержала его темный взгляд, изучила красивое лицо. Она могла сказать, что он думал иначе. — Я влипла во все, делая свою работу. И я не сожалею об этом. Мы в этом дерьме вместе.

— Так давай тогда и бороться будем вместе, *catin*.

Вместе, прикрывая друг другу спины. Это казалось правильным, так же как за кулисами «Весперса», когда она защищала его, пока он Спал. Интуитивный ритм пульсировал между ними, электрический, стихийный, кроваво-ночной. Она коснулась места, где пуля вошла в ее грудь. Он даже не представлял, каким особенным был.

— Я посоветуюсь с Исчадием. Если он против этой идеи... — она пожала плечами.

Улыбка появилась в уголке рта Данте. Дьявольская улыбка. И сексуальная, чтоб его.

— Я обещал ему свое место в самолете.

— Ты это можешь?

— Обещать?

— Нет, другое.

— Ага. Первый класс, и Исчадие-типоу может устроиться в своей клетке на оплаченном мной кресле.

— Хорошая идея, — согласилась Хэзер. — Меньше стресса для Исчадия.

— Oui.

— Мы можем отвезти ребят в аэропорт, затем вернуться, загрузить коробки, что я упаковала, и направиться в Портленд, — сказала Хэзер, обдумав варианты. — Мы найдем Энни, поедem в Новый Орлеан, будем оставаться в мотеле в течение всего дня. — Она провела пальцем по подбородку Данте, коснулась его губ. Он поцеловал кончики ее

пальцев. — Это может сработать.

— Je pense bien, особенно, если ты произнесла это вслух, — сказал Данте. — Вон поведал мне, что то, что говорится от сердца, имеет силу. То, что говорится, или то, чего очень хочется, принимает форму в сердце и становится реальностью.

— Мне нравится, — мягко ответила Хэзер и опустила руку на колени. — Мне это очень нравится и мне нравится думать, что это правда.

— Мне тоже.

— Тогда я скажу это вслух. Я взяла флешку, что оставил Лайонс, — сказала она. — Когда ты будешь готов, мы посмотрим ее вместе. Возможно, просмотр твоего прошлого поможет тебе восстановить воспоминания.

На самом деле она хотела, чтобы ему не нужно было смотреть на все это мерзкое дерьмо, через которое провели его Уэллс и Мур.

— Bon, chérie. Я хочу знать.

— О том, что произошло?

— Что я делал. Кем я стал. Кто я.

Хэзер втянула воздух.

— Данте, нет...

— Внутри все рушится. Я чувствую это, я борюсь с этим, но...

— Но ничего. Я доверяю тебе.

— Не надо.

Эта единственная фраза, выданная хриплым голосом, выбила воздух из ее легких, словно на голову вылили ведро ледяной воды. Она внезапно увидела его лежащим на сцене «Весперса», в руках Вона. Услышала, как он спрашивал: «*Я никого не поранил, нет?*»

— Я видела, как ты разрушаешь женщину, да, но кроме этого ты сохранил мою жизнь и восстановил лапу Исчадия, — сказала Хэзер, сжала его руку и переплела их пальцы. — Ты жертвовал собой, ни секунды не думая, ради тех, кого любишь. Твое сердце завоевало меня, Данте Батист, а не твой внешний вид. Тебе нужно исцелиться, и возможно, ты никогда не будешь исцелен до конца, но ты не будешь делать это в одиночку.

— T'es sûr de sa? — Его темные глаза искали ее взгляд.

— Да, я уверена. На данный момент. Так что заткнись, Батист. — Хэзер провела по его волосам, заложила влажный локон за ухо с серебряными кольцами. — Пора идти.

Данте поцеловал ее в губы жарким долгим поцелуем, от которого затрепетало все тело, когда она почувствовала вкус Амаретто. После он поднял их соединенные руки, поцеловал ее пальчики, затем отпустил ее. Наклонившись, он натянул носки и сапоги. Встал и предложил ей руку. Руку, которую она была счастлива принять.

Новое будущее принимало форму в ее сердце.

Паника вспыхнула в Шеридане, когда он увидел такси, остановившееся на обочине перед домом Уоллес. Трое мужчин, Прейжона среди них не было, вышли из дома, загрузили свои сумки в багажник, затем залезли в автомобиль.

Пот выступил на лбу Шеридана, рубашка прилипла к спине. Он что, упустил свой момент? Если Прейжон уедет и вернется в Новый Орлеан, тогда ему тоже придется туда полететь и охотиться на вампира на его территории. Такая перспектива не радовала. И все

еще никаких признаков Кортини. Вероятно, она ждет, чтобы поймать Уоллес в одиночку.

Может быть, она наблюдает прямо сейчас.

Сердце Шеридана билось в три раза быстрее, он не мог успокоить дыхание. Слишком много он выпил энергетиков, слишком долго находился во внедорожнике, дыша своим же запахом и жуя пластинку за пластинкой из бесконечной пачки мятных жвачек.

Он смотрел на монитор, экран вздрагивал с каждым тяжелым ударом его сердца. Уоллес и мужчина с дредами вынесли из дома контейнер для животных. Она открыла багажник своего Trans Am. Прейжон и тот, кто выглядел сексуально возбужденным подростком, понесли чемоданы к открытому багажнику.

Прейжон уезжал.

— Черт, — выдохнул Шеридан.

А потом подросток крикнул:

— А твоя сумка?

Прейжон покачал головой.

— Оставь. Мы вернемся, чтобы загрузить вещи Хэзер. Тогда я ее и возьму.

Подросток кивнул, затем забрался на заднее сиденье машины.

Мы вернемся...

Шеридан выдохнул. Вытер пот со лба рукавом рубашки. Он очень надеялся, что Прейжон говорил только о себе и Уоллес. Шеридан почувствовал, что сможет оправдаться перед Ратгерс за Уоллес, как за сопутствующую потерю. Просто нужно быть чертовски уверенным, застать Прейжона врасплох и убить с первого же выстрела. Если нет, он не доживет до того момента, когда сможет выстрелить второй раз.

Алекс вытащил черно-белую записную книжку из сумки Энни и пролистал ее. Изучая стихотворения, написанные почерком с наклоном левши на белых страницах, красивые и сырые фразы, он признавал, что Данте был поэтом, темным поэтом. Он пролистывал страницы, полные музыкальных композиций — музыкальные темы и аккорды, заметки на полях и каракули: *ударные начинают здесь; зациклить басы; припев фальцетом...*

Закрыв книжку, Алекс засунул ее обратно в сумку и продолжил рыться в одежде, пахнущей лавандой, в поисках других вещей, дерзко украденных Энни. Пальцы скользнули по гладкой бутылке и сжались вокруг. Он вытащил ее.

Слова Афины шептали в памяти Алекса: *Зеленые воды воспоминаний. Ему нужны зеленые воды.*

Возбуждение закрутилось в нем при виде запечатанной зеленой бутылки. И хотя Алекс не знал, какую роль сыграет абсент в грядущем погружении в прошлое, видения Афины были верными всегда.

Алекс засунул абсент обратно в ворох вещей первой необходимости и застегнул сумку. Он положил ее на пол возле ног Энни.

Она была разговорчива, когда забралась в машину, перескакивала с темы на тему, словно игрушка-пружина, которая перекидывается со ступеньки на ступеньку, и переключалась на полуслове. В одно ужасное мгновение он даже ожидал, что она начнет шептать, в попытке угнаться за своими бегущими мыслями.

Мгновение прошло, пульс Алекса замедлился. Не Афина, но Энни. Резкая боль сожаления пронзила его. Разум Энни был почти так же разрушен, как у его сестры.

Энни продолжала стучать кулаком по лбу, и Алекс наконец понял, что она испытывает боль, понял, что, возможно, ей нужен шприц.

Пришлось долго искать слабо освещенную улицу, чтобы вывести туда грузовик.

Игла вонзается в ее шею, он говорит:

— Ничего личного. Все, что я хочу, — это Данте.

Энни смеется:

— Встань в очередь, ублюдок.

Алекс нажимает на поршень.

Он обвил пластиковыми наручниками запястья и лодыжки Энни. Убрал фиолетовую прядь волос с ее губ, заклеил рот большим куском клейкой ленты. Алекс сфотографировал ее на ее же телефон. Засунув телефон в карман толстовки, он вышел из Dodge Ram, отстегнул от кузова черный брезент и отогнул его.

Перебросив Энни через плечо, Алекс вернулся к кузову и уложил ее как можно аккуратнее. Ее голова ударилась о волнистый металл, разноцветные волосы разметались по лицу, но она не шевельнулась. И не шевельнется в течение нескольких часов.

Алекс вернул брезент на место, пристегнул его. Он прислонился к грузовику, вытащил Winston и некоторое время курил в тишине. Он надеялся, что был прав насчет чувств Данте к Хэзер. Но даже если так, все еще оставалась возможность, что Истинная кровь снова скажет ему отвалить.

Алекс достал из кармана свой телефон и позвонил Афине. Через шесть гудков включился автоответчик, сообщение, что он для нее записал много лет назад: *Это автоответчик доктора Афины Уэллс. Пожалуйста, оставьте сообщение.*

Беспокойство закрутилось у него в животе, Алекс позвонил на телефон отца, затем на домашний номер. Шесть гудков, автоответчик. Возможно, она была так поглощена изучением записи из Центра на своем ноутбуке, что не слышала телефон. Или игнорировала его.

Он хотел, чтобы они с Афиной имели телепатическую связь дальнего действия, как у вампиров, но методом проб и ошибок выяснилось, что они не могут коснуться разума друг друга или кого-либо еще, пока не будут в определенных пределах близости.

Сделав последнюю дерущую горло затяжку, Алекс выкинул окурочек в лужу, нажал кнопку разъединения на телефоне, затем сунул его в карман. Он забрался обратно в Dodge Ram и завел двигатель. Мощный грохот срикошетил от каменных стен улицы.

Даже если Афина игнорировала телефон, идущая по канату должна была поднять трубку. Ей должно было хотеться узнать о его прогрессе, судя по тому, как она увлечена возможностью увидеть его отца в руках Данте Батиста.

Но, возможно, она не могла ответить на звонок.

Возможно, Афина решила провести еще один эксперимент.

Trans Am остановился в зоне высадки пассажиров у главного терминала международного аэропорта Сиэтла-Такомы, Хэзер попрощалась, быстро обняла Джека, Илая и Энтони прежде, чем протянуть руку Сильверу. С легкой улыбкой Сильвер пожал ее ладонь.

— Надеюсь, ты найдешь Энни, — сказал он. Его странные серебряные глаза мерцали в свете фонарей, как искрящаяся на солнце вода. — Она клевая, но она съедает себя изнутри, знаешь? Ей нужно доверие.

Хэзер кивнула, удивленная его пронизательностью.

— Да, это так. Спасибо.

Сильвер пожал плечами, затем подошел к остальным парням, в то время как Данте в капюшоне, скрывающем лицо, прощался с поцелуями и бормотанием напутственных слов.

— Он попросил меня сопроводить всех до дома, убедиться в их сохранности, — сказал Вон, подойдя к Хэзер. — Но я ужасно ненавижу оставлять его. В промежутках между мигренями и приступами... — Он покачал головой.

— Он когда-нибудь говорил что-нибудь о том, что Джордан делал с ним в том фургоне?

— Нет. Ни слова.

— Это еще одна ноша, которую он не должен нести в одиночку, — мягко сказала она.

— Да-а-а, удачи в попытках убедить его в этом. — Бродяга нагнулся и порылся в потрепанном рюкзаке оливкового цвета у ног, что-то вытащил оттуда, затем выпрямился. — Вот, куколка, — он держал в руках черную застегнутую сумку, — тебе это понадобится.

Хэзер взяла виниловую сумку, чувствуя холод.

— Спасибо. Надеюсь, мне не придется ее использовать.

Вон покачал головой.

— Мне жаль, дорогая, но придется.

Хэзер вытащила свою визитку из сумочки и протянула ее Вону.

— Здесь номер моего мобильного, — сказала она. — Для постоянной связи со мной. Когда вернетесь домой, позвони. Я буду держать тебя в курсе наших передвижений каждую ночь и сообщать о наших остановках.

Бродяга кивнул.

— Хорошо, пойдет. — Он засунул визитку во внутренний карман кожаной куртки.

Хэзер поймала дуновение воздуха с запахом покрытых инеем осенних листьев, и Данте оказался рядом. Он обнял ее за талию.

— Хорошего полета, *mon ami*. Я признателен тебе за то, что ты проследишь, чтобы все добрались до дома. *Merci beaucoup* за все.

— Нет, это тебе спасибо. Ты помог мне добиться цели всей моей жизни, позволив сопровождать и защищать тебя, — сухо произнес Вон, растягивая слова, потом что-то нежное согрело его зеленые глаза. Он откинул капюшон Данте и обхватил его бледное лицо своими огрубевшими в дорогах руками. — Пусть все увидят, братишка. — Затем он наклонился и поцеловал его.

Пусть все увидят.

Хэзер осознала, что Вон говорил не о вуайеристском наблюдении за двумя целующимися мужчинами, он говорил о том, чтобы Данте не скрывал свою красоту под капюшоном, а еще о том, кем и чем был Данте — музыкантом, другом, Истинной кровью и Падшим.

Уникальный. Наполненный магией, красотой и сердечностью; темный, дикий и смертельный.

Пусть все увидят тебя.

«Согласна, но пока не время, — подумала Хэзер. — Не раньше, чем его жизнь будет полностью принадлежать только ему».

Поцелуй закончился, и бродяга отпустил Данте, похлопав по щеке.

— Береги себя, братишка, — сказал он и слегка толкнул Хэзер плечом, а она толкнула его в ответ. — И посмотрим, сможешь ли ты держать свою красивую и обалденную женщину подальше от проблем.

Данте фыркнул.

— Горючее, — указал он на себя. — Спичка, — указал на Хэзер и подмигнул ей, когда Вон засмеялся. — Как только найдем Энни, сразу направимся домой.

Вон удерживал взгляд Данте некоторое время, и Хэзер знала, что они мысленно разговаривают. Грусть и тоска накрыли неприкрытое лицо Данте, и он отвел глаза, сжав челюсти.

Вон наблюдал за ним некоторое время, потом вздохнул.

— Чертов упрямый осел, — сказал он и посмотрел на Хэзер. — Легкой дороги, куколка. Увидимся через неделю или две.

— Позаботься об Исчадии, — попросила она.

Вон фыркнул:

— Этот кот обвел Илая вокруг лапы, женщина.

Хэзер ухмыльнулась.

— Это мой мальчик.

Показывая парням, чтоб они двигали своими задницами, Вон направился ко входу терминала, поздоровавшись по пути с несколькими бродягами на мотоциклах.

Данте снял с воротника рубашки очки и надел их. Он посмотрел на Хэзер.

— Пойдем, найдем Энни.

— Твою мать, — пробормотал Данте.

Он ненавидел ограничения. Расстегнув ремень безопасности, он поерзал в кресле, скрипя кожаными штанами о винил, и прислонился спиной к пассажирской двери. Одну ногу устроил на сиденье. Так-то лучше.

Хэзер посмотрела на него.

— Я хочу запомнить это лицо, — сказала она, возвращая взгляд к дороге.

— Лицо перед аварией.

— Так не попадай в аварию, — поддразнил Данте. — В любом случае, сначала меня задушит подушка безопасности.

— Умник.

— Ага.

Ровный оживленный рокот мотора Trans Am заполнял тишину. Но тишина не была неловкой, размышлял Данте, глядя на лицо Хэзер. Им было комфортно вместе даже без слов, в своих мыслях.

И это было опасно.

Будет намного сложнее уйти от нее, когда придет время, когда он убедится, что она в безопасности от Бюро и тех, кто на нее охотится.

Слова, которые Вон послал в его разум в аэропорту промчались в памяти:

Не отрекайся от своего сердца, братишка.

Я должен. Она умрет, если я этого не сделаю.

Нет, Данте, нет...

Песня внезапно нарушила тишину, резкая металл версия песни Rob Zombie's «Living Dead Girl».

— Это рингтон Энни, — выдохнула Хэзер. — Телефон в моей сумочке. — Она вырулила Trans Am на обочину дороги. — Поговори с ней, пока я не остановлюсь.

Данте развернулся в кресле, взял сумочку Хэзер с заднего сиденья и выудил звонящий телефон. Раскрыл его.

— Энни?

Trans Am замедлился и остановился. Хэзер включила аварийные сигналы.

— Нет, но и ты не тот, кого я ожидал услышать, — голос Алекса Лайонса был ровным и теплым. — Хотя, ты тот, с кем я хотел бы поговорить.

— Fi'de garce, — сплюнул Данте. — Где Энни?

Хэзер уставилась на Данте, страх мелькнул на ее лице.

— Кто это?

— Лживый Лайонс, — ответил Данте. — Где, мать твою, Энни?

— Она со мной и она в порядке, пока.

— Дай мне телефон, — сказала Хэзер, протягивая руку. Страх ушел с ее лица, но рука дрожала. Данте отдал ей телефон.

— Что ты сделал с моей сестрой, Лайонс?

Лицо Хэзер напряглось, когда она слушала, что говорил ей ублюдок. Данте провел рукой по волосам. Энни была в беде. Большой беде. Из-за него.

Ему нужно было убить Лайонса, когда был шанс. Впитаться ему в горло и покормиться им.

Хэзер отстранила трубку от уха. Телефон пикнул, и она посмотрела на то, что появилось на маленьком экране. Горло сжалось. Молча она протянула телефон Данте, чтобы он тоже смог увидеть.

На экране была фотография Энни, глаза закрыты, рот залеплен клейкой лентой. В венах Данте вспыхнула злость.

— Он хочет поговорить с тобой, — сказала Хэзер напряженным голосом.

Данте взял телефон из ее пальцев. Он знал, о чем она думает, потому что тоже об этом думал.

— Откуда нам знать, что она жива? — спросил он в трубку.

— Вы можете только поверить мне на слово, — сказал Лайонс. — Она жива, но, если хочешь, чтоб она такой и оставалась, тебе нужно со мной встретиться.

— Где?

— В доме Хэзер. Если не будешь здесь через десять минут, Энни умрет. — Лайонс повесил трубку.

Данте захлопнул телефон и кинул его обратно в сумочку Хэзер.

— В твоём доме через десять минут, — сказал он.

Хэзер кивнула, сжав челюсти. Выключив аварийные огни и заведя Trans Am, она помчалась по дороге, сжигая резину. Данте слушал стремительный яростный ритм ее сердца. Адреналин грел ее запах, обрамляя сладость сирени-во-время-дождя резким привкусом стали.

— Держись, р'tite, — прошептал Данте еле слышно, яростно этого желая, от всего сердца. Воспоминания крутились в нем, обрамляя зрение белым светом.

Джей в смиренной рубашке, умирающий на холодном полу скотобойни, кровь из его разрезанного горла растекается вокруг, окрашивая блондинистые волосы в красный...

Джею он тоже говорил держаться. Руки Данте сжались в кулаки. Он отказывался добавлять имя Энни в молитву потерь, в длинный список всех, кого не спас.

— Ему нужен я, — сказал Данте. — И он может получить меня. Как только отдаст тебе Энни, ты двинешь к чертовой матери из Сиэтла и отправишься в Новый Орлеан.

— Я не позволю тебе жертвовать собой, — натянуто ответила Хэзер. — Нам нужно придумать что-нибудь еще.

— Он хочет, чтобы я вылечил его сестру. Он не ранит меня.

— Я не позволю Лайонсу уехать с тобой.

Данте пожал плечами.

— Я просто убью его при первой же возможности.

— Нет, не убьешь.

— Да? Почему нет?

— Потому что ты приготовишь два шприца с достаточным количеством морфина, чтобы усыпить смертного на несколько часов. Поэтому. Кто из нас подберется к нему первым, тот всадит в него шприц. Ты сможешь проникнуть к нему в разум? Найти, где Энни?

— Да, могу.

Белый свет танцевал по краям зрения Данте, острая боль пронзила его виски, ударила за левым глазом. Он усилием оттолкнул боль подальше. Он мог только надеяться, что она там и останется. А если нет? Он задрожал, холод прошелся по шее сзади.

Я должен использовать ее прежде, чем она завладеет мной.

— Обещай мне, что оба шприца будут иметь не смертельную дозу.

Данте долго смотрел на Хэзер, читая язык ее тела, доверие в глазах. Она знала, что он никогда не лжет. Он потянулся к заднему сиденью, взял черную сумку, расстегнул ее. Вытащил шприц и снял с него колпачок.

— Не обещаю.

В глубине загудели осы.

Он сделает что угодно, чтобы обезопасить Хэзер и Энни. И не важно, какова цена.

Глава 34

Бездонные глубины

Сиэтл, Вашингтон

24 марта

Шеридан посмотрел на мини-монитор, когда Trans Am въехал на подъездную дорожку к дому Уоллес. Фары погасли. Открылась пассажирская дверь, и из машины вышел Данте Прейжон. В свет уличного фонаря его кожаные брюки и латексная рубашка блестели, волосы отливали синим.

Прейжон спустился по дорожке, и Шеридан не мог не восхититься его плавными и хищными движениями. Не мог не заметить напряжение и возбуждения в его теле. Голод.

Прейжон обернулся, посмотрел по сторонам, затем скользнул рукой по волосам и размеренным шагом пошел дальше.

Интересно. Ждет кого-то, но без особого энтузиазма.

Посмотрим, кто же это.

Обойдя машину, Данте подошел к Хэзер, гравий хрустел под его ботинками. Снова начало моросить, было больше тумана, чем самого дождя, капельки воды блестели на черном плаще и украшали волосы Уоллес, словно бриллианты.

— Если все пойдет прахом, и Лайонс увезет тебя, — хрипло сказала она с болью в голосе, — я найду тебя. Я не сдамся. Ты слышишь меня, Батист?

Данте обхватил холодное от дождя лицо Хэзер.

— Я слышу тебя, *chérie*. И я тоже. — Он наклонился. — На удачу, — и поцеловал ее.

Она грубо поцеловала его в ответ, под натиском раскрывая губы и обхватывая руками его бедра.

Боль в голове Данте ослабла, и гудящих ос смыло прочь волной белой тишины.

Сильный рев мощного двигателя заставил Данте поднять голову. Он отпустил Хэзер.

— Пикап приближается.

— Откуда? — Она потянулась к плащу за пистолетом. — Лайонс водит Dodge Ram.

— С востока.

Яркий бело-голубой свет фар ударил Данте по глазам. Боль пронзила голову. Прищурившись, он поднял руку, заслоняясь.

Рев прекратился. Фары погасли. Блестящие точки испещрили зрение Данте. Он сдернул очки с рубашки и надел их.

Хэзер изучала красный пикап, припаркованный на обочине, у которого горели желтые аварийные огни.

— Энни с ним?

Данте видел только одного пассажира в затемненном салоне — Лайонса. Отодвинув на задний план устойчивый пульс Хэзер, он вслушался. В пикапе было только одно сердцебиение, быстрый ровный стук смертного. Данте сжал кулаки.

— Нет. Она не с ним. — Он не произнес вслух свои мысли: *она была с ним, но ее сердце*

больше не бьется.

— Дерьмо, — прошептала Хэзер.

Стекло опустилось с тихим шумом. Тонкая струйка сигаретного дыма взвилась вверх, исчезая в дожде.

— Опусто оружие, Хэзер, — крикнул Лайонс.

— Где Энни? — спросил Данте, когда Хэзер наклонилась, чтобы положить пистолет на гравий у края дорожки.

— Где-то, — веселье звучало в голосе Лайонса, веселье, в котором Данте хотел наделать кучу дыр.

Хэзер выпрямилась.

— Откуда нам знать, что Энни еще жива? — спросила она.

— Вы можете только поверить мне на слово. Это единственный доступный вариант.

Нет, не только.

Закрыв глаза, Данте оттолкнул боль, пульсирующую в голове, и сфокусировал мысли. Он потянулся к разуму Лайонса. И ударился в стальной гладкий щит. Глаза Данте распахнулись.

— Черт, — прошептал он.

— Ты в порядке? — Хэзер схватила его руку.

— Я задавался вопросом, когда же ты попытаешься проделать что-то подобное, — сказал Лайонс.

— Он телепат, — объяснил Данте. Кровь полилась из его носа. Он вытер ее тыльной стороной ладони. — Я не могу пробраться сквозь его щиты. Не без боя.

— Дерьмо. — Хэзер отпустила его руку. — Как нам вернуть Энни? — крикнула она. — Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы Данте послушал кое-что на моем iPod, — ответил Лайонс.

— Я думала, ты хотел, чтобы он вылечил твою сестру, — парировала Хэзер.

— Да, — согласился Лайонс, — но еще я хочу увидеть, как хорошо он следует инструкциям.

— Пошел ты, — сказал Данте, — брось уже мне этот проклятый iPod.

— Я отправлю его тебе, — ответил Лайонс.

Пока Данте обдумывал значение этой фразы — *Отправит? Как по e-мэйлу? Как по гребаной FedEx*^[49]? — он почувствовал скачок силы, электрической и мощной; маленькая вещь выплыла из пассажирского окна пикапа. iPod пролетел вверх по дорожке, поддерживаемый волной энергии.

Когда iPod остановился перед ним на уровне груди, парящий в воздухе на крошечном колебании энергии, Данте посмотрел на Лайонса. Тени и свет скрыли лицо смертного. Не только телепат, но и обладает телекинезом. Насколько он знал, такой дар редок даже среди созданий ночи. Интересно, врожденный или благодаря вмешательству отца?

Данте сомкнул пальцы на iPod и выхватил его из воздуха. В момент, когда он это сделал, пистолет отлетел от ног Хэзер, словно листок, пойманный ветром. Затем быстро двинулся к пикапу и исчез в открытом окне.

— Он не будет это слушать, пока мы не получим назад Энни! — закричала Хэзер.

— Я действительно не хочу делать больно твоей сестре, так что не вынуждай меня, — сказал Лайонс. — У Данте есть десять секунд, чтобы подчиниться, затем я уеду.

Правда смешалась с ложью, переплетаясь в словах Лайонса. Данте знал, что он без

особых колебаний причинит боль Энни.

— Не слушай iPod. Я думаю, он старается инициировать тебя. — Хэзер смотрела на Данте, ее глаза были почти черными от переизбытка эмоций. — Должен быть другой...

— Отойди, chérie, — прошептал Данте, — убирайся, чтобы я не мог тебе навредить.

Сжав челюсть и сверкнув глазами, Хэзер отступила назад.

Данте вставил наушники в уши, затем с бешено колотящимся сердцем нажал на кнопку воспроизведения. Мягкий голос проник в его уши:

— *С, время проснуться, моя Спящая Красавица. У тебя есть работа, которую надо выполнить.*

Знакомый голос. Голос того, чье имя Данте все еще не мог назвать. Боль разорвала его разум, поднимаясь откуда-то изнутри и кромсая мысли, ощущение самого себя. Голоса, шепот, крики, — все это поднималось вверх ураганом из темных глубин. Гудящие осы, пойманные в темное и разъяренное облако, впрыснули яд в его сердце.

Боль сокрушила его.

И Данте упал в бездонные глубины.

Безмянный голос продолжал говорить.

Глава 35

Запертый в его голове

Сиэтл, Вашингтон
24 марта

Данте рухнул на колени и согнулся пополам, сжав в руке iPod. Влажные от дождя волосы упали вперед, закрыв лицо.

С пульсирующим шумом в ушах Хэзер сделала шаг к нему. Он зашипел, низко и предупреждающе, как гремучая змея. Она застыла.

— Держись подальше от него, — крикнул Лайонс из пикапа.

Шипение прекратилось. Данте качался на коленях. Хэзер хотела выдернуть наушники из его ушей, но чувствовала, что слишком поздно. И понимала, что если прервет процесс, то может принести больше вреда, чем пользы.

Глухо стукнула дверь автомобиля, затем Хэзер услышала шаги со стороны дороги. Ее руки сжались в кулаки, когда Лайонс остановился около нее, окутанный облаком сигаретного дыма и Drakkar Noir.

— Итак, каков план? — спросила она ровным голосом.

— Когда он снова поднимется, брось ему свои ключи от машины.

— Что? — Хэзер посмотрела на Лайонса. В его взгляде было любопытство.

— Мне кажется, я знаю, куда мой отец отправляет его, — сказал Лайонс.

— Дай Данте ключи и не стой у него на пути. Мы последуем за ним.

— Он делает это ради Энни, так скажи мне, где она.

— Потом, — произнес Алекс, кивнув на Данте. — Ох, — вздохнул он.

Данте вытащил наушники и кинул iPod на гравий. Отбросив мокрые волосы с лица обеими руками, он поднялся на ноги. Капли дождя блестели на кожаных штанах, на плечах толстовки и на линзах его солнцезащитных очков.

Он развернулся — движение столь быстрое, что она почти пропустила его — и посмотрел на нее сквозь очки. Бледное лицо было спокойным и неожиданно незнакомым. Кровь текла из его носа. Страх опустошил Хэзер.

Она смотрела на С, не на Данте.

— Дай ему ключи, — пробормотал Лайонс, касаясь ее плеча.

Хэзер вытащила их из сумочки и бросила. Данте поймал звенящие ключи в воздухе. Не говоря ни слова, пошел к Trans Am, скользнул внутрь и завел двигатель. Он вывел машину с подъездной дорожки, шурша гравием, а затем уехал, оставляя в холодном сыром воздухе завитки выхлопного газа.

Хэзер проводила его горящим взглядом. Ее обещание крутилось вокруг сердца.

Я найду тебя. Я не сдамся.

— Мы разве не едем следом? — спросила она, посмотрев на Лайонса.

Улыбка искривила его губы, широкая, темная улыбка.

— Аминь, сестра, это мы и сделаем, — ответил он, — но сначала я хочу, чтобы ты положила руки на капот пикапа и приняла нужное положение. Надо обыскать тебя.

Гнев вспыхнул в венах Хэзер.

— Время возвращать должки, м?

Лайонс рассмеялся.

— Безусловно. Дай мне свою сумочку и сними плащ.

Помня, что она дала обещание сохранить Энни и Данте и что у нее нет лишнего времени, Хэзер отдала Лайонсу свою сумочку. Он накинул ремешок на плечо и стал ждать, пока она развяжет пояс и снимет плащ. Кинув им в него, она прошла к Dodge Ram, опустила руки на гладкий и мокрый от дождя капот и расставила ноги.

— Держи свои остроумные комментарии при себе, — сказал Лайонс, когда проходилась по ней, обыскивая, его ладони заскользили вниз по бокам, под ее грудь.

Когда его руки спустились к ногам, Хэзер напряглась, ожидая, что он воспользуется ситуацией, но его обыск оставался быстрым и профессиональным.

— Повернись.

Хэзер сделала, как приказал Лайонс. Он держал шприц, наполненный морфием.

— Даже не смертельная доза, — прокомментировал он. — Милосердствуешь, Уоллес?

— Больше нет.

Лайонс отдал обратно плащ и подождал, пока Хэзер наденет его и завяжет пояс. Держа ее сумочку, он кивнул в сторону пикапа.

— Внутрь.

После того как Хэзер застегнула ремень безопасности, Лайонс надел на ее запястья стяжки.

— В этом нет необходимости, — с бешено стучащим сердцем сказала она, — у тебя моя сестра...

Лайонс пожал плечами и повернул ключ зажигания.

— Иногда семейные отношения не такие, какими должны быть.

Подумав о своем отце, Хэзер мысленно согласилась и сфокусировалась на улице за лобовым стеклом. Она нарисовала в уме Данте, визуализируя нить между ними — временную связь, созданную, когда Данте пил ее кровь из горла прошлой ночью.

<Ты не один, — послала Хэзер, надеясь, что где бы ни был заперт Данте внутри своего сознания, он сможет услышать ее. — Вернись ко мне, Батист>.

РСА Альберто Родригез налил еще одну чашку кофе французской обжарки, добавив солидную порцию сливок. Он сделал глоток, наслаждаясь насыщенным ароматом. Вернувшись в гостиную с чашкой, поставил ее на кофейный столик.

По телевизору показывали бой в средней весовой категории, в котором участвовали действующий чемпион Мигель Гарсия и подающий надежды Мики Дауд. Как всегда, поддерживая аутсайдера, Родригез поставил деньги на Дауда.

Это была ночь пятницы, а значит, дом был в его полном распоряжении. Сильвия уехала к родне в Белвью, а девочки тусили с друзьями. Ночь пятницы всегда была ночью одинокого Папочки.

Родригез сел на диван, держа копию, которую снял с отчета терапевта Хэзер Уоллес в Сиэтле, чтобы сравнить с другой, из больницы Вашингтона. Закинув ноги на кофейный столик, он взял желтый маркер и начал отмечать соответствующие факты.

Ранение должно было иметь летальный исход. За время между тем, как специального агента Уоллес ранили, и тем, когда ее доставили в отделение Скорой помощи, она должна

была истечь кровью.

Во время хирургической операции по удалению пули было отмечено, что у аорты появилась ярко выраженная новая ткань...

Громкие аплодисменты толпы и взволнованный голос диктора отвлекли внимание Родригеза от отчета. Гарсия лежал на мате, с трудом пытаясь подняться на четвереньки, прежде чем судья закончит отчет и признает его выбывшим. Дауд пружинил на носочках в своем углу, на его молодом лице блестел пот.

Родригез наблюдал, как Гарсия схватился за канаты, пытаясь подтянуть себя на ноги, но потерпел поражение. Раздался звук гонга. Дауд взвил кулаки в воздух, откинув голову назад.

Но за аплодисментами, звоном гонга и криками Родригезу показалось, что он услышал кое-что, что не должен был, — быстрый щелчок с задней стороны дома.

Он выпрямился, прислушиваясь. Раздался приглушенный звук поднимающегося окна. Отложив отчет в сторону, Родригез поднялся и быстро прошел в свой затемненный офис. Его 45-й смит-и-вессон лежал в оружейном сейфе около стола. Он опустил на колени и ввел комбинацию цифр на кодовом замке. Открыв сейф, схватил оружие и снял его с предохранителя, проверил магазин патронов.

Стоило Родригезу подняться, как кожу начало покалывать. Кто-то стоял позади него. Он развернулся, поднимая пистолет.

— Не дви... — слова застряли у него в горле.

Данте Прейжон стоял в дверном проеме. Плохое Семя во плоти. И у Родригеза не было сомнений, кто его прислал.

Вампир переместился.

Родригез нажал на курок.

Лайонс остановил машину позади пустого Trans Am и заглушил двигатель.

— Наш маленький Истинная кровь, должно быть, делает свое дело, — сказал он.

— Где он? — спросила Хэзер. — За кем твой отец отправил его?

— Через два дома отсюда, — ответил Лайонс, — дом РСА Родригеза.

— Господи! — Хэзер уставилась на аккуратный зеленый дом. — Может, у нас еще есть время остановить это. Ты сказал, что ненавидел своего отца за то, что он сделал с тобой и твоей сестрой. Почему ты позволяешь ему использовать Данте? Ждешь, что Данте поможет тебе после всего этого?

Пальцы Лайонса сомкнулись на подбородке Хэзер и повернули ее голову.

Глаза цвета штормового моря сверлили ее.

— Данте поможет, потому что у него не будет другого выбора, — произнес он напряженным голосом. — Так как он не оставил другого выбора мне.

Хэзер вырвалась из его хватки.

— Чушь. Все, что ты сделал, было выбором.

Улыбка мелькнула на губах Лайонса.

— Я упоминал, что у тебя также не будет выбора в этом маленьком сценарии?

— Предполагалось, что я удивлюсь?

— Думаю, нет. — Лайонс потянулся под сиденье, выискивая что-то. Он вытащил маленький черный пистолет и положил на место между ними. — У тебя есть работенка.

Транквилизатор, поняла Хэзер, холод сковал ее сердце. Холод, который усиливался с каждым словом, слетавшим с губ Лайонса.

— Тебе нужно войти в дом Родригеза и выстрелить в Данте, — сказал Лайонс, наклонившись к ней. Он открыл бардачок и начал рыться в его содержимом. Найдя то, что искал, захлопнул крышку и выпрямился.

Он выдвинул лезвие маленького перочинного ножа и разрезал пластиковые наручники.

— Как только он будет без сознания, я верну его в нормальное состояние.

Хэзер потеряла запястья.

— И что потом?

— Потом я скажу тебе где Энни, и ты сможешь пойти ее забрать. Данте я оставлю у себя.

Хэзер подумала, что вероятнее, он убьет ее и Энни. На кой черт ему оставлять их в живых? Если только... он не запланировал использовать их, чтобы держать связанными руки Данте.

— К твоему сведению, в транквилизаторе только одна доза. Если ты хочешь продолжать дышать, не промахнись.

Хэзер взяла транквилизатор, обхватила пальцами его рукоять. Сильное желание использовать его против Лайонса едва не лишило ее самообладания. Независимо от того, чем был препарат, он был разработан для созданий ночи, не для смертных. Она не знала, убьет ли это Лайонса сразу, или он будет умирать отвратительно и болезненно.

А Данте?

Хэзер сделала глубокий вдох и закрыла глаза.

Держись, Батист.

Она распахнула глаза и встретила взгляд Лайонса. Его улыбка исчезла. Она открыла дверь и спрыгнула на дорогу, возобновившийся дождь охладил ее лицо. Пистолетный выстрел взорвал тишину.

Хэзер побежала.

Кулак врезался в грудь С, выбив воздух из его легких. Он схватил мужчину, который только что в него выстрелил, поднял и кинул улюбка на пол. Он выдернул оружие из руки смертного и отшвырнул. Внутри него голоса шумели, кричали, шептали.

Хочешьнуждаешьсясделайэтоубей.

Дайемуточтоонзаслуживает. Дайэтовсеему.

С убрал руку с горла мужчины и погрузился в теплую плоть клыками. Он делал глоток за глотком пьянящей и насыщенной адреналином крови. Острая боль исходила от сквозного ранения в груди. Легкое горело от каждого сделанного вдоха.

Хочешьнуждаешьсялюбей.

Сожгисожгисожгисожгисожгивседотла.

Он зарылся лицом еще глубже в горло смертного, высасывая последние кисло-ягодные капли крови.

Данте-ангел?

С притих. Прислушался.

Данте-ангел? Где мы?

Принцесса...

Боль вонзилась в сознание С. Дыхание сперло. Он поднял лицо от разорванного горла смертного. От головокружения мысли неслись как карусель. Он посмотрел на мужчину, распластанного под ним. Его глаза были огромны на бледном забрызганном кровью лице. Он булькал. Затем затих.

Куда нас ведет Папа Прейжсон, Данте-ангел?

В плохое место, где я был раньше. Встань позади меня и стой там.

Мне страшно.

Боль крутилась, колола и долбила. Данте зажмурился. Его мышцы дрожали. Он услышал, как открылась дверь, затем щелкнула, закрывшись.

Раздался голос:

— Папочка? Я забыла свой iPod!

Данте открыл глаза. Он оторвался от холодеющего тела и переместился.

Хэзер влезла через открытое окно, жалюзи задрезбужали, когда она нырнула под ними. Она выпрямилась. Стиральная машина и сушилка стояли бок о бок в аккуратной прачечной. Испачкавшие серовато-зеленый плиточный пол темные пятна крови вели из комнаты.

Она проследовала по следам Данте через кухню и дальше в холл, увешанный семейными фотографиями в рамках, тяжелый медный запах крови заполнил ее ноздри.

Она заглядывала в каждый дверной проем, который проходила, держа транквилизатор наготове. В последней комнате с правой стороны холла, она увидела мужчину — Родригеза — лежащего неподвижно на полу. Кровь блестела на его разорванном горле и груди. Ее сердце упало.

Я опоздала.

Из гостиной доносились голоса, обсуждающие стратегию бокса — телевизионные дикторы. Но за ними Хэзер услышала тихий плач, сопровождаемый голосом, который она узнала, хриплый низкий каджун, надорванный болью.

— Ш-ш-ш, не плачь. J'su ici, mon princesse, j'su ici.

Данте был не один.

Хэзер помчалась в гостиную, затем запнулось, сердце подпрыгнуло к горлу.

Девочка приблизительно девяти-десяти лет, в джинсах и футболке с феей Динь-Динь, неподвижно стояла у дивана цвета корицы, заваленного бумагами. Данте сидел на корточках перед ней, глядя ее длинные темные волосы бледной измазанной кровью рукой.

— Ш-ш-ш, — утешал он. — J'su ici.

Ее лицо было мокрым от слез, девочка искоса бросила взгляд на Хэзер.

— Помогите мне, — прошептала она.

Хэзер подняла оружие, заряженное транквилизатором, пульс бился яростно и быстро. Она прицелилась.

Данте переместился. Будучи размытым пятном из кожи и бледной плоти, он схватил девочку и задвинул ее за себя, повернувшись лицом к Хэзер. Он зашипел. Обнажил клыки.

Девочка запищала, затем затихла, широко раскрыв глаза.

— Пригнись, Хлоя. Я не позволю им забрать тебя.

Темные очки Данте исчезли и Хэзер видела гнев, сверкавший в глазах с красными

прожилками и расширенными зрачками, лихорадочный огонь, который подчеркивал решительность на его измазанном кровью лице.

— Ты не забереешь ее.

— Батист, послушай меня, — мягко сказала Хэзер. — Это не Хлоя, она давно умерла. Алекс Лайонс привел тебя в действие с помощью сообщения от его отца, доктора Роберта Уэллса.

Данте втянул воздух. Коснулся дрожащими пальцами висков. Больше крови полилось из его носа. Хэзер сделала шаг ближе, подняв транквилизатор, и прицелилась.

— Только ты и я, принцесса, — сказал он. — На веки вечные.

Он поднял свой горящий взгляд на Хэзер, и отчаяние, которое она увидела в темных глубинах его глаз, разбило ей сердце. Его мышцы изогнулись.

— Беги, — прошептал он.

В этот момент она поняла, что будет ненавидеть Александра Лайонса вечно.

И нажала на курок.

Глава 36

Подземный мир

Дамаск, Орегон
24 марта

Данте переместился.

Хэзер отпрыгнула, закрывая шею руками, очень надеясь, что попала, куда целилась. Данте резко остановился в паре шагов от нее, пошатнулся и выдернул дротик из своей шеи. Губы изогнулись в знакомой улыбке, и в то мгновение, что он смотрел на нее, он снова был собой.

Облегчение мелькнуло в его темных глазах.

Он выронил дротик из пальцев и упал следом за ним, развалившись на животе на серо-желтом ковре. Его черные волосы рассыпались по скечерсам Хэзер.

Хэзер опустила руку, отбросила транквилизаторный пистолет и упала на колени рядом с Данте. Она схватила его за плечи и перевернула. Дотронулась до лица. Он лихорадил, кожа под ее трясущимися пальцами была горячей.

— Хороший выстрел, Техас, — сказал Лайонс из коридора позади нее. — Я уж было подумал, что он разорвет тебя на части. Но признаю, я рад, что он этого не сделал.

Хэзер посмотрела на него через плечо.

— В тебе так много дерьма, что я удивлена, как ты до сих пор не задохнулся.

— Ауч, — пробормотал Лайонс, в голосе слышалось веселье. Он медленно вошел в комнату и присел рядом с ней. — Похоже, он получил пулю.

Хэзер проследила за его взглядом и увидела дырку на ПВХ-футболке Данте с левой стороны груди. Почти в сердце. Не смертельно, но Родригез был бы еще жив, если бы не промахнулся. Но в каком состоянии тогда остался бы Данте?

— Подвинься, Уоллес. Я свяжу его.

— Где мой папа?

Хэзер подняла взгляд на трясущуюся девочку, все еще стоящую с широко раскрытыми глазами около дивана, куда оттолкнул ее Данте для ее же безопасности.

— Мой папа здесь?

Горло Хэзер сжалось.

— Я не знаю, милая, — ответила она мягко, поднимаясь на ноги. — Как тебя зовут?

— Брисса, — произнесла темноволосая девочка. — Может, позвонить девять-один-один? Папа всегда говорил мне...

— Ты очень храбрая, Брисса, — сказала Хэзер, подошла к дивану и опустилась на колени рядом с ней. — Твой папа должен был гордиться тобой. Тебе просто нужно оставаться храброй еще немного, хорошо, сладкая?

Брисса кивнула, лицо сквозило неуверенностью, глаза стали стеклянными от шока. Хэзер погладила ее по руке, зная, что это лишь тщетная попытка успокоить девочку.

Отец Бриссы был мертв, его тело находилось в другой комнате, всего в нескольких ярдах отсюда. Достаточно скоро она узнает правду, и для нее не будет иметь значения, что у Данте не было выбора, что он запрограммирован убивать по прихоти сумасшедшего.

Все, что Брисса будет знать, — это то, что он убил ее отца.

Смесь запахов кофе, крови и горящих листьев распространилась по всей комнате, запах отложенного горя. Хэзер знала, что этот запах Брисса будет помнить всегда.

Лайонс перевернул Данте на живот и надел на него наручники, заложив руки за спину. Потом тело Данте поднялось в воздух, и его волосы упали вперед, занавешивая лицо.

Хэзер почувствовала, как тело Бриссы напряглось под ее рукой. Она посмотрела на девочку в тот момент, когда та закрыла лицо ладонями, как если бы ей было три года и она смотрела фильм про монстров.

Но ей было десять, и монстры были реальными.

— Вернусь через секунду, чтобы покончить со всем этим. — Лайонс сопроводил летящее тело Данте по коридору и исчез из вида.

Хэзер сжала руку Бриссы и встала. Девочка отняла ладони от лица. Хэзер подтолкнула ее к выходу.

— Я хочу, чтобы ты побежала домой к соседям, и они позвонили в девять- один-один, хорошо?

Брисса кивнула. Она схватилась за дверную ручку и посмотрела на Хэзер.

— Тебе тоже нужна помощь? — спросила она.

— Не беспокойся обо мне, — ответила Хэзер. — Просто иди.

Брисса распахнула дверь и бросилась в ночь, пересекая улицу, ее длинные волосы струились за ней.

Вздыхнув с облегчением, Хэзер закрыла дверь. Она покинула дом через заднюю дверь и побежала к пикапу Лайонса. Он закончил застегивать черное покрытие на кузове пикапа и поднял взгляд.

Руки Хэзер сжались в кулаки. Лайонс упрятал Данте в багажник, как какое-то оборудование.

— Нам нужно ехать, — сказала она. — Скоро здесь будут копы.

Лайонс покачал головой, позабавленный.

— Значит, ты дала ребенку уйти? Я так и думал, что ты это сделаешь. — Он пожал плечами. — Она запомнит, что это был Данте. Держу пари, его лицо выжжено в ее памяти.

Хэзер чувствовала, что так оно и будет.

— Данте сделал все, что ты просил; так же, как и я. Где Энни, черт побери?

— Слушай, Уоллес, — сказал Лайонс, веселость ушла с его лица, глаза стали холодными и спокойными, — и слушай очень внимательно. Нарушишь мои указания, и твоя сестра поплатится.

Шеридан последовал за длинной вереницей машин в сторону I-5 южного направления, влившись на быстрой скорости в междуштатный поток красных габаритных огней. Адрес Лайонса в Дамаске горел зелеными буквами на экране GPS, установленном на панели.

Голос Ратгерс раздался в его ухе из Bluetooth-гарнитуры:

— Я только что получила сообщение из полицейского участка Сиэтла, Родригез мертв. Убит.

— Прейжон, — пробормотал Шеридан.

— Думаю, да. Полиция Сиэтла сказала, что выглядело все так, будто дикое животное

искусало Родригеза. Я, конечно, не могла сказать им, что скорее всего это был вампир.

— Нет.

— Я уверила их, что пошлю туда группу. Есть очевидец, дочь. Она упомянула двух мужчин и одну женщину.

— Прейжон, Лайонс и Уоллес.

— Получив от тебя сведения о том, что произошло вечером между Прейжоном, Лайонсом и Уоллес у ее дома, я немного порылась в информации. Черт, я перерыла файлы и обнаружила жемчужину.

— Мэм?

— Лайонс — сын Роберта Уэллса.

Шеридан присвистнул.

— Думаете, Уэллс послал его перехватить Прейжона?

— Да. И использовать Прейжона.

— Миссия закончена, — пробормотал Шеридан. — А Уоллес?

— Все еще с Прейжоном. Тут ничего не изменилось. И так как Лайонс погрузил вампира в кузов пикапа и уехал с ним, думаю, что правильно будет предположить, что Лайонс или его отец, или оба планируют продолжать использовать его.

— Указания?

— И чуёт моя задница, ТО было право, даже если по другим причинам.

— Мэм?

— Уэллс и Уоллес, — вздохнула Ратгерс, низко и устало. — Я аннулировала свой заказ на Кортини. Но если она попадет на пути, убирай ее без сомнений.

— Да, мэм. А Лайонс?

— Он занимает место Кортини в твоём списке.

— Вас понял, — сказал Шеридан.

— И, Брайан? Будь осторожен. У тебя есть винтовка?

— Да.

— Используй ее. — Связь закончилась.

Выпив еще энергетика, с песком усталости в глазах Шеридан вывел внедорожник на скоростную полосу.

Хэзер вырулила Trans Am на скоростную полосу, объезжая еле двигающуюся фуру. Красные и желтые огни грузовика превратились в одну длинную карнавальную ленту, когда она проносилась мимо. За ветровым стеклом дорога сливалась с ночью, бесконечной и темной.

Сердце ее стучало в безжалостном злом ритме.

Дождь закапал на ветровое стекло, и Хэзер включила дворники. Она осознала, что руки у нее болят, и ослабила железную хватку на руле.

Почти на месте, говорила она себе. Почти на месте.

Указания Лайонса после того, как они покинули дом Родригеза, были понятны: взять Trans Am и ждать на ближайшей парковке «Сейфуэй» полчаса, пока Лайонс не заберет Энни. После того как полчаса прошли, Хэзер поехала в Дамаск по адресу, который раньше нашла в компьютере.

Если она не приедет на место в течение десяти минут после того, как прибудет Лайонс, Энни никогда не проснется. Хэзер приходилось верить Лайонсу на слово, что Энни все еще жива.

Если нет, если Данте пожертвовал своей психикой и свободой ни за что...

Она должна быть жива.

Хэзер надавила на газ, стрелка спидометра поднялась выше отметки восьмидесяти миль в час.

Алекс вошел в гостиную коттеджа.

— Афина? — позвал он.

Расстегнув толстовку, он снял ее и бросил на диван.

<Афина?>

Белый шум — телепатический сигнал — вошел к нему в голову. Она была либо вне-зоны-доступа, либо на препаратах. Он думал, что лучше, если вне-зоны-доступа, и судя по тому, что ее ноутбука нет на кофейном столике, она, скорее всего, в главном доме.

Наблюдала за отцом.

Интересно, он уже умолял? Обещал Афине любовь и чудеса?

Интересно, что он пообещает мне?

Алекс вытащил теперь уже бесполезный смит-и-вессон из-за пояса джинсов, достал кольт Хэзер из кармана толстовки и направился в свою комнату.

Его нос сморщился. В коттедже пахло сыростью и затхлостью, но как только он шагнул в темный коридор, то почувствовал слабый зловонный запах, скрытый под слоем этой затхлости.

Он включил в коридоре свет и нахмурился, увидев комья, разбросанные по ковру. Выглядели они как высохшая грязь или куски земли. Алекс прошел по следам в спальню сестры. Толкнул дверь.

Что-то лежало на кровати Афины, что-то грязное и в ночной рубашке, что-то с костлявыми руками и без головы. Торс этого чего-то заканчивался обрубок шеи. Алексу потребовалось несколько ударов сердца, чтобы понять, что это что-то было его матерью. Или тем, что от нее осталось.

Алекс прислонился к косяку, мышцы его ослабли.

Она обещала не убивать мать, но все-таки это сделала. Не удивительно, что она не отвечает.

Алекс потер лицо руками. Червячок тревоги вился в его мыслях. Тот факт, что Афина все-таки убила их мать, не беспокоил его. Но его удивило состояние тела и местонахождение — спальня Афины, а не ее лаборатория.

И где голова матери?

Убрав руки от лица, Алекс оттолкнулся от косяка и пошел по коридору в свою комнату. Он открыл сейф с оружием и вытащил оттуда новый магазин для СВ. Положив кольт в сейф, он закрыл его. Алекс вставил магазин на место и снова засунул СВ за пояс джинсов.

Время выгрузить из машины спящих и проверить отца.

Алекс уронил походную сумку Энни с обернутой в белье бутылкой абсента на ковер рядом с дверью в главный дом. Данте лежал на диване, его испачканные кровью руки были скованы наручниками сзади. Вампир был все еще без сознания, но, по крайней мере, кровь

из носа у него больше не шла, как и из пулевого ранения на груди.

Алекс прошел через комнату в коридор и заглянул в гостевую спальню. Энни спала, свернувшись на левом боку поверх одеяла, ее запястья и лодыжки были связаны пластиковыми наручниками-стяжками. Он убрал клейкую ленту с ее рта. Она скоро проснется и здесь в глуши может шуметь, сколько ей вздумается.

Идя по коридору в темную комнату матери, Алекс следовал за шепотом сестры. Он остановился в дверном проеме, пальцы замерли над выключателем. Он закрыл глаза, греясь в теплой и электрической близости близнеца, как кот на солнце, и не обращал внимания на смесь запахов свернувшейся крови и разложения, вьющихся в воздухе.

— Триводномтриводномтриводном...

— Афина? — мягко спросил он, открывая глаза. Шепот прекратился.

— Александр вернулся победителем, — ее голос дрожал от гордости. — Узри Царя Подземного мира.

Алекс щелкнул выключателем, комната наполнилась светом.

Indian Motorcycle гromыхал в ночи, звук начал вибрировать в позвоночнике Вона, когда он прислонился к кофру, прикрепленному к байку Марли Уайлд, и положил правую руку ей на бедро. Ветер гулял в его волосах, лицо покалывало холодным дождем. Он вытер пальцем капли воды с очков, скрывающих глаза. Блондинистые дреды Марли вились вокруг ее головы как змеи Медузы Горгоны.

Ее партнер Глен Один-Восемьдесят газовал на своем кобальтово-синем Kawasaki Versys рядом с ними, проезжая вперед на несколько метров. Черная татуировка в виде птицы в форме V виднелась на его щеке, определяя его к клану Воронов. Когда он снова начал отставать, Вон выставил оба средних пальца — пошел ты дважды. Он поймал проблеск зубов, когда бродяга ухмыльнулся.

Пошел ты дважды. Фраза Данте. А Данте и Хэзер были причиной тому, что Вон летел по дороге от Портленда к Дамаску со скоростью семьдесят пять миль в час позади Марли на Indian, вместо того чтобы сидеть рядом с Сильвером в самолете, направляющемся в Новый Орлеан.

Вон разговаривает с парой Воронов у кофейни «Датч Бразерс» внутри терминала; в следующий момент боль бензопилой прорезается сквозь его расслабленные щиты в разум. Буквально ударяя его под зад.

Данте.

Вон вливает энергию в свои щиты, стягивает и укрепляет их. Боль исчезает, но голова все еще побаливает, фантомная вспышка, привидение памяти.

Он вскакивает и бежит к стойке с платными телефонами, оставив за собой толпу туристов, приехавших на уикенд. Вытащив визитку Хэзер из кармана куртки, Вон вставляет в слот монетку и набирает номер телефона.

Ему становится все холоднее с каждым гудком. Он оставляет сообщение на голосовую почту и решает просить помощи.

Вороны — почтенные братья, странники ночи — были счастливы подбросить Вона к дому Хэзер. Trans Am там не было. Вон перепрыгнул через ограду и обогнул дом, подошел с задней стороны и глянул через окно в гостиную. Упакованные коробки Хэзер были все еще

здесь. Так же, как и походная сумка Данте.

И Вон *знал*. Спокойно, холодно и интуитивно.

Это дело не рук второй команды, что пыталась схватить Хэзер. Не автокатастрофа. И даже не проклятые Падшие.

Алекс Лайонс отказался принять ответ «нет».

Все, что ты должен сделать, — это вылечить мою сестру.

Лайонс знал, как инициировать Данте. Знал, как лучше всего причинить ему боль.

Вспомнив, что Хэзер говорила про дом Лайонса в Дамаске, Вон послал сообщение Трею в Новый Орлеан и попросил его найти в интернете адрес. Девяносто секунд спустя Вон попросил Воронов повезти его на юг.

Он держал руку на бедре Марли, капли дождя жалили его лицо, словно сердитые пчелы. Вон хотел, чтобы они могли быстрее проглотить эту дорогу.

Он никогда не должен был покидать Данте. Не должен был позволять ему уходить.

Алекс уставился на Царя Подземного мира, кровь застыла в его жилах.

Она стояла между двумя занятыми кроватями с улыбкой на губах, испачканное грязью лицо светилось так, будто огонь горел под кожей. Длинная белая туника, запачканная кровью, была подпоясана на талии, делая грациозными ее стройные формы. В одной грязной руке она держала копье из коллекции их отца, а в другой что-то похожее на яблоко или гранат, или... *«Нет, слишком большое, — подумал Алекс, — слишком деформированное и влажное»*. Она держала сердце.

— Добро пожаловать домой, мой Ксандр, — сказала Афина-Аид.

Богиня мудрости Алекса уплывала от него с каждым ее вдохом, словно воздушный змей с порванной веревкой.

Веревка, которую Данте мог не только починить, но и смотать на катушку и привязать. Алекс убедится в этом.

— Я привел Данте домой, — сказал Алекс, подойдя к сестре.

— Я знаю, — она склонила голову и пожала плечами. — Он видит сны.

— Слава Богу, ты вернулся, — простонал его отец с кровати по правую руку, голос его был тонким от облегчения. — Она предала нас. Она помогла ассасину войти в дом. Она убила твою мать... — ярость охватила его слова, и он затих.

— Думаю, это акт милосердия, — ответил Алекс. — Мама умирала в течение нескольких лет.

Он оглядел комнату, фиксируя все изменения декора, сделанные его сестрой.

Гирлянда сине-серых кишок висела сверху задернутых штор и свисала с каждой стороны от окна. Голова мужчины с маленькой пулевой раной во лбу была установлена на ночном столике рядом с кроватью Матери. А на кровати той спала темноволосая женщина, ее запястья и лодыжки были связаны кожаными ремнями.

— Идущая по канату? — спросил Алекс.

— Да, когда-то, — сказала Афина-Аид. — Теперь она пища для нашего Данте.

Все еще держа руку сестры, Алекс повернулся к отцу. Роберт Уэллс уставился на него бешеными с красными прожилками глазами, беспомощный и полный ненависти. «Заслуженный удар по яйцам от кармы», — подумал Алекс.

— Я инициировал Данте, — сказал Алекс, держа взгляд отца. — Он сделал все по твоим инструкциям. Родригез мертв. И я не думаю, что это была приятная смерть. Данте — эффективное орудие, но не очень нежное.

Отец сделал глубокий вдох, затем кивнул:

— Если ты надеешься успешно использовать его, я тебе нужен, Александр.

— Я заметил твою меру предосторожности. Он не может даже удержать в памяти твое имя.

Рот отца растянулся в самодовольной улыбке.

— Помни эти слова: мера предосторожности.

— Помни эти слова: мешок на голову. — Улыбка отца дрогнула. — И еще: клейкая лента. Если Данте не сможет увидеть твое лицо или услышать твой голос, чувствую, у него не будет проблем убить тебя.

— Разрушить тебя, — сказала Афина-Аид.

Их отец побледнел.

— Я все еще нужен вам. У меня карта.

— Нет, — ответила Афина-Аид. — Данте должен вспомнить. И когда он это сделает, он раздерет тебя на части. — Повернувшись, она вышла из комнаты.

— Я могу убедить С исцелить Афины, — сказал Отец. Пот блеснул у него на лбу.

— Знаешь, я всегда думал, что мать была права в одном, — сказал Алекс, подходя к проему двери. Остановившись у порога, он продолжил: — Я думаю, Александр Великий расправился со своим стариком отцом, королем Филиппом, убил его. Спокойной ночи, Отец.

Алекс выключил свет и закрыл дверь.

Хэзер припарковалась позади Dodge Ram Алекса. Перевела рычаг переключения передач Trans Am в нейтральную позицию, выключила фары и мотор. Ночь, глубокая и бесконечная, обхватила и поглотила места, только что освещаемые фарами.

Она выбралась из Trans Am и положила в карман ключи. Не желая давать Лайонсу еще одного повода ее обыскивать, оставила свой плащ на заднем сиденье автомобиля. Воздух был полон запахов сосны и мокрой земли, благодаря деревьям рядом с домами. Ручей журчал по камням. Бледный свет сочился из окон и падал на темные изгибы кустов и кустарников. Она оглядела один дом, потом другой, думая, в какой из них ей нужно идти; Алекс не удосужился упомянуть, что есть два дома.

Как только Хэзер двинулась через двор к главному дому, передняя дверь отворилась, и фигура в ореоле света вышла на крыльцо, держа в руке пистолет.

— Ты почти опоздала, — сказал Лайонс.

— Это место не так просто найти, — ответила Хэзер. Она остановилась у подножия лестницы. — Позволь мне отдать ключи от машины Энни. Позволь ей уйти. Зачем тебе все трое из нас?

Лайонс провел рукой по волосам, лицо его было задумчивым.

— Возможно, ты права. Давай, заходи, посмотрим, сможем ли мы договориться.

Хэзер поставила ногу на нижнюю ступеньку.

— Ты лгал мне прежде. Мне нужно от тебя сдержанное слово, — сказала она. — Ты

позволишь Энни взять машину и уехать, и я твоя.

— У меня Данте, так что ты в любом случае моя. — Алекс развернулся и неторопливо вошел в дом. — Насчет Энни мы поговорим.

Напряженная, как сжатый кулак, Хэзер поднялась по ступенькам и вошла в дом. Сердце ее пропустило удар, когда она увидела Данте на диване и все еще без сознания.

— Он в порядке, — сказал Лайонс, на губах играла понимающая улыбка.

Телепат. Ей нужно быть осторожной.

— Где Энни? — Она прошлась взглядом по комнате — кожаные кресла, широкоэкранный телевизор, книжные полки, кофейный столик — помечая о местоположения окон, возможные выходы, коридор, проход в кухню.

— Моя сестра доставит ее. — Лайонс кивнул на ближайшее к дивану кресло. — Садись, Уоллес. Устраивайся комфортно. Тебе придется побыть здесь некоторое время. А, да, вытяни руки и соедини запястья.

После того, как ее запястья были связаны пластиковыми стяжками, Хэзер уселась на край кресла, кожа под ней скрипнула. Алекс подошел к дивану, наклонился и помахал капсулой с каким-то веществом под носом Данте. Данте шевельнулся, затем его голова отдернулась от капсулы. Хэзер поймала дуновение резкого запаха.

— Встань и свети, — пробормотал Лайонс и засунул капсулу в карман джинсов. Взяв Данте за бицепс, он приподнял его.

Данте стряхнул волосы с лица. Моргнув, он осмотрел комнату, и Хэзер могла только представить, о чем он думает: *Где я, черт возьми?* Он посмотрел на Лайонса, и что-то очень темное и опасное мелькнуло на его лице.

— Я заплатил за Энни? — спросил Данте, его каджунский акцент был явным, слова немного вязкими. — Она в сохранности?

— Нет, — вставила Хэзер прежде, чем Лайонс смог ответить. — Он лгал нам. Энни все еще у него.

Взгляд Данте переместился на Хэзер, и опасный свет исчез с его лица.

— Ты в порядке, *chérie*? — Глаза его были остекленевшими, зрачки расширены так, что только тонкое кольцо темно-коричневого цвета с красными прожилками окружало каждый из них.

— Со мной все хорошо, — сказала она. — Я просто пытаюсь убедить Лайонса отдать Энни ключи от машины, чтобы она смогла уехать.

Взгляд Данте вернулся к Лайонсу.

— Я сделал то, что, черт возьми, должен был сделать?

Лайонс кивнул:

— Сделал.

Желваки заходили у Данте.

— Да? Тогда почему ты до сих пор держишь Хэзер и Энни? Ты хочешь, чтобы я излечил твою сестру? Я сделаю это.

Лайонс хихикнул.

— Вот так просто?

Данте кивнул.

— Я могу быть таким покладистым, каким ты хочешь меня видеть. Просто дай им уйти. — Его ноздри расширились, как от запаха чего-то дурного, потом он повернулся и посмотрел в коридор. — Черт, — прошептал он.

Зловоние смерти вплелось в воздух, скользкое и густое, за ним следовал поток слов, которые Хэзер не могла разобрать. Высокая стройная женщина в белой тоге греческого стиля с темными грязными пятнами зашла в комнату. В одной запачканной руке она несла копье, другой сжимала ладонь Энни, у которой глаза были широко распахнуты.

— Моя сестра, — сказал Лайонс. Странная смесь любви и отчаяния пронеслась по его лицу. — Царь Подземного мира.

Дрожь прошла по позвоночнику Хэзер. Если это сестра Лайонса, то ей хуже, чем представляла Хэзер, намного хуже.

— Что ты видишь, мой Аид? — спросил Лайонс тихо.

Поток бормотания прекратился. Афина Уэллс посмотрела на Данте.

— Я не могу видеть ничего дальше его красивого лица, — голос ее был низким и полным удивления. — Я пыталась, и пыталась, и пыталась. Либо он блокирует путь, либо он сам путь.

— Путь? — спросил Лайонс. Он обошел диван и забрал Энни из рук сестры, проводил ее к креслу Хэзер.

Хэзер увидела страх в глазах Энни.

— Все будет хорошо, — пообещала она. — Мы вытащим тебя отсюда.

— Я все испортила, — прошептала Энни. Она отвела взгляд, моргнула, сжала челюсти.

— Отдай мне ключи от машины, — сказал Лайонс, протягивая руку.

Поднявшись, Хэзер засунула руку в карман джинсов, схватила ключи и вытащила их. Она быстро посмотрела на Энни, встретившись с ней взглядом, и уронила ключи. Они звякнули о ковер.

Энни схватила их как первый бейсмен, ныряющий за низким мячом.

— Упс, — сказала Хэзер.

Лайонс посмотрел на нее, почти улыбаясь.

— Успокойся, Уоллес, — открыв карманный нож, он перерезал стяжки на руках Энни. — Так, хорошо, Энни может идти. Я даже провожу ее до машины.

Блеск в глазах Лайонса намекнул, что грядет неприятность: пуля попадет в голову Энни под кронами сосен, ее тело бросят в багажник машины Хэзер, или, может быть, в лес.

Холод пронзил Хэзер.

— Нет, стой...

Резким толчком в грудь Лайонс пихнул Хэзер обратно в кресло. Она приземлилась жестко и головой ударилась о спинку.

Пятно плавного движения пронеслось в поле зрения Хэзер, неясные очертания темной одежды и белой кожи рванули с дивана. Лайонс повалился на пол, Данте поверх него. Пистолет, который Лайонс только что вытащил, вылетел из его руки, пересек ковер и исчез под тумбочкой с телевизором.

Хэзер прыгнула на ноги.

— Энни! Беги!

Энни развернулась и выбежала в главную дверь.

— Вы обе! — закричал Данте, усаживаясь на Лайонса. — Бегите, черт возьми!

Все еще со скованными за спиной руками, он опустил лицо к глотке Лайонса. Проблеск клыков, и он вонзился не то в руку Лайонса, что подлетела к горлу, не то в само горло.

Снаружи на крыльце Энни остановилась у окна и губами сказала бежать. Но Хэзер покачала головой и прожестикуюлировала Энни, чтобы та не останавливалась. Она не станет,

не сможет покинуть Данте. Они были вместе в этом бою.

Глаза Энни расширились в ужасе, она закрыла рот рукой.

Кожу укололо, Хэзер развернулась.

Царь Подземного мира воткнула копье в спину Данте, аккуратно под его левой лопаткой.

Данте сделал резкий полный боли вдох. Она выдернула копье, с его наконечника капала темная кровь. Она развернулась лицом к Хэзер с захватывающей дух улыбкой. Хэзер застыла.

Снаружи ожил Trans Am. Гравий зашуршал под колесами.

— Добро пожаловать в Ад, — сказала Афина Уэллс.

Глава 37

Сломленный

*Дамаск, Орегон
24–25 марта*

Энни выехала на темную дорогу, перевела Trans Am на пятую скорость, уносясь подальше от извивающейся подъездной дорожки с надписью: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ», подальше от образа Царицы Подземного мира, вонзающей свое копьё Данте. Подальше от образа связанной сестры, оставшейся в капкане этого дома ужасов.

Энни! Беги!

Но она не могла сбежать от правды.

Потому что из-за ее глупости Хэзер и Данте могут умереть.

Ударив по тормозам, Энни заставила Trans Am остановиться со скрежетом, запахом горячей резины и дымом. Сердце начало неистово биться, она почувствовала себя слабой и больной. Воздух застрял комом в горле, с губ сорвался всхлип.

Однажды я уже почти потеряла Хэзер. Она все еще жива и со мной только из-за Данте.

Не уходи! Возьми себя в руки! Сделай что-нибудь, черт возьми!

Энни обыскала машину в поисках телефона, залезла в брошенный плащ Хэзер, в бардачок, но ничего не нашла. Она ударила кулаками по рулю и закричала:

— Четр! Черт! Черт!

В любом случае, кому бы она стала звонить? Копам? Она даже не знала, где находится, и никогда не доверяла копам. Позвонить отцу? Горькая злость просочилась в нее. Она посмотрела в лобовое окно. Ночь простиралась вниз по дороге и сливалась с темными деревьями, возвышающимися на холмах, разбросанные огни мерцали вдали, как крошечные свечи.

Свечи. Свет свечей, мерцающий в глазах Сильвера. Его шепот в ее памяти: *Когда мы пьем у кого-то кровь, образуется временная связь, поэтому ты можешь сейчас слышать мои мысли. Скованные-кровью, как говорит мой père de sang. Ты можешь попрощаться со мной мысленно, Энни, и я могу ответить тебе тем же.*

К черту твое прощание и к черту тебя!

Закрыв глаза и засунув куда подальше свою гордость, Энни позвала Сильвера.

Данте выплюнул кровь. Боль жгла его спину и грудь. Все тело болело. Он ощутил, как его подняли, а затем опустили, но не ощутил прикосновения рук.

Я вернулся в фургон Извращенца. Мчимся сквозь ночь. Должно быть, мне приснилось, что я вырвался.

Что-то теплое и влажное коснулось его раздраженных век. Он почувствовал кровь, собственную, смешанную с алкоголем, с анисово-сладким и полынно-горьким привкусом абсента. Зеленый свет камнем проскакал по поверхности его мыслей.

Постоянный бормочущий шепот, словно порыв ветра сквозь деревья или, возможно, взмах сильных крыльев в ночи, окружал его.

Святая троица дантесделаетнасединамисвятая троица дантесделаетнасединами...

Он чувствовал горячую струйку крови, текущую из носа. Рука ударила по щеке. Перед лицом щелкнули пальцами.

— Данте? Давай, парень, просыпайся. Сфокусируйся.

— Оставь его в покое, черт побери! — голос Хэзер?

— Хэзер, — прохрипел Данте. Его горло саднило, словно его поскребли наждачной бумагой.

— Здесь, Батист, я здесь.

Данте открыл глаза, но вместо ожидаемого усмехающегося лица Извращенца увидел привлекательное с легкой щетиной знакомое лицо, затем внутри что-то щелкнуло, и память встала на место — Лживый Лайонс. Марлевая повязка закрывала укусы на предплечье Лайонса, но Данте все еще чувствовал запах крови, который ударил прямо в его разрывающуюся от боли голову.

Шепот прекратился. Женский голос спросил:

— У тебя был еще один приступ. Ты восстановил какие-нибудь из воспоминаний?

Эти слова, как холодные пальцы, прошли по позвоночнику Данте. Он посмотрел в сторону голоса. Понял, что растянулся на диване, его голова покоится на коленях Лайонса, а ноги лежат на бедрах Царя Подземного мира. И у нее в руках ноутбук.

Близнец Лайонса с грязными волосами, девушка с копьем, одетая в тунику, улыбалась ему странной застенчивой и девичьей улыбкой.

— Так ты что-нибудь помнишь? — спросила она снова.

Еще один приступ? Данте запаниковал. Как много времени прошло? Он посмотрел мимо сестры Лайонса на Хэзер, неподвижно сидящую в мягком кресле. Она встретила его взгляд, лицо было бледным и напряженным, связанные руки, сжатые в кулаки, лежали на коленях.

— Энни ушла, — произнесла она, — благодаря тебе.

— Вон. Отпусти Хэзер...

Хэзер мотнула головой.

— Я останусь с тобой.

Пальцы погладили волосы Данте, погладили и дернули, болезненная ласка

— Лайонс.

— Ты не ответил Афине, — упрекнул он.

— Да пошел ты нахрен.

— Аид, — поправила его сестра. — Так у тебя появились какие-нибудь воспоминания в этот раз?

— И ты тоже можешь идти нахрен.

Лайонс дернул Данте за волосы.

— Отвечай на вопрос. Или я примусь за Хэзер.

Сжав челюсть, Данте произнес:

— Ничего. Я ничего не помню.

Но глубоко внутри осы суетились, гудели, и озноб прошел по нему. Пот стекал по его вискам. *Уверен насчет этого?*

Лайонс вздохнул.

— Хорошо, попробуй еще раз. Я ненавижу делать это с тобой.

— Лжец, — сказал Данте. Голос федерала говорил, что ему нравится делать это с ним, очень нравится. И он надеется продолжать это делать.

— Сколько уже раз?

— Пять, — ответила Царь Подземного мира.

Страх скрутился в Данте. Пять?

— Сколько приступов?

Лайонс засмеялся.

— Пять, красавец, пять. Я продолжаю думать, что ты разорвешь себя на части, но этого не происходит. По крайней мере, пока, — он сделал паузу. — Готова, Афи-Аид?

Снова появился шепот:

Святая троица данте делает нас единым с святая троица данте...

Алекс поднял зеленую бутылку, его украденную бутылку абсента.

— Открой рот шире, время для большего количества лекарства.

— Зеленые воды воспоминаний, — прошептала Афина-Аид.

— Пей больше, чтобы, когда ты будешь убивать нашего отца, ты знал за что. Тогда сможет начаться наше перерождение.

Данте сжал губы и отвернулся. Он хотел вспомнить свое прошлое, хотел увидеть, хотел знать, но на его собственных условиях и с Хэзер. Джордан пытал его прошлым, а теперь Лайонс и его безумная сестра делали то же самое.

Хватит. Пошли они все к черту.

— Твой выбор, — пробормотал Лайонс. Он крепко схватил пальцами за челюсть Данте, повернул его голову.

Покалывающая энергия, как рычагом, поддела губы Данте, вынуждая их раскрыться и вклиниваясь в уголок рта. Сердце его заколотилось о ребра в три раза быстрее, вызывая горячую, жидкую боль в груди. Пот тек по его лицу, обжигая глаза. Афина-Аид наблюдала, нахмутив белесые брови, измазанная запекшейся кровью рука покоилась на облаченной в кожу голени Данте.

— Ты причиняешь ему боль, опять, — сказала она, — ты не должен. Он часть нас.

— Еще нет. И у меня нет времени быть с ним мягким.

Мысль коснулась его горящего сознания, и Данте осознал две вещи: его щиты опустились из-за действия наркотика, и Лайонс был напуган.

<Ты должен вылечить ее. Она почти ушла. Но она убеждена, что в первую очередь ты должен быть исцелен. Так что или вспомни, или соври, черт возьми>.

Лайонс поместил бутылку абсента между губ Данте и начал вливать. Бледно-зеленая жидкость наполняла его рот быстрее, чем он мог глотать. Он задохнулся и закашлялся, пытаясь восстановить дыхание.

— Это последний раз, — произнес Лайонс.

Клин энергии исчез, и Данте, кашляя, закрыл рот, челюсть болела. Он видел, как Афина-Аид подняла ноутбук. Изображения вспыхнули на экране. Знакомые изображения. Боль вонзилась в его мысли. Он зажмурил глаза. Они не смогут продолжать мучить его, если он не будет смотреть.

Но Лайонс вздохнул и произнес:

— Снова с закрытыми глазами? Ты правда не помнишь, не так ли? Или, возможно, ты просто ужасно упрямый?

— И то, и другое, и то, и другое, и то, и другое, — распевала Афина-Аид.

Абсентовый зеленый свет крутился и вспыхивал в глазах Данте, пока сильная доза полыни расплзлась в венах, как бензин, и наполняла его сознание, в ожидании огня.

— Ты не один, Батист, — голос Хэзер был прохладным и спокойным, как вода в реке. — Я с тобой. Я с тобой. Я здесь, и я с тобой.

И Данте ухватился за это обещание со всей своей силой, отказываясь отпустить, даже когда крошечные металлические крюки пронзили его веки и подняли их вверх — снова. Даже когда ноутбук с мелькающими изображениями — это я? — приблизился к его лицу — снова. Даже когда боль прошла по нему, ломая психику, словно яйцо, об спрятанное прошлое — снова.

Образы вырывались из пьяных глубин, каждое как зажженная спичка, кинутая в пропитанный полынью мозг.

Папа Прейжсон использует специальные ремни, чтобы связать руки Данте, затем толкает его на колени перед ванной, наполненной горячей водой, от которой поднимается пар.

Ты хочешь получить наказание вместо нее, p'tit? D'accord, если ты так жаждешь получить адские муки, так получай.

Папа хватает Данте за волосы и погружает его голову и верхнюю часть тела в кипяток, удерживая его так, пока он, наконец, не сделает глубокий вдох воды и не начнет захлебываться...

Данте выпивает досуха последнего мужчину из тех, кто пришел делать плохие вещи с Хлоей, и вытирает рукой рот. Он разворачивается на коленях и тянется к своей принцессе, но она лежит на полу в луже собственной крови, ее пустые голубые глаза широко раскрыты от ужаса...

Бум!

На своих горящих крыльях осы вынесли голоса наверх.

Данте-ангел? Мне холодно. Я могу поспать с тобой?

Время спустить твою задницу в подвал, p'tit.

Что он кричит?

Очень ясное требование: Убейте меня.

Ты не один. Я здесь, и я с тобой.

Данте держался за это обещание.

Даже когда не мог держаться за что-то еще.

Даже когда больше не мог кричать.

Он держался за ее обещание.

Энни припала к земле около задней двери главного дома, подальше от света, проникающего сквозь маленькое окно в ее центре, и притаилась в затененных кустах, стараясь по минимуму хрустеть ветками и шуршать листьями. Она присела на корточки, ее колени были прижаты к груди, спина касалась дома. Пальцы скользнули по рукоятке карманного ножа, который она стащила из красного пикапа Алекса. Мучительные крики Данте замаскировали любой шум, который она могла издать, обыскивая машину. Глаза защипало.

Сильвер дал ей знать, что Вон уже едет. Но когда что-то случилось, они по какой-то причине не смогли выйти на связь.

Оставайся на месте. Вон тебя найдет.

Но Энни развернула Trans Am и поехала по шоссе, возвращаясь туда, откуда пришла. Она припарковалась у начала длинной крутой подъездной дорожки, затем двинулась к дому.

Энни расшнуровала свои Docs, стянула их с ног и спрятала в кустах. Пульс ускорился, и с желанием выпить пива, воды, чего угодно она встала. Она открыла заднюю дверь и проскользнула в ярко освещенную кухню до того, как смогла бы себя отговорить.

Хэзер вытерла слезы с лица тыльной стороной связанной руки. Данте наполовину развалился на диване, ноги, обутые в ботинки, касались пола. Глаза открыты, но невидящий взгляд обращен внутрь, тело скручено от боли.

У нее перехватило дыхание в горле. Он выглядел сломленным. Игрушка, которую злой ребенок тряс из стороны в сторону, а затем отшвырнул.

Она потеряла счет тому, сколько раз Лайонс и его сестра пытались разбудить воспоминания Данте. Потеряла счет припадкам, которые перенес Данте.

Данте умолкает, когда приступ дрожи проходит через все его тело. Его мышцы деревенеют, спина выгибается дугой, и конечности выкручиваются. Голова болтается из стороны в сторону, он в беспамятстве. Кровь вылетает в воздух из носа, рта, проколотых век. Близнецы толкают Данте на пол и позволяют припадку следовать своему пути.

Афина опускается на колени на забрызганный кровью ковер рядом с Данте и шепчет ему: Вспомниивспомниивспомниивспомни...

Припадок заканчивается, и Данте сворачивается на полу, ошеломленный и дрожащий, с прилипшими ко лбу и щекам влажными от пота черными волосами.

Лайонс поднимает Данте в воздух и возвращает назад на диван. Он наклоняется над Данте с салфеткой и вытирает кровь с его лица. И процесс снова начинается с самого начала.

И каждый новый припадок хуже предыдущего.

Афина прошла в другой конец комнаты, копые ударилось о ковер при каждом ее шаге. Отражение в окне позади нее повторяло каждое ее движение.

— Я не могу видеть за Данте. От него ничего не тянется. — Она посмотрела на брата. — Он либо наш конец, либо наше начало.

— Я не думаю, что мы способны исцелить его, — сказал Лайонс. Он пропустил обе руки через свои кудри. — Не сможем без помощи Отца. Возможно, он сказал правду о лабиринте.

— Он расскажет нам что угодно, чтобы освободиться. — Афина перестала расхаживать и повернулась к своему близнецу. Горькая усмешка коснулась ее губ. — Но он только проведет нас к минотавру в сердце лабиринта.

Хэзер замерла. Уэллс был здесь? Пленником у собственных извращенных детей? Она почувствовала темную улыбку на своих губах. Возможно, все-таки существовала такая вещь как карма. Она надеялась, что он останется пленником. И не хотела думать о том, что он может сделать с Данте, если освободится. Или хуже, что он может заставить Данте сделать.

Не хотела думать о том, что бы она сделала с Уэллсом, если бы представился шанс.

— Кровь должна придать Данте сил для восстановления его прошлого, — сказала Афина-Аид.

Лайонс кивнул:

— Я принесу его еду, — и вышел из комнаты.

С тихим вздохом Афина-ветер ворвался в воздух.

— Святаятроицаданте... — она продолжила шагать, копьё еще раз ударилось об пол, глаза ее были закрыты.

— Святаятроицадантесделаетнасединамисвятаятроица...

Надеясь, что Афина была так же потеряна в своих мыслях, как и когда только появилась, Хэзер поднялась с кресла. Пульс ускорился, она встала на колени рядом с диваном и коснулась лица Данте.

— Ты можешь подняться? — прошептала она.

Он закрыл глаза, черные ресницы резко контрастировали с кожей. Три слова слетели с его губ и сжали сердце Хэзер.

— Маленький гребаный псих.

Маленький гребаный псих.

Цепи обмотаны вокруг его лодыжек, он висит вверх тормашками над телами мужчин, которых убил. Над телом девочки, которую старался защитить, но вместо этого безжалостно убил.

Хлоя. Хлоя. Хлоя.

Сердце билось, быстро, как колибри, и слабо, Данте чувствовал запах шалфея, сирени и дымчатого горя. Голод выскабливал его сердце.

Ты не один. Я с тобой. Я здесь, и я с тобой.

Прохладный белый свет окружил его, священная тишина. Обещание Хэзер.

— На ноги, Батист, — прошептал голос, — давай.

Данте открыл глаза и посмотрел в синие глаза Хэзер. В сумеречных глубинах мерцал страх.

— Chérie, — выдохнул он.

Страх исчез, и она кивнула, улыбка коснулась ее губ.

— Мы должны уходить, сейчас.

Данте соскользнул с дивана. Комната закружилась вокруг него. Голова была словно наполнена разбитым стеклом. Хэзер просунула скованные запястья под его руку и попыталась поставить его на ноги. Черные мушки заплясали в глазах. Боль колола его, извиваясь, словно шипастая лоза, через его внутренности. Спотыкаясь, он поднялся с помощью Хэзер. Она вела его к двери, пока он концентрировался на том, чтобы двигать своими ногами.

Тихое шуршание ветра сквозь верхушки деревьев прекратилось.

Мороз пробежал по позвоночнику Данте. Хэзер подтолкнула его, подгоняя.

— Маленький бог, — произнес женский голос, знакомый голос. Свихнувшаяся сестра Лайонса. — Если ты снова хочешь спасти Хэзер от смерти, я с удовольствием окажу услугу.

Данте освободился от хватки Хэзер и развернулся. Афина-Аид стояла в ярде от них, копьё поднято и нацелено на Хэзер. Любопытство горело в ее глазах. Данте встал перед

Хэзер, прижимаясь спиной к ее спине.

— Продолжай идти к двери, — сказал он.

— Поняла.

Но, как только Хэзер сделал еще один шаг, Данте почувствовал, как какой-то осколок сдвинулся в голове, и электрический удар прошелся сквозь череп. Его мышцы задеревенели. Свет ослепил его, искрящаяся белая вспышка.

Память прорезалась.

Très joli, вот этот, словно ангел. Играй с ним сколько хочешь, но ничего не клади ему в рот. Мальчик кусается.

Словно ангел, ах, малыш, который даже не начал скрывать это.

Мужчина гладит волосы Данте, черный локон скручивается вокруг его пальца. Ублюдка зовут Эдди. Он посещал Данте в подвале множество раз. В этот раз он принес подарок — пачку комиксов. Данте хочет, чтобы он закончил и ушел, чтобы он мог посмотреть комиксы и попрактиковать свое чтение. А позже поделиться ими с Хлоей.

В этот раз Эдди нежен и полон осторожных поцелуев. От некоторых вещей Данте получает удовольствие, такое, отчего закрывает глаза и втягивает воздух. О да, получает удовольствие, но он все еще ненавидит Эдди и всех тех, кто шумно спускается вниз по этим чертовым ступеням подвала.

Как ты думаешь, ты смог бы меня полюбить?

Нет.

Если бы Папа снял твои наручники, тогда бы смог полюбить меня?

Нет. Тогда бы я тебя убил.

Когда ублюдок Эдди уходит, то забирает комиксы с собой. И Папа, злой как черт, спускается по лестнице.

Мир утекал. Время утекало.

И Данте чувствовал, как падает, падает, падает.

Глава 38

До конца моей жизни, до конца твоей жизни

*Дамаск, Орегон
25 марта*

Приступ кончился.

Данте неподвижно лежал на полу, глаза закрыты, дыхание неровное. Пот стекал по вискам, кровь струилась изо рта и носа. Хэзер стояла на коленях рядом с ним и яростно моргала до тех пор, пока зрение не прояснилось. Ее руки дрожали, когда она откинула волосы с его лица.

— Ты убиваешь его, — горло сжалось так, что ей стало трудно говорить. Она перевела взгляд на Афиноу-Аида. — Он не вспомнит этого. Для всех, кого вы знаете, ваш отец запрограммировал гарантию-самоуничтожение в мозгу Данте.

— Самоуничтожение, — размышляла Афина-Аид. Она склонила голову.

— Может быть, ты права. Я хотела, чтобы он знал, почему убивает отца, но, может быть, это не имеет значения.

— Я думала, что Данте должен был исцелить тебя.

— Исцелить меня? — Афина-Аида улыбнулась. — Нет.

— Но твой брат сказал...

— Что я сказал? — спросил Лайонс.

Он вошел в комнату с перекинутым через плечо телом. Кроссовки, связанные лодыжки, черные джинсы и черный свитер, руки в наручниках за спиной, худые, но округлые бедра, — это была женщина.

— Что ты хотел, чтобы Данте исцелил твою сестру, — ответила Хэзер.

— Мне не нужно исцеление, — сказала Афина-Аид. — Я та, кем должна быть.

Мрачное отчаяние промелькнуло на лице Лайонса.

— Конечно, но Данте может сделать так, что тебе больше никогда не понадобятся лекарства. Ты сможешь спать.

— Нам не нужно будет спать, когда мы будем едины — Сокрушитель, Советник и Создатель.

— Ты знаешь, как мы объединимся?

Ожил шепот ветра:

— Святаятроицадантесделаетнасединамисвятаятроица...

Стрельнув в Хэзер яростным взглядом, Лайонс бросил женщину, которую нес, на диван. Она приземлилась набок, темные волосы рассыпались по ее лицу. Рот был заклеен клейкой лентой. Она находилась в сознании и спокойно переводила взгляд от Хэзер к Данте. Узнавание сверкнуло в ее карих глазах.

Она знает, кто мы такие, или, как минимум, кто такой Данте.

Она также казалась очень спокойной и собранной для связанной женщины с заткнутым ртом, которую собирались отдать созданию ночи. Хэзер было интересно, кто она и как оказалась на диване Лайонса.

— Твой отец хотел знать, поставил ли Данте под угрозу твою человечность, — сказал Лайонс, его взгляд остановился на Хэзер. — Спорим, что он без колебаний сдаст тебя ТО,

если поверит, что Данте это сделал.

Хэзер выдержала его взгляд.

— Это лучшее, что ты можешь сделать?

Челюсть Лайонса дрогнула.

— Просто разогреваюсь. — Пошарив в кармане джинсов, он вынул перочинный нож. Раскрыл лезвие. — Когда-нибудь видела, как твой парень питается?

Холодок коснулся сердца Хэзер. Она вспомнила тело Родригеза, распростертое на полу его кабинета. Вспомнила, как Данте разорвал Этьена на скотобойне в Новом Орлеане. Вспомнила терпкий запах пролитой крови.

Лайонс перегнулся через женщину, лежащую на диване, и порезал ей горло ножом. Тонкая струйка крови потекла из раны, исчезая за воротником свитера. Потом Лайонс повернулся и поднес окровавленное лезвие к носу Данте.

— Проснись и угощайся, — сказал Лайонс.

Ноздри Данте затрепетали. Глаза открылись.

— J'ai faim^[50], — прошептал он.

Задержав дыхание в воняющей комнате, Энни поспешно расстегнула последний ремешок на лодыжке мужчины. Он сел, а потом спустил ноги с кровати. Одна обутая в тапочку нога задела капельницу, капельницу, которую венчала голова седоволосой женщины, ее лицо с раскрытым ртом было направлено, как прожектор, прожектор из плоти, на его кровать. Кое-что, на что Энни старалась больше не смотреть.

Не получалось.

Когда она увидела Алекса, выходящего из этой комнаты с женщиной, перекинутой через плечо, ей стало интересно, сколько людей Близнецы- Психопаты спрятали в своем Доме Ужасов. Если она найдет их и освободит, хоть кто-нибудь поможет спасти Хэзер и Данте?

— Ты кто? — прошептал он. Ему, должно быть, было примерно столько же лет, сколько ее отцу, возможно, немного больше.

— Энни, — прошептала она. — А ты?

— Боб.

Энни взглянула на дверь. За ней было ужасающе тихо. Она прокралась по ковру к двери и прислушалась. Низкий голос, потом еще один. Не было звука шагов, направляющихся дальше по коридору. Она выдохнула с облегчением, оглянулась на Боба и заметила стакан на тумбе рядом с его кроватью/тюрьмой. Горло саднило так, будто внутри был кактус.

— Это вода?

Боб проследил за ее взглядом к стакану.

— Да.

Осторожно обойдя капельницу и прожектор из плоти на ней, Энни положила складной нож на тумбу и схватила стакан. Она выпила воду комнатной температуры в два больших глотка и ей захотелось больше. Когда она поставила стакан обратно на тумбу, то заметила, что складной нож исчез.

«Наверное, упал», — подумала она, осматривая бежевый ковер.

Пружины кровати заскрипели, когда Боб встал.

— Ты видел, куда делся мой нож? — прошептала она.

Руки Боба скользнули вокруг ее плеч, как будто для поддержки, и он прижался к ней, воняя потом и мочой, как старый пьяница.

— Он здесь, — пробормотал он и приставил что-то острое, стальное и холодное к ее глотке.

Данте Батист перекатился на колени, его взгляд остановился на окровавленной шее Катерины. Голод и иступление горели в его темных, расширенных глазах. Красивое лицо было отравлено болью. Усталость окрасила кожу под глазами в синий. Он подобрался к дивану, потом прижался к ней.

Хэзер Уоллес стояла на коленях позади него, ее внимание было приковано не к Данте, а к чему-то другому на полу или, может быть, под диваном. Катерине было интересно, что нашла Хэзер, она надеялась, что это оружие. Она видела горькую ненависть, кипящую в глазах Уоллес, когда та встретила взглядом с Лайонсом.

Ненависть, которую Катерина понимала и разделяла.

Крики Данте до сих пор звучали в ее голове. Данте, возможно, смог сбежать от Плохого Семени, но его мучения никогда не закончатся.

Данте нагнулся над Катериной. Он приблизил свое лицо к ее горлу, его губы раздвинулись, открывая клыки. Ей хотелось бы, чтобы ее руки были свободны, Катерина попыталась откинуть назад волосы, потом выгнула шею, чтобы упростить ему доступ к крови, так как его руки тоже были связаны.

Она почувствовала жаркое прикосновение его губ, и сердце заколотилось сильнее. Катерина заставила себя не дергаться, когда его клыки пронзили ее кожу. Рената научила ее навыкам, необходимым для выживания среди вампиров.

Никогда не борись, моя милая. Это пробудит охотника, особенно в молодых. Если ты станешь бороться, они будут рвать, раздирать и захватывать добычу. Будь спокойна. Будь сосредоточена. И заткни свои мысли — тебя услышат. И это сохранит тебе жизнь.

Жесткое и лихорадочно дрожащее тело Данте прижалось к ней, когда он пил ее большими голодными глотками. Катерина почувствовала отголоски его запаха — осень, опавшие листья и густая темная почва — земляного и теплого. Ее глаза закрылись.

Она чувствовала, как засыпает. Погружается в глубокий долгий сон.

Мысль вонзилась ей в мозг: *Как, будучи мертвой, ты сможешь защитить принца Истинной крови, это дитя Падшего? Если ты напоишь его каждой каплей своей крови, кто защитит его?*

Катерина заставила себя открыть глаза. Ритм сердца замедлился. Укусив себя за внутреннюю сторону щеки, она использовала боль, чтобы отодвинуть волну сонливости. Лоб покрылся холодным потом. Она сфокусировала свои мысли на Данте.

Для меня будет честью стать твоей fille de sang, если ты станешь моим père de sang.

Данте перестал пить, притих. Прислушался.

Катерина направила всю свою концентрацию, всю свою оставшуюся энергию в то, что могло стать ее последними словами: *Я всегда думала, что, когда я буду готова, то приму клятву крови от моей матери, но мне выпала честь стать твоей fille de sang, Данте Батист, если ты позволишь.*

Он поднял голову. Теперь его взгляд был чист и ясен, лихорадка прошла. Он слизнул ее

кровь со своих прекрасных губ. Золотой свет мерцал в глубине его глаз.

— Твоя мать — создание ночи?

Катерина кивнула. Удивление мелькнуло на лице Данте.

— Спасибо за то, что подарила мне свою кровь, — сказал он, понизив голос, интонация его слов была по-каджунски музыкальной. — Но я не выпью больше. Я оставлю ночь выбора тебе и твоей матери.

Несмотря на голод, томившийся в глазах, Данте отодвинулся от нее. Катерина пожалела, что потеряла лихорадочный жар его тела. Ее кожа покрылась мурашками, и она задрожала, холодея изнутри и снаружи.

— Твое имя, — сказал он. — Ты знаешь мое.

Катерина, дочь Ренаты Алессы Кортини, — подумала она, в конце концов впадая в длинное глубокое забытие, обещанное с тех пор, как его губы впервые коснулись ее шеи.

Со вкусом крови Катерины на языке, Данте развернулся на коленях и оказался лицом к лицу с Хэзер. Она сидела на пятках, ее взгляд сфокусировался на его лице.

— Ты?.. — Она посмотрела мимо него в сторону дивана. — Ее?..

— Нет.

Облегчение промелькнуло на лице Хэзер.

Но если бы Катерина не направила к нему свои мысли, он мог бы иссушить ее не задумываясь, и это его беспокоило. Одно дело — охотиться на тех, кто причиняет вред другим, или принимать предложенную кровь, но питаться от связанного и беспомощного смертного — совершенно другое.

Ему вспомнились слова Вона: *Ты слишком молод и терпишь слишком много боли.*

Может быть, так и есть, топ аті. Тем не менее, это не оправдание.

— Не хочешь доесть? — спросила Афина-Аид.

Данте покачал головой, и разбитое стекло в его голове сдвинулось и оцарапало его. Свет танцевал в его разуме зелеными электрическими искрами. У него перехватило дыхание.

Хэзер потянулась к нему, прядь рыжих волос соскользнула на ее лицо, и зрение Данте затуманилось...

Хлоя выпрыгивает из спальни, одетая в фиолетовую кофточку с Винни Пухом, которую он стащил для нее из «Уолгрин». Улыбаясь, со сверкающими голубыми глазами, она обхватывает его руками и обнимает. Она пахнет земляникой и мылом.

Она подошла, Данте-ангел! Идеально!

Он смеется.

Данте моргнул. В зоне фокуса кружился потолок с балками из темного дерева. Он почувствовал вкус крови, своей крови. Боль пронзила суставы.

— Тебе нужно еще крови? — Хэзер нагнулась над ним, ее глаза блестели, ресницы были мокрыми. — Я покормлю тебя, если тебе нужно больше.

Плачет? Из-за него? Его горло сжалось. Ему хотелось, чтобы он мог коснуться ее.

— Merci beaucoup, chérie, но нет. Помогите мне встать.

— Это сделаю я. — Лживый Лайонс схватил Данте за бицепс и дернул вверх.

Комната кружилась, падала, и Данте с трудом держался на ногах. Обретя баланс, он

вырвался из рук Лайонса.

— Ты поел, — сказал Лайонс. — Ты должен быть уже достаточно силен, чтобы сделать то, что обещал.

— Ça у est. Да пошел ты. Я ничего не обещал.

С тихим вздохом ожил шепот ветра:

— Святаятроицадантесделаетнасединами...

— Ты сказал, что исцелишь мою сестру.

— Да, если ты отпустишь Хэзер и Энни, но ты этого не сделал.

Лайонс взглянул на свою сестру, когда та обошла диван, ее копые выстукивало ритм шепота по ковру. Он поморгал несколько раз.

— Хорошо. Что мне нужно сделать?

— Не сделаю ничего до тех пор, пока не снимешь с меня эти чертовы наручники. И с Хэзер тоже.

Лайонс посмотрел на Данте. Его светлые брови нахмурились.

— Как я могу тебе доверять?

— Не можешь, — ответил Данте, удерживая его взгляд. — Но должен использовать свой шанс.

Покачав головой, Лайонс подошел к Хэзер, доставая оружие из-за пояса джинсов.

— Встань, — сказал он ей, указывая пистолетом. Она изящно поднялась с пола, держа подбородок высоко.

— Думаешь, что, угрожая Хэзер, приведешь меня в настроение помогать?

— Нет, — ответил Лайонс. Он откинул ее локон дулом пистолета. — Я надеюсь, что факт того, что я убью ее, удержит тебя от глупостей.

— Катись в ад, Лайонс, — сказала Хэзер.

Лайонс прислонил дуло пистолета к ее виску. Положил палец на курок.

— Мы уже там.

Пульс Данте ускорился в два раза. Пламя кипело в его венах и мозгу.

— Ранишь ее, и я урою тебя за это.

Шепот ветра стих. Царь Подземного мира перестала вышагивать.

— Моя сфера. Никто не попадет под землю, кроме как через меня.

Зловонный запах кладбища потянулся за Афиной-Аидом, когда она обошла диван и присоединилась к брату. Грязь отслаивалась от ее кожи и волнистых волос.

— Возможно, пришло время отдать ему отца.

Сердце Данте сильно забилося в его груди.

— Он здесь?

Комната внезапно завертелась, а зрение затуманилось. Он сел на диван и опустил голову. Задышал медленно и глубоко, слыша за спиной устойчивое биение сердца Катерины.

— Ты в порядке? — спросил Лайонс.

— Отсоси.

— Ты мне нужен...

— Tais toi, — сказал Данте, поднимая голову. Комната осталась на месте, это хороший знак. — Не хочу об этом слышать. Ты все еще можешь идти в задницу, далеко и надолго.

— Время для трансформации, — сказала Афина-Аид, ее голос снова был светлым и девичьим. — Чтобы управлять Подземным миром, я должна сначала войти в него, как одна из мертвых.

— Нет, нет, нет, Афина...

— Аид, — мягко поправила она и дотронулась грязной ладонью до лица брата. — После того как наш Данте воскресит меня, мы сможем править Подземным миром вместе. Разве это не то, что сказано в руководстве по Божествам и Божественным созданиям для чайников? — поддразнила она.

Лайонс рассмеялся, и это прозвучало как всхлипывание.

— Все, чего я хочу, — это ты, мой маленький оракул. Здоровая и счастливая, и чтобы круг замкнулся.

Царь Подземного мира улыбнулась:

— Но я здорова и счастлива, Ксандр. — Она убрала руку от его лица и прошла в центр гостиной с копьём в руке. — И скоро круг замкнется на веки вечные.

Она устремила светящийся, горящий, как пламя, взгляд на Данте.

— Как только ты воскресишь меня, маленький бог, я вернусь из Подземного мира, чтобы им править, и приведу с собой твою мать. Ты сможешь создать тело для нее. И сделать его каким пожелаешь.

Данте уставился на нее. *Создать тело.* Эти слова бренчали по его мыслям, как пальцы по гитарным струнам, низко резонируя.

Афина уперлась толстым концом копья в ковер перед ней, потом наклонилась так, чтобы пик копья упирался ей в середину груди.

— НЕТ! — закричал Лайонс, срываясь к сестре. Но как только он дотянулся до нее, она посмотрела мимо него. Улыбка дрожала на ее губах.

— Видишь, папочка? Видишь?

Афина-Аид бросилась на копьё.

Глава 39

Форма в сердце

Дамаск, Орегон
25 марта

Видишь, Папочка? Видишь?

Данте вскочил и развернулся. Комната завертелась, и он оперся о Хэзер.

— Держу, — сказала она, затем сделала резкий вдох. — Вот дерьмо!

Мужчина стоял в проходе темного коридора, обняв Энни за бок. Он держал нож у ее горла. А в изгибе руки Энни приютилась отрезанная голова женщины.

— Я пришла, чтобы спасти вас, — пробормотала Энни с омерзением на лице. — Я не Люк Скайуокер. Черт.

Данте посмотрел на лицо мужчины. Или попытался, во всяком случае. Лицо его было размытым, пустым, и образ его ускользал из разума Данте. Боль резала глаза, как от яркого слепящего света, пульсировала в его висках. Он не мог вспомнить, что делал или думал.

— Твой переворот провалился, Александр, — в голосе мужчины сквозили холод и презрение. — Ты даже не в силах контролировать свою душевнобольную сестру. Как ты мог надеяться завладеть С? Я ожидал от тебя большего, гораздо большего. Теперь я начну все с начала, с воскрешения невесты и производства новых потомков.

Голос человека без лица сработал как переключатель. Что-то острое сместилось внутри Данте, приводя его в действие. Его сердце забилося в жестоком и бешеном ритме.

Надеясь остановить то, что бы с ним не происходило, надеясь уберечь себя от совершения ошибочных действий, Данте зажмурил глаза и нырнул в глубины, полные гудящих ос.

— Уходи отсюда, Батист! — Хэзер толкала и вышвыривала его, отчаяние появилось в ее аромате.

— Я не покидаю тебя, — прошептал он.

И погрузился еще глубже.

*Святаятроицадантесделаетнасединамисвятаятроицайдантесделаетна
сединамисвятаятроица...*

Она доверяла тебе. Полагаю, она получила то, что заслужила.

Время принимать лекарства, p'tit.

Что он кричит?

Убейте меня.

Но он не мог упасть достаточно глубоко и достаточно быстро.

— Открой глаза, С, мой красивый ангел sans merci. Открой глаза и посмотри на меня.

Рип ван Винкль [\[51\]](#).

Голос обвился вокруг Данте, как петля, и выдернул его.

И, не имея возможности себя остановить, Данте открыл глаза и посмотрел.

Грохот Indian Марли и Kawasaki Глена унесся прочь, звук моторов растворился в тишине, когда мотоциклы уехали в темноту по блестящей от дождя дороге. Вон, нахмурившись, посмотрел на пустой Trans Am. Энни не подождала. Он покачал головой.

Глупая дурочка. Очень глупая.

Возможно, сердечность и твердость были чертой семьи Уоллес — как минимум, у потрясающих женщин с этой фамилией.

Вон открыл водительскую дверь и взял с заднего сиденья черную виниловую сумку. Расстегнув ее, вытащил горсть шприцов и несколько пузырьков с наркотиком и засунул их в карман. Он бросил сумку обратно в машину и захлопнул дверь.

Взгляд его переместился на подъездной путь под покровом ночи. Всевозможное дерьмо обрушилось на его щиты. Из чего он мог сказать, что защита Данте упала, а его демоны пробудились и властвовали.

Он надеялся, что морфина будет достаточно.

Вон заметил внедорожник с велосипедом на крыше, припаркованный у дороги чуть дальше. Внедорожник, который временно был без водителя, напомнил ему тот, что был ранее припаркован у дома Хэзер.

Похоже, я не единственный, кто шныряет сегодня ночью.

Вытащив из кобуры оба браунинга, Вон переместился.

Иницилирующие слова из сказки.

Холодные пальцы сжались вокруг сердца Хэзер, когда глаза Данте раскрылись по команде Уэллса. Красные прожилки испещряли его темные радужные оболочки. Боль расширила зрачки. Его внимание было сосредоточено на Уэллсе, но глубокая и примитивная ярость прорезалась в его глазах.

Она дотронулась до руки Данте, и он вздрогнул. Его мышцы дрожали от напряжения.

— Не слушай его, Батист, слушай меня.

— Ему не позволено слушать кого-либо другого, агент Уоллес, — сказал Уэллс, выглядевший очень изнуренным с растрепанными волосами, щетинистым лицом и в помятой одежде. — Он не будет слушать тебя.

Хэзер встретила самоуверенный взгляд Уэллса.

— То же думала и Джоанна Мур.

Самоуверенность Уэллса поугасла. Он кивнул.

— Учел. — Он прижал нож немного сильнее к горлу Энни. Она притихла, пытаясь не глотать. Линия крови показалась под лезвием. — Будь добра, отойди от С, агент Уоллес, — сказал Уэллс.

— Его зовут Данте Батист. Не С.

— Если ты так говоришь. А теперь двигайся. Сядь на пол.

Убрав пальцы с руки Данте, Хэзер отошла в сторону на несколько шагов, затем села на колени рядом с диваном. Она рассматривала свою сестру. Та выглядела бледной и растрепанной, но была более чем в порядке для женщины с ножом у горла и отрезанной головой в руках, взгляд ее был ровным.

Она вообще не ожидала, что Энни вернется, чтобы помочь ей. И даже хотя ее тронуло, что та вернулась, Хэзер отчаянно хотела, чтобы она этого не делала.

— Позволь Энни уйти, — сказала она ровным голосом. — Тебе она не нужна.

— Не нужна, правда, но С рано или поздно понадобится ее кровь. — Уэллс посмотрел мимо Хэзер в гостиную.

Она глянула через плечо. Лайонс вытащил копьё из тела сестры и бросил его, окровавленное по всей длине, на пол. Он прижал Афины-Аида к себе и качался взад и вперед.

— Нетнетнетнет, — шептал он снова и снова дрожащим и надломленным голосом.

Так же надорвано и сломлено звучал голос Данте, когда близнецы пытали его. И все сочувствие, которое могла испытывать Хэзер, высушилось жаром ее злости. Мышцы ее нижней челюсти напряглись, и она отвела взгляд. Она не была уверена, что ей нравится то, что она чувствует, но с этим она будет разбираться позже. Сейчас она не может, не станет позволять Уэллсу манипулировать Данте.

Пользуясь тем, что внимание Уэллса сфокусировалось на убивающемся горем сыне, Хэзер скользнула рукой под диван. Она провела по ковру в поисках вещи, что мелькнула под диваном, когда Данте кормился.

Шприц.

Пальцы Хэзер наткнулись на гладкую цилиндрическую форму. Схватив ее, она вытащила руку.

— Спасибо, что привел Уоллес домой, Александр, — сказал Уэллс. — Я получу удовольствие, исследуя ее, чтобы посмотреть, как изменил ее С, пока лечил.

«Держу пари, получишь, — подумала Хэзер. — И ты, и ТО».

Взглянув украдкой на шприц в ладони, она поняла, что тот полностью заполнен. Только это сказало ей, что он не предназначался для человека — слишком много, даже для смертельной дозы.

А для создания ночи?

Я не сделаю ему ничего плохого, только отправлю спать, куколка.

Безысходность сжала ее горло. Она надеялась, что это относилось ко всем наркотикам.

Поднявшись, Хэзер шагнула к Данте, держа шприц между пальцев. Уэллс не сможет командовать им, если тот будет без сознания. Не сможет заставить его что-либо сделать. Она воткнула иглу в шею Данте.

— Нет! — заорал Уэллс.

Как только палец Хэзер коснулся поршня, статическое электричество ударило по ее руке. Шприц выпал из ее рук, выдернулся из шеи Данте и пронесся через комнату.

Хэзер развернулась.

Лайонс встретил ее взгляд, глаза его были цвета светлой морской волны с примесью ненависти и горя.

— Не могу позволить тебе сделать это, — сказал он, укладывая безвольное тело сестры на ковер. — Мне все еще нужно, чтобы этот ублюдок кровосос вылечил Афины.

Затем он встал на ноги одним плавным атлетическим движением, поднял пистолет и выстрелил.

Хэзер развернулась с колотящимся сердцем и увидела растекающийся круг крови в центре рубашки Уэллса.

Пуля попала в край темных очков Вона, разбивая их. Осколки El Diablo оцарапали его лицо.

— Ублюдок!

Вон развернулся, падая по время поворота в кусты, и выстрелил из обоих стволов. Вспышки из, раунингов освещали мрачный двор и ослепляли его, когда он опустошал обе обоймы. Он нырнул за поленницу, дыша опилками, плесенью и дубом. Деревянные щепки взметнулись в воздух, когда следующая пуля попала в дрова.

Лежа на спине, глядя в ночное небо, которое было бледным из-за туч, Вон извлек обоймы, вытащил еще две из кармана куртки и вставил их на место — первая, вторая.

Он вытер свое исколотое лицо тыльной стороной ладони. Она тут же испачкалась кровью.

— Ублюдок, — повторил он.

Сморгнув остатки бликов с сетчатки глаз, Вон перевернулся и встал на колени.

Он поймал вспышку выстрела с другой стороны двора сверху холма, усеянного соснами и дубами. Секундой позже вторая пуля расщепила поленницу.

Вон ухмыльнулся. Попался, Мистер Снайпер из Внедорожника. Выстрелив пару раз чтобы занять мерзавца, он вскочил на ноги и побежал.

Уэллс выпучил глаза, ошеломленный демонстрацией сыном телекинеза. Дар от природы, не тот, что он имплантировал или создал путем манипуляций, а тот, что Александр держал в секрете. А потом пуля достигла груди Уэллса, заставив его покачнуться, как от тяжелого удара. Он посмотрел вниз на дыру в рубашке и на кровь, пропитавшую ткань. Перочинный нож выпал из его пальцев.

Энни отпрыгнула от него. Он услышал глухой звук и посмотрел вниз, чтобы увидеть голову Глории, которая покатила по полу.

— Нет!

Уэллс упал на колени и схватил голову за тонкие седые волосы. Он взял ее в руки. Выстрелы пронзили ночь снаружи, а затем наступила тишина. Его колотящееся сердце подскочило к горлу. ТО послало еще ассасинов?

— Черт! — сказала Уоллес. — Энни, поднимись на второй этаж! Оставайся там!

С дрожал, его чувствительные уши, без сомнения, болели от звука выстрела Александра. Александр опустил пистолет и пошел к двери. Повернул замок.

— С, защити меня. Убей Александра! — Боль пронзала грудь Уэллса.

— Слушай меня, Батист, — сказала Уоллес. — Ты не убийца, которого он пытался из тебя сформировать, начиная с самого рождения. Ты мужчина, каким бы хотела видеть тебя твоя мать, которая желала этого вслух и от самого сердца.

Мышцы дрогнули на подбородке С. Он зажмурил глаза, ресницы трепетали, будто он пытался держать их закрытыми. Его напряженные мышцы задрожали.

— Защити меня, С!

— Не впускай его, Данте. Ты достоин того, чтобы иметь свою собственную жизнь, сформированную так, как ты хочешь. Сформированную в сердце. Мы в ней вместе, всегда.

Пот появился на лбу С.

— T'es sûr de sa? — прошептал он натянутым голосом.

— Да, Батист, я уверена, — ответила мягко Уоллес.

Уэллс уставился на С.

— Молчи, — командовал он, еле хрипя. — Открой глаза, С и посмотри на меня. Рип ван Винкль.

— Белоснежка, — ответил С. Кровь текла из его носа, падая на диван и ковер. Губы изогнулись в темной улыбке. Напряжение ушло из его тела. — Спящая чертова Красавица.

Ужас заморозил кровь Уэллса. Он боролся с дыханием. С как-то обошел его программирование. Возможно, его замкнуло, когда близнецы пытались скормить ему прошлое. Или, возможно, это Уоллес. Возможно, и то, и другое. Или никто из них.

Должен ли был он заставить его убить Уоллес, как и Хлою?

Уэллс отпрянул к стене. Медный вкус крови заполнил его рот.

Снаружи раздалось еще больше выстрелов.

С открыл глаза.

Уэллс уловил периферийным зрением вспышки движений вокруг него — сестра Уоллес ползет к дивану, Уоллес подходит к С — но он не мог оторвать взгляда от красивого, измазанного кровью лица С, от его золотых блестящих глаз.

Золотые, такие же, как когда он был только рожден. Как и тогда, когда он разрушил Джоанну.

Голубой огонь мерцал позади С, исходил из его скованных рук.

— Так будет проще убить его, — сказал Александр. — Но после этого ты вернешь мою сестру из Подземного мира.

Уэллс наблюдал, холодный и блестящий от пота, как маленький ключик пролетел через комнату и скрылся за спиной С. Он услышал резкий звук, а потом стук, когда С стряхнул открытые наручники. С размял плечи, качая руками.

Ладони светились голубым огнем.

Он тот самый, Данте-ангел.

Знаю, принцесса.

Песнь Данте возникла в темноте его души, опьяняя и освобождая, ария первоздания. Энергия трещала на его пальцах.

Перепрыгнув через диван, Данте приземлился, присев рядом с мужчиной, лицо которого не мог удержать в голове, отцом Лживого Лайонса. Едкий запах страха сочился из каждой поры тела Человек Без Лица.

— Мой красивый мальчик, С, — сказал мужчина булькающим голосом, — время пожелать тебе хорошей ночи для...

— Нет! — пронзительно крикнула Хэзер. — Заткнись!

Белый свет запульсировал по краям зрения Данте. Боль смазала его мысли. Он заткнул мужчине рот ладонью. Его песнь бушевала дикими возрастающими аккордами, звуча быстрее и резче, когда он запечатывал рот голубым огнем. Голубое пламя пылало вокруг лица мужчины, стирая его черты, делая проще для Данте смотреть на него. Боль, пульсирующая в его голове, немного утихла.

Человек Без Лица кричал, кричал и кричал, заглушенный звук застрял в его горле.

Но внутри Данте голоса шептали.

Хочешь нуждаешься убей сожги...

Он получает то, что заслуживает, Данте-ангел?

Нет, принцесса, даже близко нет.

— Чертов маленький психопат, — сказал Данте, его песнь резонировала от его сердца в ночь, пылающая и освобожденная.

Anhrefncathl Данте, темная, пылающая и режущая, пульсировала в Люсьене, вытаскивая его из беспокойного сна. Его мышцы изогнулись, и он инстинктивно попытался распахнуть крылья и вознестись в небо. Боль пронзила его крылья, плечи, и Люсьен проснулся. Оранжево-желтые угли тлели под ним, а сверху угасала Геенна.

Как и он.

Холодный узел страха появился в груди Люсьена. Мощная песнь хаоса его ребенка вспыхнула в увядающем ночном небе Геенны, неистовство мерцала в каждой резкой и западающей в память ноте.

Wybrcathl звучала высоко в небе, кристально чистая, а внизу чирикали chalkydri, их возбужденные голоса разносились по тоннелям Шеола.

Anhrefncathl! Creawdwr! Песнь Создателя!

Итак, мы должны встретиться лицом к лицу с тем, чего боимся.

Данте больше не был спрятан. Все в Геенне теперь знали, что creawdwr существует, и Падшие не остановятся ни перед чем, чтобы найти его. Скоро они полетят в мир смертных в поисках источника песни хаоса — поврежденного и красивого мальчика, его неистового сына.

И снова отсутствие Люсьена обрекало Данте на адское существование. Снова он нарушал обещания.

Ты никогда больше не будешь один.

Я сохраню нашего сына.

Люсьен завертелся в своих цепях. Шипы вонзились глубже в плечи, и кровь потекла по его спине. От боли потемнело в глазах. Взмахи крыльев и рабское чириканье chalkydri оповестило о снижении кого-то из Падших.

Порыв адского зловонного воздуха, поднятый крыльями, обдал Люсьена, но под ним был намек на запах кедра, теплого янтаря и мирры. Когда его зрение прояснилось, он увидел Лилит, парящую перед ним, на ее опьяняющем теле было платье насыщено синего цвета.

— Твой сын заявил о себе, — сказала она, эмоции на ее лице в отблесках углей Люсьен опознать не мог. — Время вышло.

— Он не намеренно, — сказал Люсьен, — ему больно.

Если прошлое в конце концов настигло Данте, как цунами, поднявшееся из глубин, он надеялся, что Вон был рядом, надеялся, что у него был подготовленный шприц.

— Ты должна найти его прежде, чем Габриэль или Утренняя Звезда это сделают. Скажи Данте, что я послал тебя.

— А что если он мне не поверит?

— Скажи ему, что когда-то он сделал мне подарок, который я холил и лелеял, руну в виде буквы X на шнурке.

— Знак дружбы. — Выражение лица Лилит смягчилось. — Что с ней стало?

— Ее у меня отобрали, — сказал Люсьен тихо.

Лилит посмотрела вверх на тени, парящие над головой.

— Давай, Люсьен, надо спешить.

Люсьен закрыл глаза, снял ослабшие щиты и открыл скрученную неземную связь, соединяющую его и Данте — отца и сына, творца и творение, aingeal и creawdwr.

<Следуй по ней к моему сыну>.

Закрыв глаза, Лилит погрузилась в сознание Люсьена, в сознание, которое когда-то она знала очень близко. Он почувствовала ее присутствие, разумное, теплое и сильное. Он почувствовал ее следование связи, вслушивание в ее ритм. Почувствовал, как ритм резонировал в ее разуме. Вместе они изобрели временную связь друг с другом.

<Как только найдешь Данте, сообщи мне, чтобы я смог разорвать связь>.

Лилит уставилась на него, золотые искры блестели в ее фиолетовых глазах.

<Обрыв связи может убить вас обоих>.

<Это так, но это риск, на который я должен пойти. Я не позволю другим исследовать связь и использовать ее, чтобы найти моего сына>.

Внезапный шум крыльев заставил Люсьена открыть глаза. Один из chalkydri, чешуя которого блестела в свете углей, улетел. Он свистел/чирикал издевательскую wybrcathl:

— Вестник ночи связан узами с creawdwr!

Свист chalkydri завершился испуганным визгом. Устойчивый шум крыльев Падших раздавался из ближайшего туннеля. Сердце Люсьена превратилось в камень, когда белые крылья прорезали темноту во входе в туннель. Он вернул свои щиты на место.

Утренняя Звезда собственной персоной спустился в Преисподнюю, оттолкнув chalkydri когтистыми руками. Их хрупкие крылья зашипели на углях, тошнотворный запах паленой плоти взвился в воздух.

Улыбка прорезала сияющее лицо Утренней Звезды.

— Все еще сажаешь семена доверия, любовь моя?

Лилит развернулась, ее черные крылья вырисовывались во тьме под бледным небом. Люсьен сфокусировался на том, чтобы его связь была для нее достаточно яркой, чтобы по ней проследовать. Он хотел, чтобы она летела как стрела.

— Не правда ли забавно, что убийца одного creawdwr стал отцом другого, — сказал Утренняя Звезда. — Данте, интригующее имя, но неподходящее, ты так не думаешь? Однажды он сядет на Трон Хаоса, и будет далеко и в безопасности от ада, известного нам как мир смертных.

Разрезая белыми крыльями зловонный воздух, Утренняя Звезда взвился к выходу из Шеола.

— И он будет мой.

Люсьен смотрел ему вслед с холодом на душе.

А anhrefncathl Данте все еще бушевала в небе Геенны.

С колотящимся сердцем Хэзер смотрела, как Данте отнял светящиеся руки от лица Уэллса. Или, скорее, от того, что когда-то было лицом Уэллса. Теперь осталась только гладкая кожа. А за отсутствующими губами исчез и крик Уэллса. Ее живот скрутило и, тяжело сглотнув, она отвела взгляд.

Он не мог держать образ лица Уэллса так же, как не мог запомнить имя.

Похоже, он решил эту проблему.

Защитная функция саморазрушения была запрограммирована в Данте. И Уэллс чуть было не запустил ее... что ж, Данте сделал так, чтобы он больше не смог говорить.

Глубоко вдохнув, Хэзер вернула свой взгляд к Данте, тщательно избегая смотреть на Уэллса. Данте рассеянно вытер кровоточащий нос тыльной стороной руки, затем сжал руки в кулаки — в кулаки, поглощенные голубым огнем. Боль мелькала в его золотых глазах. Он встал, быстро и грациозно, и посмотрел на нее.

Его вид притягивал ее. Изнеможение оставило синие тени под его глазами. А кровь запятнала его фиолетовую футболку из ПВХ и капала на ковер.

— Хэзер, — выдохнул он, боль исчезла из его глаз. Затем он окостенел, тело его напряглось, и Хэзер испугалась, что еще один приступ повалит его на пол. Но вместо этого он поднялся в воздух, лицо было пораженным.

— Дерьмо! — Хэзер наблюдала, как Лайонс перемещал Данте через комнату. — Ты свихнулся? Он не может контролировать свои силы!

— Мне нечего терять. — Лайонс опустил Данте на пол рядом с телом Афины в белом одеянии.

Хэзер вспомнила лицо его отца и подумала: «Есть, тебе есть, что терять». Но держала эти мысли при себе. Что бы Данте не сделал Лайонсу, Лайонс это заслужил. Однозначно.

Заслужил, да, но Данте жаждал искупления, освобождения от прошлого. Он жаждал узнать, кем и чем является. Как он сможет освободиться, если она отступит в сторону и позволит ему пойти на убийство? Она тогда будет даже более виновной, чем он, потому что она действительно знала больше. А Данте — нет... Пока нет.

— Эй, — прошептала Энни.

Хэзер посмотрела вниз. Ее сестра стояла на коленях, перочинный нож, что раньше был прижат к ее горлу, теперь был у нее в руке. Она улыбалась. Быстро взглянув на Лайонса, она срезала стяжки с запястий Хэзер.

Энни начала подниматься на ноги, но Хэзер покачала головой, так как не хотела, чтобы та увидела Уэллса.

— Оставайся внизу, — прошептала она.

Энни мгновение смотрела ей в глаза, затем прикусила нижнюю губу и кивнула. Она подползла к дивану, и начала перерезать наручники спящей женщины, разноцветные волосы скрывали ее лицо.

Потирая запястья, Хэзер оглядела комнату в поисках оружия, не нашла.

— Дай мне нож, — сказала она Энни.

Она не позволит Лайонсу опорочить Данте. И не позволит Данте сделать то, о чем он будет жалеть.

Габриэль спустился в Преисподнюю, лицо его горело триумфом, золотые крылья блестели в последних лучах лунного света. Wybrcaithl звенела и переливалась в небесах над головой.

— Я знал, что ты прятал Создателя, — сказал Габриэль. — Мои разведчики уже выдвинулись в путь.

Послание Лилит стрелой пролетело в мыслях Люсьена:

<Я определила местоположение твоего сына>.

Не отрывая глаз от самодовольного лица Габриэля, Люсьен послал:

<Спрячь его, береги его>.

<Сделаю все возможное>.

Этого должно быть достаточно, подумал Люсьен.

Золотистые брови Габриэля нахмурились, он подлетел ближе.

— Самаэль? Кому ты передаешь сообщение? — он попробовал прорваться сквозь щиты

Люсьена, согнулся под ними. — Кому?

Люсьен распахнул связь между собой и Данте, распечатал их узы. Разум его ребенка горел, разрушаемый болью, в концерте огня — его щиты были пробиты или упали. Скорбь прошелестела по Люсьену.

Закрыв глаза, Люсьен послал Данте одну последнюю мысль и разрубил их связь.

Энергия телекинеза связала Данте пощипывающими канатами. Он напряг мышцы, но даже его силы, обновленные кровью Катерины, не смогли освободить его.

— Она думала, что ты сможешь оживить ее, — сказал Лайонс, голос его был полон боли, а лицо мрачным. — Она была... есть... она оракул, и ее видения всегда правдивые.

— Не об этом.

— Если ты не вернешь Афины, то тогда можешь присоединиться к ней в Подземном мире. — Алекс поднял свой СВ. Нацелил в лоб Данте. — Выбор за тобой.

— Нажимай на курок...

<Je t'aime, mon fils. Toujours^[52]>.

Внезапная мысль мелькнула в разуме Данте, пронеслась через его лихорадящее сознание словно холодная и успокаивающая рука.

<Люсьен?>

Связь между ними распалась на части, будто кто-то разрезал ее раскаленным лезвием, концы ее взвились в небо. То же самое сделала какая-то часть него. Боль взорвалась в Данте; вспышка огня сотрясла его разум, сердце, душу и закрутила его песнь в область неистового огня.

Его песнь горела — преисподняя, хаотичная и голодная.

И Данте горел вместе с ней.

У ублюдка чертовски острое зрение и чертовски точный выстрел. Вычислил меня даже в движении.

Вон упал животом на землю. Хвоя под ним хрустела и пахла так, что заставила его чихнуть.

Пуля со свистом влетела в грязь в ярде справа от Вона. *Черт побери. У ублюдка еще и острый слух.* Возможно, создание ночи, возможно, накачанный стимуляторами или просто

хорошо делает свою работу.

Снова пошел дождь, капли барабанили по листьям и стволу дерева. Мечтая о ливне, Вон перекатился на ноги и переместился. Он слышал тихие «тип» за собой, когда пули врезались в стволы деревьев. Мгновение спустя он поднялся на верх холма. Промчавшись мимо мужчины в пиджаке, он лег в грязь, поймал в поле зрения винтовку на треногом штативе, перевел взгляд за него. Поднял браунинги.

— Эй, ты, отродье. Ты задолжал мне солнечные очки.

Небеса разверзлись, и дождь полил сильнее, быстрее и тяжелее. Мужчина застыл, его смертное сердце громыхало громче, чем желаемый прежде Воном ливень.

Это осуществилось, а мое желание об выигрышном лотерейном билете нет?

— Брось винтовку.

Дрожащими руками стрелок выбросил винтовку вниз с холма. Она несколько секунд проваливалась сквозь кустарники, пока со стуком не остановилась.

Как только Вон открыл рот, чтобы спросить парня, на кого тот работает и за кем охотится, боль ударила по его щитам — дикая, первородная и глубоко-душевная — и пошатнула его.

— Братишка, — прошептал он, кидая взгляд вниз по склону. Голубой свет прорезался из окон главного дома.

Страх обвил холодом его сердце. Вон выстрелил в бедро смертного, чтобы тот не смог много и быстро двигаться. Мужчина закричал сквозь стиснутые зубы.

Вон побежал.

Все еще запертый в объятиях телекинеза Лайонса, Данте начал биться в конвульсиях в вертикальном положении, вертя головой, выгибая спину, его тело и конечности извивались неистовыми, щемящими сердце размазанными движениями.

Лайонс склонил голову, корректируя свою цель.

Проскользнув к нему, Хэзер вогнала лезвие перочинного ноже ему в бок, между ребрами. Лайонс задохнулся, но успел нажать на курок, выстрел отдался по комнате, как хруст зимнего льда. Запах пороха взвился в воздух.

Но его концентрация нарушилась. Данте упал на пол с тяжелым стуком, его сведенное тело все еще билось в конвульсиях, изгибалось.

Хэзер отбросила нож и отпрыгнула от Лайонса, когда тот развернулся, держа пистолет обеими руками.

— Энни, беги! — пронзительно закричала она.

— Может быть, он пойдет в Подземный мир за тобой, — сказал Лайонс.

Он выстрелил снова, и Хэзер кинулась на пол, перекатилась на колени и нырнула за кресло.

Приступ Данте стих. Он дрожа свернулся на ковре, дыхание его было неровным. Лучи голубого пламени вращались вокруг его ладоней, раскручиваясь все больше с каждым оборотом.

Преобразуя все, до чего дотрагивались.

Пол зарябил, вместо него появилась земля, усыпанная хвоей, густые заросли и маленькие голубые цветочки.

Пульс Хэзер, подстегиваемый адреналином, подскочил до бешеной скорости. Несмотря на выстрелы, что она слышала снаружи, она завопила:

— Энни! Уходи! Выйди через черный ход! — Она пригнувшись прошла мимо кресла и рискнула посмотреть на диван.

Голубой свет отражался в широко распахнутых глазах Энни, она заорала:

— Какого! Черта!

— Просто уходи!

Темноволосая женщина села, она больше не спала. Энни взяла ее за руку и дернула, поднимая на ноги. Женщина кинула взгляд на Хэзер, глаза ее были полны изумления и голубого света.

— Я присмотрю за ней, — сказала она с легким европейским акцентом.

Хэзер снова развернулась, и ее сердце подскочило к горлу. Перед ней стоял Лайонс, пистолет в его руке целился ей в голову. Данте поднялся на колени, в золотых глазах читалось ошеломление. Кровь текла из его носа и ушей, скатываясь вдоль линии челюсти.

— Достань мою сестру из Подземного мира, — приказал Лайонс, — или я пошлю Хэзер составить ей компанию.

Хэзер стиснула пальцами рукоять ножа и вонзила лезвие сквозь риппер Лайонса в ногу, лезвие прошло насквозь и вонзилось в пол... землю... под ногами. Неестественный крик вырвался из-за сжатых зубов Лайонса.

Вскакивая, Хэзер толкнула его со всей силы. Лайонс оступился, начал размахивать руками, чтобы удержать баланс, перешагивая толстые шипастые плети, вьющиеся по полу.

Данте схватил его обеими светящимися руками и сбил с ног. Голубой свет закрутился вокруг Лайонса, проходил сквозь него, излучался из его открытого рта и шокированных глаз цвета моря. Пистолет выпал из его рук в грязь и превратился в черепаху с черным панцирем, что поползла под кресло.

Хэзер попятилась от лучей света, окружающих Данте и Лайонса. Лайонс извивался, как канат или как лакричные конфеты, в руках Данте, его руки обвили тело, лицо менялось. Лайонс кричал, звук был окрашен болью и слепой яростью животного.

Энергия трещала в воздухе подобно молниям, поднимая волосы Хэзер на голове и руках. Давление нарастало внутри дома, упиралось в стены. Уши ее заложило, и она вздрогнула, шевеля челюстью. Смесь запахов озона, горящих листьев и кладбищенской грязи ударила в ноздри.

Дом содрогнулся. Зигзагообразные трещины поползли по стенам и потолку. Повалилась штукатурка. Окно в передней части дома разбилось вдребезги, осколки его превратились в мерцающих голубых кристаллических светлячков, улетевших сквозь порог в ночь.

Песнь Данте пульсировала сквозь Хэзер, темная, дикая и убитая горем, ее ритм вибрировал в ее сердце, проникал внутрь. Она смотрела на него, не могла оторвать взгляд, не хотела отрывать взгляд.

Данте закрыл глаза и задрожал. Боль промелькнула на его бледном лице. Два голубых языка пламени ударили из его ладоней; один прошел сквозь тело Афины, другой промчался по комнате, чтобы пронзить ее безликого отца.

Мертвое тело Афины заволновалось, как если бы в нем не было костей. Оно поползло сквозь голубые плетеные заросли, как растопленная ириска, вплелось в спиралевидную растянутую форму ее брата. Легкие, как пух, и горячие, как ириска, тела сплелись. Близнецы стали одним целым.

Охваченный в кольцо голубого пламени, Уэллс перелетел через куст с красными ягодами, что когда-то был диваном. Одна его тапочка зацепилась за ветку и осталась там висеть, словно потемневший на солнце лист. Он прижимал отрезанную голову к испачканной кровью груди, как ребенок в кровати прижимает плюшевую игрушку.

Уэллс объединился со своими детьми, обвиваясь вокруг и вплетаясь внутрь, его плоть была растягивающейся и эластичной. Отрубленная голова выскользнула из его рук и словно маска села на его пустое лицо. Только теперь это была голова молодой женщины с дрожащими блондинистыми волосами, упругой кожей и приоткрытым ртом.

Они поднялись в воздух, купаясь в холодном голубом огне, трехликий комок плоти. Руки и ноги тянулись следом пернатыми хвостами. Глаза блестели на триедином существе со сплетенным телом. Вращающиеся рты хором пели: «Триединая...»

Одна из толстых балок на потолке сломалась и пронзила крышу. Огромный кусок штукатурки упал на пол в шаге от Хэзер.

Дом продолжал трястись и содрогаться. С громким треском кусок другой потолочной балки и часть потолка обрушились на диван.

Хэзер вскочила, пол под ней сотрясался и шел волнами.

Глаза Данте открылись, узнавание мелькнуло в его взгляде.

— *Catin*, — сказал он шепотом, полным страдания. Голубые языки пламени, горящие вокруг него, исчезли, словно погашенное ветром пламя свечи.

— Триединая святая троица триединая святая троица святая святая святая... — пело триединое существо свой многоголосый гимн, быстро скользя в сторону темного коридора.

Передняя дверь распахнулась и застыла в кривом проеме. Свежий запах хвои, дождя и кордита ворвался в комнату. Вон остановился, усердно стараясь удержать свой баланс, пока дом разваливался на части, он смотрел на поющее триединое существо Данте.

— Святые угодники, — прошептал бродяга, засовывая браунинги в кобуру.

— Да уж, — согласилась Хэзер дрожащим голосом.

Она поползла к Данте. Сев на колени рядом с ним, она убрала назад волосы с его лица, легко скользя пальцами по щеке и виску; его кожа пылала, жар, исходивший от него, обжигал ее. Уши с сережками-кольцами были наполнены кровью. Это испугало ее, и сильно.

— Данте? Батист?

Он поднял голову. Глаза больше не светились золотом, радужные оболочки теперь были насыщенно коричневыми и окружали расширенные зрачки. Она обвила его рукой за талию и потянула.

— На ноги, Батист. Нам нужно уходить.

Все больше окон взрывались облаками осколков стекла. Кирпичная кладка крошилась под тяжестью. Балки превращались в щепки. Обломки валились на пол.

— Я разберусь, куколка, — сказал Вон. — Нужно убираться.

Хэзер поднялась на ноги.

— Вместе, — сказала она.

Наклонившись, бродяга схватил руку Данте и перекинул его через одетое в кожаную куртку плечо. Выпрямившись, он посмотрел на Хэзер:

— Шевели задницей, женщина.

Заметив рядом с дверью спортивную сумку Энни, Хэзер схватила ее, выбираясь сквозь деформированный дверной проем, Вон следовал по пятам.

Когда Вон проследовал за Хэзер за порог и вышел во двор, обхватив рукой бедра Данте, он услышал сквозь дождь знакомый звук — взмахи крыльев. Ниточки облегчения теплом пронеслись по нему.

Значит, в конце концов с Люсьеном все хорошо. После того, что он почувствовал от Данте, и того, что тот отсутствовал, он опасался худшего. Потому что, закрыта связь или нет, Вон знал, что Люсьен прилетит на помощь к сыну, даже если придется перелететь и океан, и время, и сам ад.

<Где, мать твою, ты был?> — послал Вон, останавливаясь и поворачиваясь.

Мысль вернулась обратно, не услышанная. Его облегчение испарилось. Смахнув с глаз капли дождя тыльной стороной ладони, он посмотрел на чернокрылую фигуру, стоящую между елей.

Не Люсьен. Она захлопала крыльями, смахивая капли дождя обратно в ливень. Ее длинные черные волосы взвились в воздух, глаза блестели, как золотые звезды. Промозглый воздух испарялся на ее коже.

— У нас мало времени, — сказала она поспешно музыкальным голосом. И вышла из-под деревьев. — Другие уже в пути. Отдай мне сына Люсьена, и я смогу его спрятать.

Слова Люсьена четко прозвучали в глубокой памяти Вона: *Охраняй его от Падших, Uygad. Охраняй его от них, как ни от кого другого.*

Когда Вон потянулся левой рукой под куртку за оружием, дом взорвался.

И гигантская раскаленная ладонь прижала его к земле.

Глава 40

Великая бездна

*Дамаск, Орегон
25 марта*

Данте жестко ударился плечом о землю, а потом катился, подпрыгивая по влажной траве, пока не врезался в дерево и не остановился. Яркие пятна вспыхнули перед глазами, и боль замерцала жаром в его голове.

Люсьен...

Je t'aime, mon fils, toujours.

Голоса напевали и шептали, и требовали, жужжали из разрушенных глубин на спинах опаленных огнем ос.

Ты так похож на нее.

Ты хочешь получить наказание за нее, p'tit?

Почему папа Прейжон надевает тебе наручники на ночь?

Твое сердце получило меня, Данте Батист.

Лицо Хэзер мелькнуло в сознании, когда яркие пятна исчезли. Данте попытался вздохнуть, но ребра болели, и он не мог набрать воздуха в легкие.

Сфокусируйся на Хэзер.

Он перевернулся на колени, прижимая руку к поврежденным ребрам. Дождь охлаждал его лицо. Он развернулся и, пошатываясь, встал. Дом представлял из себя дымящуюся грудку камней, кирпичей и дерева. Хэзер...

Музыка зазвучала в воздухе, горячая и яркая, и его песнь взлетела вверх из сердца в импульсивном ответе. Люсьен! Он потянулся к их связи, но ничего не нашел, только жгучую пустоту там, где когда-то была связь. Боль вонзилась в сознание Данте и выбила с таким трудом доставшийся воздух.

Земля устремилась к нему навстречу.

Из-за холодного дождя волосы Хэзер облепили голову, а одежда — тело. Мокрая трава колола ей нос. Она поднялась на колени, в ушах звенело, голова раскалывалась. Взрывная волна прижала ее к земле, выбив воздух из легких.

— Хэзер! Черт! — закричал голос.

Как только Хэзер поднялась с земли, Энни остановилась около нее и схватила за руку.

— Ты в порядке?

— Думаю, да, — ответила Хэзер. — А ты?

— Ага, но когда дом взорвался, я подумала, ты... я испугалась...

— Дерьмо, — выдохнула Хэзер, разворачиваясь.

Вон и Данте были прямо позади нее. Сквозь дождь она разглядела фигуру, встающую на колени в нескольких ярдах от искореженных и разрушенных остатков главного дома. Схватив сестру за мокрую руку, Хэзер ринулась через двор к Вону.

— Ты в порядке? — спросила она и осмотрелась в поисках Данте. Ёе пульс ускорился.

Она не видела его.

Вон моргнул, затем его зрение сфокусировалось. Он вскочил одним плавным светло-размытым движением. Развернулся на триста шестьдесят градусов.

— Где, черт побери, Данте? Она его забрала?

— Кто? — спросила Хэзер, холод просочился через ее влажную кожу.

— Одна из Падших, девчонка, — ответил Вон. — Она приказала мне отдать ей Данте. Сказала, что другие уже в пути. Черт побери! Люсьен просил меня охранять Данте от Падших.

Хэзер убрала влажные волосы с лица.

— Но Данте частично тоже Падший, почему его нужно...

— Данте Батист — Создатель, — голос женщины с темными волосами присоединился к разговору. Она встала около Энни. — И принц Истинной крови.

Вон остановил на ней свой тяжелый взгляд.

— А кто ты такая, черт возьми?

— Катерина Кортини, Иугад, — ее голос был пронизан уважением. — ТО послало меня убить Уэллса, — она посмотрела на Хэзер спокойным взглядом, — и тебя.

Рука Вона быстро оказалась в куртке, скрипнула кожа. Хэзер моргнула. Дуло браунинга уперлось в висок Кортини.

— Потрудишься объяснить это заявление, прежде чем я нажму на курок?

Взгляд Кортини оставался спокойным, но Хэзер поймала вспышку удивления в ее глазах от действий Вона.

— Приказ изменился, — обратилась Кортини к ней. — ТО отправило за тобой другую команду. Но даже до этого я решила защитить вас обоих — тебя и Данте Батиста.

Дуло не сдвинулось ни на йоту.

— Почему ты делаешь это? — спросила Хэзер.

— Потому что я узнала, кто и что такое Данте, и догадываюсь, что ты значишь для него.

— И почему тебя это волнует? — возразила Хэзер напряженным голосом.

— Моя мать вампир, — подбородок Кортини чуть-чуть приподнялся. — Я была воспитана в семье вампиров и всю свою жизнь слушала легенды об Истинной крови.

— Дитя сердца, — сказал Вон. — Кто твоя мать?

— Рената Алесса Кортини.

Вон присвистнул.

— Святые угодники. Одна из Cercle de Druides. — Он опустил пистолет и посмотрел на Хэзер. — Предлагаю ей на время поверить. Если она облажается, она труп.

Кортини наклонила голову в сторону Вона.

— Спасибо, Иугад.

— Сойдет, на мой взгляд, — сказала Хэзер. — Давайте найдем Данте.

Шелест крыльев. Данте ощутил мускус и дым ладана. На него лучилось тепло. Боль в сердце ослабла.

Люсьен здесь и в безопасности.

Но запах был неправильным, и он был женским.

Данте открыл глаза и посмотрел на женское лицо, покрытое каплями дождя, — золотые

глаза, волосы цвета ночи, тонкий сапфирово-синий торквес вокруг шеи. Черные кончики ее крыльев изгибались над головой, укрывая его от дождя. Она провела пальцем по его челюсти, скользнув вниз к ошейнику.

— У тебя был приступ, Данте. Но ты не можешь долго отдыхать, мы должны уходить.

— Ты знаешь мое имя. Ты друг Люсьена?

— Да, он послал меня, — ответила она. — И ты можешь звать меня Лилит.

Она бросила взгляд в небо.

— Нам нужно уходить.

— Нет, я не уйду. Почему Люсьен послал тебя, а не пришел сам?

Данте поднялся с земли. Боль пронзила его ребра. Поцарапала его разум. Ночь вращалась вокруг, и он бы упал, если бы Лилит не поддержала его рукой за плечо.

— Merci, — пробормотал он, отступая в сторону. — С Люсьеном все хорошо?

Свет в глазах Лилит стал мягче.

— Твой отец мертв, малыш.

— Ложь. Я не верю тебе, мать твою!

Он снова потянулся к связи с Люсьеном и коснулся пустоты. Боль выжигала, словно кислота, его сознание. Он покачнулся и коснулся дрожащими пальцами виска.

— Он умер, защищая тебя от своих врагов, — произнесла Лилит. — И эта жертва навредила тебе больше, чем ты можешь представить. Позволь мне помочь.

Данте не мог вдохнуть. Сердце заледенело и остановилось, кровь застыла в его венах. Он судорожно вздрогнул, руки сжались в кулаки.

— Нет, — с трудом выдавил он. — T'a menti. Он не мертв. Нет.

Je t'aime, mon fils, toujours.

Я оттолкнул его, а теперь он ушел навсегда.

Он теперь будет со мной, Данте-ангел?

Рыжие волосы, веснушки, голубые глаза, хихиканье. Хлоя. В этот раз ее имя не ускользнуло из его сознания, словно камушек, летящий по льду. На этот раз ее имя, ее лицо остались.

Хлоя.

У Данте перехватило дыхание. Горе ножом полоснуло по его сердцу. Мышцы скрутило, они дрожали. Кровь текла из носа.

— Моя принцесса, — выдохнул он.

— Нам нужно уходить, — поторопила Лилит. — Я обещала твоему отцу, что буду беречь тебя.

Голос Люсьена всплыл в памяти: *Я старался охранять тебя молчанием.*

Ты обещал мне, что я никогда не буду один снова. И ты оставил меня.

Глаза Данте жгло. Он встретился с золотым взглядом Лилит.

— Почему я должен верить тебе?

— Люсьен сказал мне, что однажды ты подарил ему подарок, которым он дорожил, кулон в виде X-руны.

Память выплеснула кислоту в сознание Данте.

— *Эй, ton atі, я увидел это в бутике. И подумал о тебе.*

Чистое серебро и вольфрамовая цепь скользят из руки Данте в ладонь Люсьена.

— *Руна дружбы, — бормочет Люсьен. Довольный свет греет его глаза. Он дразнит: — Что заставило тебя подумать обо мне?*

Данте пожимает плечами, губы растягиваются в улыбке.

— Не знаю. Это случается время от времени.

— Где его тело? — спросил Данте, низким и резким голосом. — Я хочу его увидеть.

Лилит моргнула.

— Оно превратилось в прах. Ничего не осталось.

Данте сжал челюсть. Слова Люсьена вспыхнули в его горящем сознании: я прятал тебя от других. Могущественные другие, которые используют тебя без сожаления.

Падшие найдут тебя. И свяжут тебя.

Лилит указала когтем в небо.

— Они те, из-за кого ты должен довериться мне. Они убили твоего отца, так что они могут претендовать на тебя.

Данте посмотрел на волны насыщенного синего, пурпурного и зеленого света, мерцающего по всему небу. Песнь неожиданно прошла сквозь ночной воздух, трели издавали множество глоток, каждый индивидуальный ритм и мелодичная нить сплетались в безупречное целое; неземной концерт проникал внутрь Данте.

Не свяжут меня. Никогда. Только если они знают, как привязывать чертов труп.

Песнь Данте поднялась в ответ, темная и яростная ария.

Дождь прекратился.

Шеридан затянул галстук вокруг бедра, надеясь замедлить кровотечение. Боль пока была не настолько сильной, но он знал, что это скоро изменится. Он задавался вопросом, успеет ли спуститься вниз по склону, по подъездной дороге к трассе, прежде чем вампир...

Что-то сверкнуло в небе.

Шеридан поднял взгляд.

И его крыша тихо и безвозвратно поехала.

— Там, — сказал Вон, указывая через двор в сторону лесного склона.

Хэзер пристально всмотрелась в темноту. Данте был не один; крылатая фигура стояла около него — женщина Падшая. Шелест в ночи был мощным, словно порывистый штормовой ветер или приливная волна, или сотни крыльев.

— Твою мать, — прошептал Вон, его взгляд был обращен в небо.

Хэзер посмотрела вверх и ахнула. Северное сияние призрачным светом танцевало и перемещалось через ночь. Огромные черные фигуры в виде V кружили под облаками; десятки Падших летали туда и обратно, вырисовывая восьмерки, их гладкие черные и золотые крылья, словно как у разгоряченных ястребов, блестели от дождя и дрожащего света.

Один отделился от остальных, мужчина с развевающейся гривой рыжих волос, сырой воздух превращался в пар, сталкиваясь с его обнаженной грудью. Его золотые крылья рассекали тьму с силой и точностью, когда он спланировал вниз и заскользил над верхушками деревьев, затем взвился в небо в изящном пируэте крыльев и тела; захватывающий воздушный балет повторял каждый, один за другим. И они пели; хор кристальных голосов звенел в ночи.

«Словно ритуал ухаживания», — подумала Хэзер.

Падшие кружили над Данте.

— Они зовут его, — сказала она, пульс забился с бешеной скоростью.

— Они его не получают, — прорычал Вон. — Пойдем, куколка.

— Оставайся здесь, — обратилась Хэзер к Энни.

Она уловила дуновение мороза и кожи, затем почувствовала жилистую сильную руку на талии. Вон крепко держал ее, когда они переместились.

Хэзер слышала топот позади и поняла, что Энни последовала за ними. Конечно. Она никогда не слушалась. Это ее маленькая сестренка. Она чувствовала, что Кортини тоже пошла следом.

Вон замер в десяти ярдах от Данте.

— Держись позади, куколка, — пробормотал он.

Хэзер резко вдохнула, когда шипы синего света вырвались из Данте, пронзая ночь. Воздух наэлектризовался силой. Его бледное лицо было обращено к небу, и падшие ангелы кружили над ним.

Один спустился, паря на черных крыльях, на землю, окутанную туманом. Крылья еще раз распахнулись, затем сложились позади него, красный килт, словно шелк, обвился вокруг бедер. Он поклонился Данте, затем упал на колени на влажную траву, пряди длинных волос цвета светлого шампанского развевались на ветру.

— Мы пришли помочь тебе добраться домой, юный Создатель, — произнес он с уважением. — Сопроводить тебя в Геенну, на твое законное место на Троне Хаоса.

Данте опустил голову, черные волосы были усеяны перламутровым жемчугом из дождя. Он обратил горящий золотой взгляд на светловолосого Падшего.

— Геенна?

Падший ангел уставился на него, приоткрыв рот.

— Ах! Так прекрасен, маленький *creawdwr*!

Крылатая женщина, стоявшая под деревьями позади Данте, сделала шаг вперед и зашептала ему на ухо. Данте слушал, рассеянно вытирая кровоточащий нос тыльной стороной мерцающей руки.

Хэзер ощутила глубокий укол сочувствия. Неужели они не видят, насколько ему больно? Она потянулась вперед, намереваясь подойти к нему. Стальные пальцы схватили за плечо и дернули ее назад.

— Нет, — прошипел Вон, — слишком опасно.

— Мне все равно. Пусти меня.

Бродяга покачал головой.

— Забудь, куколка. Данте никогда меня не простит, если с тобой что-то случится.

— А я никогда не прощу тебя, если что-то еще случится с ним. Черт возьми! Пусти!

Но Вон держал ее за плечо крепкой и жесткой хваткой. Она с горечью осознала, что никуда не двинется, пока он не позволит этого.

Несколько других Падших спикировали вниз и приземлились. Черные и золотые крылья затрепетали, стряхивая влагу, затем сложились. Синие, черные, фиолетовые и красные килты и тоги прикрывали их. Золотые и серебряные торквесы блестели маленькими лучиками пойманного лунного света.

Один за другим они подходили к Данте, напевая:

— Потуши огонь, юноша. Потуши огонь и утихомирь свою песнь, тогда мы сможем

помочь тебе. Направим тебя. Прекрасный маленький creawdwr, мы заберем тебя домой.

— Ты его убил? — спрашивал Данте, ярость горела на его лице, кипела в хриплом голосе. Взгляд перемещался от лица к лицу. — Ты? Или ты?

Падшие смотрели друг на друга с недоумением.

— Убили кого, маленький creawdwr? — спросил один и посмотрел на женщину Падшую позади Данте.

— Возможно, леди Лилит дезинформировала...

— Люсьена. Моего отца.

Вон втянул воздух. Тревога омрачила его лицо.

— Вот, что я почувствовал. Разрушенную связь.

— ДеНуар мертв? — прошептала Хэзер.

— Мы не знаем этого Люсьена, твоего отца, — ответил Падший с волосами цвета шампанского, поднимаясь на ноги.

— Лорд Габриель и Утренняя Звезда послали нас...

Данте ударил руками по плечам падшего ангела, оттолкнув его на пару шагов назад.

— T'a menti, — прорычал он, — ложь, ложь, проклятая ложь!

— Ой-ой, — рука Вона скользнула с плеча Хэзер к бицепсу, и он быстро переместил их назад.

Синий свет сверкал, исходя из Данте, выстреливал в северное сияние неба и в Падших, тех, кто был на земле, и тех, кто все еще оставался в воздухе. Хэзер ощутила запах озона. Электричество потрескивало в ее волосах и покрывало кожу мурашками. Она вцепилась в руку Вона.

Стрела синего света пронзила падшего ангела, которого оттолкнул Данте. Рот ангела открылся от шока, затем страх пробежался по его лицу, когда синие язычки пламени подсветили его изнутри, делая кожу полупрозрачной. Свет вышел наружу. Каменная статуя стояла на мокрой траве под вечнозелеными деревьями — наполовину распахнутые каменные крылья, искривленные от ужаса черты лица, замороженный в движении вокруг бедер килт.

— Данте, дерьмо, — выдохнула Хэзер.

Боль и потеря ярко выступали на его прекрасном лице. Ярость полностью поглотила его.

Крики и панические трели звучали под деревьями и в небе.

Голубые лучи пронзали убегающих Падших одного за другим. И превращали их в камень. Те, кто быстро улетал по воздуху, падали на землю,

те, кто был на земле, так и остались стоять, сидеть на коленях или склоняться в поклоне. Все превращались в статуи с точной детализацией и запечатленными движениями — завитки волос, взлетевшие в воздух, полу-повернутые тела, отведенные лица, поднятые руки — из ослепительно-белого с синими гранями камня.

Северное сияние исчезло. Тишина стелилась толстым слоем между деревьев, словно речной туман.

Данте резко развернулся и столкнулся лицом к лицу с женщиной Падшей. Ее золотые глаза были широко раскрыты, руки около рта.

— Ты тоже не свяжешь меня, — произнес он напряженным голосом.

— У меня нет желания связывать тебя, Данте, — сказала она, опуская руки.

— Я просто должна спрятать тебя прежде, чем придут другие. Твой отец послал меня, чтобы обезопасить тебя. Научить тебя, что значит быть creawdwr...

— Он бы рассказал мне о тебе!

— Он не мог! — закричала она. — Он боялся, что они найдут тебя через него!

Черные волосы Данте взвились в воздух, сливаясь с ночью.

— Лгунья, — прошептал он. — Люсьен предупреждал меня...

Она упала на колени на траву.

— Пожалуйста, маленький Создатель, я нужна своей дочери, — произнесла она, отчаяние застыло на ее лице. — Я не могу держать ее в безопасности, но с тобой...

— Он предупреждал меня, черт возьми.

Петля из синего пламени обернулась вокруг черноволосой женщины. Ее крылья были выгнуты вперед, и она закрыла глаза, стиснутые руки лежали на коленях. Пойманная в мерцающее синее кольцо, она превратилась из плоти в камень, длинные волосы стали белым занавесом, обрамлявшим ее склоненную голову.

Свет продолжал хлестать вокруг Данте, и его бледное убитое горем лицо горело одновременно яростью и экстазом. Его песнь лилась в Хэзер, наполненная дикими, жгучими аккордами и бьющимся ритмом; каждая прекрасная нота вибрировала в ее сердце.

Она пошатнулась и схватилась за Вона для равновесия. Он обнял ее, когда запоминающаяся и мощная песнь Данте звенела от ее сердца к его и обратно, пульсируя внутри нее, постоянно расширяясь с каждым кругом.

И триединое существо Данте запело повторяющийся припев: *Святая святая святая...*

С закрытыми глазами и напряженным лицом, Данте направил фонтан синего огня в одно место — в руины главного дома. Гейзеры грязи взлетели в небо. Земля завибрировала и задрожала. Открылась расщелина.

— Оу, черт, братишка. — Вон крепче обхватил плечо Хэзер и переместился ближе к Данте и подальше от душа из камней и грязи.

Деревья исчезли, втянувшись в дрожащую землю. Древесина трещала и лопалась, и сильный запах темной почвы и зеленых листьев кружился в воздухе, прорезаясь сквозь резкий запах озона.

Водоворот из грязи, расщепленных деревьев и остатков дома кружился и грохотал, уходя все глубже в землю.

Дрожание замедлилось, потом прекратилось. Огромное отверстие зияло на месте, где когда-то стоял главный дом. Хэзер мельком увидела пернатый хвост триединого существа, когда оно, продолжая петь, скользнуло в отверстие.

Святая святая святая...

— Подземный мир, — тихо и испуганно произнесла Энни.

С пересохшим ртом, Хэзер смотрела, как плети синего света обвилились вокруг крылатых статуй и подняли их в воздух. Одна за другой статуи разместились вокруг входа в подземелье, падшие ангелы, пойманные в полете, растянулись поверх стоящих или коленопреклоненные статуй.

Стоунхендж Падших.

Охранники входа в бездну Подземного мира.

Песнь Данте смолкла.

Голубой свет погас, и Данте пошатывался, словно пьяный или истощенный. Он упал на колени. Ночь снова внезапно стало черной, и Хэзер заморгала, избавляясь от голубых бликов, пока глаза, наконец, не привыкли к темноте.

Скоро рассвет. Ей нужно отвезти Данте в безопасное место, и поскорее. Позже она

подумает обо всем, что увидела и испытала. Подумает о том, что это все значит. Подумает о том, как сильно это напугало ее.

Хэзер отстранилась из объятий Вона и шагнула вперед, но он остановил ее, дотронувшись до руки.

— Морфин, куколка. — Он залез в карман и вытащил шприц с ампулой. — Я сделаю это. Ему больно. Очень.

— Я знаю, — сказала Хэзер, — но спасибо. Позволь мне это сделать. Мне нужно привыкнуть к этому. Он мой мужчина, в конце концов.

— Твой мужчина, да? — спросил бродяга, вручая ей пузырек и шприц. — А Данте знает об этом?

В любое время, когда ты захочешь, я твой.

Я не оставлю тебя одного.

T'es sûr de sa?

— Лучше бы знал, — прошептала Хэзер, горло сжалось, — лучше бы знал.

Скинув колпачок с иглы, она ввела ее во флакон и наполнила шприц морфием.

— Нет, Хэзер, держись подальше от него, — произнесла Энни, ее глаза были огромны, лицо потеряло все краски, бледное, как у созданий ночи.

Хэзер повернулась и погладила щеку сестры холодными пальцами.

— Все будет хорошо, — сказала она, желая этого всем сердцем.

Она пересекла двор, Вон шел рядом.

Голова Данте была опущена, руки по швам, сжатые в кулаки.

— Батист? — спросила Хэзер, остановившись в шаге от него. — Ты слышишь меня?

Он поднял голову, и его темные с красными жилками глаза остановилась на ней.

— Хэзер, — почти шепотом прохрипел он. — Oui...

Она опустила на мокрую траву, сделала глубокий вдох, затем взяла его за подбородок.

— Ты не в порядке, — сказала она твердо, — у тебя из носа идет кровь.

Откинь голову назад.

Данте двинулся. Дернулся, освобождаясь от руки Хэзер, схватил ее за плечи и притянул к себе. Ее пульс застучал в ушах.

— Не шевелись, — сказала Кортини.

— Отпусти, братишка.

Хэзер боковым зрением уловила вспышку движения, когда Вон шагнул вперед.

Данте зашипел, низким глубоким звуком, от которого волосы на шее у Хэзер встали дыбом. Затем вздрогнул.

— Убирайся от меня подальше, черт возьми, — прошептал он, отталкивая Хэзер обеими руками.

Вон поймал ее прежде, чем она упала на траву, но Хэзер отмахнулась от поддержки и вернулась к Данте.

— Я остаюсь с тобой, Батист. Это наша битва. Спина к спине и бок о бок. Помнишь?

— Ты никогда не будешь в безопасности рядом со мной. — Данте зажмурился. Свежая кровь потекла из носа.

— Кто сказал, что я хочу быть в безопасности?

Данте одеревенел, глаза его закатились, и Хэзер рванулась к нему, когда припадок сковал его мышцы. Она ввела иглу в напрягшуюся шею и нажала на поршень. Его голова откинулась назад.

Она обхватила его лихорадящее, дрожащее тело, держа его, пока морфин не снял конвульсии. Вздыхнув, Данте упал на нее. Она села на мокрую траву с ним на руках, сердце билось тяжело и быстро.

— Я падал, — произнес невнятно Данте, — но Люсьен... — слова застряли в его горле. Он посмотрел на Хэзер сквозь густые ресницы, потянулся и коснулся пальцем ее губ. — Ее звали Хлоя. Она была моей принцессой. И я убил ее.

Его глаза закрылись. Слеза скользнула сквозь ресницы и стекла к уху.

Ее звали Хлоя.

Горячий шип боли пронзил сердце Хэзер. Она уставилась на него, глаза жгло. Он вспомнил часть своего прошлого, но не благодаря кому-то, кто заботился о нем, и не в свое время, а благодаря наркотикам и пыткам, вызывающим припадки. Была ли Хлоя всем, что он помнил?

Хэзер отвела влажные волосы с его лица. Она наклонилась к нему, коснувшись губами его губ, и прошептала:

— Я люблю тебя, Данте Батист.

Но ее слова остались неслышанными; Данте погрузился в ложный Сон, потерялся в морфине.

— Рассвет приближается, куколка. Нам нужно уходить.

— У меня есть гостиничный номер в Портленде, — сказала Кортини.

Хэзер кивнула.

— Мы можем отсидеться там день.

— А когда снова наступит ночь? — спросила Энни.

Хэзер посмотрела вниз на спокойное, испачканное в крови лицо Данте.

Стараясь поверить в эту иллюзию.

— Тогда мы начнем новую жизнь и создадим будущее.

Эпилог

Бесконечная дорога

Около Портленда, Орегон

25 марта

Двигатель Trans Am сильно застучал, когда Вон переключился на шестую передачу. Они мчались по дороге, летели сквозь ночь пылающей стрелой.

Кортини сидела на переднем пассажирском сиденье, ее внимание было сконцентрировано на умирающей впереди ночи. Хэзер сидела сзади, Энни рядом с ней, Данте растянулся на них, одурманенный и без сознания. Его сырая от дождя толстовка была разорвана порезами копья и дырками от пуль. От физических повреждений он исцелится. Что беспокоило ее, так это ущерб, нанесенный его разуму. Его сердцу. Она боялась, что его ранили там, где она не сможет помочь ему исцелиться.

Ее звали Хлоя. Она была моей принцессой. И я убил ее.

Хэзер погладила его мокрые черные волосы, заправила один локон за ухо и заметила текущую кровь. Он не сомневаясь отдал себя за нее и Энни. Не спросил о цене. Рисковал своей вмняемостью, жизнью, свободой.

Я не потеряю тебя, — пообещала она ему.

Она была истощена, опустошена, иссушена адреналином. Она так устала, что тело вибрировало, как сбитая линия электропередач. Но ее разум составлял схемы, планы и отказывался замолчать.

Хэзер договорилась, чтобы служба перевозки забрала коробки из ее дома, включая коробки с данными портлендской полиции и Бюро об убийстве ее матери и убийце по кличке Молоток-Гвоздодер. Она надеялась однажды отомстить за свою мать. Ради Энни.

Ради Данте.

Особенно ради него. Так он будет свободен, его жизнь будет принадлежать ему самому.

Его будущее сформировано внутри его сердца, а не Плохим Семенем или Теневым Отделением, или Падшими. Ее будущее уже сформировано, и она мчалась к нему с широко раскрытыми глазами.

Красная неоновая надпись мигала с левой стороны: «СВОБОДНЫЕ КОМНАТЫ», неоновый бобер с веткой в зубастой пасти подмигнул. Вон направил Trans Am к мотелю.

Облегчение клубилось внутри Хэзер, и на мгновение ее разум замолчал. Сон для всех. И когда сумерки забрежат на горизонте, они снова рванут по шоссе.

Она посмотрела на Данте, прошла по прекрасным чертам его лица. Почувствовала запах осенних листьев и крови. Слова Вона мерцали, как золотые, в ее разуме:

Он — бесконечная Дорога.

Она последует дороге в сторону дома в Новом Орлеане. Она, Энни и Исчадие.

— Я здесь, с тобой, Батист, — прошептала Хэзер.

Вперед, по неизведанным дорогам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Прим. пер. свободная от оружия школа (gun-free school) — школы в США, на территории которых запрещено проносить какое-либо огнестрельное оружие.

Final Cut Pro X — программа для профессиональной обработки видео для операционной системы OS X от Apple.

Lysol — название чистящего средства.

Чапсы — кожаные чехлы, предохраняющие колени и ноги ковбоя, надеваемые поверх штанов; элемент рабочей одежды ковбоев.

Гри-гри — талисман вуду для защиты владельца от зла или на счастье.

Торквес — культовое ожерелье из бронзы, золота, драгоценных металлов, которое носили вокруг шеи, талии, поперек груди, как браслеты.

Бурбон-стрит — район Нового Орлеана с большим количеством баров и стрип клубов.

Локи — бог хитрости и обмана в германо-скандинавской мифологии. В самом начале Локи был только воплощением домашнего очага и считался духом жизни. Будучи только богом, в дальнейшем он начинает сочетать в себе черты бога и демона, так что, в конце концов, его начинают ненавидеть и воспринимать точно так же, как в Средние века Люцифера, владыку лжи, источник обмана и клеветы.

Creawdwr (пер. с валлийского) — Создатель.

Wybrcathl (пер. с валлийского) — Небесная Песнь.

Яхве — основное древнееврейское произносимое имя Бога. В еврейской Библии Бог называется несколькими именами.

Судумаith (пер. с валлийского) — спутник.

Лилит — жена Самаэля, царица и мать демонов. Считается, что Лилит надоумила Еву вкусить запретный плод. Возле Дерева познания Добра и Зла появилась Лилит в обличии змеи, но голос, искушавший Еву, исходил от Самаэля.

Самаэль — ангел смерти для грешников, сатана. Ответственен за грехопадение Евы и убийство Каином Авеля. Один из главных демонов в иерархии ада. Был мужем Лилит.

Утренняя звезда — Люцифер (лат. Lucifer «светоносный») — изначально — предводитель ангелов, умен, талантлив, красив. Он хотел занять Божий трон, чтобы люди и ангелы поклонялись ему. Люцифер был изгнан из рядов Божьих, а красота его превратилась в безобразие. И так из солнечного ангела он стал демоном, а ангелы, поддавшиеся под его влияние, — чертями и бесами.

Габриэль, он же Гавриил — один из старших ангелов (архангел). Вестник, его назначение — раскрывать смысл пророческих видений и ход событий, особенно в отношении прихода мессии. Ангел смерти для праведников — приходит как посланник «верховного суда».

Асторет — царица небес, которой поклонялись женщины Иудеи. Астарта одна из важнейших богинь, она свирепая воинственная спутница Ваала, но в то же время богиня плодородия и плодovitости. Также она является астральным божеством, тесно связанным с утренней и вечерней звездами.

Calon-cyfaill (пер. с валлийского) — друг сердца.

Шеол — царство мёртвых, загробный, нижний или низший мир, противопоставляемый небу. Наиболее страшные грешники нисходят в Шеол живыми. Кроме умерших грешников в Шеоле обитают злые духи, а также ангелы-мучители.

РСА — руководящий специальный агент.

Человек Мальборо — образ, используемый в рекламной кампании для сигарет Marlboro.

Budweiser — марка пива.

Tums — лекарство для желудка.

Биполярное расстройство — известное также как маниакально — депрессивный психоз, представляет собой психическое заболевание, которое характеризуется нетипичной сменой настроений, перепадами энергии и способности функционировать.

Weapons of Mass Destruction — оружие массового поражения.

Fred Meyer — сеть супермаркетов.

Консорциум — временное объединение каких-либо организаций для достижения общей цели или реализации определенного проекта; предполагает совместное осуществление деятельности и обеспечение необходимыми ресурсами, иногда включает создание совместной собственности.

МО — министерство обороны.

Тазер — специальное оружие, используемое полицией. Внешне напоминает электрический фонарик. С расстояния в 5 м в тело преследуемого выпускаются две небольшие стрелки с зарядом в 15 тыс. вольт, которые временно парализуют преступника, не вызывая отдаленных последствий.

Courvoisier — коньяк.

Проповедовать (или петь) хору (англ. идиома) — убеждать тех, кто уже убежден; объяснять очевидное.

Хоумран — удар в бейсболе, при котором мяч перелетает через всё игровое поле; даёт бьющему право совершить перебежку по всем базам и принести своей команде очко.

Синдром Мартина-Белла — проявления могут быть от легких — отставания в обучении, задержки психомоторного развития — до более серьезных когнитивных или умственных расстройств, приводящих к умственной отсталости.

Splenda — торговая марка сахара и низкокалорийного подсластителя.

Comme çí, comme ça (пер. с фр.) — так себе.

Chalkydri — демоны, жившие ранее на четвертом небе. Имеют голову крокодила, тело змеи и дюжину пар маленьких крыльев.

I'll be back... — «Я вернусь» — ставшая крылатой фраза киборга Терминатора из одноимённого фильма, произнесенная Арнольдом Шварценеггером.

Байю — bayou — в переводе — дельта реки. В Америке Байю — неофициальное название штата Луизианы, который расположен в дельте Миссисипи. Bayou boy — выходец из Луизианы.

Искусственный ястреб — Faux Hawk — название прически.

«Ramones» — американская панк-рок-группа, одни из самых первых исполнителей панк-рока, оказавших влияние как в целом на этот жанр, так и на многие другие течения альтернативного рока.

Devil-lock или devilock — прическа, созданная в 70-х басистом группы «Misfits» Джерри Онли. Длинная челка собирается вперед одной острой прядью и висит перед лицом.

Дагвудовский сэндвич — большой многослойный сэндвич, в состав которого входят необычные и чаще всего совершенно несовместимые продукты; любимое блюдо героя комиксов 30-х-50-х гг. XX в. «Блонди» — Дагвуда Бамстеда.

ЦКЗ — Центр контроля заболеваний.

Нефилимы — библейские персонажи (падшие) — ибо привели к падению мира, и выпали из мира, и наполнили мир выкидышами от своего блуда. В русском переводе библии — исполины.

Геката — древнегреческая богиня лунного света, преисподней и всего таинственного.

Эрис, Эрида (др. — греч. Ἔρις — борьба, ссора, спор, раздор, соперничество, состязание) — в древнегреческой мифологии богиня раздора и хаоса.

Walgreens — компания, владеющая крупной сетью аптек.

Drakkar Noir — аромат для мужчин.

FedEx Corporation — американская компания, предоставляющая почтовые, курьерские и другие услуги логистики по всему миру.

J'ai faim (пер. с фр.) — я голоден.

Rip Van Winkle — новелла (1819) и легендарный персонаж американского писателя Вашингтона Ирвинга. Рип ван Винкль — житель деревушки близ Нью-Йорка, проспавший 20 лет в Каатскильских горах и спустившийся оттуда, когда все его знакомые умерли. Этот персонаж стал символом человека, полностью отставшего от времени и даром пропустившего свою жизнь.

Je t'aime, mon fils. Toujours (пер. с фр.) — я люблю тебя, сын мой. Всегда.